Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

На правах рукописи

Велилаева Лилия Раимовна

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ШОТЛАНДСКОЙ ЭМИГРАЦИОННОЙ ПОЭЗИИ США XIX ВЕКА

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература стран Западной Европы и Северной Америки, а также ЮАР, Австралии и Новой Зеландии)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Новикова М.А.

Симферополь – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ШОТЛАНДСКАЯ ЭМИГРАЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА В США: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОПРОСА	11
I.1. Теоретико-литературный аспект	11
I.2. Историко-биографический аспект	19
I.3. Историко-литературный аспект	38
Выводы к Главе	63
ГЛАВА II. ОБРАЗ «СТАРОЙ» РОДИНЫ (ШОТЛАНДИИ)	65
II.1. Образ Родины: шотландское пространство	66
II.2. Образ Родины: шотландское время	82
II.3. Образа Родины: шотландские персонажи	100
Выводы к Главе	127
ГЛАВА III. ОБРАЗ «НОВОЙ» РОДИНЫ (США)	129
III.1. Образ США: американское пространство	129
III.2. Образ США: американское время	139
III.3. Образ США: американские персонажи	157
Выводы к Главе	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	189
ПРИЛОЖЕНИЯ	228

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена изучению патриотических мотивов в шотландской эмиграционной поэзии США XIX века. Указанные мотивы исследуются через комплексный анализ этой поэзии в её историко-биографическом, историко-литературном, тематическом, жанровом и поэтикальном аспектах.

Подобный подход считаем необходимым по нескольким причинам. Шотландская литература (а тем более шотландская поэзия) продолжает оставаться одним из наименее освещенных участков общеевропейской литературы. Тем более это справедливо относительно шотландской литературы в эмиграции (Scotland beyond Scotland Studies). Современные шотландские антологии и литературная критика содержат отдельные пассажи, посвященные тем или иным писателям, сформировавшимся в эмиграции в США. Однако в целом наследие поэтов-эмигрантов XIX века не анализируется (I. Brown, L.J. Brown, G. Caruthers, O. Clancy, R. Crawford, etc.). Есть и немногочисленные монографии о шотландской эмиграционной литературе XIX века. Однако посвящены они не поэзии, а прозе (S. Manning, etc.). Новейшие американисты также не выделяют и не изучают шотландскую эмиграционную поэзию США XIX века как самостоятельное литературное явление (D. Cure, S. Fender, A. Knipling, B.K. Payant, B. Perkins, etc). В отечественном литературоведении это направление не разрабатывалось.

Период XIX века (1820-е-1900-е годы) явился для поэзии шотландских эмигрантов ключевым во всех отношениях, от идеологического и тематического до собственно поэтикального. В этот период шотландская поэзия Америки завершает этап своего формирования и начинает играть немаловажную роль в духовных и литературных процессах диаспоры. Это не случайно, ибо именно патриотические мотивы являются наиболее актуальными для любой

национальной литературы, находящейся в процессе вхождения в литературу мировую.

Воспоминания собственного шотландского детства и/или юности, многовековая история шотландского народа были для поэтов-эмигрантов не «чужой» памятью и не «чужой» историей. Из неё они черпали не только отдельные историко-биографические детали (пейзажные, интерьерные, портретные, сюжетные), но и саму атмосферу, саму идеологию «старой доброй» Шотландии. Поэтому становление шотландской эмиграционной поэзии невозможно анализировать ни в отрыве от истории шотландской литературы метрополийной, ни без дифференциации этих трендов внутри их общей эволюции.

Патриотические мотивы не только вербализуют идеологические установки, этические нормы и жанровые искания диаспорных литератур Нового и новейшего времени. Эти мотивы обеспечивают взаимодействие разнонациональных и разновременных моделей патриотического внутри многообразных литературных контекстов и традиций. Всё это свидетельствует о *новизне* и *актуальности* материала и проблематики представленной диссертации.

Избранный в ней ракурс исследования потребовал системно проанализировать структурное и концептуальное ядро понятия «патриотические мотивы» в художественных текстах шотландской эмиграции XIX века. Для решения этой задачи, в свою очередь, потребовалось разработать комплексную методику такого анализа.

Цель исследования состоит в научной реконструкции ключевых понятий поэтического дискурса «американских шотландцев» XIX века. Это понятия «Родины», «эмиграции» и «патриотизма». В диссертации они изучаются через их мотивное (образно-символическое, хронотопное, сюжетно-персонажное) воплощение.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

– уточнить содержание понятий «Родина», «эмиграция» и «патриотизм» в современной шотландистике и эмиграционистике;

– выявить основные формы реализации патриотических мотивов в шотландской поэзии США XIX века;

– определить ядерные (инвариантные) признаки патриотического в указанной поэзии, обеспечившие её авторам читательское признание среди соотечественников и на «старой» Родине, в Шотландии, и в США;

– дополнить анализ этого инвариантного ядра анализом периферийных (вариативных) признаков, сделавшими возможным многообразние идиостилей американо-шотландских поэтов, их оригинальность и в метрополийном, и в эмиграционном контекстах;

– очертить на основе проведённого анализа «образ Шотландии» и «образ США» как основные содержательные комплексы патриотического дискурса у всех поэтов-шотландцев США;

– предложить методику полиаспектного анализа патриотических мотивов для шотландской поэзии указанного ареала и периода, а также при надлежащей адаптации для эмиграционного дискурса в других ареалах и в другие эпохи.

Объектом исследования является поэзия шотландской эмиграции в США XIX века.

Предмет исследования – художественная реализация патриотических мотивов в названной поэзии

Материалом исследования послужили свыше 100 поэтических текстов шотландских поэтов-эмигрантов США XIX века. Все они, кроме специально оговоренных случаев, переведены М.А. Новиковой.

Авторский состав изучаемых в нашей работе поэтов выделен по критерию резонансности: 1) их включению в справочники и антологии Шотландии и США; 2) наличию критических откликов на их творчество; 3) параллельной публикации отдельных изданий их стихов в Шотландии и в США.

Научная новизна работы. В теоретическом плане филологическая трактовка понятия «патриотические мотивы» впервые апробирована на материале шотландской поэзии США XIX века. В методическом плане патриотические мотивы этой поэзии систематизированы и классифицированы с точки зрения их

форм и функций. Дифференцированы образы «первой» Родины-Шотландии и «второй» Родины-США. В практическом плане для отечественной науки впервые становится доступным значительный корпус текстов поэтов-эмигрантов, создававшихся на шотландском языке (скотсе), а также на британском и американском английском. Он отражает важнейшие жизненные реалии и духовные ориентиры шотландской диаспоры в США позапрошлого века. Также впервые репрезентированы русские переводы этой поэзии. Даны биографии 28 её ведущих авторов.

Теоретическое значение. Диссертация вносит определённый вклад в историю шотландской литературы, а также в литературоведческую концептологию, мотивологию, патриологию и эмиграционистику. Выделены наиболее характерные патриотические мотивы в творчестве не-политической (трудовой) эмиграции. Эти результаты можно, на наш взгляд, достаточно широко адаптировать для интерпретации типологически схожих произведений других эпох и национальных литератур. Исследованные формы текстуализации патриотических мотивов в нестандартных (эмиграционных) условиях могут также быть полезными для общей мотивологии.

Практическое значение. Основные результаты представленной диссертационной работы могут привлекаться для составления новых учебников и учебных пособий по истории литературы зарубежных стран, особенно по шотландистике (направление Scotland Beyond Scotland Studies). Они могут быть полезными для разработки лекционных курсов, базовых и специальных, высшей школы РФ (разделы «Литература XIX века», «Литература эмиграции»), спецкурсов по литературной мотивологии, эмиграционистике, патриологии и жанрологии. Иллюстративный и методический материал диссертации может найти применение при написании курсовых, дипломных и магистерских работ, а отчасти пригодиться и для гуманитарных колледжей, гимназий и лицеев. Комментарии к отдельным текстам, биографии писателей и русские переводы анализируемых произведений могут быть включены в новейшие хрестоматии, антологии и/или монографические издания.

Методы исследования. В диссертации использован комплекс исследовательских методов. Это обусловлено новизной и объёмом аналитического материала, а также сложностью поставленных задач. Для систематизации научных трактовок понятий «патриотизм», «мотивы» и «эмиграция» применялись тезаурусный и дефинитивный методы. Концептуальный и контекстуальный методы позволили выделить составляющие этих ключевых понятий, но теперь уже в специальном (поэтическом) дискурсе. Метод реального комментирования и историко-биографический метод дали возможность сопоставить шотландские реалии в жизни и в поэзии наших авторов «дома» и «за океаном». Историко-типологический ракурс помог сравнить авторские позиции относительно национальной классики и современной им литературы. Жанрологический и мотивный анализ позволил сфокусировать исследование на полифункциональности и кросскультурности патриотической темы у поэтов-шотландцев США в избранном нами историко-литературном интервале.

Методологической основой диссертации послужили труды отечественных и зарубежных учёных: историков и теоретиков шотландской и американской литературы XIX века (М.П. Алексеев, Б.А. Гиленсон и др., I. Brown, G. Carruthers, O. Clancy, D. Craig, R. Crawford, J.M. Dixon, M. Lindsay, S. Manning, B. Perkins, J.D. Ross, etc.), а также мотивологов, эмиграционистов и патриологов (А.Л. Бем, Е.К. Беспалова, Л.М. Борисова, А.Н. Веселовский, Б.М. Гаспаров, В.Я. Пропп, И.В. Силантьев, А.П. Скафтымов, В.Б. Томашевский, О.М. Фрейденберг, Б.В. Шкловский, Б.И. Ярхо и др., I. Adams, P.W. Coldham, Ch.J. Erickson, S. Fender, etc.) и шотландистов (М.А. Новикова, Э.Р. Тулуп, А.И. Черемисина и др., B. Kay, D. McClure, H. MacDiarmid, T. Scott, J. Wormald, etc.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Поэты-шотландцы США живут и творят в условиях осознанного двоемирия. Своей Родиной (Mitherland) они признают Шотландию (США, как правило, – «Отечеством»). Однако «родной дом» (Homeland) для них, в большинстве случаев, находится и на старом, и на новом месте. Т.о. патриотизм

«американских шотландцев» как бы удваивается и во времени, и в пространстве, и в персоналиях.

2. Основными формами реализации патриотических мотивов в картине мира у поэтов-шотландцев США являются шотландское пространство, шотландское время и шотландские персонажи, с одной стороны, американское пространство, американское время и американские персонажи, с другой стороны.

3. К ядерным признакам поэзии эмигрантов, обеспечившим ей читательское признание и диаспоры, и метрополии, можно отнести использование шотландского языка (скотса), обращение к шотландской фольклорной и литературной традиции и национальной истории. Вариативные признаки определяются выбором конкретных мест действия, исторических событий и персонажей.

4. Образ прежней Родины воплощается через приметы «старой доброй» Шотландии (реалии локальные, темпоральные и характерологические), а также через символизацию и мифологизацию этих реалий. Образ новой Родины, США, создается на основе тех же традиций метрополийной шотландской поэзии. Однако действуют эти традиции в новой системе американских реалий, символов и неомифов. Поэтому образ Хоумленда, «родной земли» в американском варианте больше политизирован и публичен, в шотландском варианте более лиричен и личностен. Коллективный «мы»-персонаж в первом случае – это сограждане, население Штатов; во втором случае – это борцы за свою национальную идентичность и её певцы, шотландский народ.

5. Поскольку патриотическое сознание (в жизни) и патриотические мотивы (в литературе) выявляются всегда в действии, их изучение невозможно без методов полиаспектного анализа. Этот комплекс включает хронотопные и персонажные показатели и предполагает учёт социально-исторических, культурных и этногенеалогических контекстов.

Личный вклад соискателя. Диссертационная работа и 14 статей написаны автором самостоятельно.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (2009-2016). Основные положения и результаты работы были представлены на международных и национальных научных конференциях: XXX, XXXIX, XLII Международных научных чтениях «Культура народов Причерноморья от древности до наших дней» (Симферополь, 2010, 2015, 2017); IV, VII, VIII Международных научных конгрессах исследователей зарубежной литературы и культуры «Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций» (Алушта, 2011; Симферополь, 2016, 2017); Международной научной конференции «Современная филология: проблемы и перспективы» (Симферополь, 2013); Международной научной коференции памяти В.И. Фесенко (Киев, 2014); XIII Международной научной конференции «Межкультурные коммуникации: лингвистические реалии» (Алушта, 2014); XIII Международном симпозиуме «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (Симферополь, 2015); XXII Крымских международных научных чтениях И.Л. Сельвинского «Тема Родины в русской литературе XX-XXI вв.» (Симферополь, 2016); Международном научном конгрессе «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (Симферополь, 2016); II Международной научной конференции «Традиционный и современный фольклор: взгляд из XXI века» (Симферополь, 2017); Всероссийской научной конференции с международным участием «Художественная литература и философия как особые формы познания» (Санкт-Петербург, 2014); XXI, XXII, XXIII научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь, 2015-2017).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 14 статей. Из них 11 работ опубликовано в специализированных научных изданиях, 3 работы – в научных сборниках и материалах научных конференций.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, выводов, списка литературы (432 позиции, в т.ч. 230 позиций на иностранных языках), а также приложений. Общий объём диссертации составляет 446 страниц, объём основного текста 188 страниц.

ГЛАВА I. ШОТЛАНДСКАЯ ЭМИГРАЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА В США: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В Главе I даётся аналитический обзор ключевых понятий нашей работы: «Родина», «эмиграция», «патриотизм», «патриотические мотивы» (§I.1.), а также фактических и литературно-критических данных о писательских биографиях (§I.2.) и литературных традициях (§I.3.) шотландской эмиграционной поэзии США в XIX веке.

§I.1. Теоретико-литературный аспект

Вопрос о патриотических мотивах в поэзии шотландской эмиграции США с 1820-х по 1900-е годы невозможно рассматривать, не определивши предварительно: 1) какова специфика этого патриотизма; и 2) какова специфика этой эмиграции. Шотландскую эмиграцию XIX века мы определили как трудовую и статусную, в отличие от религиозно-политической эмиграции предшествующего XVIII века.

Понятия (культурные концепты) «Родина» и «патриотизм». Как установлено учеными (фольклористами, литературоведами, культурологами, историками), названные понятия (и до-понятийные культурные концепты) не просто древние. Они присущи всем, даже наиболее ранним историческим эпохам и национальным культурам. Восходят эти концепты к символике «своего» пространства, противопоставляемого чужому иномирию. Такова одна из архаичнейших оппозиций, какие структурировали человеческую культуру при самом её возникновении [129].

Для уточнения ключевых понятий была проведена систематизация теоретического материала, относящегося к теме нашего исследования. По степени каноничности этот материал можно разделить на такие группы источников: 1) академические словари [283, 286-289, 293-295. 301-306, 310, 311, 314-323 и др.]; 2)

академические истории литературы [4, 76, 77, 209, 232, 236, 242, 246, 275 и др.]; 3) учебники и учебные пособия [3, 23, 43, 52, 69, 76, 107, 112, 154 и др.]; 4) монографии [10, 39, 50, 51, 70, 100, 117, 144 и др.]; 5) авторефераты и диссертационные исследования [1, 2, 5, 13, 16, 24, 25, 44, 47-49, 97, 99, 133, 187 и др.]; 6) сборники статей, материалы конференций [6, 21, 22, 41, 59, 151, 153, 179 и др.]. Результаты проведенного анализа мы сгруппировали в таблицы (См. Приложение I.1.1.), которые нуждаются в следующих комментариях.

Понятия «патриотизм», «Родина» и «эмиграция» рассматривались в философском, социально-историческом, социокультурном и лингвистическом контекстах. В рамках данных контекстов были определены следующие подходы: аксиологический, этно/социо-философский, религиозно-философский, социально-идеологический, антиглобалистский, мифологический, генетивный сопоставительный, тезаурусный, семантический, компаративный, социо/ этно/ историко-культурный. Каждый из этих подходов опирается на свои ядерные характеристики понятий. В большинстве случаев адаптация к материалу диссертационного исследования возможна. Понятие «мотива» же рассматривается полиаспектно в литературоведческом контексте.

Отдельного комментария требует понятие «патриотические мотивы». Лишь в немногих литературоведческих работах именно эти мотивы стали центральным понятием.

Так, исследование М.Т. Бежитадзе [13] освещает патриотические мотивы моноавторски: в творчестве Важа Пшавела. Автор отмечает большое различие в содержании, вкладываемом в понятие патриотизма разными социально-политическими эпохами [13, с. 24]. Для В. Пшавелы, например, мотив патриотизма связан с мотивами: кровной мести, единства/разрыва с общиной [13, с. 34, 113]. У О. Харкевич патриотический мотив приравнивается к патриотической теме или к отдельным образам, анализируется на материале стихов Н. Рубцова, В. Соколова, А. Жигулина, С. Викулова и связывается с темой военной. Образ Родины воплощается у этих поэтов через топос (родительский дом) и через персонажей (Родина-мать, Родина-подруга) [182, с. 75, 79, 91, 102]. К

сожалению, в обеих работах не сформулировано принятое в них определение понятия «патриотические мотивы».

В нашей работе под *патриотическими мотивами* мы понимаем 1) повторяющиеся текстовые элементы, 2) содержание которых связано для автора и его читателей 3) с родными краями, 4) родной историей и 5) родным народом.

Концепты «патриотизм», «Родина», «эмиграция»: этимология и семантика. В разноязычных (но европейских) словарях и энциклопедиях, толковых и/или этимологических, концепты «патриотизм» и «эмиграция» соответствуют, хотя бы формально. Концепт «Родина» не имеет таких абсолютных эквивалентов.

Рассмотрим сначала этимологию перечисленных концептов.

Британский концепт «patriotism» является дериватом от «patriot». Последний произошел от позднелатинского слова «pater» (отец) [322, p. 991]. «Патриотизм» в русском языке этимологически совпадает.

Британский концепт «motherland» («Родина») – композит, он состоит из двух основ: «mother» и «land», слившихся в 1711 г. «Mother» образовалось от индоевропейской формы *mater. От той же праформы произошли: древнеанглийское modor и английское mother, древнесаксонское modar, датское moder, нидерландское moeder, немецкое Mutter и др. «Land» восходит к индоевропейской основе *lendtho. Она означает «земля, участок земли». Вместе с тем, первоначальное значение германской основы (по этимологическим словарям и готскому производному) было более узким. Это «определенный участок земной поверхности, находящийся в собственности у индивида или являющийся родиной нации» [323, p. 1007].

«Родина» по корню имеет общеславянское происхождение, по способу образования и коннотативным значениям – происхождение собственно русское. В словарях фиксируется с I половины XVIII века, в значениях 1) «то, что принадлежит всему роду» и 2) «то, что связано с местом рождения человека» [304, с. 358].

Концепт «emigration» появился в позднем, уже «мёртвом» латинском языке Западной Европы в 1640-е годы. Имеет латинский корень «emigre» (сначала «искать», затем «уезжать, переезжать»). В английском языке появление данного концепта датируют концом XVIII века [323, p. 541]. В этот язык он перешел из французского. Во французском языке данное слово начало активно употребляться как новый концепт, называющий новое явление: массовый выезд из страны аристократов после Французской революции 1789-1799 гг. Часть эмигрантов переехали в Россию и привезли и это слово, и это понятие вместе с собой [306, с. 480].

Для определения современной семантики перечисленных понятий мы обратились к толковым словарям [288, 289, 301-303]. Их анализ дал следующие результаты. В семантике концепта «патриотизм» наиболее частотными являются значения: «любовь» (100%), «отечество» (75 %), «преданность, верность» (62.5 %). В семантике концепта «Родина» высокочастотными являются значения «рождение» (100%), «страна /место рождения / возникновения / происхождения» (79%), «отечество» (67%), «человек/гражданин» (56%). В семантике концепта «эмиграция» наиболее частотными являются компоненты «Отечество» (100%), «вынужденное/добровольное переселение» (90%), «другая страна/государство» (80%), пребывание на протяжении какого-то периода за пределами отечества/страны/государства (50%).

Толковые словари английского языка [310, 313, 314, 315, 316, 320, 322], дали следующую информацию о понятии «patriotism». Наиболее частотными его компонентами являются: love (100%), country (100%), devotion (75%). Интересно, что содержательный компонент «страна» (country) абсолютно вытесняет альтернативный компонент «land». Компонент «верность», «преданность» (devotion) существенно ниже по своей частотности, чем компонент «любовь» (love). Это позволяет заключить, что в англоязычной традиции (Британия, США) патриотизм является скорее чувством, чем позицией, но при этом чувством, испытываемым к «большой» Родине/ стране чаще, чем к краю или к любому локальному месту рождения/проживания. Возможно, потому лексема

«patriotism» (и/или её производные) в американском обиходе откровенно политизирована, идеологизирована, а поэты (как XIX-го, так и последующих столетий) её избегают. Для семантики концепта «motherland» наиболее частотны такие составляющие: a place of origin (80%), a country of origin (80%), the land of one's ancestors (60%). Иначе говоря, концепт ассоциирован больше с современниками (хотя с их происхождением), чем с предками. Что касается понятия «emigration», по частотности оно ассоциируется прежде всего с the act of leaving (77%), country (55%), place (of leaving or arrival) (55%). Т.е. компонент «вынужденного переселения» отсутствует, как и целевой компонент (зачем уезжают?).

Подытожим сделанные наблюдения.

Этимология концептов «патриотизм» и «эмиграция» в двух языках, английском и русском, в значительной мере совпадает. У этих концептов общие источники (греческий, латынь, французский) и схожие причины и сроки возникновении. Наоборот, этимология русского концепта «Родина» и английского концепта «motherland» в немалой степени отличается. Концепт «Родина» связан с целым родом; концепт «motherland» – с одним конкретным лицом, матерью. Для российского культурного сознания быть патриотом нельзя, не родившись в определенном пространстве, которое ощущается как «своё» большое «родовое гнездо». Для англоязычного культурного менталитета быть патриотом невозможно, не испытывая сыновних чувств к своей стране, но страна эта воспринимается почти как синоним государства.

Перечисленные концепты в языках и обиходе их носителей имеют как интегральные, так и дифференциальные компоненты. К интегральным компонентам концепта «патриотизм» относим любовь (к Родине), к дифференциальным компонентам – преданность ей. Многие исследователи выделяют также в русскоязычной традиции акцент на готовности к жертвам ради Родины, в англоязычной традиции готовность энергично защищать свою землю от внешних посягательств. Это утверждение, по нашему мнению, не подтверждается исторически. Британия была вынуждена защищаться от

внешних врагов не чаще, а реже, чем Россия. Для США такого рода войны закончились в XIX веке. Жертвенность в российском обиходе также была вынужденно намного более высокой.

У концептов «эмиграция»/«emigration» к интегральным компонентам относятся перемещение в новую страну и обустройство в ней. Дифференциальным компонентом в русскоязычной традиции является приоритет мотива исхода из прежней Родины, в англоязычной традиции – мотива изменения условий жизни на Родине новой.

Наибольшую дискуссионность обнаружил объем понятий «Родина» и «любовь» к ней, особенно – оценочные, эмоциональные и ассоциативные компоненты этих понятий (в филологии) или этих концептов (в социальном обиходе и в литературных текстах). Иными словами, максимум отличий между жанрами, эпохами, авторами, национальными традициями, формировавшими патриотические настроения и формы их текстуализации, пролегает не в общем принципе: «каждый шотландец должен/не может не быть патриотом Шотландии», а в ответах на вопросы: «какую Шотландию те или иные авторы/персонажи/группы читателей готовы признать своей Родиной?» и – «какие чувства/поступки/отношения могут считаться свидетельством любви к этой Родине?».

Устойчивее и ярче всего ответы на эти вопросы фиксируются в патриотических мифах, как древних, так и новых. Под ними мы подразумеваем отражение патриотического содержания в коллективном этносознании. Такое отражение может быть как сознательным (в авторской идеологии), так и бессознательным (в читательском восприятии указанной идеологии).

Была предпринята попытка типологизации этих патрио-мифов [124, с. 264-271]. Каждый такой тип, как выяснилось, дискуссионен по-своему. «Белый миф» (религиозный патриотизм) может вызвать обвинения его носителей в кощунстве или неоязычестве, поскольку патриотизм приобретает в нем черты особой религии. «Золотой миф» (политический патриотизм), где Родина отождествляется с государством или иной системой социальной власти, может терять

адекватность, если Родина проецируется на не политические, например, а на природные или семейные отношения. Критицизм (или негативизм) относительно концепта Родины подразумевается в «черных» и «серых» мифах. Наоборот, избыток некритичности возможен в «зелёных мифах», где Родина выступает как райский сад.

Мифологизированные формы патриотизма подвергаются наиболее сильным трансформациям, если видоизменяются реальные координаты Родины. Одной из самых радикальных трансформаций этих координат как раз и является эмиграция.

Однако, как будет показано в дальнейшем, эмиграция может существенно влиять на содержательное наполнение и структурацию концепта «Родина» (а, следовательно, и концепта «патриотизм»). Изменяются координаты Родины во времени и пространстве, а также люди, населяющие это время и это пространства. Изменяются границы ядерного (инвариантного) «своего», «своего» вариативного (ситуативного) и «своего» окказионального (и поэтому для картины «своего» мира маргинального).

Шотландия для «американского шотландца» XIX века – не только хронос и топос гораздо более далекий и заселенный персонажами значительно более дистанциированными, чем Родина для «шотландского шотландца» той же поры. Зачастую происходит обратное. Шотландия «Auld Lang Syne», «Far Away» (т.е. Страна «Давным-Давно» и «Далеко-Далеко») оказывается во многих отношениях более дорогой, близкой, поминутно вспоминаемой и заново переживаемой в эмиграции, чем в Шотландии рядом с поэтами метрополии.

Из этого вытекают не только лейтмотивные идеи и представления, символы и реалии Родины в текстах эмигрантов, но и пробелы, лакуны, даже табу, действующие в эмиграционном дискурсе. Исторических реалий в нем намного меньше, чем в поэзии метрополийной. Но сомневаться, к примеру, в позитивных коннотациях битвы при Бэннокбёрне (когда шотландцы впервые выиграли у англичан сражение за свою независимость) ни один поэт-эмигрант ни в одном произведении за 100 лет (диапазон наших наблюдений) себе не позволил. В самой Шотландии, наоборот, не найдется столетия, когда бы эта битва не

переосмыслялась, притом неоднозначно (см. стихи Т. Лермонта (между 1220-1297), Дж. Барбура (?1320-1395) и др.) [324, с. 21-22, 76-77].

В метрополийной шотландской поэзии, от Ренессанса до XX века, создавался и варьировал пейзажный лирический цикл, который можно назвать «Шотландия негостеприимная» (или «суровая», или «нищая»). Пейзажные циклы, посвященные природе США, подобных настроений не знают. Это понятно: эмигранты не осмеливаются критиковать своё новое место пребывания, иначе их эмиграция теряет смысл и пафос. Примеры такого типа можно умножить.

Подведем предварительные итоги. Обзор научной литературы показал, что наиболее дискуссионным из ключевых понятий нашей работы является понятие «патриотизм» и связанное с ним понятие «Родина». Нет общеустановленного и научно обоснованного мнения об объеме, конкретном наполнении и степени объективности этих понятий. С учетом нашего текстового материала в диссертации приняты следующие рабочие определения.

Патриотизм – любовь к Родине (месту рождения/проживания).

Родина – место рождения/проживания, которое автор считает «своим» пространством.

Эмиграция – добровольный/вынужденный отъезд, не оценивающийся как негативное явление (предательство/побег).

Мотивом может стать 1) любой элемент текста, 2) как содержательный, 3) так и формальный, 4) чьё место в структуре рефренно, 5) а семантика не задана статично и заранее, складываясь по мере развёртывания данного текста [50].

Для шотландских поэтов-эмигрантов США XIX века наиболее актуальными оказались вопросы: 1) можно ли считать «второй Родиной» страну проживания эмигранта? 2) чем отличается «домашний» патриотизм от патриотизма эмигранта? 3) в каких поэтических формах (образах, символах, хронотопных маркерах, системе персонажей, жанрах) выразили себя наиболее адекватно обе разновидности патриотических мотивов? Поиск ответов на эти вопросы и предопределил проблематику Глав II и III нашей диссертации.

§I.2. Историко-биографический аспект

В данном параграфе предстоит определить, насколько и чем биографии исследуемых поэтов отвечают понятиям «патриот/патриотизм» и «эмигрант/эмиграция», обсуждавшимся в параграфе § I.1.

Предварительно напомним основные дискуссионные моменты, которые были выявлены в этих ключевых понятиях нашей работы.

1) Понятие патриотизма. Каков объем и коннотации этого понятия? Есть ли, в частности, разница между универсальным содержанием (в науке) такого понятия как «национальный (для нас – шотландский) патриотизм» вообще – и его вариантов? Вариантов локальных: метрополийного патриотизма (шотландцев, живущих в Шотландии) или патриотизма диаспорного (шотландцев, живущих в США)? Вариантов темпоральных: патриотизма шотландцев XVIII века – или шотландцев века XIX-го? Вариантов индивидуально-авторских: отличается ли поэтическое переживание уже не научного понятия, а социокультурного концепта «патриотизм» у разных шотландских авторов-эмигрантов США изучаемого периода?

2) Понятие эмиграции. Вопросы, открытые и актуальные для нашей работы, по существу те же. Обобщенно их можно свести к главному вопросу: что интегрально, а что вариативно в научной трактовке и в художественном отображении шотландской эмиграции в Соединенных Штатах за изучаемое столетие? Специализация нашей работы заставляет нас сфокусироваться прежде всего на литературно-критическом и поэтическом подходе к сформулированному выше вопросу.

Шотландская литературная критика XIX века лишь эпизодически отмечала творчество отдельных шотландских поэтов-эмигрантов. В основном эти отклики находим в шотландских периодических изданиях «Whistle Binkie», «Literary Journal», «Edinburg Scotsman», «Celtic Magazine», «Edinburg Review», «Aberdeen Journal». В них отражено творчество 9 поэтов: Х. Эйнсли (Hew Ainslie, 1792-

1878), В. Вильсона (William Wilson, 1801-1860), Дж. Лайона (John Lyon, 1803-1889), Т.К. Латто (Thomas C. Latto, 1818-1894), Э.Ванлиса (Andrew Wanless, 1828-1898), Д.М. Крерара (Duncan MacGregor Crerar, 1836/37-1916), В.М. Вуда (William Macdonald Wood, 1847-?)*, Дж. Кеннеди (James Kennedy, 1848-1922), Д. Рамсея (Donald Ramsay, 1848-1892) [Цит. по: 264]. В многотомной антологии «Modern Scottish Poets with biographical and critical notices» уместились только краткие биоданные поэтов (В. Вильсон, Дж.К. Моффат (James Clement Moffat, 1811-1890), Т.К. Латто, Р. Виттет (Robert Whittet, 1829-1908), А. МакЛаклан (Alexander Machlachlan, 1820-1896), В. Лайл (William Lyle, 1822-?)*, П. МакФерсон (Patrick MacPherson, 1829-1890), Д.М. Крерар, В.М. Вуд, Дж. Кеннеди, Э. МакЛин (Andrew McLean, 1848-?)*, Д. Рамсей, Д.М. Хендерсон (Daniel McIntyre Henderson, 1851-1906), Г. МакФерсон (Hector MacPherson, 1864-1935), Дж. Лоу (James Duff Law, 1865-?)*) и общая оценка их творчества, с приложением нескольких текстов [247, p. 259-265; 248, p, 29-31; 249, p. 314-321, 330-339; 250, p. 28-35, 111-127, 128-139, 213-222; 251, p. 189-191; 252, p. 223-231; 253, p. 381-387; 254, p. 60-63, 233-238].

Американская литературная критика XIX века реагировала на творчество шотландских писателей-эмигрантов несколько больше. Однако объясняется это тем, что среди шотландских писателей-эмигрантов были авторы, совмещавшие поэзию с литературной критикой (П. Росс (Peter Ross, 1847-1902), Дж.Д. Лоу и др.) и издательским делом (В.Г. Вильсон, Э. Ванлис и др.). Они занялись популяризацией шотландской поэзии и в эмиграции, и дома, в Шотландии. В отдельных источниках [241, 261, 263, 264, 280] находим даже расширенные биоданные и критические заметки. Так, о влиянии шотландской эмиграционной поэзии на американскую литературу упоминают работы Дж.Ф. Блэка [211] и Д. МакДугла [267].

Вместе с тем, в антологический фонд шотландской литературы

---

[1] Отсутствие точного года смерти (отмечено*) у некоторых писателей связано с малым количеством исследовательских работ в XX в.

произведения поэтов-эмигрантов не вошли, поскольку такие антологии ставили своей целью популяризировать шотландскую литературу в целом, знакомя с нею англоязычного (главным образом британского) читателя.

Эмиграция шотландских поэтов представлена критиками США в западноевропейском понимании: как новое место жительства, новое семейное устройство, новая работа – и лишь в последнюю очередь новое творчество. Та же эмиграция, но в шотландской прессе описывается иначе, скорее в восточноевропейских формулах: как всегда драматичный отрыв от родного мира. При этом неизменно подчёркиваются практические успехи «американских шотландцев», уважение, какое они заслужили на новой земле [211, p. 81-84; 267, p. 83-88; 261, 264].

Ни одна печатная биография наших поэтов не содержит намёка на то, что поэт прожил в США хотя бы часть жизни аутсайдером и/или маргиналом. Подобная оценка не соответствовала бы не только реальности, но и американскому (как и шотландскому) неомифологическому образу «нашего человека заграницей».

Акцентируются жизненные трудности «американских шотландцев»: физические (тяжелая работа), коммуникативные (редкое общение с земляками), территориальные (огромные расстояния между ними и «старой» Родиной или между самими эмигрантами в США). Однако упоминаются они всегда для того, чтобы подчеркнуть: богатырская работа выполняется; общение идёт вдвойне сердечно; расстояния не способны разорвать патриотических связей.

Вместе с героями-шотландцами на новую Родину «переезжает» в стихах небесный покровитель Шотландии, Апостол Андрей (Дж. Кеннеди, Saint Andrew and the Haggis, в переводе «Святой Андрей и Хаггис»; Д.М. Хендерсон, Sanct Andro, pity me!, в переводе «Будь милостив ко мне, Святой Андрей!»). В Штатах шотландцев опекает их земной покровитель и соотечественник, финансист Карнеги (Д.М. Хендерсон, Epistle to Andrew Carnegie, в переводе «Послание Эндрю Карнеги»). Победоносная шотландская битва при Бэннокбёрне (1314) как бы перетекает лирически в новейшие походы, сражения и победы Гражданской

войны США против рабства (Д.К. МакКаллум (Donald Craig McCallum, 1815-1878), Soldier’s Song of Freedom, в переводе «Солдатская песня Свободы»).

Патриотизм «американских шотландцев», т.о., как бы удваивается и во времени, и в пространстве, и в персоналиях. Их эмиграция в XIX веке (по контрасту с веком XVIII-м) действительно не являлась политической. Но так было лишь по чисто внешним параметрам. Шотландцев XIX века не приговаривали к высылке в США по суду за роялистские (про-Стюартовские) или религиозные (протестантские) убеждения. Им больше не грозила (в случае приезда домой) тюрьма или даже виселица. Их жилища и поля не уничтожались – хотя в этом пункте между XVIII и XIX веками больше сходства, чем отличия («огораживания» и «зачистки» крестьянских земель продолжались [28, с. 140-141]).

Вместе с тем, расставание с Шотландией: не только с территорией, но с её особым духовным и материальным укладом, – и в XIX веке не было актом исключительно личным и частным. Экономические причины, по которым (якобы свободно) уезжали шотландцы XIX века, были по-своему таким же насилием, как и военно-судебные преследования шотландцев в веке XVIII-м.

Для анализа истинных мотивов, обусловивших эту эмиграцию, применим методы тезаурусного анкетирования. Попробуем с помощью биосправочников определить: кто в XIX веке принимал решение уехать из Шотландии в США, родители или сами будущие поэты? Были ли их служебные и творческие возможности на прежней Родине значительно хуже, чем на Родине новой? Легко ли осуществлялась их «американская мечта»?

Генерационный аспект. «Двойной патриотизм», шотландский и американский, усиливался у анализируемых нами поэтов от поколения к поколению. Поэтому одна из предлагаемых нами классификаций этой поэзии, хронологическая, построена на генерационном принципе. Минимальным генерационно показательным сроком («поколением») считается период примерно в 20 лет [54]. Этот интервал позволяет фиксировать ощутимый сдвиг в менталитете социальных популяций и групп.

В таком плане наши поэты представляют несколько поколений. Наиболее многочисленными оказались эмиграционные потоки 1850-60-х годов (См. Приложение I.2.4). Это может объясняться усилением мировой промышленной и аграрной конкуренции, оттоком жителей из деревень в малые города, затем в мегаполисы, а затем и полной эмиграцией – сначала ближней, в Англию и Ирландию, потом и дальней (o'er the sea) [122, с. 296]. Во время (и особенно после) Гражданской войны США остро нуждались в притоке свежей силы. Война сократила численность населения; армия нуждалась в пополнении военными, аграрная сфера (в первую очередь, «Дикий Запад» и бассейны великих рек) – в освоении целины, в энтузиастах-фермерах и фазендейросах; индустриальный Север – в заводских рабочих и шахтерах на рудниках. Не хватало женщин, практиковался их ввоз по контрактам. До войны процветала работорговля; расовая эксплуатация не совсем исчезла и после войны. На этом фоне иммигранты-христиане (на Юге католики, на Севере протестанты), притом владеющие английским языком, притом европейцы выглядели предпочтительно. Ирландцы и шотландцы при этом вдобавок были менее требовательны к условиям жизни и работы. Т.о. «старая» Родина переставала нуждаться в демографических ресурсах. Зато в них появлялась нужда на Родине «новой» [257].

Отсюда в поэзии шотландцев США возник художественный парадокс. Один из самых настойчивых лейтмотивов этой поэзии – мотив патриотизма «несмотря ни на что». Стихи «американских шотландцев» переполнены клятвами и заверениями в верности Шотландии, куда бы их самих ни забросила судьба (П. МакФерсон «Шотландия»: «Scotland forever! hurrah! hurrah! / Be false to her never! hurrah! hurrah!» [400, p. 33-35], в переводе: «Шотландия вечна! Ура! Ура! / Служи ей сердечно! Ура! Ура!»). Однако мы не встретим столь же многочисленных и энергичных заверений авторов в том, что не только они нуждаются в Родине, но и она нуждается в них, причем не только Родина-Шотландия, а и Родина-США. Второе было в реальности, но в шотландской лирике отражения не получило.

Генеалогический аспект. Среди поэтов-шотландцев, эмигрировавших в США в XIX веке, аристократов не было. Если они были горожанами, то в большинстве своём горожанами-провинциалами, жителями городков-местечек, притом даже такими горожанами лишь в первых поколениях. Многие происходили из отдалённых и/или патриархальных регионов Шотландии: из Хайленда, из графств Файф и Эйр, из земли Грампиан и т.п. (См. тж. Приложение I.2.2.) Но свою этническую и профессиональную генеалогию эти люди помнили и передавали самым доступным для них способом: через имена, особенно через имена родовые (в британской традиции – т.н. вторые имена и/или фамилии).

По условиям Шотландии, родовое имя человека было зачастую также именем клана, к которому данная семья принадлежала. Немало этих кланов были в своей стране могущественными и/или знаменитыми. Таковы «клановые» имена и фамилии будущих поэтов-эмигрантов: Кеннеди (Kennedy, ср. поэта Джеймса Кеннеди), МакФерсоны (McPherson, вариант McFerson, ср. поэтов Патрика и Гектора МакФерсонов), МакДональды (McDonald, ср. поэта Вильяма МакДональда Вуда), МакЛин(н)ы (McLean, ср. поэта Эндрю МакЛина) и др.

Некоторые носители этих клановых имён и помимо эмиграции становились персонажами или авторами своей национальной поэзии. Так, среди метрополийных поэтов Шотландии находим Айена Крихтона (Крайтона) Смита (Crichton Smith) – ср. поэта-эмигранта Джеймса Д. Крайтона (Крихтона) (James D. Crichton, 1847-?). Среди поэтических персонажей встречаются МакФерсон у Роберта Бёрнса (1759-1796), МакЛин(н) у Джеймса Хогга (1770-1832). Те же родовые имена носят и некоторые шотландские поэты-эмигранты Штатов. Всё это свидетельствует об исторической древности и этнической исконности многих шотландских семейств/кланов/родов, из которых вышли поэты-эмигранты США. (См. Приложение I.2.3.)

Анализ, т.о., показывает, что родовая память шотландских поэтов изучаемого периода могла простираться вглубь на тысячу лет или даже на полторы тысячи лет. А это означает, что названные поэты (точнее, их род) могли помнить тысячелетнюю фольклорную поэзию. По степени сохранности это

должны были быть тексты, прежде всего, магические, затем героические, наконец, бытовые. Они слагались и на кельтском языке гэлике, и на германском языке скотсе, и на языке нормандском (синтезе скандинавского норса и староверхнефранкского) [240]. В родовой памяти они могли удерживать систему символов и образов, почерпнутых из обрядов, прорицаний, проклятий, славословий, заговоров и др. Именно так переходил в литературу фольклор всех староевропейских народов [202]. Наконец, родовая память этих поэтов могла передавать из поколения в поколение устные «истории» и/или «повести» (tales). Столетиями они служили неписанной хроникой рода и народа – и, таким образом, закладывали основы национальной историографии.

Следовательно, из каких бы глухих, окраинных мест ни прибывали наши поэты в США в XIX веке, потенциально за ними стоял громадный мифопоэтический, жанровый и стилевой ресурс. Ресурс этот мог принадлежать нескольким национальным традициям: ирландской, гэло-шотландской, валийской, англосаксонской, скандинавской, нормандской. За ними, далее, стояла полуфольклорная литературная традиция (типа текстов Р. Бёрнса, его предшественников и последователей). Она сформировалась в Шотландии XVI-XVIII веков и передавалась в семьях «по памяти», даже среди шотландцев, далеких от «учёной» образованности. А затем в XIX веке, шотландская диаспора (конечно, в меру её связей со «старой» Родиной) продолжала следить и за творчеством метрополийных поэтов – своих современников. (См. стихи-посвящения, стихи-послания «от поэтов поэтам»: Дж. Кеннеди, Lament on the departure of a British poet (в переводе «Жалоба по поводу отъезда из Америки Роберта Букенана, поэта-британца»); Д.М. Хендерсон, An epistle to David Kennedy (в переводе «Посвящено Дэвиду Кеннеди, шотландскому певцу») и др.).

Эмиграционный аспект. Проведём теперь анализ статистических данных, распределив поэтов-трудовых эмигрантов Шотландии по десятилетиям XIX века. (См. тж. Приложение I.2.4.)

1800-1810-е годы – данных нет.

1820-е годы – 2 поэта (Хью Эйнсли (1822));

1830-е годы – 4 поэта (Дональд Крейг МакКаллум (1832), Вильям Вильсон (1833), Джеймс К. Моффат (1833), Джон Мэсси (John Massie, 1833-?)(1837));

1840-е годы – 2 поэта (Алекзандер МакЛаклан (1840), Алекзандер Вингфилд (Alexander Wingfield, 1828-1896) (1847));

1850-е годы – 7 поэтов (Томас К. Латто (1851), Хантер МакКаллох (Hunter MacCulloch, 1847-1905) (1851), Эндрю Ванлис (1851), Вильям Эндерсон (William Anderson, 1836-?) (1853) Джон Паттерсон (John Patterson, 1831-?) (1853), Дункан МакГрегор Крерар (1857), Джон Лайон (после 1853 г.)*);

1860-е годы – 5 поэтов (Малькольм Тейлор (Malcolm Taylor, 1850-?) (1860), Эндрю МакЛин (1863-1864), Вильям МакДональд Вуд (1868), Дональд Рамсей (1868), Роберт Виттет (1869), Джеймс Кеннеди (1869), Вильям Лайл (после 1862)*);

1870-е годы – 3 поэта (Патрик МакФерсон (1870), Питер Росс (1873), Дэниэль МакИнтайр Хендерсон (1873));

1880-е годы – 3 поэта (Джеймс Д. Крайтон (James Crichton, 1847-?) (1880), Джеймс Дафф Лоу (1886), Гектор МакФерсон (после 1885)*).

1890-е годы – данных нет.

Статистическая картина эмиграции трудового населения Шотландии реконструирована нами на базе данных, собранных учёными-шотландистами. В основном данные касаются тех местностей, где жили поблизости наши авторы. Выбранные нами позиции охватывают места с населением не меньше нескольких сотен человек (учитывается численность, начиная с 1840-х годов).

Общая убыль в интересующих нас регионах за 90 лет (до 1930-х годов) составила около 36.680 человек (≈ 38% всего населения). При этом численность населения всей Шотландии к началу XX века была равна приблизительно ≈ 4.470.000 человек. В 1931 году за пределами Шотландии родилось уже ≈ 346.000 шотландцев (или ≈ 7, 14% от всего шотландского населения) [122, 227, 235].

---

[2] У авторов, чьи фамилии отмечены*, год эмиграции в опубликованных биографиях не указан. Нами он восстановлен по косвенным данным (датировка поэтических текстов, сборников и др.).

Цифры эти не равны автоматически численности трудовой эмиграции из Шотландии в США. Сюда входят данные о сокращении рождаемости, о военных потерях (а шотландцы составляли целые подразделения британской армии, особенно её конницы), об эмиграции не в США, а в другие страны. Однако значительная доля этих процентов падает всё же на трудовую эмиграцию шотландцев именно в Соединённые Штаты.

Социальный аспект. Многое в литературной репрезентации патриотических мотивов предопределил социальный (в т.ч. профессиональный) статус 1) родителей наших авторов; 2) их самих до эмиграции, т.е. в Шотландии; 3) их самих после эмиграции, т.е. в США (Приложение I.2.5.). К сожалению, биографии писателей-эмигрантов XIX века составлялись сплошь и рядом критиками-любителями, нередко личными знакомыми авторов [241, 261, 263, 264, 280] . Потому их работы носили оттенок отзывов своих о своих и для своих. Многие биографические данные (особенно данные социально-семейные) в подобных источниках лишь подразумеваются, но эксплицитно не сообщаются.

Статусный аспект. Как показали обобщённые нами документы, статус и место шотландцев в жизни США XVIII-начала XX веков были достаточно высокими. Шотландцы дали США 5 президентов, 6 вице-президентов, свыше 30 сенаторов, свыше 80 губернаторов различных штатов. На международной арене шотландцы служили послами или поверенными в делах США в 17 странах, в т.ч. в России (John Wallace Riddle, 1906-1909). Среди военных шотландцами были 32 генерала, 7 адмиралов, военные инженеры высокого ранга. В боевых действиях участвовали члены крупнейших кланов (Стюарты, Монтгомери, Гамильтоны, Дугласы и др.), в т.ч. роды, давшие известных поэтов (Гордоны – род поэта Дж. Гордона Байрона, МакФерсоны – род трёх шотлнадских поэтов и др.). В числе видных религиозных деятелей США также было немало шотландцев: трое «ректоров», т.е. благочинных глав приходов, 9 епископов, 1 архиепископ и т.д. Наконец, американоязычными литераторами шотландского происхождения стали 3 прозаика-травелогиста, 4 романиста, 2 эссеиста, 2 драматурга, 13 поэтов, в т.ч. 3

поэтессы. Кельтские корни были у видных американских писателей И. Стоуна, Ф. Купера, Э.А. По [211, p. 32-41, 45-66, 81-83].

Однако шотландцы, занявшие в США достаточно высокое место (президенты, вице-президенты, сенаторы, губернаторы, адмиралы и т.п.), не писали ни стихов, ни даже художественной прозы. Шотландцы же, ставшие писателями (а тем паче поэтами), не вошли в социальную элиту американского общества. Это справедливо относительно Х. Эйнсли, который занимался литературной деятельностью, трудясь параллельно на фирме, Д.К. МакКаллума, который работал инженером-проектировщиком, П. МакФерсона – он занимался продажей швейных машин и музыкальных инструментов, Дж. Кеннеди – он продавал детали для ремонта локомотивов. Д.М. Хендерсон был счетоводом в страховой кампании. Дж.Д. Лоу служил клерком в сфере обрабатывающей промышленности.

Т.о., поэтов-носителей шотландского языка и шотландской культуры среди американской элиты не было. Никто не заставлял шотландских эмигрантов забывать и свои языковые, и свои культурные корни. Но факт остаётся фактом: слишком явный и активный шотландский патриотизм не облегчал, по-видимому, «пути наверх» ни в американском социуме, ни в американской литературе.

Профессиональная переориентация. Ещё одной причиной «внутреннего переформатирования» биографий изучаемых поэтов была смена профессиональной ориентации. Очень часто она происходила по окончании профессионального обучения. Именно тогда молодой человек осваивал работы, не совпадающие (а порой резко контрастирующие) с уже полученной профессией. Так, Х. МакКаллох учился на машиниста, однако работать начал как продавец галантерейных товаров. М. Тейлор по образованию стал коммунальным работником, но трудиться начал как мелкий бизнесмен. Примеры такой переориентации (зачастую ещё в метрополии) не единичны.

Перемены также могли быть связаны с переоценкой жизненных ценностей. Чисто ремесленные или чисто служебные профессии уступали место профессиям творческим (или, по крайней мере, более близким к литературе,

книгоиздательству, журналистике). Так, Э. Ванлис получил специальность переплётчика. Однако ещё в Шотландии он сменил эту специальность на деятельность книгоиздателя. Схожий путь прошли Х. Эйнсли, Дж. Кеннеди, Д.М. Хендерсон.

Случались и перемены противоположного рода. Отсутствие спроса на ту или иную более «статусную» профессию, денежные нехватки в семье могли вынуждать наших авторов менять работу на менее творческую или менее престижную, иногда – переходить из категории служащих («белых воротничков») в ремесленники, а иной раз вообще отказываться от интеллектуального труда. Все перечисленные причины убедительно мотивируют отъезд молодых (а порой и не очень молодых) шотландцев в США. Их мотив – стремление не просто приобрести более выгодную профессию и/или должность, но занять более достойное (и более прочное) место на социокультурной лестнице.

Поэтому и отношение к литературным занятиям (а оно, могло также мотивировать переезд в США) было у шотландской молодёжи многообразным (См. Приложение I.2.6). Литература (особенно поэзия) и в XVIII-XIX веках продолжала считаться среди шотландцев делом национально значимым, голосом всей нации. Недаром Шотландия описывается в стихотворении Д.М. Хендерсона «Посылка из дома» (Flow’rs frae hame) как страна, «где герои гибли за народ», и одновременно «где поэты песни наши пели»[3] («Whaur the martyrs dee’d, whaur the poets sang» [348, p. 14-15]). Подвиги религиозные и политические уравнены по своему значению для национальной истории с поэтическим творчеством.

Таким образом, самореализация в Штатах («американская мечта») заранее мыслилась будущими писателями-шотландцами не просто как задача экономическая или престижная. Эмиграция стала, как ни парадоксально, ещё и способом сохранения «старой доброй» Шотландии былых времён (Auld Lang

[3] Все переводы стихотворений, кроме специально оговоренных, выполнены Новиковой М.А. и публикуются впервые (см. **Приложение III**.). Пользуемся случаем, чтобы выразить особую благодарность за разрешение воспользоваться этими переводами их автору, проф. М.А. Новиковой.

Syne), уничтожаемой депопуляцией и капитализацией «дома», на прежней Родине. Эмиграция активизировала и новые способы поэтической реконструкции этой же Родины для новой американской аудитории. В конечной перспективе эмиграция если не осмыслялась рационально, то ощущалась интуитивно как особая миссия «американских шотландцев». Они покидали Родину, чтобы увековечить её образ: её природу, историю, культуру – для других народов и стран.

Естественна поэтому наша гипотеза о том, что, переезжая в Штаты, поэты-шотландцы будут завоёвывать эту новую аудиторию, а потому культивировать двойной патриотизм: относительно и «старой», и «новой» Родины. Это не сможет не отразиться на их социальной активности: усилит их контакты с землячествами, с шотландскими («Каледонскими») клубами в США, с благотворительными религиозными организациями шотландского происхождения, с объединениями шотландцев по внеслужебным (спортивным, ораторским, театральным и др.) интересам. Всё это получит более или менее детальное отражение в их стихах (см. ниже, Главу II и III, стихи Дж. Кеннеди, To the Shade of Burns, в переводе «К тени Бёрнса»; Д. Рамсея, To Duncan MacGregor Crerar, poet, в переводе «Дункану МакГрегору Крireру, поэту»; Дж.Д. Лоу, At the laying of the Corner-Stone, New Caledonian Club Hall, of Philadelphia, U.S.A., в переводе «При закладке краеугольного камня нового Клуба Каледонцев (Шотландцев) в городе Филадельфии, США»).

Следовательно, эмиграционные и патриотические мотивы в диаспорной литературе могут не противоречить друг другу. Эмиграция может переживаться и восприниматься (в определенных исторических, политических и этнических условиях) как особая, быть может, одна из наиболее драматичных и сложных форм патриотизма.

Резюмируя историко-биографические данные «американских шотландцев» XIX века, есть все основания заключить: их «американская мечта» сбылась прежде всего в области культуры. Они не стали классиками Америки. Но они смогли сделаться её успешными инокультурными наблюдателями. Не поднялись

они и до уровня «неоклассиков» Шотландии. Однако стать её культурными посланниками, популяризаторами её картины мира в Штатах они смогли тоже.

«Новый патриотизм» сделался важной особенностью тех произведений поэтов-шотландцев, которые посвящены Соединенным Штатам. Анализ показал, что с теоретико-литературной точки зрения точнее было бы именовать эту особенность социальным *утопизмом.* Подобный утопизм (и соответствующий ему в литературе и в фольклоре жанр социально-утопических легенд) не находится вне истории или вне этнографии [185]. Легенды оперируют подлинными историческими и этнографическими фактами, но по-своему. Чаще всего они *гиперболизируют* эти факты и *космизируют* их. В Главе III будет показано, как с помощью этих приёмов как раз и создается в поэзии шотландских эмигрантов образ США. Пока приведём лишь некоторые примеры указанных трансформаций.

Реальная история США включает в себя т.н. освоение «Дикого Запада». Безусловно, Запад североамериканского континента никогда не был «диким». В этом определении сказались и западноевропейское просветительское мышление, и унаследованный от Старого Света европоцентризм. На самом деле индейская цивилизация Северной Америки, весьма разнообразная, скажем, по своим агросистемам, к приходу белых колонизаторов была достаточно развитой. Это она снадбила Европу новыми агрокультурами (кукуруза, помидоры, картофель, табак, какао и т.д.) и зоокультурами. При этом индейская цивилизация находилась в гармонических отношениях с природой, чего никак нельзя сказать о вторгнувшейся в эти отношения цивилизации завоевателей [256, p. 4-7].

Зато в поэзии шотландских эмигрантов «освоение» американского Запада выглядит иначе. У Джеймса К. Моффата этот процесс превращается в грандиозный поединок Человека и Джунглей. Человек – это тот, кто в этом поединке с Природой «<…> compel her rude life to surrender the world, / The marsh and the jungle to yield / To him who can out of her deserts unfold / The wealth of the fruit-bearing field <…>» [408, p. 51]. В переводе: «<…> Это он, человек, из

дремучих рек, / Из джунглей или болот, / Из бесплодья – её / Творит бытиё, / Пожиная богатый плод <…>».

Аналогичные образцы утопизма дают стихи об американской истории, – к примеру, о Гражданской войне в США. Реально документирован, предположим, один (и далеко не главный) эпизод этой войны, а именно переправа одного (и не самого многочисленного) отряда шотландских волонтёров через реку Кусу. Отряд спешил на помощь аболиционистам-северянам. Но в балладе «The Refugees» («Переправа») Джеймса Кеннеди переправа рисуется как национальный эпос, как подвиг, имеющий глобальное этическое значение: «<…> So in Freedom's cause forever, / Wheresoe'er her battles be, / Thus shall Scotland's sons be ready / 'Mong the valiant and the free <…>» [368, p. 75]. В переводе: «<…> Что ж, за Волю в бою / Жизнь поставить свою / Мы, шотландцы, готовы и впредь, / Чтобы снова и вновь / Отдавать свою кровь, / Побеждать, а не то умереть <…>».

Отмеченные трансформации: гиперболизация и космизация – при описании новой Родины – особенно ярко прослеживаются в песнях-гимнах. Тексты к ним шотландские авторы сочиняли на различных конкурсах, всеамериканских или отдельных штатов. (См. Приложение III, тексты Д.К. МакКаллума, В. Эндерсона, Х. МакКаллоха, В.М. Вуда, Д.М. Хендерсона, Дж.Д. Лоу).

В целом это типично конкурсная продукция, полная громкого, «одического» патриотизма. При всем том, она не лишена искренних авторских чувств. По нашему мнению, расценивать этот патриотизм как имперский было бы неверно. Он именно патриархально-утопический. По существу, это гимны не столько конкретному государству, сколько некой «блаженной стране»: счастливому, причём совершенно фольклорному, сказочному варианту «идеальной Шотландии».

Но и сама Шотландия выступает в стихах Х. Эйнсли, А. Вингфилда, П. МакФерсона как «страна-мечта»: как фольклорно-легендарный «урок» для США. Шотландия учит Штаты (или другие государства), как надо бороться за свою свободу и как нужно эту свободу сберегать.

Проиллюстрируем сказанное примерами. У Х. Эйнсли вождь средневекового восстания шотландцев против английского владычества, сэр Вильям Уоллес (1297-1298) обращается к соратникам с патриотическими призывами от имени старых и юных горцев: «<…> Step out, step out, my gallant knight, / By thysel' thou shanna stride; / Tho' white the locks lie on my brow, / An' my shirt o' mail hings wide <…>» [328, p. 134-135], в переводе: «<…> Боритесь, друзья, наш дом бороня! – / Мы с вами повсюду едины. / Пускай не по росту кому-то броня, / Кому-то мешают седины <…>» (Х.Эйнсли, The Knight O' Ellerslie, в переводе «Сэр Уильям Уоллес»).

Исторический Уоллес не был ни знатным, ни богатым, но всё же не был простолюдином. Его предки по происхождению были, вероятно, валлийскими дворянами. Сама его фамилия (Wallace) означает кельта из Уэльса, а не германеца [322, p. 1502]. Военное образование сэр Уоллес завершил во Франции, затем служил и в английских войсках, пока не перешел окончательно на сторону шотландцев. Автор стихов всё это знает. Недаром его Уоллес аппелирует к храбрости специфически рыцарской: умелой и благородной («gallant»). Но в американских условиях национальная шотландская история уступает место национальному мифу о всеобщей, всенародной битве, вождём котрой стал Уоллес. (Хотя ни в Шотландии, ни в США полного единомыслия в их исторических битвах не было).

Второй иллюстрацией может служить текст, изображающий самое трагичное событие в истории национально-освободительного движения Шотландии – битву при Куллодене (1746). В ней шотландские повстанцы потерпели сокрушительное поражение от правительственных британских войск [69].

Именно «чёрный день Куллоден» привёл к последующей массовой эмиграции шотландцев (особенно жителей наиболее кельтских регионов: Хайленда, Гэлловея и т.п.). В стихотворном плаче (lament) по героям и жертвам Куллодена П. МакФерсон описывает и оценивает их подвиг в терминах утопии, только на сей раз утопии религиозной. «Вера» в короля (здесь в претендента на

шотландский трон, Принца Чарли Стюарта), приравнивается к вере в Бога. Сражаются при Куллодене «<…> the brave. / Who fought their Prince to save / From every treacherous knave<…>» [397, p. 36-39]. Память о них «<…> untarnished lasts for aye <…>» [397, p. 36-39]. В переводе – навеки останется в национальной памяти тот, «<…> кто не считал потери, / В Вождя и в Бога веря, – / Кто нас спасал от зверя, / Не куплен и не продан <…>» (П. МакФерсон, Dark Culloden Day, в переводе «Чёрный день Куллоден»). Патриотический мотив отливается здесь в жанровую форму «жития святых воинов», а фольклорная заплачка жанрово сближается с молебном, обращенным к мученикам и подвижникам национальной борьбы.

Отсюда вырастает в финале мотив транснационального значения шотландского патриотизма для судеб всей Европы, всего мира: «<…> And in the ten'ed battle-field / Her sons are foremost there; / Her tartan-plaided warriors / Have climbed the steeps of fame <…>» [430, p. 142-143]. В переводе: «<…> И на полях наилютейших битв лежат / Бесстрашные Шотландии сыны; / И помнят вражеские крепости тартан / И шотской славы шумные крылА <…>» (А. Вингфилд, The Caledonian, в переводе «Каледония»).

Эмотивный аспект. Эмиграция XIX века была уже, как говорилось выше, экономической (трудовой) и статусной. Целью молодых эмигрантов было не спасение себя и своих семейств от казней или поражения в гражданских правах, а поиски более широких (экономических, но, в первую очередь, социокультурных) перспектив.

Вместе с тем, эмоциональная память о предыдущей, политической эмиграции XVIII века не могла выветриться полностью за 80-100 лет. Текстуальные свидетельства тому – специфические эмотивные доминанты внутри патриотической лирики «американских шотландцев» века XIX-го. Эти доминанты – обострённая, почти надрывная тоска по Родине, ощущение своей безвозвратности, зачастую – отсутствие надежды даже на будущее свидание с местами и людьми юности.

Подобные чувства имели реальную почву для политических изгнанников и/или политических беженцев предшествующего столетия. Для XIX века такие эмоции выглядят преувеличением. Факты свидетельствуют: шотландские поэты США посещали Шотландию, и не раз. Иногда они задерживались там на месяцы, а иногда и на годы [261, 263, 264]. Но диктовала эту гиперностальгию, по нашему мнению, не надуманная, а реальная память о переживаниях эмигрантов «поколения отцов» или «поколения дедов».

Второе подтверждение гипотезы о специфической памяти наших авторов – их акцент на свободах и правах США. В творчестве шотландцев именно этим мотивированы их патриотические гимны и оды в честь «второй» Родины.

Поэты-шотландцы не были слепы к теневым сторонам политической и нравственной жизни Америки: к исторической трагедии афроамериканцев, индоамериканцев, латиноамериканцев. О том свидетельствуют их стихи-инвективы – лирический жанр, также характерный для этих поэтов. В них клеймятся богачи: обманщики и скупцы, безразличные к страданиям «голодных братьев». Каждый из них готов («<…> bend to shams his knee. / And give for jewels painted glass, / And with unruffled features pass / A brother man in misery <…>» [338, p. 194-195]. В переводе: «<…> За золото медяшки выдавать, / Перед позором преклонять колени, / Без содроганья, без смущенья тени / Своих голодных братьев миновать <…>» (Дж. Крайтон, Longfellow, в переводе «Лонгфелло»). Х. МакКаллох саркастически предлагает возблагодарить Бога «<…> for thin clothing and little – what matters! / They might be still less and in tatters; / For work at no-matter-what wage; / For mere life in this pot-metal age <…>» [390, p. 65-66]. В переводе: «<…> Что мы тонем, а нос ещё кверху торчит, / И кто медленно мрёт, тот не сразу убит; / Что тьма тьмущая злобствий и бедствий / Ещё прячутся в нашем соседстве <…>» (Х. МаКаллох, Thanksgiving Day, в переводе «День Благодарения» и др.).

Но потерять веру в историю США как утопически «идеальную историю» для Шотландии поэты-эмигранты не могли. Иначе сама эмиграция лишилась бы в их глазах высокого духовного оправдания, а «новая» Родина потеряла бы роль

«иноземного зеркала», показывающего шотландцам их собственную позитивную историческую перспективу: «The year, and the day. / Before us now stand, / And the fair maiden, May, / With spring flowers in her hand. / <…> The flags are unfurled. / And the gates give way / To the hosts of the world, / On this morning in May!» [388, p. 73]. В переводе: «Этот год, этот день / Этот солнечный май – / Нам он дарит сирень / И ликует: «– Встречай! / <…> Гость плывёт – всем привет! / Флаг стоит – поднимай! / Ждём к себе целый свет / В этот день, в этот май!». (Х. МакКаллох, Centenial, 1876; в переводе «Столетие провозглашения Союза Североамериканских Штатов»).

Т.о., генерационный, генеалогический, эмиграционный, социальный и эмотивный аспекты творчества шотландских поэтов-эмигрантов интересовали нас не столько сами по себе, а сколько как материал, помогающий ответить на вопрос: какие традиции могли принести с собой шотландские эмигранты в США XIX века? Со своей стороны, ответ на этот вопрос даёт сведения для объяснения, каким образом люди среднего социального статуса и образовательного ценза (а именно таковым осталось большинство шотландских поэтов США указанного столетия) смогли создать свою оригинальную, притом культурно насыщенную литературу.

Предварительный ответ на этот вопрос может звучать так. Национальную самобытность Шотландии, особенно начиная с XVII века, всё меньше обеспечивали государственно-политические средства. К XVIII веку Шотландия вообще теряет свою государственность и сильно ослабляет свою политическую самостоятельность [265]. Важнейшим компенсатором этих потерь становится культура (и такая её область, как литература, а в литературе – поэзия). Но и на протяжении предшествующих столетий именно поэзия Шотландии сохраняла меморативную, сакральную и потому национально-консолидирующую функции.

Недаром почти все литераторы-эмигранты оказались вовлечены в общины и объединения двух типов: 1) религиозные и 2) национальные (шотландские). Без финансовой, организационной и/или издательской поддержки «своих» Церквей

и/или «своих» национальных клубов, национальных ассоциаций и обществ сделать поэтическую карьеру в эмиграции им бы едва ли удалось.

Знаменательно, как тепло пишет Д.М. Хендерсон о финансисте-меценате, «американском шотландце» Эндрю Карнеги: «<…> And noo, through your bounty, your ain native toun / Has its storehouse o’ knowledge, and’s prood o’ the boon. / And hearts are made glad ilka side o’ the sea, / By the heart that can feel, and the han’ that can gie – <…>» [347, p. 35-37]. В переводе: «<…> Ваш город родимый теперь, на ваш вклад, / Запасами знаний и сыт, и богат. / И слышно по обе границы морей: / “– Где шире душа, там и руки щедрей!” <…>».

Симптоматичен у поэтов-эмигрантов и акцент на благотворительной активности также и шотландцев-религиозных деятелей. Вот как характеризует В.М. Вуд известного проповедника Т. Гатри, ветерана Гражданской войны: «<…> Scared with hurricanes of storm-filled years? / An iron veteran, battle-worn and grim, / Yet love bends over him with soft eyes dim, / And hosts of homeless children weep for him <…>» [432, p. 122-123]. В переводе: «<…> Он в шрамах весь, бои пройдя и грозы. / Железный воин, ветеран суровый – / Но милосердье ткАло его слово, / И тьмы сирот его просили крова <…>».

Тот же лейтмотив сопровождает портреты простых прихожан-шотландцев у П. Росса:

<…> Ane built a kirk, and fee’d it fair;
Ane built the puir, the sick, the lame
A snug and bien’ like restin’ place.
And call’d it a Saint Andrew’s Hame.

And to the puir at hame, some wealth
They freely spent baith spring and simmer,
And mony a frail man blessed their names.
And for their peace pray’d mony a kimmer <…> [418, p. 89-91].

В переводе:

<…> Тот церковь построил и клир накормил,

Тот к бедным отнёсся добрее:
Дал больнице жильё, и назвал он её
«Домом Святого Андрея».

Чем стали богаче, тем стали щедрей,
Не ханжествуя, не лукавя, – и
Несчастных немало их благословляло,
Сироток – молилось о здравии <…>.

Итак, историко-биографический контекст творчества шотландских поэтов США XIX века позволяет прийти к некоторым предварительным заключениям.

Шотландская эмиграция XIX века возникла в условиях очередного политического и экономического кризиса, как и предыдущие эмиграционные волны. Однако на сей раз экономические причины преобладали над причинами политическими. Это усложнило человеческую и поэтическую ситуацию «американских шотландцев».

В предшествующие века (особенно в XVIII веке) отъезд из Шотландии реально был и художественно изображался как событие насильственное, не только драматичное, а и трагичное. Эмиграционные мотивы никоим образом не противоречили мотивам патриотическим. В XIX веке, в новых исторических (а отсюда и биографических) условиях понятие и переживание эмиграции и любви к Родине усложнились. Мотивировка расставания с Шотландией, новых отношений с «новой Родиной»-Штатами изменились. Это внесло перемены не только в идеологию, но и в поэтику шотландских произведений, создаваемых «за океаном».

§ I.3. Историко-литературный аспект

В данном параграфе проблемы и их анализ сосредоточены не вокруг личных биографий шотландских поэтов США XIX века, а вокруг историко-

литературных традиций, актуальных для этих поэтов, а также корреляции их творчества с литературными вкусами читательской аудитории.

Отметим для начала несколько обстоятельств. Шотландский литературный процесс в США XIX века, весьма оживленный практически, был мало обеспечен адекватной литературной критикой. Английская критика и литературоведение тоже мало интересовались литературой своих диаспор.

Литературная критика самой Шотландии в XIX веке сильно отставала от своей национальной литературы. Начиная с конца XVII века, а затем после воссоединения Шотландии с Англией (1707), шотландская интеллектуальная элита (вслед за элитой социальной) постепенно переезжает в Лондон и/или в университетские центры Англии. При этом университетское образование в Шотландии ещё удерживалось на большой высоте. Шотландская пресса той поры не чуждалась литературоведческих обзоров и эссе. Но фокусируются учёные и журналисты Шотландии прежде всего не на эстетических, а на религиозно-этических, социально-политических и философских темах. Примеры эта критика и публицистика предпочитала черпать из английской или континентальной словесности, на самых распространенных тогда языках, но не из литературы на малознакомых читателю шотландских языках (для англоманов – не языках, а «диалектах»): на кельтском гэлике или на германском скотсе.

Поэзия Шотландии тоже начинала постепенно отставать от доминантных тенденций английской континентальной (особенно французской) поэзии. Как замечают шотландские историки литературы, поэты Шотландии II половины XVII-XIX веков уже не принадлежали ни к родовой знати, ни к высшему духовенству, ни к верхушке юридического сословия (как это было в предшествующие эпохи, Средневековье и Ренессанс). Соответственно, понизился не только уровень их образованности, а и масштаб их социокультурного мышления [246, p. 539-684; 277, p. 33-70].

Религиозная ситуация изменилась для Шотландии в неменьшей мере. Протестантизм как лидирующее религиозное направление стал гораздо ревностней бороться с пережитками язычества в шотландском быту, чем это

делало католичество. Католики имели, как минимум, 1000-1200-летний опыт адаптации кельтских языческих традиций. Уже Папа Григорий I (ок. 540-604) во II половине VI в. н.э. ориентировал римокатолических миссионеров в Британии на то, чтобы не разрушать, а «переосвящать» сакральные объекты местных язычников: святилища, погребальные комплексы, «аллеи процессий», особо почитаемые рощи, деревья, горы, камни, родники, реки, озёра и т.п. [105, с. 60-65]. Протестанты, напротив, уничтожали скульптуры и другое церковное убранство внутри уже существовавших католических храмов. Поэт и учёный Т. Скотт (1918-1995) напишет об эпохе Реформации и о разгроме знаменитого собора в г. Сент-Эндрюсе, учинённом английскими протестантами: «По камушку – лихие гости, / Собор твой обнажившие от статуй, / Нам кинули нагие кости <…>» [324, с. 269] («<…> I’ve seen them stane be stane / Tak doun your braw cathedral on the brae / And leave it bare as bane <…>» (Fergus, [419, p. 492])). О том же писал ещё один шотландский поэт метрополии, Э. Мьюир (1887-1959): Реформация действовала, «<…> холм и храм наш людный обесплодив / И песнь в железный заключив псалом <…>» [324, с. 246-247] («<…> strip the peopled hill and altar bare, / And crush the poet with an iron text <…>» (Scotland 1941 [419, p. 428])). Комментатор расшифровывает этот образ: «Протестантизм одинаково ревностно боролся и с остатками языческих верований (согласно которым феи и эльфы живут в холмах (сидах), под землёй), и с католичеством (которому свойственны пышные храмовые службы и украшения) <…>» [324, с. 246-247].

Одним из последствий этой борьбы был отказ поэтов-протестантов Шотландии от кельтского мифопоэтического наследия. Оно включало в себя национальные и региональные мифы, легенды, предания. В числе прочих персонажей протестантизм должен был отказаться от фигур поэтов-прорицателей. Среди кельтских племён те выступали в роли советников и певцов, деяний вождей, королей, их дружин или подвигов целых родо-племенных объединений («народов»).

Однако подавить полностью и мифогенную, и этногенную функции национального певца-«барда» (подобного славянским сказителям-«боянам»)

шотландская поэзия и не могла, и не хотела. Поэт, особенно региональный: «местечковый» или деревенский, – мог иногда изображаться не без комизма. (См. например, шуточные стихи Р. Сэмпилла (?1595-?1668) о Хэбби Симсоне [419, p. 233-236] или Дж. Беатти (Битти) (1735-1803) об Алекзандере Россе [419, p. 279-282]. Но всё равно даже в этих стихах поэт остаётся летописцем, судьёй и «глорификатором» своего края.

Были ли наши авторы способны воспринять хотя бы такие – фрагментарно сохранившиеся – метрополийные традиции? Полагаем, что были способны, – и по нескольким причинам.

Некоторых из них увезла в эмиграцию семья, а сами они были при этом ещё маленькими детьми. Например, Хантеру МакКаллоху при переезде в США было всего четыре года. Но в целом наиболее распространенный возраст шотландца-эмигранта XIX века (из числа наших поэтов) – 20-30 лет. Следующий по частотности возраст – 15-20 лет. (См. Приложение I.2.4.)

Из этих данных можно заключить, что молодые эмигранты успевали воспринять «дома» хотя бы ту часть шотландского фольклора и шотландской литературы, какая имела к 1820-м-1880-м годам достаточную популярность среди широкой аудитории и была, что называется, «на слуху».

Нормандско-французские традиции. До воссоединения с Английским Королевством Королевство Шотландское поддерживало прямые и тесные контакты с Королевством Французским. Контакты эти не ограничивались двором, дипломатами, высшей знатью и даже шотландским дворянством. Разнообразные связи между двумя странами существовали в области торговли, ремёсел, образования, мод и т.д., в частности, через монастыри, университеты и торгово-ремесленную Ганзу [265]. «The Auld Alliance» («Старый Союз») между Шотландией и Францией оказывал поэтому воздействие и на средние слои тогдашнего общества. В частности, нормандская (а через неё и провансальская) лирика, при посредничестве поэтов-бардов Шотландии, перелагавших и обрабатывавших её, а затем через шотландских поэтов-менестрелей, перепевавших её по народно-песенным моделям, – получала доступ не только к

образованным горожанам, но и к более широкому кругу слушателей и распространителей [271, p. 71-101].

Неслучайно у шотландских поэтов США XIX века стихи, с одной стороны, так изощренны по стилю, а с другой стороны, так общедоступны по содержанию. Первое касается, прежде всего, строфики и рифмики. Поэты-эмигранты используют формы, близкие к экспериментам провансальских поэтов-трубадуров Средневековья и/или французских салонов XVI-XVIII вв. Причина этих транснациональных процессов состоит в том, что, спасая свою национально-культурную идентичность, поэты-шотландцы и у себя на «старой» Родине, и тем более в условиях эмиграции старались сохранять всё, что их предкам, их культуре удалось впитать из культуры более образованных социальных слоёв и адаптировать к общенациональному восприятию.

В изучаемой нами поэзии применяются адаптированные формы канцон, сирвент, рондо, октав, терцетов. Регулярно встречаются рифмы не одни лишь мужские (что для классической британской поэзии может считаться нормой), но и рифмы женские (что примерно равно по экспрессии немецким или русским дактилическим рифмам), и рифмы дактилические, причем составные. А это, по сверхэкспрессивности, равноценно каламбурным рифмам в других европейских языках и традициях.

Одновременно поэты-шотландцы культивируют простые катрены, характерные для народных баллад, рефрены, типичные и для баллад, и для фольклорных песен, и для церковных гимнов (песнопений). Но те же поэты могут практиковать богатые и точные рифмы. Вместе с тем, они же могут переносить одни и те же рифмы из текста в текст и даже от автора к автору. Например, это часто происходит с рифмой: «land» – «band» (в смысле «дружина»), или «great» – «fate», или «green» – «seen» (been), etc., или «love» – «prove» (т.н. рифма для глаз, eye-rhyme) и т.п.

Иными словами, искусность стихов в сфере строфики и рифмики, так же, как соединение жанровых традиций книжных и устных, – не является чьим-то

индивидуальным изобретением, приметой чьего-то уникального идиостиля. Такова общая тенденция шотландской поэзии США XIX века.

Ярким её образцом может служить стихотворение А. Вингфилда «Каледония»:

<…> There’s a land whose bards have struck their lyres
To none but the loftiest strains.
Whose inspiring tones would call forth fire
From the dullest coward’s veins.
There’s a land where noble Wallace fell,
The first in freedom’s van,
Whose name still founds like a magic spell –
And Scotia is that land.
‘Tis teaming with heroes that mountain land.
The home of the Caledonian <…> [430, p. 142-143].

В переводе:

<…> Есть край, где лиры струны пробуждает бард
Лишь те, откуда вырвется огонь,
И вызывает песнь неистовый азарт
Даже в крови у трусов и тихонь, –
Есть край, где Уоллес за свободу первым пал
И кличем имя его сделала страна:
Гремит оно доныне, как девятый вал, –
Зовётся Скотия она.
Прославлена вовек из рода в род она –
Шотландцев Родина <…>

Конечно, одни шотландские поэты-эмигранты обладали более высоким версификационным мастерством, другие – меньшим. Однако в целом это качество унаследовано ими от метрополийной шотландской литературы. Но и она унаследовала его от общеевропейской поэзии Средневековья, Ренессанса и Барокко, скрестив эти литературные традиции с традицией фольклорной.

Традиции английской литературы. Как уже упоминалось в §I.2. нашей работы, отношение Шотландии (а, следовательно, и поэтов-шотландцев) к Англии всегда было социально и этнически сложным. В начале собственно шотландской и собственно английской истории (V-VIII вв. н.э.) и кельты-скотты, и германцы-англосаксы были на Британских островах пришлыми этносами. Предшественниками англосаксов на территориях будущей Англии были кельты-бритты; предшественниками скоттов на землях будущей Шотландии были полукельты-пикты (рано смешавшиеся с каким-то докельтским населением) [105].

Первые государства скоттов и англосаксов формировались также почти синхронно (VIII-IX вв.), однако порознь. Пограничные земли (к примеру, Нортумбрия) становились предметом сначала споров, затем взаимных набегов, затем и войн. В Англо-Французской (т.н. Столетней) войне (1337-1453) Шотландия выступала на стороне не соседней Англии, а континентальной Франции.

Шотландских наследников престола (например, будущего Якова I Стюарта (1394-1437)) или даже королей Англия неоднократно брала в плен и отдавала лишь за огромные выкупы. Армия Оливера Кромвеля оккупировала шотландские земли и поставила там английские гарнизоны. Английская Королева Елизавета I Тюдор впервые в европейской истории легально, после публичного суда казнила не кого-либо, а Шотландскую Королеву Марию I Стюарт. Не приходится удивляться, что всё Средневековье Англию именовали в Шотландии «Старинным Ворогом» (Auld Enemie), а союз с Францией называли «Старым Содружеством» (Auld Alliance) [69]. Как результат, в английскую литературу (и на английский язык) перешли только те этнические шотландцы, которые или не могли уже, или не хотели считать себя шотландцами (примеры – Вильям Дрюммонд (Drummond, 1585-1649) или Джеймс Томсон (Thomson, 1700-1748)). Исключение составляли авторы, писавшие по-английски не поэзию, а прозу (пример – сэр Вальтер Скотт), или, кроме поэзии, ещё и драмы (пример – лорд Джордж Гордон Байрон) [279]. Остальные шотландские метрополийные поэты были знакомы с английской литературой, однако взаимодействовали с нею не в целом, а очень избирательно:

используя только те традиции, которые были ближе им и/или их национальной аудитории.

Так, в стихах шотландцев (будь то метрополия или США) нет прямых отсылок на английских поэтов-сентименталистов. Вместе с тем, повышенная «сердобольность», трогательные любовные ситуации и/или пейзажи-медитации явно появились у них не без воздействия английской традиции. Например, «В Грампиановых горах» Дж. Кеннеди отчетливо спроецированы на лирические пейзажи Р. Грея:

Sometimes by rocky heights they stray'd,
Sometimes by deep and ferny glade,
And sometimes on by pathways green,
Along the bank of deep ravine,
While far beneath, in headlong force,
Some mountain torrent cleav'd its course,
And woke the echoes from their sleep
With wrathful brawlings loud and deep <…> [359, p. 81-82].

В переводе:

То виднЫ только цепи скалистых вершин,
То провалы глубоких и мшистых долин,
То петляет тропа вдоль оврага,
Где таится подземная влага.
А не то упадАет раскатистый ключ,
Прогрызая породу отвесную круч,
И ворчит полусонное эхо:
Для чего-де такая потеха? <…>

Вольнолюбивую тематику и гражданский пафос поэты шотландской эмиграции воплощают, в том числе, и средствами, наработанными английским (и континентальным) романтизмом (Д.К. МакКаллум, Soldier's Song of Freedom, в переводе «Солдатская песня Свободы»; П. МакФерсон, Dark Culloden Day, в

переводе «Чёрный день Куллоден»; В. Эндерсон, Scotland Forever, в переводе «Шотландия вечная», и Old Glory, в переводе «Старинная Слава»).

Аналогично, религиозные настроения шотландских эмигрантов опираются на стилевые и версификационные ресурсы средневековой духовной лирики, в том числе, английской (Дж. Лайон, Confidence in God, в переводе «Вера в Бога»; А. МакЛаклан, God, в переводе «Бог»; Д.М. Хендерсон, A Charity Sermon, в переводе «Проповедь о пяти хлебах» и др.).

Ориентировались ли – по содержанию и по форме – шотландские поэты США XIX века на кого-то из английских поэтов персонально?

В текстах у стихотворцев-эмигрантов критика этого не отмечает. Тогда уместен противоположный вопрос: кто из поэтов Старого Света (и прежде всего Англии) таким личным ориентиром для шотландских поэтов США не стал – и почему?

Феминный аспект. Среди английских авторов в этом ряду следует прежде всего назвать *женщин-поэтесс*. К середине XIX века в Англии их уже насчитывалось немало, и они были достаточно известны. Назовём (в хронологическом порядке) Ханну Мор (More, 1745-1833); Каролину Баулз (Bowles, 1787-1854) – жену поэта Роберта Саути; Фелисию Браун (Browne, 1793-1835); Летицию Элизабету Лэндон (Landon, 1802-1838) [279]. Эта последняя стала, женой шотландца, губернатора провинции Мыс Доброй Надежды в Африке. Её единственную из английских поэтесс (а не поэтов) упомянет Дж.Д. Крайтон в маленькой поэме «Сад Муз» (The Garden of the Muses).

Наибольшую известность как поэт приобрела, безусловно, Элизабет(а) Баррет Браунинг (Browning, 1809-1861), жена поэта Роберта Браунинга. К концу XIX века её творчество уже изучалось в гуманитарных английских колледжах (а именно колледжи и оканчивали многие будущие шотландские эмигранты) [112, с. 152].

Почему же «феминная поэзия» не цитируется, не делается источником аллюзий в шотландской эмиграционной поэзии Америки? Объяснений может быть несколько.

США долгое время (по крайней мере, весь XIX век) являлись макскулинно ориентированной страной. Эту модель вырабатывал протестантский фундаментализм – основа религиозного сознания ранних американцев. На этой же модели основывался «крестьянский», «горский», «провинциальный» образ жизни и мыслей эмигрантов-шотландцев. Их мало интересовал «женский» психологизм поэтесс-англичанок. Не тронула их даже лирика Эмили Дикинсон (Dickinson, 1830-1886) – крупнейшей американской поэтессы изучаемой нами эпохи [275, p. 994-1010]. Феминистическая литература была «маргинальной», «альтернативной», «другой». К такой литературе шотландские поэты готовы не были ни на своей прежней Родине, ни на Родине новой.

Кроме того, у поэтесс-англичанок и/или американок «американские шотландцы» находили крайне мало патриотизма и общенационального, и государственного. А ведь сами они отнюдь не хотели выпадать из патриотической модели поведения, как модели шотландской, так и модели американской. Напротив, в неё они как раз хотели вписаться. Поэтому феминный дискурс как Англии, так и США XIX века не мог стать для них ни идеологическим, ни поэтическим ориентиром.

Модернистский дискурс. Вторая группа поэтов, которая не могла оказаться объектом литературного ученичества шотландских эмигрантов, – это английские и американские поэты-модернисты конца XIX-начала XX веков. Во-первых, по сути, продолжателями их стали поэты не XIX-го, а XX-го века. Во-вторых, стать подобными продолжателями меньше всего шансов было как раз у «американских шотландцев».

Как бы ни менялись вкусы названных поэтов и, главное, вкусы их аудитории, – социально (и географически) аудитория эта оставалась, по большому счёту, прежней. Так продолжалось вплоть до II половины 1930-х годов и до II Мировой войны, когда в США хлынула из Западной Европы, спасаясь от нацизма, совсем иная эмиграционная волна [227; 321, p. 81-87]. До этого – основу шотландской эмиграции по-прежнему составляли те, кого в наше время назовут гастарбайтерами. Они, как и раньше, по большей части были выходцами из

среднего или верхов нижнего класса, а географически – жителями проблемных зон: участков насильственного «огораживания», глубокой провинции и дальних островов.

Примерно такая же читательская среда поддерживала «своих» поэтов и в самой Шотландии, когда те приезжали повидаться с земляками и получить подписку для своих литературных изданий. Ни викторианец Роберт Браунинг (1812-1889), ни прерафаэлиты Мэтью Арнольд (Arnold, 1822-1888) или брат и сестра Данте Габриэль Россетти (Rossetti, 1828-1882) и Кристина Россетти (Rossetti, 1830-1894) не могли стать их творческими и идеологическими наставниками [112, с. 151-155]. Особенно это справедливо для произведений патриотического дискурса.

Неоромантический дискурс. Пережившие драму эмиграции, с огромными усилиями адаптировавшиеся на новой земле, ставшие свидетелями или даже участниками Гражданской войны США, – шотландские поэты могли опереться на метрополийные романтические и постромантические традиции, особенно исторические (сэр Вальтер Скотт (1771-1832), Джеймс Хогг (1770-1835)) или квазиисторические (барон Альфред Теннисон (1809-1892)). Подобную ориентацию поддерживали также кельтские и собственно шотландские мотивы у некоторых английских поэтов-романтиков (Джордж Гордон Байрон (1788-1824), Джон Китс (1795-1821) и др.) [112, с. 152-153, 176-194, 201-204].

Однако в программном стихотворении «Шотландский бард» (Scotia’s Bard) Патрик МакФерсон противопоставляет морально и эмоционально ослабевшую английскую поэзию II половины XIX века мощной поэзии Романтизма, а ту и другую – поэзии «настоящего барда», «истинного шотландца» Роберта Бёрнса.

<…> In later times come Shakespeare, Dryden, Pope,
And Milton’s epic – sombre, hazy, weird –
Though rich in fancy and of wond’rous scope,
It lacks vitality, is dead and sered;
Material presence we never feel –
A real personage is Burns’s «Deil» <…> [399, p. 39-41].

В переводе:

<…> Ещё – Шекспир стоит, и Поуп, и Драйден рядом,

И Мильтон, пишущий роскошно и темно.

Богат он вымыслом и многострочным Адом,

Но жизни нет и в нём, он мёртв давным-давно.

У Сатаны в его Аду ни крови нет, ни тела.

Сравните: Бёрнсов бес – совсем другое дело! <…>

Чартистский дискурс. Возникает вопрос: отчего же тогда шотландские поэты США не установили тесных связей с поэтами чартистского направления Англии 1830-х – 1850-х годов [183]. Ведь именно она должна была быть им близкой во многих аспектах.

Хронологический аспект. Поэзия английских чартистов: Эбензира Эллиота (Elliot, 1771-1842), Томаса Купера (Cooper, 1805-1892), Эрнеста Джоунза (Jones, 1819-1869), Джеральда Массея (Massey, 1828-1907) и большого количества безымянных авторов, печатавшихся в чартистских газетах и листовках, – была для шотландцев из поколения МакКаллоха и Кеннеди творчеством их «отцов», их старших современников. Естественно, уроки популярности чартистов, уроки их социальной заангажированности должны были послужить ближайшей творческой школой для их собственного поколения [77].

Социальный аспект. Подобно изучаемым в нашей работе поэтам-шотландцам США XIX века (в первую очередь, от 1840-х годов до годов конца 1880-х), поэты-чартисты преднамеренно обращались к максимально широкой аудитории. Правда, у чартистов это была аудитория, широкая социально (низшие или низшие-средние слои населения, от рабочих до ремесленников и мелких предпринимателей). У поэтов-шотландцев США это была похожая аудитория, только ещё и национально ориентированная: те, кто, став американцами, не перестали относить себя к шотландцам.

В обоих случаях для «верхних средних» или «верхних верхних» слоёв читающая публика и английских чартистов, и «американских шотландцев» выглядела маргинальной. Кстати, вероятно, именно потому, несмотря на

искреннее желание поэтов-шотландцев вписаться в американскую литературную панораму, они оставались в ней некоей особой зоной, «литературным гетто».

Религиозный аспект. Чартисты (по крайней мере, многие из сторонников этого движения) в религиозном плане тяготели к «христианскому социализму». Их американо-шотландские современники также были людьми верующими. Но, как и для чартистов, Бог был для них прежде всего символом социальной справедливости, морального суда. Это был Бог не столько космического порядка или вселенской правды (right), сколько юридических «законов» (laws) и «прав» (rights). (Подробнее о различиях между этими двумя концептами «права» см. ниже в Главе II).

Поэтологический аспект. Чартисты по происхождению (а главное, по образованию) далеко не все были пролетариями. Так, Эрнест Джоунз учился в элитной закрытой школе. Томас Купер написал в тюрьме поэму в подражание Данте, Мильтону и Шелли. В своих статьях и лекциях для рабочих, писавших стихи, он пропагандировал версификационное мастерство английских классицистов. Джеральд Массей, также в своих статьях, ссылался на поэзию венгра Шандора Петефи, француза Пьера Жана Беранже и др. [183].

Поэтому внешне (прежде всего, ритмо-мелодически) чартистские тексты демократичны, но не примитивны. Тот же вывод можно сделать о текстах «американских шотландцев» 1840-х – 1880-х годов. Как и у чартистов, не всегда эти тексты просты. Как и у чартистов, многие из них были положены на музыку, и камерную, и хоровую[4]**.** Их авторы (большинство из которых, – но не все, – были самоучками, см. Приложение I.3.1.) тем не менее старательно осваивали «высокую» технику и тематику стихов.

Коммуникативный аспект. Особенно заметна коммуникативная близость между двумя поэтическими школами, разделёнными и географически, и

---

[4] Например, в итоговом сборнике стихотворений Х. МакКаллоха «From Dawn to Dusk» (1887; соблюдая авторский звуковой символизм, название можно перевести «От рассвета до заката») примерно треть текстов отмечена в оглавлении звёздочкой. Эти тексты, сопровождаемые музыкой, действительно стали маршами, романсами, гимнами, песнями и т.п.

этнически. И чартисты, и «американские шотландцы» сознательно искали для себя как можно более массовую аудиторию. Не всегда они её находили. В Англии им мешали прежде всего социальные барьеры, в США – барьеры национальные (включая не популярный в Америке язык их стихов – шотландский скотс). Однако, как показал анализ круга подписчиков на шотландские поэтические издания в США середины XIX века (см. ниже, Главу II, § II.3), круг этот был всё-таки немалым. И, что существенно, он включал в себя стихолюбов не одних США, но и Шотландии, Англии (а в отдельных случаях и Австралии).

При этом приходится признать, что ни чартистские критики, ни чартистские читатели не проявили особого внимания к «шотландцам за границами Шотландии», а те не установили прочных контактов с чартистами. Можно предложить объяснение этому факту.

Для чартистского движения, скорее промышленного и городского, шотландская поэзия вообще, а в США особенно могла казаться чересчур далёкой и «фермерской». К тому же, на слух чартистов, поэзия эта призывала скорее к национальному единству, чем к экономической и правовой борьбе.

Шотландская эмиграция в США, со своей стороны, жила под знаком «американской мечты», бесспорно утопической, мифогенной. Эта утопия скрестилась ещё и с «шотландской утопией»: мечтой о том, что не только США дадут что-то для Шотландии, но и Шотландия окажется в некотором смысле «школой» для США. Поэзия чартистов таких утопий не поддерживала. Чартисты не верили ни в державу, ни в нацию – они верили в профсоюзы и в трудящихся.

Традиции американской литературы. Поэты-шотландцы США XIX века знали также и произведения своих современников, американцев-янки. Более того, многие из американоязычных прозаиков и даже поэтов были по происхождению если не собственно шотландцами, то всё же кельтами. Достаточно назвать Вашингтона Ирвинга (Irving, 1783-1859), Джеймса Фенимора Купера (Cooper, 1789-1815) или Эдгара Аллена По (Poe, 1809-1849) [275, p. 268-331, 651-722].

В конце XIX-го-XX веках эта традиция продлится. Так, «шотландцем-американцем» (а позже «шотландцем-британцем») станет в числе поэтов

Нобелевский лауреат, сэр Томас Стернз Элиот (Thomas Sterns Eliot, (1888-1965). Среди его предков находим шотландскую поэтессу леди Джину Эллиот (Jean Elliot, 1727-1805). Она была автором многих стихотворений-переработок народных шотландских песен и баллад, в том числе найпопулярнейшего стихотворения «Цветы лесовые» (The Flowers of the Forest). Оно, в свою очередь, сделается шотландской народной песней [419, p. 272-273].

Однако никто из писателей-бикультуралов не настаивал на своей шотландской идентичности так энергично, как поэты-эмигранты Шотландии XIX века. Потому настоящим ориентиром для этих последних стала поэзия низовая, – главным образом, «своя», шотландская, но выборочно и английская.

Шотландские традиции. В Шотландии поэзия, хотя и потерявшая после воссоединения с Англией (1707) свой прежний статус и кругозор, вместе с тем, смогла сохранить к XIX веку некоторые важные функции.

Так, она сберегла функции летописца своей родины, а также морального судьи для своих земляков. Правда, потеряв государственность, она вынужденно сократила и государственный размах своего художественного мышления. Поэты Шотландии XVII-XVIII века – уже не хронисты военных походов и богатырских деяний своих соплеменников. Патриотическая история в поэтических текстах указанных столетий приобретает меморативный характер. Славное прошлое противопоставляется убогому настоящему. Однако всё же историзм и патриотизм не исчезают полностью. Они присутствуют и в сюжетах исторических баллад, и в язвительной оценке современности в сатирических памфлетах, шотландских пейзажах, нередко выступающих в роли национальных «музеев под открытым небом».

То же можно сказать о «национальной моральности» как отличительной черте шотландской поэзии XVII-XVIII веков, перешедшей в виде традиции в век XIX-й. Реформация и пуританство значительно изменили моральные ориентации шотландского общества. Контрреформация сломала (или, по меньшей мере, надломила) и эти моральные устои. Шотландская поэзия кратко, но выразительно охарактеризовала три главные трансформации, которые внёс в моральный обиход

шотландцев религиозно-политический сдвиг 1660-1745 годов: «<…> kaad doun Woman frae the throne and skies, / And even frae the chair, / Hapt her beautie in a dow disguise / And sat her on the fluir <…>» (T. Scott, Fergus [419, p. 492]. В переводе: Реформация «стащила женщину с Небес и трона, – / Чего уж! Даже и со стула, / Чтобы она, в одёжке похоронной, / Себя уже не разогнула» [324, с. 270].

Первая трансформация – отмена католического культа Богоматери и шире – святых. Религиозное сознание человека лишилось небесных посредников, «своих» персонажей в загробном иномирии, что резко увеличило его, человеческий, масштаб, но и его же личную, социальную и моральную ответственность. Шотландцы не смогли отказаться от традиционного почитания святых – прежде всего, святых, «национально ориентированных», будь то Апостол Андрей Первозванный (издревле считавшийся покровителем Шотландии) или Королева Маргарита Шотландская (первая собственно шотландская канонизированная святая, супруга Малькольма IV, последнего короля из второй шотландской династии Канморов (1058-1286)).

Не захотели шотландцы расстаться и с культом (уже не церковным, а мирским) Королевы Марии I Стюарт (1542-1587). Примечательно, что при жизни Королевы Марии Стюарт отношение к ней в Шотландии было скорее негативным, чем позитивным. Ей не могли простить полуфранцузского происхождения и чисто французского воспитания, французских нравов, привезённых ею на Родину, любовных связей и внебрачных детей, а главное – отсутствие истинно национальных государственных интересов. Однако после её казни «сестрой (кузиной)-соперницей» Елизаветой I Тюдор образ Марии быстро становится образом политической жертвы. В таком ключе его будет трактовать уже Р. Бёрнс (1759-1796) в «Заплачке-веснянке» (Lament of Mary, Queen of Scots, on the Approach of Spring) [324, с. 185-187]. Так что не канонизированными остались лишь две королевы из династии Стюартов: Анна I (1665-1714) и Мария II (1662-1694). Марию же I, если использовать цитированную выше метафору, шотландцы скорее «возвели» на поэтический трон, чем «стащили» с него.

Особое внимание к пуританской «женской» традиции проявила и шотландская поэзия на бытовые темы. Матриархальная традиция и здесь осталась мало податливой на новые веяния. Вековые типы женщин-глав рода, предсказательниц судеб и повелительниц стихий остались пускай не реалиями, но символами новейшей шотландской поэзии. Такова хозяйка усадьбы Охтермухти, пашущая поле на двух четверках волов (The Wife of Auchtermuchty [419, p. 74-79], в переводе «Хозяйка Охтермухти» [324, с. 84-88]). Такова же хозяйка усадьбы Ключ-колодец, воспитавшая троих сыновей-богатырей и способная заклинать ветры и ливни (The Wife of Usher's Well [419, p. 226-227], в переводе «Хозяйка Ключ-Колодца» [324, с. 38-40]); и даже героиня сравнительно поздней (XVIII века) народной баллады Tak' Your Auld Cloak About Ye, в переводе «Старый плащ»: тоже мать многочисленного семейства («с десяток дочек и сынков» [324, с. 136] «lads and bonnie lasses ten» [419, p. 245] и полновластная «в доме голова» [324, с. 136] «gudeman» [419, p. 246]).

Знаменательно и довольно большое число женщин-поэтесс Шотландии. Причем по своему статусу почти все они принадлежали к родовой знати и являлись дочерями или жёнами шотландских лордов. Это и леди Гризела Бейли (1665-1746), и леди Джина Эллиот (1727-1805), и леди Каролина Олифант (1766-1845) [419, p. 247-249, 272-273, 361-366].

Смиренная, безгласная домохозяйка ни разу не становится персонажем шотландской метрополийной поэзии XVII-XIX веков. Даже в условиях бедности, даже соглашаясь на брак без любви, чтобы прокормить престарелых, больных родителей, героиня принимает это решение самостоятельно и несёт своё бремя с достоинством: «А всё-таки хорошей женой буду я, – / Ведь старый Робин Грей – он жалеет меня» [324, с. 174] («But I'll do my best a gude wife aye to be, / For auld Robin Gray he is kind unto me» [419, p. 305-306], баллада «Старый Робин Грей» (Lady Anne Lindsay, Auld Robin Gray)).

Все эти особенности метрополийной литературы стали культурным багажом шотландских эмигрантов США XIX века, культурным фоном их текстов.

Проф. Том Скотт афористически выразился: поэзия Шотландии, в эпоху Средневековья и Ренессанса (XIV-XVI вв.) «обнимавшая Вселенную», в последующие два столетия (XIV-XVIII) «сжалась до огорода с капустой» (kailyard). Европейски мыслящего поэта-барда заместил захолустный «дворянчик-рифмоплёт» (poetaster) [419, p, 40] . Возражая ему, проф. М.А. Новикова выдвинула другую идею. Поэты XVII-XVIII веков бесспорно стали менее «глобальными» и более «региональными». Однако они сохранили (пускай в усечённом виде) и фольклорное, мифопоэтическое наследие Шотландии, и наследие «учёной», «книжной» литературы [122, с. 134].

Перечислим наиболее влиятельные составляющие этой традиции, воплотившиеся в текстах шотландских поэтов-эмигрантов США.

Жанровый аспект. Из «высоких» жанров Ренессанса, Барокко, Классицизма и, позднее, Сентиментализма (гимны, эпистолы, оды, инвективы, элегии) новые поэты среднего класса создали адаптированные варианты. Для этого они интимизировали эти жанры, «сдвинули» их в более привычную для себя и для своих читателей коммуникативную среду. В результате эти жанры превратились в дружеские послания, «персональные» молитвы и/или столь же персональные эпиграммы (В. Лайл, «Bonnie wee sprig o’ the dear purple heather…», в переводе «Вереска ветка»; Х. МакКаллох, The thistle, в переводе «Репей»; Д. Рамсей, To Duncan MacGregor Crerar, poet, в переводе «Дункану МакГрегору Криреру, поэту»; Дж. Лоу, To Walt Whitman, в перводе «Эпиграмма на Уолта Уитмена»). Процитируем фрагмент из «Вереска ветки» В. Лайла:

Bonnie wee sprig o’ the dear purple heather,
Fresh frae the auld lan’ my heart lo’es sae weel;
Twa cronies hae met when we’ve come thegither;
Auld love revived wi’ a kiss I maun seal <…>

<…> They say sometimes the spirit will linger
Near the lo’ed places when life is nae mair; –
If sae, can ye blame the heart o’ the singer,

That breathes sic wish in its sang an’ its prayer? [383, p. 71].

В переводе:

Вереска ветка, кустик лиловый
КрАя, где корни твои и мои.
Снова две памяти встретились, – снова
Жарко объятье старой любви <…>

Душа, говорят, прилетает по смерти
Туда, где любила в часы жития…
Не вините меня: ведь о том же, поверьте,
Просит и песнь, и молитва моя.

Из «серьёзных» элегий возникают шуточные экспромты, дружеские стихи «на случай» (похоронные, свадебные, семейные – к дням рождения и юбилеям). Их представляют, например, Дж. Паттерсон (To a dead pet canary bird, в переводе «На смерть канарейки»), Дж. Кеннеди (Lament on the departure of British poet, в переводе «Жалоба (буквально – «плач». – Авт.) по поводу отъезда Роберта Букенана, поэта-британца, из Америки»), Дж. Лоу (In Memoriam Marriott Brosins, в переводе «Памяти Мэрриота Брозинза»).

Приведём начало и конец стихотворения Дж. Паттерсона «На смерть канарейки»:

Alas! poor thing,
No more thou’lt fling
To space or time thy notes away;
Thy song, so sweet,
Shall never greet
Expectant ears the livelong day. <…>

<…> Alas! alas!
All pleasures pass,
All earthly joys must have an end;

On Death’s long scroll

All names enroll;

Man, beast, and bird all there are penn’d. [410, p. 180-181].

В переводе:

Увы, бедняжка! –

Не шлёшь ты, пташка,

Пространству с временем свой сладостный псалом

И, звучной трелью

Зовя к веселью,

Не окликаешь нас, покамест мы живём. <...>

Увы, добрА гость!

Проходит радость,

Земли блаженство нам не дарится навек,

И в свитке Смерти

Все вровень, верьте:

И пташка малая, и зверь, и человек.

Перешли «серьёзные» элегии также в особую жанровую разновидность: лирические пейзажи с морально-религиозным «уроком» в конце (Х. Эйнсли, The Last Look o’ Hame, в переводе «Прощальный взгляд», Morning Sang, в переводе «Утренняя песня деревенского путника, дошедшего до деревни»; В. Лайл, The Land of the Heather», в переводе «Родина вереска»; П. МакФерсон, Scotland, в переводе «Шотландия»; Д.М. Крерар, Caledonia’s Bluebells, в переводе «Колокольчики Каледонии»).

Так, у Д.М. Крерара находим упомянутую выше жанровую модель:

<…> Our sire long asleep, his fond mem’ry endeared;

The mother still spared us, beloved and revered;

Sweet Blue Bells with charmed recollections entwined

Of scenes in my childhood forever enshrined.

Caledonia’s Blue Bells, O bonnie Blue Bells! [337, p. 30].

В переводе:

<…> Спит отец уж давно и плывёт в облака;

Только мать нас хранит и голубит – пока;

Только ждут колокольцы, мой якорь земной,

И пока они ждут, моё детство со мной.

Каледонии вы колокольцы!

Цвет родной синевы, колокольцы!

Тематический аспект. Ни в Шотландии, ни в США поэты-шотландцы XIX века не чуждались не только обыденных, но и философских тем: смысла жизни, смерти и бессмертия, добра и зла, и т.п.

Наиболее концентрированно их воплощают стихи Дж.К. Моффата (Tamers of the Ground, в переводе «Укротитель Земли»), Р. Виттета (Home should be Beautiful, в переводе «Дом – он прекрасным должен быть»), А. Росса (The Vindication, в переводе «Оправдание»). Но и эти авторы опираются, опять-таки, не столько на «высокую», «классическую» традицию в чистом виде – традицию Джона Донна или Джона Мильтона (о Мильтоне поэты-эмигранты пишут разнооценочно, однако все достаточно почтительно), сколько на традицию, более близкую им: на жанровую и коммуникативную традицию повседневных протестантских религиозных песнопений (гимнов).

В католичестве эти гимны насчитывают многовековую историю. В их создании участвовали знаменитые епископы, монахи, богословы, как римские, так и византийские [51, с. 87-115]. Последующие протестантские песнопения адаптировали и демократизировали эту традицию. Церковные песенные жанры они сблизили с песенными жанрами фольклорными. Как раз такими, уже адаптированными формами, образами, мотивами широко воспользовались шотландские поэты-эмигранты при разработке «вечных» философских тем и понятий (концептов).

Примерами могут служить тексты, где подобные концепты вынесены в заглавия (в текстонимы). Например, стихи Дж. Лайона (Confidence in God, в переводе «Вера в Бога»), А. Маклаклана (God, в переводе «Бог»), А. Росса (Life , в

переводе «Возмездие»), Д.М. Хендерсона (Sanct Andro, pity me!, в переводе «Будь милостив ко мне, Святой Андрей!», и др.).

Версификационный и стилевой аспекты. В версификационном и стилевом плане у поэтов-шотландцев XIX века также произошла адаптация традиций. Поэзия французская (Иль-де-Франса, Прованса и Нормандии) была воспринята в Шотландии сначала напрямую, знатными бардами Средневековья и Ренессанса, а затем транзитом, через английскую поэзию Реставрации, Барокко и Классицизма. Эти, уже наработанные формы, опять-таки, трансформировались у шотландских поэтов-эмигрантов США в сторону, во-первых, демократизации, во-вторых, актуализации, в-третьих, политизации.

Классическая, «высокая» риторика стала применяться для воплощения уже не шотландских, но американских, не «вечных», а злободневных событий, персонажей и тем (Д.К. МакКаллум, Soldier's Song of Freedom, в переводе «Солдатская песня Свободы»; Х. МакКаллох, Centennial, 1876, в переводе «Столетие провозглашения Союза Североамериканских Штатов»; В.М. Вуд, Hail, O Fatherland, to thee!, в переводе «Слава государству!»; Д.М. Хендерсон, Columbia – Hail to Thee!, в переводе «Да здравствует Колумбия!», Clinton Bowen Fisk, в переводе «Клинтон Бауэн Фиск»; Дж. Лоу, Hurrah for Pensylvania!, в переводе «Ура, о Пенсильвания!»).

Риторика сентиментальная, «сниженная» подходила, с точки зрения поэтов-эмигрантов, для описания трудов и быта «среднего» класса переселенцев, для семейных или дружеских событий и лиц (П. Росс, Twa Scots, в переводе «Два шотландца»; Дж. Кеннеди, Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen, в переводе «Шотландец-американец, или Джим Вильсон и Британская Королева»).

Шотландские традиции «вечные»: Роберт Льюис Стивенсон и Роберт Бернс. Изо всего разнообразия шотландских поэтических имён, встречающихся в именнике шотландцев-эмигрантов США XIX века, наиболее частые и авторитетные имена – это Роберт Льюис Стивенсон (1850-1894) и Роберт Бернс (1759-1796). По существу, именно Роберт Бёрнс (1759-1796), а после него Роберт Льюис Стивенсон (1850-1894), воспринятый нашими поэтами как

неоромантический продолжатель Бёрнса, стали и остались не просто эстетическими, но и жизненными образцами, «новым фольклором» для шотландской диаспоры всех стран, в т.ч. США. Именно этих двух поэтов и шотландцы-литераторы, и шотландцы-читатели ощущали как своих «вечных современников».

Мы открываем этот список «вечных образов», «золотого канона» Шотландии не Бёрнсом, а Стивенсоном, поскольку Р. Бернс является символом Шотландии не только для всех шотландцев мира, но и для не-шотландцев. Этого нельзя сказать о Р.Л. Стивенсоне. Для читателей-не-шотландцев Стивенсон больше известен как автор авантюрно-приключенческих романов («Остров сокровищ», «Похищенный», «Катриона», «Чёрная стрела», «Владелец Баллантре») и поэтому скорее писатель «для подростков» [112, с. 286-290]. В меньшей мере, однако всё же немалый резонанс он получил как автор философской притчи (и одновременно как один из родоначальников жанровой традиции «романа ужасов», horror). Менее всего он известен за рубежом как поэт-лирик (за вычетом баллады «Вересковый мёд», Heather Ale).

В то же время тексты шотландской эмиграционной поэзии XIX века (в частности, в США) показывают, что по частотности даже прямых отсылок (Д.М. Хендерсон, Robert Louis Stevenson, в переводе «Роберт Льюис Стивенсон»; Д. Рамсей, To Duncan MacGregor Crerar, poet, в переводе «Дункану МакГрегору Криреру, поэту», и др.) и по тону, с каким упоминается этот автор, Р.Л. Стивенсон прочно занял место второго классика шотландской поэзии для мировой шотландской диаспоры.

Есть основания полагать, что главную роль в таком выдвижении Стивенсона-поэта сыграла его биография. Все её детали идеально укладываются в матрицу романтического поэта (хотя хронологически Стивенсон относится уже скорее к неоромантикам). В этот канон входит и то, что он оставил карьеру юриста ради стихотворчества (впрочем, и юрист – в XIV-XVII вв. – достаточно традиционная профессия для поэта в Шотландии – см., к примеру, биографию Р. Генрисона [167, с. 264-269]). Также каноничны и его юношеские странствия по

Шотландии, давшие ему, скажем, пейзажный материал для вымышленного острова сокровищ [112, с. 287-288]. Но главные эпизоды в биографии Стивенсона – его вынужденная (из-за тяжёлой болезни) эмиграция на далёкие оо. Самоа, его бескорыстная помощь аборигенам и ранняя смерть. Тоска по Родине, подробная и острая память о ней стали не только художественной особенностью, но и жизненным фактом в биографии поэта. Этот патриотизм, оплаченный жизнью, на наш взгляд, и сделал Стивенсона одним из мировых лидеров и мировых символов «Шотландии вечной» (Scotland Forever).

Стихи Бёрнса в поэзии диаспоры называются, как правило, не «стихами», а «песнями» (sangs, lays). Это справедливо в том смысле, что Бёрнс переделывал («перелицовывал») многие народные песни и баллады. Но это верно и в более глубоком историко-литературном и общекультурном значении.

Бросается в глаза очень высокая частотность самого образа Роберта Бёрнса. Из свыше 100 исследованных нами текстов в 14 текстах содержится хотя бы упоминание имени Роберта Бёрнса. В 8 текстах это имя вынесено в название (прямо или перифрастически) и/или на сильные текстовые позиции: инициальную, рефренную, финальную. Это наблюдаем в стихах Дж. Мэсси, «Praise to the Bard, whose mighty hand…», в переводе «Роберт Бёрнс»; Дж. Кеннеди, To the Shade of Burns, в переводе «К тени Бёрнса»; П. МакФерсона, Scotia’s Bard, в переводе «Шотландский бард» и Scotland, в переводе «Шотландия»; В. Эндерсона, «There’s nae land like old Scotland», в переводе «Чья Родина краше?..», и др.

Второе, что обращает на себя внимание исследователя, – отбор текстов Бёрнса, наиболее регулярно упоминаемых в стихах эмигрантов. Таких текстов четыре. Это патриотический гимн шотландцев «Scots, wha ha...» (в переводе С. Маршака «Вы, кого водили в бой…»; иногда этот текст называют «Уоллесом»). Это элегия, адресованная полевой мыши, чьё гнездо было разрушено плугом Бёрнса. Это комическая Бёрнсова поэма «Весёлые нищие» (Jolly Beggars). И, разумеется, это неофициальный шотландский гимн, исполняемый во всём мире, где есть шотландские диаспоры, по меньшей мере раз в году, в День памяти

Бёрнса (Burns’ Night, 25 января), – «Auld Lang Syne» , в переводе «За доброе, за старое» [324, с. 192-193] .

Из совокупности этих текстов отчётливо вырисовываются основные функции национального поэта, какими их видит коллективное патриотическое сознание шотландцев данной эпохи. Это функции: 1) *меморативная* (причём память барда должна удерживать и малые бытовые подробности, и великие исторические деяния в жизни своей Родины); 2) *консолидирующая* (обогащая коллективную память бард сплачивает людей, пускай дружески настроенных, но дотоле разобщённых либо географически, либо духовно); 3) *мобилизационная* (именно национальный поэт и его тексты способны и должны превратить обычных людей в героев); 4) *лаудативная* (прославляя этих героев прошлого и настоящего, национальный поэт актуализирует родовую, общинную и всенародную память, превращая её из «холодной» хроники в «горячий», действенный патриотический импульс).

Бёрнс функционирует в поэзии шотландских эмигрантов не просто как творческий образец, но как «могучая» (mighty) мифогенная и этногенная личность. Он в полной мере является для шотландцев мифопоэтическим культурным героем. На этой роли он вполне сопоставим с аналогичными фигурами шотландского Средневековья и Ренессанса, позднее – Романтизма, от поэта-предсказателя Томаса Лермонта (между 1220-1297 гг.), через ясновидца Вильяма Дунбара (?1460-?1520) и выходца из англо-шотландского пограничья Вильяма Шекспира (1564-1616), вплоть до всеевропейского романтического кумира, шотландца по матери Джорджа Гордона Байрона. Такая трактовка функций национального поэта в XIX веке и для Старого, и для Нового Света содержала бесспорный элемент новизны. Тем самым шотландские эмигранты вносили свою долю новаторства в историю не только шотландской, но и американской литературы XIX века.

Т.о. и чисто идеологически, и текстуально шотландские поэты США используют фигуру Роберта Бёрнса и Роберта Льюиса Стивенсона, – как самых

известных шотландцев в не-шотландском мире. Тем самым они поднимают роль и статус всего «шотландского».

Выводы к Главе I.

Изучение теории и истории вопроса о патриотических мотивах шотландской эмиграционной поэзии США XIX века дало основания для следующих выводов.

1. Патриотические мотивы присущи всем национальным литературам всех исторических эпох без исключения. Однако восприятие и эмоционально-оценочное переживание этих мотивов значительно усложняется в нестандартных и/или экстремальных условиях. Одним из таких нестандартных/экстремальных условий является эмиграция авторов и/или читателей какой-либо национальной литературы, особенно эмиграция массовая.

2. Понятие «эмиграции» как новоевропейский концепт сформировалось достаточно поздно, в связи с событиями Французской революции. Тогда же (или вскоре после того) получило широкое распространение и само явление политической эмиграции.

Специфика шотландской эмиграции в США в XIX веке состояла в её двойственном характере. Это была не политическая, а трудовая эмиграция. Вместе с тем, память о предках, боровшихся за независимость на протяжении более чем полутысячи лет, обострила для их потомков и драматизм исторических воспоминаний, и напряженность патриотических чувств, и общенациональный масштаб, в котором осмыслялась миссия поэта. Этим эмиграционная поэзия шотландцев США XIX столетия оказалась типологически асинхронной, функционально ассиметричной и тогдашней метрополийной поэзии Шотландии, и поэзии американцев-янки.

3. Не приняв безоговорочно ни одной из современных им литературных тенденций: ни шотландских (для диаспоры США – слишком региональных), ни английских или американских (для той же диаспоры – чересчур модернистских

и/или индивидуалистичных), шотландские эмигранты выпали тем самым из сферы повышенного внимания как британской, так и американской критики. В немалой мере они оказались «геттоизированными»: запертыми в кругу «своих» общин, национальных и/или религиозных.

Такая (хотя бы относительная) изоляция не только не соответствовала, но прямо противоречила личным творческим и общественным устремлениям шотландских поэтов США. Они предпринимали энергичные усилия, чтобы их творчество не теряло доступа ни к национальной, ни даже к кросс-культурной картине мира.

4. Генерационный и генеалогический анализ, выполненный в диссертации, позволил реконструировать недостающие биографические данные о поэтах-шотландцах США изучаемой эпохи. Почти все эти поэты вышли из патриархальных районов Шотландии, многие – из крестьян. Большинство из них не поднялись выше среднего класса и не получили университетского образования. Вместе с тем, глубина их родовой историко-культурной памяти, прочность национальных традиций Шотландии поддержала среди них авторитет образованности, как фольклорной, так и книжной, веками воспитанный интерес к родной и общеевропейской культуре.

5. Отсюда проистекает парадоксальность патриотических мотивов в шотландской поэзии США. С одной стороны, этот патриотизм демократичен по своей идеологии, массов по своей читательской ориентации. С другой стороны, эта поэзия отличается высокой ассоциативной насыщенностью, жанровым разнообразием, незаурядной верификационной техникой.

Указанные свойства помогли поэтам-шотландцам и их текстам успешно выполнять как этномеморативную, так и этноконсолидирующую функции, причем не только для диаспоры, но и для самой Шотландии.

ГЛАВА II. ОБРАЗ «СТАРОЙ» РОДИНЫ (ШОТЛАНДИИ)

В предыдущей Главе I был сделан теоретико-литературный и историко-литературный обзор научных источников по изучаемым в нашей диссертации проблемам. Выяснилось, что таковых источников и в шотландской, и в американской, и в отечественной филологической литературе явно недостаточно. По-видимому, шотландисты считали разработку этих проблем задачей американистов, американисты – задачей шотландистов. Кроме того, сказалась неразработанность самой шотландистики как отдельного научного направления.

Молодым самостоятельным направлением оказалась и эмиграционистика. Более всего это касается отечественной филологии. В ней социальные возможности и методологическая база для изучения литератур эмиграции как равноправной части той или другой национальной литературы сформировались только во II половине XX века.

Как итог, не имеют общепринятой дефиниции или имеют противоречивые определения концепты «Родина» («старая»/ «новая»; «первая»/ «вторая»), «патриотизм» и «эмиграция».

Из выше изложенного вытекает единая структура, но разная проблематика двух следующих (II, III) глав диссертации.

Глава II отведена для выработки и апробации методов анализа, связанных с образом «старой» Родины наших поэтов, Шотландии.

Глава III предназначена для аналогичной работы с образом США.

Необходимо сразу же подчеркнуть: ни Шотландия, ни США не рассматриваются нами как образы замкнутые и статичные. В «чисто шотландском» или «чисто американском» качестве они являются текстообразующей основой иных типов изданий: соответственно, метрополийных шотландских или метрополийных американских национальных поэтических антологий. Наш аналитический материал – образ «Шотландии внутри Шотландии» и «Шотландии внутри Америки». В обоих случаях Шотландия

увидена шотландскими поэтами-эмигрантами в разных ракурсах, сквозь неодинаковую призму.

В первом варианте это «своя» жизнь «своих» людей внутри «своей» истории и «своего» жизненного пространства. Во втором варианте и «своё» пространство, и «своё» время, и «свои» люди и их жизненные ситуации вписаны в «другое», «новое» пространство, время, круг людей, в другой, американский авторский опыт.

При этом «старая» Родина, «шотландская» Шотландия, начинает играть другую, не идентичную роль и окрашиваться другими чувствами.

Чтобы проверить эти наши предположения, образ Шотландии как «старой» Родины был рассмотрен в трёх аспектах.

§ II.1. посвящён шотландскому топосу изучаемой нами поэзии, его структуре и основным художественным составляющим.

§ II.2. фокусируется на шотландском хроносе.

§ II.3. отдан шотландским персонажам этой поэзии (включая ситуации, в которых те действуют, и мотивировки их сюжетного поведения).

§ II.1. Образ Родины: шотландское пространство

Пейзажистика в поэзии шотландских поэтов-эмигрантов США XIX века исполняет три доминирующие функции: 1) *меморативную*, 2) *мифогенную* (мифопорождающую) и 3) *консолидирующую*. Все три функции очень тесно связаны между собой, вплоть до полного взаимопроникновения. В связи с этим в работе выдвинута гипотеза о том, что такое взаимопроникновение ведущих функций – характерная особенность не только шотландского эмиграционного дискурса, причём дискурса определенной эпохи (для нас – XIX века). Та же особенность может быть присуща эмиграционному дискурсу любой эпохи и любой национальной поэзии. Объясняется это несколькими причинами.

Меморативная функция: шотландские реалии. Основная аудитория поэтов-эмигрантов (для нас – эмигрантов из Шотландии) двоякая. Это 1) такие же

эмигранты, как и сами авторы текстов; 2) метрополийная аудитория. В том и в другом случае рассчитывать на читательский успех авторы могут, лишь апеллируя к патриотическим настроениям своих слушателей/читателей. Эти настроения поддерживаются прежде всего точностью авторских воспоминаний, документальностью текстовых реалий. Так возрастает роль меморативной функции.

Удостовериться в этом позволяют структурные особенности эмиграционных текстов, особенно их сильные позиции.

1) *Названия текстов*. Зачастую уже они содержат шотландские реалии. Список этот открывает само имя родной страны. Старинное (или поэтическое): «Каледония» (The Caledonian, А. Вингфилд); «Колокольчики Каледонии» (Caledonia's bluebells, Д.М. Крерар); «Колумбия-Каледоия» (Columbia – Caledonia, Дж.Д. Лоу) и др.). Современное: «Шотландия – шотландцам» (Scotland for the Scots, Дж.Д. Лоу); «Шотландия-мать» (Scotland mine, Д.М. Хендерсон); «Шотландия вечная» (Scotland Forever, В. Эндерсон), и др. Генерализованное («Родина») – в названиях текстов Джеймса Кеннеди, Вильяма Лайла, Джеймса К. Моффата и др. (См. Приложение III.)

2) *Инициальные строки*. Они также сразу ориентируют аудиторию на дальнейшее развитие патриотического мотива: «Слава государству!» (Hail, O Fatherland, to thee!.., В.М. Вуд), «Как песни Родины нас жгут…» (How dear to ev'ry Scottish heart / Are Scotland's melodies!.., Дж. Кеннеди), «Спой старой Шотландии песни…», «Где Родина краше Шотландии нашей?..» («Come sing me the songs of old Scotland…», «There's nae land like fair Scotland …», В. Лайл) и др.

3) *Рефрены.*

<…> Прославлена средь всех земных широт она –
Шотландцев Родина. <…>

В оригинале:

<…> 'Tis an honored place that same proud land,
The home of the Caledonian <…> [430, p, 142-143].

В переводе:

<…> Каледонии вы колокольцы!

Цвет родной синевы, колокольцы!

В оригинале:

<…> Caledonia’s Blue Bells,

O bonnie Blue Bells! <…> [337, p. 30].

<…> Да здравствует Родина вереска!.. <…>

В оригинале:

<…> Hurrah for the land of the heather!

The dear little land of the North <…> [384, p. 70].

<…>Шотландия вечна! Ура! Ура!

Служи ей сердечно! Ура! Ура!

Вершина Творенья, предмет восхищенья

Всех стран и народов. Ура! Ура!

В оригинале:

<…> Scotland forever! hurrah! hurrah!

Be false to her never! hurrah! hurrah!

The pink of creation – surpasses them a’, –

Ev’ry country aid nation. Hurrah! hurrah! [400, p. 33-35].

<…> Шотландия вечная, вечная, вечная!

Девиз повторяем: Шотландия вечная!

В оригинале:

<…> Scotland Forever; Aye Scotland Forever

Our motto and watchword be, Scotland Forever <…> [334, p. 360-361].

Отметим специфическую особенность реалий в патриотическом дискурсе: их оценочная семантика не может быть негативной. Вдвойне это справедливо относительно поэтов-эмигрантов.

Шотландские поэты метрополии допускали в своих стихах критическое и даже обличительное отношение к Родине. Вот как допрашивает Родину-Шотландию авторский герой у сэра Дэвида Линдсея (?1490-1555): «<…> Есть в наших реках выгода и прелесть, / В озёрах рыба всяческой породы, / В борах и лань, и заяц, и олень есть / Для соколиной и борзой охоты <…> / <…> Засим народ, – а он ещё и краше / Породою, и к подвигам способней. / Откуда же, – дивлюсь, – Убогость наша? / И жить мы так привыкли отчего в ней? <…>» («Диспут с Шотландией», [324, с. 100-101]). В оригинале: «<…> The rich Riveris, pleasand and profitabill; / The lustie lochis, with fish of sindry kindis; / Hunting, hawking, for nobillis convenabill; / Forrestis ful of Dae, Rae, Hartis, and Hyndis <…> / <…> More fairer people, nor of greater ingyne, / Nor of more strength great deedis til indure. / Wherefore, I pray you that ye wald define / The principal cause wherefor we are so puir <…>» (D. Lyndsay, From the Dreme of the Realme of Scotland [419, p. 169-171]).

А вот ещё более жёсткий диалог с соотечественниками спустя четыре столетия, у Эдвина Мьюира (1887-1959): «<…> Гордость без дна, а дерзость, так дотла / В державу всех нас сбила – и убила. / Мильоноглазая слепая сила / Народ наш вознесла – и разнесла. <…> / <…>Богатый плод духовных поражений, / Глухих углов домашние божки – / Вот Вальтер Скотт и Бёрнс: убогий гений, / Убогого народа классики. <…>» («Шотландия, 1941 год» [324, с. 246]. В оригинале: «<…> Courage beyond the point and obdurate pride / Made us a nation, robbed us a nation. / Defiance absolute and myriad-eyed / That could not pluck the palm plucked our damnation <…> / <…> Now smoke and dearth and money everywhere, / Mean heirlooms of each fainter generation, / And mummied housegods in their musty niches, / Burns and Scott, sham bards of a sham nation <…>» (E. Muir, Scotland 1941, [419, p. 428-429]).

Отчего же то, что разрешается соотечественникам «дома», не допускается в поэзии поэтов-эмигрантов? По-видимому, принадлежность к «своим» в первом случае для читателей несомненна, во втором случае нет. Поэтическим аргументом, подтверждающим авторский патриотизм и лояльность, в немалой мере как раз служат *пейзажные реалии.* Чем они точнее, тем больше автор воспринимается как член «своей» этно- и социокультурной группы. Не так важно, чтобы поэт и его аудитория были земляками в узком смысле (т.е. имели «в жизни» ту же малую родину: край, селение и т.п.). Гораздо важнее, что и автор, и его слушатели/читатели позиционируют себя как «настоящие шотландцы» (Real Scots).

Это наблюдение доказывает, что *меморативная* функция шотландских пейзажей получает у поэтов-эмигрантов не только личную, но и *социогрупповую* значимость. Такие пейзажи сначала формируют, затем поддерживают «братство памяти»: вторую доминантную функцию – *консолидирующую*. Недаром эти пейзажи, эти реалии оцениваются шотландскими критиками «дома» неизменно положительно – как текстовое удостоверение в том, что автор – действительно «свой», «клансмен», «патриот» [241, 247-254, 261, 264].

Однако документальность подобной пейзажистики одновременно условна. Она условна не только потому, что поэзия не относится всё же ни к строго документальному, ни к строго мемуарному дискурсам. У неё свои задачи и свой художественный язык. Условность реалий в описаниях шотландской природы и повседневной жизни связана ещё и с тем, что описания эти у поэтов, которых мы исследуем, сознательно или бессознательно ориентированы на создание «шотландского мифа» (как и «мифа американского», но о нём см. Главу III).

Сигналом служит тот – наблюдаемый в текстах – факт, что пейзажные *реалии* начинают постепенно играть роль пейзажных *символов*. Иногда процесс этот происходит внутри одного и того же текста.

Консолидирующая функция: шотландские эмблемы и символы. Национальные эмблемы и символы являются ядром любого образа Родины. Они способствуют национальной самоидентификации и обеспечивают как её

стабильность, так и её динамику. В литературном плане они могут выполнять сюжетообразующую функцию (сохранение/потеря/удержание/защита национальной эмблематики и символики). Не менее активно они участвуют в формировании хроноса национально ориентированных текстов, помогая организовывать не только их этнографическое, но также их историческое пространство, маркируя места наиболее исторически значимых национальных событий.

Стоит, вместе с тем, обратить внимание на то, что в стихах шотландских поэтов (и в метрополии, и в эмиграции) Scotland как этатоним, т.е. название *государства*, не подвергается дополнительной, чисто художественной этимологизации.

Зато поэтические ассоциации, связанные с Шотландией как *землёй*, фиксируются набором устойчивых рифм. Это: 1) band (в значении «группа друзей, земляков, боевая дружина»); 2) hand (чаще всего в роли синекдохи: подавать руку, объединять руки (= усилия), поднять руку на Шотландию (о врагах) и т.д.); 3) land (метафоры «земли», от физической почвы до космического «белого света»; 4) grand («великая»; очень частый эпитет для «новой Родины», США, более редкий для Шотландии).

В какой же мере поэтическое «шотландское пространство» в текстах американской диаспоры XIX века совпадало (или не совпадало) с реальным шотландским пространством того же времени? Где располагалась их «Страна Давным-Давно» (Auld Lang Syne, или – в некоторых текстах – просто Langsyne, в одно слово)? Существует ли она для поэтов-эмигрантов в действительности – или только в их воображении: в детских и юношеских воспоминаниях, во снах и грёзах наяву? Или это страна осталась в песнях и книгах – в фольклоре и метрополийной поэзии, в творчестве диаспорных предшественников, от Ренессанса, Реформации и Барокко, вплоть до Романтизма и Постромантизма, до Большой Эмиграции конца XVIII-всего XIX веков?

Ответить на эти историко-биографические и историко-литературные вопросы помогают «пейзажные парадоксы» в шотландской поэзии США изучаемого периода.

В стихах многих, едва ли не всех эмигрантов образ Шотландии двоится. Она мала (wee), но она же величава (grand, great). Она бедна (poor; особенно регулярно этот эпитет прилагается к населению), но она же изобильна и богата (rich, richeous; это постоянная характеристика её природы). Шотландия сурова (hard, fierce), лишена красот (bare), даже бесплодна (waste (lands)), её типичные пространства – болота (moors), пустоши (mochair(s)). Однако она же сплошь зеленая (green; emerald) от лесов и лугов; золотая (gold, golden, gilded) от полей, покрытых злаками; пурпурная, розовая и лиловая (purple) от вереска; разноцветная, радужная (rainbow-like) от изобилия цветов. Не упоминается ни единого её уголка, где не росли бы (и не приносили бы урожая) шотландские орехи, ягоды, злаки, плоды. Красочны, изобильны даже её «дикие» места: лесные чащи, горные кручи, степные пустоши и болота.

Столь же противоречив в поэзии эмигрантов климат Шотландии. Одни и те же края, такие красочные и щедрые (см. выше), представляют собою «холодный Север» (cald Norse), покрыты снегом и льдом, застланы туманом и моросью (mist – одно из наиболее частотных слов в шотландской пейзажистике поэтов-эмигрантов). Постоянный её рефрен также – ветры, от благодатных бризов (breeze), влажных ветров Атлантики и Юга, и вплоть до бурных и беспощадных ураганов и циклонов Арктики, порывов ненастья (blasts, gales и их синонимы). А лица людей и картины природы очень часто видятся thro wind an’ rain («сквозь ветер и дождь») – типичный ракурс этих пейзажей.

Сравнение с научными метеорологическими, геологическими, ботаническими и зоологическими описаниями шотландской «дикой природы» (wildlife) показывает, что подобные контрасты вполне реалистичны. Находясь на линии схождения и разлома гигантских материковых плит древности, на пересечении воздушных и морских потоков, Шотландия действительно сформировалась как страна контрастов. Так, на Западе и Юго-Западе страны,

даже на безлюдных ныне островах, до сплошной вырубки их леса изобиловали звери и птицы, а до браконьерской ловли рыбы прибрежье кишело крабами, омарами, устрицами, рыбой десятков наименований и морскими животными, вплоть до дельфинов и китов. На территории Шотландии, в отдельных поместьях, до сих пор находятся ботанические сады, с тропическими растениями, а число шотландских заповедников приближается к ста [235].

Тем не менее нельзя отрицать, что из географических и биологических фактов поэты Шотландии очень рано, начиная с XIV-XV вв. (ср. стихи-пейзажи Роберта Мейтленда (Maitland, 1369-1434) или Гэвина Дугласа (Douglas, 1474-1522)), создали шотландский «зелёный миф»: миф о Зелёном Рае западноевропейского Севера ([419, p. 159-168, 176-180].

«Bonnie wee sprig o’ the dear purple heather, / Fresh frae the auld lan’ my heart lo’es sae weel <…>» [383, p. 71], в переводе: «Вереска ветка, кустик лиловый / КрАя, где корни твои и мои <…>» (В. Лайл, «Bonnie wee sprig o’ the dear purple heather…», в переводе «Родина вереска»); «<…> The hills, an’ the huts. / The trees on that green <…>» [325, p. 137-138], в переводе: «<…> Деревья и травы, / Пригорки и хатки <…>» (Х. Эйнсли, A Hameward Hymn, в переводе «Песня возвращения»); «<…> Day by day thy mem’ries haunt me, / Rich in all things bright and rare; / Night by night sweet dreams enchant me / Of thy beauties fresh and fair <…>» [371, p. 50-51], в переводе: «<…> Чудесами ты богата, – / Мне о них напомнит день. / Тайна вся ты и краса ты, – / шепнёт ночная тень <…>» (Дж. Кеннеди , To my native land, в переводе «Родине»); «Its bonnie on the Inch o’ Perth, / In summer when the flowers are growin’, / Ye winna’ fin’ through a’ the earth / A spot wi’ nature’s gifts mair rowin’! <…>» [417, p. 93], в переводе: «Красив ли летом, Пёртский холм! / Цветов, цветов на склонах – тыщи те! / Нигде на свете краше форм / И слаще запахов не сыщете. <…>» (П. Росс, The Inch o’ Perth, в переводе «Пёртский холм»); «The Bonny Woods o Clova / How can I e’er forget ? / I’ve wander’d far but never seen / The equal o’ them yet. / Frae sunny brae to shady glen / An’ burnie singin doon the den – / O, ilka nook I used to ken / Within the Woods o Clova! <…>» [380, p. 184-186], в переводе: «Забыть ли Кловские леса, / И домик

наш у скал? / На свете много видел я, / Но краше не видал. / Согретых солнцем луговин, / Укрытых тенью логовин – / Вас не забыл ваш верный сын, / О, Кловские леса! <…>» (Дж.Д. Лоу, The Woods o’ Clova, в переводе «Кловские леса»).

В целом же пейзажи Шотландии в лирике шотландских поэтов-эмигрантов США, несмотря на обилие реалий, настойчиво символизируются, а затем и мифологизируются. Нередко это происходит (как уже говорилось) в рамках одного текста.

Описание начинается с серии реалий: зрительных, звуковых, световых, цветовых (колоративных), запахов (реалий одоративных) и т.д. Нагнетание, «каталогизация» и гиперболизация превращает реалии в символы. Картина мира, выстраиваемая из сплошных символов, в свою очередь, делается «шотландским мифом».

Таким образом меморативная, консолидируюущая и лаудативная (воспевающая) функции, объединяясь и взаимно усиливая друг друга, синтезируются в функцию мифогенную (мифопорождающую). Пейзажи Шотландии становятся аналогией библейских описаний Рая.

«Райское» впечатление поддерживает звуковой фон: неумолчное пение птиц – жаворонков (larks), дроздов (thrushes), щеглов (blackbirds), коноплянок (linnets), снегирей (redbreasts), стук дятлов (peckers), крики журавлей (cranes) и выпей (bitterns) на болотах. Особенно щедры на такую поэтическую звукопись Дж. Кеннеди и Д.М. Хендерсон.

Первый так «записывает» родной пейзаж Грампиана (Among the Grampian Hills, в переводе «В Грампиановых горах»: «<…> In hollow vales by dark green woods / Sweet music charm’d the solitudes: / The blackbird led the vocal choir, / The skylark, like a flash of fire, / Seem’d glittering bright the clouds among / And pour’d his flood of fervid song; / The merry linnet, in the bush. / Sang sweetly to the answering thrush <…>» [359, p. 81-82].

В переводе: «<…> Где в глубокой глуши зеленеющий бор, – / Одиночество с песней ведут разговор. / Чёрный дрозд в их хору запевалой; / Коноплянка –

солисткою малой; / Ярый жаворонок, точно в небе огонь, / Разгорелся вверху от певучих погонь; / И приветом встречает синица, / Тех, кто в горы приходит любиться. <…>»).

Второй поддерживает ту же пейзажную технику (Tennyson, в переводе «Теннисон»): «When the lark has dropped from the summer sky, / When the one, clear, masterful note of song / That fell to us out of the heavens high / Is stilled – ah well, we may hear the throng / Of fledglings chirping in wood and lea / Their rondeaus, triolets and the rest –/ But after the skylark's melody / Silence awhile methinks were best» [354, p. 23]. В переводе: «Когда жАй-ворон упадёт с небес, / Когда стихнет звук – тот один, живой, / Золотой, – слыхать начинаешь лес: / Птичий пересвист, говор верховой, / Дятлов перестук, трель со всех сторон, / Альбу и катрен, рондо и сонет… / Но когда отпел песню жАй-ворон, / Лучше тишины завершенья нет»).

Эмблематическую нагрузку могут нести и отдельные, наиболее исторически и/или биографически значимые *микротопонимы* Родины-Шотландии. Наиболее частыми из них являются названия: 1) мест рождения/детства/юности автора/авторского персонажа; 2) мест национальной боевой славы, прежде всего, битв; 3) литературно отмеченных мест.

Примеры первого типа – «Кловские леса» (The Woods o' Clova, J.D. Law), «Рэглинский мост» (Auld Ruglin Brig, D. Ramsay), «Алловэйский храм» (Auld Kirk Alloway, M. Taylor); «Пёртский холм» (The Inch o' Perth, P. Ross) и др. Примеры второго типа – Куллоден (Dark Culloden Day, P. MacpPherson), Бэннокбёрн (Scotland Forever, W. Anderson), Ларгс и Стёрлинг (There's nae land like old Scotland, W. Anderson). Пример третьего типа – Лох-на-Гар (Lochnagar) (Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen, J. Kennedy). Последний пример – несомненная аллюзия на известное (и особо любимое в Шотландии) стихотворение Дж. Гордона Байрона «Лэчин-и-Гэр» (Lachin y Gair, второй вариант имени той же горной вершины «Лох-на-Гар»: «<…> Славься, Шотландии снежной громада, / Ристалище вихрей и бури разгар, / Не плеск водомёта, а хрип водопада. / Тоскую по кручам твоим, Лох-на-Гар. <…>» [324, с. 218]. В оригинале: «<…> Yet, Caledonia, beloved are thy mountains, / Round their

white summits though elements war; / Though cataracts foam ‘stead of smooth-flowing fountains, / I sigh for the valley of dark Loch na Garr <…>» (Lachin y Gair [419, p. 391-392]).

Каким же образом шотландские реалии перетекают у наших поэтов в шотландские символы?

Родина как волшебная земля. Мотив Родины, иногда не видимой въяве, но всегда живущей в памяти авторского героя, героя-протагониста, нередко становится в этой памяти топосом особой окраски: «волшебной горой», «волшебным лесом» или «волшебным лугом/полем». Тогда названия подобных гор, лугов (долин) или лесов, будучи реалиями, превращаются сначала в символы, а потом мифологизируются. Это происходит, например, у Дж. Кеннеди, «В Грампиановых горах», или у Дж.Д. Лоу, в его «Кловских лесах».

Символизируются *парные реалии* («vale – dale», «hill – glen», etc.), подкреплённые подчас ещё и *рифмами*. Они встречаются во многих текстах и по устойчивости приближаются к фразеологизмам. (Ср. их парные же соответствия в переводах: «холм – дол», «вершина – долина», «долина/лощина – стремнина» и т.п.).

Семантику чудесности этим топосам также придают: 1) яркие *эпитеты-колоративы* (rainbow – «радужный», golden/gilded – «золотой», «позлащенный», silver – «серебряный», green/emerald – «зелёный», «изумрудный», blue/sapphire – «синий», «сапфирный», red/purple – «алый», «пурпурный», etc.); 2) рифмующиеся эпитеты со значением *позитивного качества* (в т.ч. *суперлативы*): rare – fair, bright – light, bonny, braw, smart – «редкий», «прекрасный», «светлый», «яркий» и др.; или: fairest, brightest, etc.; 3) эпитеты-*эмотивы* (dear, happy, bltyh(e), etc. – «дорогой», «счастливый», «блаженный», «радостный» и т.д.).

Одним из способов перехода в это волшебное «инобытие» (религиозное, мифопоэтическое, фантастическое, детское и т.п.) является перемещение *во сне*. При этом сказочный сон может быть заявлен автором в открытую (и, т.о., войти в лирический сюжет), а может изображаться как грёза наяву – или, в наиболее ослабленном, «реалистическом» виде, как заветная мечта.

Мотив мечты/грёзы/сна (dream). Универсальное средство переноса авторского лирического героя из эмиграции на Родину: в «свою» Шотландию и её природу – это состояние сна как грёзы, мечтания (не sleep, а dream). Во многих текстах эмиграционного дискурса так начинается воображаемое путешествие на Родину. Например: «<…> Yet dearer memories fondly forth / Come linked with Noran's crystal stream, / That, bright as in its native North, / Oft sparkles in my fancy's dream. <…>» [362, p. 44-47]. В переводе: «<…> Но слаще сон спешит ко мне: / Сверканье Норанской струи. / В далёкой северной стране / Её истоки – и мои. <…>» («Норан-река», Дж. Кеннеди). Или: «<…> Auld Ruglin Brig and Cathkin braes / And Clyde's meandering stream, / Ye shall be subject of my lays / As ye are of my dreams. <…>» [412, p. 202-203]. В переводе: «Где Рэглин-мост, и Кэткин весь, / И Клайда вёрткий путь, / Войдя в мой сон, войдут и в песнь / Мою когда-нибудь…» («Рэглинский мост», Д. Рамсей).

Иногда путешествие-грёзу реализует в тексте не сон, а волшебная сила поэзии. В подобных случаях воскресает мифопоэтический (а исторически – шаманистский) мотив странствия в иномирие (в т.ч. у слушателей) через выслушивание шаманского (позже – сказительского) путешествия в этот «другой мир»: «<…> For all youth's fairy scenes and glee, / Loves, hopes and fancies fain, / In Poesy's art illumed by thee, / Come back to us again. <…>» [372, p. 66-67]. В переводе: «<…> Весь мир мечтаний молодых / И упований храм – / Всё превращалось в Бёрнсов стих / И возвращалось к нам <…>» («К тени Бёрнса», Дж. Кеннеди).

В некоторых текстах мотив мечты/сна/грёзы как «транспортного средства» 1) на Родину, т.е. 2) в детство/юность/молодость, т.е. 3) в райское иномирие, – «спрямляется». Сон/грёза сразу становятся в стихах путешествием в Рай. Тогда функцию Рая исполняют одновременно и Родина, и юность. С другой стороны, каждое из звеньев этой цепочки может наращивать дополнительные звенья. Например: дом → родители → братья и сёстры. Или: школа → учителя → товарищи. Или: селение (городок) детства → земляки. Или: ближайшая природа (холмы – леса – луга – поля) → «родные» растения → «родные» звери и птицы.

Приведём несколько иллюстраций. «<…> When I think on the nights that we spent hand in hand, / When love was our solder, an’ friendship our band, / This warld gets dark – but ilk night has a daw’, / An’ I yet may rejoice wi’ the lads far awa.» [329, p. 46]. В переводе: «<…> Как вспомнятся ночи – с рукою рука – / В нашей далёкой стране!.. / И мир всё темней, но свои всё тесней, / И дом всё родней, и рассвет всё видней, – / И радостно издали мне!» («Парни из далёкой страны», Х. Эйнсли). Ещё иллюстрации: «<…>”To let me remain in the home of my fathers. / Is all that I ask in the land of my birth <…>”» [411, p. 183-184]. В переводе: «<…> – Оставьте меня в доме, где жили мои предки, – / Вот всё, чего прошу я в земле, где родилась <…>» («Вдова Кэмпбелл», Дж. Паттерсон); «<…> With songs from the mother, and legends from sire, / How blithe were we all round the cheerie peat fire! <…>» [337, p. 30]. В переводе: «<…> И поёт в доме мать, и читает отец, / И сидеть хорошо у трескучих дровЕц <…>» («Колокольчики Каледонии», Д.М. Крерар).

Аналогично возникает Рай на лоне родной природы: «<…> O meet me at the trysting gate / Down by the hawthorne tree, <…>» [403, p. 54-55]. В переводе: «И мы войдём в зелёный дом, / Где жимолости куст, мой друг… <…>» («Бесси дорогая», Д.К. МакКаллум). «<…> There, sweet amid the shady gloom, / Thou hear’st the blackbird chant his lay, / Thou see’st the pale primroses bloom, / And silent ling’ rest on thy way! <…>» [362, p. 44-47]. В переводе: «<…> А в сумраке тенистых чащ / Подарит дрозд тебе напев, / Постелят примулы свой плащ, / Тебя в дороге приодев. <…>» («Норан-река», Дж. Кеннеди). «<…> Its fauna, the red deer, the roe and the hare; / For flora, the bluebell and daisy are there. <…>» [400, p. 33-35]. В переводе: «<…> Косуля там бродит, олень там трубит, / Растёт колокольчик, цветёт маргарит <…>» («Шотландия», П. МакФерсон).

Наибольшее усложнение разбираемого мотива достигается, однако, не столько лексическими, сколько композиционными способами. Так, в стихотворении-песне Х. Эйнсли «Парни из далёкой страны» композиция в первых строках представляется по-фольклорному ясной и простой. Авторский герой вспоминает «далёкую страну» (the land far awa’), которую он оставил. На фоне

других текстов эмиграционного дискурса (в т.ч. текстов других авторов) эта «далёкая страна» интерпретируется однозначно. Она – Родина (Шотландия), о которой вспоминают (мечтают, видят в грёзах) в эмиграции.

Вместе с тем, уже в следующих строках «далёкая страна» из образа *пространственного* превращается в символ *временной*. Это страна *прошлого* – детских и юношеских лет, тогдашней дружбы и любви: «When I think on the lads, an' the land I hae left, / An' how love has been lifted, an' friendship been reft, / How the hinny o' hope has been gumbl'd wi' ga', / Then I lang for the lan' an' the lads far awa <…>» [329, p. 46]. В переводе: «Как вспомню парней из далёкой страны, / С которою я разлучён: / Как славно мы жили, как крепко дружили! – / Срывается с губ моих стон <…>».

Ещё далее – хронотоп этой страны испытывает две трансформации одновременно. С одной стороны, он делается тесным хронотопом одного какого-то застолья, одной совместной ночной прогулки с друзьями, или с любимой, или с кем-то из близких. С другой стороны, хронотоп глобализируется и универсализируется. «Далёкая страна» теперь – это пространство и время вечного света, тепла, добра, вечной любви и радости. Так оно приобретает имплицитные, но бесспорные черты рая: «<…> When I think of the nights that we spent hand in hand, / When love was our solder, an' friendship our band, / This warld gets dark – but ilk night has a daw', / An' I yet may rejoice wi' far awa» [Ibid.]. В переводе: «<…> Как вспомнятся ночи – с рукою рука – / В нашей далёкой стране!.. / И мир всё темней, но свои всё тесней, / И дом всё родней, и рассвет всё видней, – / И радостно издали мне!».

Подобную трансформацию: от Родины-Дома до Родины-Рая – встречаем в текстах других авторов. Например, В. Эндерсона: «Oh; Scotia, the land never trod by a slave, / Made free by the blood of a martyr and yeoman <…>» [334, p. 360-361]. В переводе: «Земля, где повсюду свободно ступает нога, / Оплачена пахаря пОтом и кровью страдателя <…>» («Шотландия вечная»). Или у него же: «There's nae land like fair Scotland, / Her vales sae bonnie, hills sae hie <…>» [335, p. 354-355]. В

переводе: «Чья Родина краше Шотландии нашей? / Высокое небо, святая земля <…>» («Чья Родина краше?..»).

Максимально усложнённый «райский вариант» создаётся, когда герой попадает в «американскую сказку», в «американский рай», – и в то же самое время оказывается в «шотландской сказке», в «шотландском раю». На картины, которые герой видит в США, наплывают картины, которые он вспоминает: его далёкая первая Родина: «<…> Ay fact, its sae – oor ain sweet flow'r. / The Scottish daisy – oh! what power / Is in this seeing / That gars auld memories in a shower / Flood a' my being! <…>» [346, p. 47-52]. В переводе: «<…> И, однако ж, это правда: наш цветок, / Маргаритка из Шотландии – восторг! – / В Балтимор американский заглянула. / Старой памяти разверзнула поток / И житье моё сей миг перевернула!» («Маргаритки в Балтиморе» Д.М. Хендерсон).

Мотив плавания на Родину/в Рай. С плаваний начиналось освоение Нового Света (в т.ч. территорий будущих Штатов). Плаванья предшествовали этому освоению: в Америку жители Старого Света первоначально не приезжали, а именно приплывали (викинги, морепроходцы, пираты, контрабандисты и т.п). Сама Британия омываема водами двух океанов (Атлантического и Ледовитого), нескольких морей и сотен проливов и заливов. Неудивительно, что мотив странствия в волшебное иномирие, с древнейших времён отложившийся и в кельтской, и в германской традициях британской мифологии и фольклора, зачастую сохранялся в виде именно «плаванья» [45].

Тот же мотив *«волшебного плаванья»* имеет иной вариант – речной. Реки служили первыми внутриматериковыми дорогами человечества. Они «сводили/разводили» не только отдельных личностей, но и исторические судьбы целых народов [161]. По данным местных легенд и мифов в словарях и энциклопедиях фигурируют даже списки наиболее «одушевлённых», персонифицированных рек той или иной национально-исторической традиции. Для метрополийной Шотландии подобными живыми, «действующими лицами» были реки Твид, Клайд, Ди(и), Дун (Дон) и некоторые другие [290, 292, 295, 296, 307]. Все они полифункциональны: могут участвовать в сюжетах исторических

(более поздних) или мифологических (более ранних). При этом они же амбивалентны: могут выступать и как «добрые» персонажи, помощники героев-протагонистов, и как персонажи «плохие», помощники героев-антагонистов.

В США многие крупнейшие реки до сих пор носят индейские имена: Миссисипи (букв. «большая вода»), Миссури (букв. «люди на больших каноэ») [322, p. 868] и др. Они как бы напоминают: кому здешнее пространство (и его главные «дороги», реки) были исконно родными. Быть может, и поэтому мотив плаванья авторского героя-шотландца по этим рекам часто трансформируется в мотив возвращения домой (возвращения виртуального – в мечте или в забытьи). Такая трансформация неоднократно имеет место, например, у Дж. Кеннеди (стихотворения Noran Water, в переводе «Норан-река», или The Highlanders in Tennessee, в переводе «Шотландские горцы, сражавшиеся в штате Теннеси»).

Таким образом, «шотландское пространство» в эмиграционной поэзии США XIX-го века организовано по модели пространства «домашнего», «семейного», земляческого, – или же пространства космического, глобального. Отсюда проистекает его «детская» (или «юношеская») эмоциональная атмосфера, повышенная интимность, «близкая» оптика и крупные планы пейзажных и бытовых описаний. Но отсюда же идут универсальные афоризмы или сентенции в конце пейзажных текстов.

Эмиграция внесла и в эту оптику, и в эту символику свои коррективы. Любимый и любящий, «детский» (вариант: «юношеский») рай оказался, во-первых, раем далёким, во-вторых, потерянным, в-третьих, на фоне новых трансатлантических пространств, – раем малым. Это не унизило его в глазах поэтов-эмигрантов, но внесло особую щемящую ноту: авторскую тоску не только по «малой Родине», но и по собственной «малой истории» – по началу собственной жизни (детству, отрочеству, юности).

§ II.2. Образ Родины: шотландское время

В параграфе II.2. анализу подвергнуто шотландское время – один из важнейших инструментов создания образа Родины (Шотландии) и передачи патриотического мировосприятия.

Шотландское время участвует в создании образа Родины гораздо более сложно, чем шотландское пространство. Отчего же?

Реально-историческая Шотландия за XIX век претерпела кардинальные изменения. Учитывая сельское происхождение многих поэтов-эмигрантов (или, по меньшей мере, их ближайших предков), начнём с перемен в шотландской агрокультуре. Старые традиции вольных, неогороженных выпасов, «диких» лугов заменились на новую систему. Пастбища стали ограждать, луга – специально засевать и косить. Был введён севооборот. Существенно изменилась шотландская экономика. Примерно в 10 раз увеличилось число банков. Ещё с конца XVIII века произошла т.н. «индустриальная революция». Более чем в 20 раз возросли объёмы судостроения; по шотландским рекам началось регулярное пароходное движение. Были проложены железные дороги, в т.ч. вглубь Шотландии [265].

Переменилась и демографическая ситуация. Население страны выросло ≈ в 4 раза, несмотря на вынужденную активную эмиграцию: ближнюю, в Англию, и дальнюю, за океан). (Подробнее см. выше, Главу I.)

Знали ли об этих переменах поэты-эмигранты?

На «старую» Родину (в гости к родным и в писательско-издательские поездки) шотландские поэты-эмигранты XIX века, (в отличие от века XVIII-го), могли наезжать беспрепятственно: политическими эмигрантами они уже не были. Кроме того, с «домом» велась оживлённая переписка, что отразилось и в поэтических текстах. Об этом свидетельствуют, например, стихотворения Д.М. Хендерсона, Flow’rs frae hame (в переводе «Посылка из дома») или В. Лайла «Bonnie wee sprig o’ the dear purple heather…» (в переводе «Вереска ветка»).

Следовательно, социокультурный облик «новой», современной им Шотландии был нашим поэтам более или менее известен.

Однако же в исследуемых нами текстах превалирует образ «вечной Шотландии». И не просто превалирует – по существу, именно он и только он превращает «шотландское время» в сверхактуальное настоящее и для автора, и для авторских героев.

Характерный пример – стихотворение Э. Ванлисса «Родимый наш язык» (Our Mither Tongue). Оно начинается чётким, привычным делением «родного» времени. Вот прошлое Родины:

Немало дней прошло, как покидали мы
Седой Шотландии дозорные холмы,
Ручьи петлистые, и вересковые долины,
И на откосах грозди алые рябин <…>

В оригинале: «It's monie a day since first we left / Auld Scotland's rugged hills – / Her heath'ry braes and gow'ny glens, / Her bonnie winding rills <…>» [425, p. 128-129].

Заметим: это прошлое Родины не исторично – оно природно, космологично. Вот прошлое, а затем настоящее биографическое – авторских героев:

<…> Любили Родину мы в пору давнины,
Когда и мы, и наша жизнь были юнЫ.
Но и теперь, когда кто взросл, а кто старик,
Её мы любим – и родимый наш язык <…>

В оригинале: «<…> We lo'ed her in the by-gane time, / When life and hope were young, / We lo'e her still, wi' right guid will, / And glory in her tongue! <…>» [Ibid.].

Затем прошлое переходит в настоящее через «время воспоминаний»:

<…> Забыть ли сердцу те погожие деньки,
Когда из школы мы неслись вперегонкИ, <…>
<…> Забыть ли сердцу ту часовенку вдали,
Где стены зеленью витою заросли?

Забыть ли кладбище, где лёгшие подряд,

ДедЫ и прАдеды натруженные спят? <…>

В оригинале: «<…> Can we forget the summer days / Whan we got leave frae schule, <…> / Can we forget the lonesome kirk / Where gloomy ivies creep? / Can we forget the auld kirk yard / Where our forefather's sleep? <…>» [Ibid.].

В финале все три этих времени: и прошлое Родины, и личное биографическое прошлое, и родовое прошлое героев, пройдя через «вечное время» национальной культуры («где пели песни Роберт Бёрнс и Вальтер Скотт <…>», в оригинале: «<…>Where Scott and Burns sung <…>»), выходят в вечность, где сливаются история и биография, религия и культура:

<…> О, Мать-Шотландия! О, славы колыбель!

Шаги Уоллесовы слышно здесь досель,

И те молитвы, что прямые шлют сердца,

Взлетают прямо к трону нашего Отца <…>

В оригинале: «<…> Auld Scotland! Land o' mickle fame! / The land where Wallace trod, / The land whose heartfelt praise ascends / Up to the throne of God <…>» [Ibid.].

Ту же временнУю организацию встретим у В. Лайла (The land of the heather, в переводе «Родина вереска»), или у Дж. Паттерсона (Dreaming, в переводе «Мечты о Родине»), или у Д. Рамсея (Auld Ruglin Brig, в переводе «Рэглинский мост»).

Типы художественного времени. Чтобы объяснить выявленную нами закономерность, рассмотрим типы *возможной* временной организации художественных текстов, выработанные культурой. Основных типов не так много, поскольку все они детерминированы такими крупными системами, как историко-культурные картины мира.

Итак, модели времени можно свести к следующим.

1. Колебательное время.

2. Круговоротное время.

3. Поступательное время.

4. Параболическое время.

5. Нулевое (или, наоборот, «всеобщее») время – вечность.

В каких же ситуациях патриотического дискурса наши поэты используют ту или иную временную модель? И ради каких целей они это делают?

Учёными предложены следующие интерпретации перечисленных типов темпоральной организации текстов культуры (поэзии, в том числе) [6, 7, 177].

1) *Колебательное* время – наиболее архаическая модель. В ней воспринимаются и изображаются лишь «космические» колебания света/тьмы, тепла/холода, влажности/засухи и т.п.

2) *Круговоротное* время – следующая по архаичности, языческая (мифопоэтическая) модель. В ней время ощущается и фиксируется в форме «вечного возврата»: от утра к ночи и снова к утру, от весны к зиме и снова к весне, от рождения к смерти и к новому рождению – возрождению или реинкарнации.

3) *Поступательное* время – модель, в которой время имеет некую цель и потому не знает простого возврата. По этой модели выстроена позднейшая модель исторического «прогресса».

4) *Параболическое* время – модель мировых религий Откровения и в особенности христианства. Время истории трактуется в ней как духовный взлёт или духовное падение. Но в целом «конец» земного времени никогда не является простым возвращением к его началу: за этим концом следует совершенно новое состояние – вечность.

В произведениях шотландских эмигрантов (в т.ч. в текстах патриотической тематики) встречаются все обозначенные выше типы художественного времени. Однако каждое из них тяготеет к определённым персонажам, ситуациям, сюжетам, мотивам.

«Колебательное» время часто связано с мотивами забытья, грёзы наяву и с ситуациями мысленного (но не реального) пребывания на Родине детства и юности, а отсюда и с персонажами-детьми (или семьёй ребенка). Время реально-биографическое (как и время реально-историческое) при этом отменяется.

Наиболее характерно такое время в «природных» ситуациях, в которые герой погружается, однако над ними не рефлексирует.

Если же автор сознательно отмечает все переходы к этому «времени памяти», тогда начинают перманентно повторяться самые важные впечатления этого далёкого прошлого (Auld Lang Syne). Время делается круговоротным.

Рассмотрим фрагмент из «Песни возвращения» Х. Эйнсли (A Hameward Hymn): «Each whirl o' the wheel, / Each step brings me nearer / The hame o' my youth; / Every object grows dearer. / The hills, an' the huts, / The trees on that green; / Losh! they glour in my face, / Like some kindly auld frien' <…>» [325, p. 137-138].

В переводе: «Колеса вращаются, / Даль сокращается. / В страну моей юности / Всё возвращается: / Деревья и травы, / Пригорки и хатки / В лицо тебе смотрят: / Всё ли в порядке? <…>».

Приведём ещё один аналогичный пример: «<…> The bonny woods o' Clova, / Forever may they bide / The brawest sicht to gaze upon / In a' the country side! / Had I the future in my han' / For happier days I'd never plan / Than end my life whaur it began – / Beside the Woods o Clova! <…>» [380, p. 184-186].

В переводе: «<…> Родные Кловские леса, / И воздух, и вода, / Прекраснейшие чудеса / Храните навсегда! / Хочу одно: когда-нибудь / Окончить путь, где начал путь, / И время вспять опять вернуть / К вам, Кловские леса» (Дж.Д. Лоу, The Woods o' Clova; в переводе «Кловские леса»).

Круговоротное время в произведениях шотландских поэтов-эмигрантов может, т.о., быть построено на знакомых нам ситуациях виртуального путешествия на прежнюю Родину. Эти ситуации могут быть дополнены (чаще всего, в сильных позициях текста: в самом начале и/или к финалу) ситуацией «вечного возвращения», но возвращения в новую реальность новой страны, новых людей и мест, нового возраста самого героя.

Иллюстрируют такой вариант строки из «Норан-реки» Дж. Кеннеди: «<…> O Noran! bright thy memory brings / My careless boyhood back to me, / When ardent hope on fancy's wings / Beheld life's future gleam like thee. / But though life's path be dull and strange, / And rare the promised joys I meet, / In thee I have, through time and

change, / One golden memory ever sweet!» [362, p. 44-47]. В переводе: «<…> О, Норан! ты приносишь мне / Назад мальчишечьи года: / Там будущее в детском сне / Сверкало, как твоя вода. / Пусть жизнь теперь, как дым, как тень, / И мало счастья в жизни той, – / Ты в душу возвращаешь день / Один – но вечно золотой».

Создаётся достаточно сложная модель текстового времени: 1) США (настоящее, реальность) → 2) Шотландия (прошлое, виртуал, детство) → 3) США (будущее, виртуал для той, давней реальности) → 4) США (настоящее, квазиреальность) → 5) Шотландия (воспоминание, настоящее души, сверхреальность).

Историческое поступательное время, как ни удивительно, представлено в шотландской поэзии США XIX века меньше всего. Возможно, это объясняется тем, что шотландская история мало интересовала «английских» американцев, афроамериканцев, латиносов и индейцев, т.е. не-шотландскую аудиторию Америки. Американская же история мало занимала авторскую аудиторию в Шотландии XIX столетия.

Ещё важнее, однако, мотивировка художественная. Поэты-эмигранты не ставили своей задачей создать в стихах ни хронику Шотландии, ни хронику США. Чисто хроникальную задачу решала для Шотландии шотландская, для США американская документалистика, публицистика и проза. Поэзия (лирика и «малый эпос») «останавливала» отдельные, наиболее драматичные или трогательные мгновения новейшей истории, – для США более краткой, для Шотландии более протяженной.

Такие эпизоды поэтам было легче превращать сначала в полуисторическую-полумифологическую легенду, а затем и в собственно миф. Завершались их поиски «своего» времени «райской утопией», причём в двух вариантах: «детским раем» старой Родины, Шотландии, и Землёй Обетованной новой Отчизны, США: «<…> O Scotland! raise thy crested head / Above the azure sea: / Thou art the home of worth and truth, / The cradle of the free <…>» [370, p. 68-70]. В переводе: «<…> Шотландия! Андрея флаг / Твою овеял цель: / Ты Правды с Честью дом родной, / Свободы колыбель <…>» (Дж. Кеннеди, The Songs of Scotland, в переводе

«Шотландские песни»);«<…> Favored land, the earth’s best treasure / Fills her lap in endless measure; / Gifts for use, and gifts for pleasure, / Lavished large and free <…>» [345, p. 93-94]. В переводе «<…> Земля обетованная, / Обильем осиЯнная, / И корм, и радость нам даЯ / И все благодеяния <…>» (Д.М. Хендерсон, Columbia – Hail to Thee!, в переводе «Да здравствует Колумбия!»).

«Параболическое» время мировых религий Откровения для христиан-шотландцев также воплощалось в соответствующих ситуациях, композиционных (текстовых) позициях и жанрах. «Детский рай» был наиболее адекватен зачинам ностальгических стихотворений и опирался на райские эпизоды Библии, а также на средневековый жанр «видений». «Демократический рай» зачастую служил внутри текста развязкой (или, по крайней мере, выходом из кульминационного напряжения). В Библии он находил параллель в эпизодах обретения Земли Обетованной, а среди средневековых жанров ближе всего стоял к жанру социальной утопии. Заметим: в шотландских ситуациях авторский «я»-герой никогда не ведёт с Богом фамильярной беседы. Почтительная дистанция всегда сохраняется, невзирая на то, что протестантизм эту дистанцию сокращает. Непринуждённая беседа между человеком и Богом появляется лишь иногда и только в американских эпизодах.

Не менее показательны для новых, американских влияний на поэтов-эмигрантов «реальные» райские эпизоды, встречающиеся в эпилогах стихотворений. Вполне земные персонажи, современники автора, нисколько не сомневаются в том, что в раю они лично увидятся не только со своими проповедниками, но и со своими поэтами:

«<…> Honor to Thomas Guthrie’s name! / His hearty voice is heard no more on earth, / But we are richer with his fame, / And heaven is richer with his love and mirth. / Write on his tomb that Scotland never gave / To earth a man more noble, kindly, brave. / Than this who rests from toil in Guthrie’s grave» [432, p. 122-123].

В переводе: «<…> Он Томас Гатри – наше торжество! / Не слышен больше голос тот горячий. / Но мы богаче славою его, / А Небо его щедростью богаче. / Так напишите на его могиле: / “Шотландия дала, что в её силе: / Добро и

доблесть, как сынам дарили”» (В.М. Вуд, Thomas Guthrie, в переводе «Памяти Томаса Гатри»).

А вот пример второго типа:

«<…> And past and present all appear / Transfigured by thy grace, / Till Hope points where in grander sphere / We’ll meet thee face to face» [372, p. 66-67]. В переводе: «<…> Всю повесть нашу, как свою, / ВоссОздал ты, герой... / А после – встретимся в раю / Лицом к лицу с тобой». (Дж. Кеннеди, To the Shade of Burns, в переводе «К тени Бёрнса»).

Такими образными и композиционными способами в шотландской эмиграционной поэзии США смыкается языческое мифопоэтическое время и христианская параболическая модель «конца земного времени» как «начала вечности».

Патриотические мотивы и лирические ситуации. Как мы видим, среди лирических ситуаций, через которые текстуализируются патриотические мотивы шотландской эмиграционной поэзии, представлены ситуации *и бытовые, и политические, и философские, и религиозные.*

На верхней иерархической ступени располагаются ситуации религиозные (Дж. Лайон, Confidence in God, в переводе «Вера в Бога»; Д.М. Хендерсон, A Charity Sermon, в переводе «Проповедь о пяти хлебах», или его же Oh, lippen and be leal, в переводе «Будь верен и люби»).

Иллюстрацией политических ситуаций в патриотическом дискурсе, помимо уже приводившихся, могут быть Wallace (в переводе – «Уоллес») и Scotland mine (в переводе – «Шотландия моя») Д.М. Хендерсона.

Тексты философской направленности, связанные с мотивом любви к Шотландии, – элегия Дж. Паттерсона Dreaming (в переводе «Мечты о Родине») или Дж. Кеннеди To my native land (в переводе «Родине»).

Примерами бытовых ситуаций в патриотическом дискурсе могут служить Morning sang, в переводе «Утренняя песня деревенского путника» Х. Эйнсли; Caledonia’s bluebells, в переводе «Колокольчики в Каледонии» Д.М. Крерара; The

emigrant shepherd's lament, в переводе «Причитанье пастуха-шотландца, уехавшего в Америку» Дж. Крайтона.

Можно ли, однако, считать, что к патриотическим мотивам и к образу Шотландии как Родины имели какое-либо отношение тексты религиозного дискурса шотландских поэтов-эмигрантов? На наш взгляд, это не только возможно, а и неизбежно.

Все волны шотландской эмиграции Нового времени, от самых ранних (конец XVI – начало XVII вв.) до поздних (для нас – до конца XIX века), обязательно имели для своего отъезда, помимо прочих, какие-то религиозные мотивы. Чем более ранними были эти эмиграционные волны, тем более их религиозные мотивы самоочевидны и доминантны. Однако даже эмиграционные потоки XIX века: эпохи, когда верность той или иной конфессии или деноминации уже не оборачивалась «дома», в Великобритании, смертельной опасностью – эпохи, когда финансовые, социальные (карьерные) и статусные успехи становились для эмигрантов первостепенными, – какое-то религиозное оправдание эмиграции ощущалось всё же как необходимое. Только оно могло придать отъезду из «старой» Родины настоящий идеологический авторитет, моральный престиж, а самому эмигранту – положительное отношение окружающей среды как на «старой», так и на «новой» Родине. Поэтому в поэзии шотландских эмигрантов патриотической теме так устойчиво сопутствуют религиозные мотивы *миссии* и *поисков* рая.

В *бытовом* плане это требовало акцента на моральных качествах персонажей (верность, самоотверженность и др.) и/или на их «добрых» поступках (трудовая помощь, благотворительность и др.). Такие качества и поступки (как это стремятся показать авторы) стали в полном масштабе возможными лишь в условиях «новой» Родины, хотя были воспитаны на Родине «старой»: «<…> Ane built a kirk, and fee'd it fair; / Ane built the puir, the sick, the lame / A snug and bien' like restin' place. / And call'd it a Saint Andrew's Hame. / And to the puir at hame, some wealth / They freely spent baith spring and simmer, / And mony a frail man blessed their names. / And for their peace pray'd mony a kimmer. <…>» [418, p. 89-

91], в переводе «<…> Тот церковь построил и клир накормил, / Тот к бедным отнёсся добрее: / Дал больнице жильё, и назвал он её / «Домом Святого Андрея». / Чем стали богаче, тем стали щедрей; / Не ханжествуя, не лукавя, – и / Несчастных немало их благословляло, / Сироток – молилось о здравии. <…>» (П. Росс, Twa Scots, в переводе «Два шотландца»).

В *политическом* плане ситуации отбирались по принципу подобия. В центре патриотических текстов оказывались, прежде всего, сюжеты войн за независимость и политических испытаний, одинаково актуальные и в Шотландии, и в США. Таковы произведения Д.К. МакКаллума Soldier's Song of Freedom («Солдатская песня свободы»), П. МакФерсона Dark Culloden Day (April 16, 1746) («Чёрный день Куллоден»), В. Эндерсона Scotland Forever («Шотландия вечная»), Old Glory («Старинная Слава»), Х.МакКаллоха Centennial, 1876 («Столетие провозглашения Союза Североамериканских Штатов»), Дж. Кеннеди The Highlanders in Tennessee («Шотландские горцы, сражавшиеся в штате Теннесси»).

При этом в системе лирических персонажей главным персонажем мог оказаться сам Бог, а композиционно текст нередко венчался проповедью или её финалом – нравственным «уроком» для слушателей («Sermon» – «Проповедь о пяти хлебах» Д.М. Хендерсона).

В *философском* плане мотив Родины (как «старой», так и «новой») был преобразован в мотив «Земли Обетованной», народ – в «народ избранный», а герой – в «Божьего труженика/проповедника/воина». Примерами могут служить тексты Р. Виттета (Home should be beautiful, в переводе «Дом, он прекрасным должен быть»), В. Эндерсона (There's nae land like old Scotland, в переводе «Чья родина краше?.. »), Д.М. Хендерсона (Columbia – Hail to Thee, в переводе «Да здравствует Колумбия!»), Дж.Д. Лоу (Hurrah for Pensylvania!, в переводе «Ура, о Пенсильвания!»).

Религиозные ситуации, религиозные мотивы у поэтов-шотландцев США создают не только высший, но и наиболее синкретичный уровень обобщения их эмигрантского опыта. Это позволяет разным авторам придать своим текстам разных жанров единую мифогенную функцию.

Подобную оригинальную религиозную адаптацию патриотического мотива предложил, к примеру, Роберт Виттет. В его стихотворении «Дом – он прекрасным должен быть» (Home should be beautiful) всё, казалось бы, традиционно: и Бог, и Человек, и Рай, и Земля. Рай – это дом, который Бог создал для людей. Этот Дом-Рай Бог держит под своей охраной (secures), пока Человек продолжает свои земные дела и саму свою жизнь. Однако этот прекрасный Рай создан, оказывается, как образец (pattern). По нему Человек может стать сотрудником Бога: создать *Рай на Земле*, сделать Раем свой новый земной дом – новую страну своего пребывания. Бог «<…> нам явил поверх всего / Предвечный замысел Его: / Свой дом – тот, что за небесами: / Да выстроим подобье сами, / Покуда живы и творим, – / И раем сделаем земным». В оригинале: «<…> Full plenished with fruit and flower, / And over all revealed – (that we / May strive to copy) faithfully) – / The pattern of His home above! / Then be it ours, while life is given, / To make earth’s home like that of heaven!» [426, p. 116].

Складывается цепь уподоблений: Бог → Человек; Рай → посмертие; райская красота как творчество Бога → земная красота как творчество Человека; двойной смысл «дома», земного и небесного, «старого» и «нового».

В контексте рассматриваемых эмиграционных ситуаций эта цепь уподоблений удлиняется за счёт ещё одного звена: Америки, Нового Света. Америка – это и целина, требующая человеческих трудов (о том же говорят стихи Дж.К. Моффата Tamers of the ground, в переводе «Укротитель Земли»). Это и Земной Рай, место изобилия и благоденствия. Получается, что весь текст Р. Виттета, наложенный на библейский фон, есть ещё и рассказ о прежней Родине, которую (как и Рай) Человек потерял, но Бог для Человека сохранил, – и о Родине новой, которую Человек призван обратить из первобытного язычества в истинную веру, облагородить цивилизацией, т.е. своими духовными трудами превратить в Земной Рай.

Такими способами снималось ещё одно противоречие шотландской эмиграционной лирики США. Если Шотландия – Земной Рай, зачем авторский

герой её покидал? Если Земной Рай – Америка, отчего героя не отпускает тоска по «старой» Родине?

На эти вопросы даётся единый ответ. Один Рай (Шотландию) Бог Человеку подарил, тогда как второй Рай (США) Человек должен сделать по небесному образцу, но сам.

Шотландия: национальная и транснациональная история. Мифопоэтическое «время, уходящее в круговорот», как и религиозное «время, уходящее в вечность», для создания образа Шотландии были чрезвычайно важны. Однако (о чём уже писалось выше) образ Родины было бы невозможно создать без «времени, уходящего в историю», – историю и национальную, и транснациональную.

1. История вторглась в XIX веке даже в область религии. Германия и Великобритания проводят активные археологические работы на территории Палестины [108]. Тем самым библеистика, бывшая до сих пор в основном «наукой Книги», наукой «Писания», получает прочный историко-археологический фундамент.

Одновременно и «книжная» библеистика, и история христианства становятся областью специальных исторических исследований. Именно они начинают интересовать широкую публику. Этот интерес немедленно подхватывает литература. «Ренановское» направление романистики (от фамилии Жозефа Эрнеста Ренана, 1823-1892) изучавшее Христа и ранних христиан как исторических фигур, распространяется по всей Европе [48].

2. История всё чаще привлекается политиками для обоснования самых злободневных территориальных претензий и социальных программ. Историческими прецедентами и доктринами мотивируется в Великобритании колонизация Афганистана, Африки, Индии, уничтожение остатков автономии в Шотландии и Ирландии, война с Канадой и США за возвращение их под власть Британской империи. В США другими, но также историческими аргументами («от прецедента») пытаются обосновать и рабовладение, и национализацию

«свободных» земель Северо-Запада (да и Северо-Востока), отнятых у индейцев, и войну с Мексикой (1846-1853) [257, 259].

3. После эпохи Романтизма национальная (или транснациональная, «экзотическая») история (или квазиистория) завоёвывает ведущие позиции и в литературе и искусстве. Уже в XVIII веке в Европе расцветает батально-историческая живопись. В XIX веке её дополняет исторический портрет.

Национально-историческую (или квазиисторическую) поэзию создают в Шотландии сэр В. Скотт, в Англии лорд А.Теннисон. Первые романы о «пионерах» белой Америки: следопытах, зверобоях, мустангерах – пишут Ф. Купер, Т. Майн-Рид. Фрэнсис Брет Гарт (1836-1902) увековечивает историю «золотой лихорадки» в «Калифорнийских рассказах». Лидер американской масс-культовой поэзии Э.А. Робинсон (1869-1935) станет запоздалым последователем «неосредневековой» английской поэзии и прозы викторианского века и будет уже на рубеже столетий, а потом и в начале XX века создавать «псевдоартуровские» (но тем самым и псевдоисторические) поэмы в США [309].

Нельзя сказать, что шотландская эмиграция вовсе миновала историческую тему в своём патриотическом дискурсе. Безусловно, личные биографии авторов отразились в нём больше. Но при всей ограниченности своих исторических мотивов (о чём говорилось выше), поэты-эмигранты всё же включали в свой «малый эпос» баллады, а в свою лирику элегии, посвящённые – полностью или частично – борцам за шотландскую государственность Роберту де Брюсу (1274-1329) и Вильяму Уоллесу (1270-1305), деятелю шотландской Реформации Джону Ноксу (1510-1572), Королеве Марии I Стюарт Шотландской (1542-1587) и принцессе Луизе де Лон (1848-1939), Королеве Виктории I Британской (1819-1901), чьим именем будет названа целая эпоха, и Королю Ричарду I Английскому (1157-1199) из династии Плантагенетов, который станет персонажем прозы сэра Вальтера Скотта, – или Королю Хакону IV Норвежскому, герою средневековых саг.

Однако и перечень исторических лиц, которых запечатлела метрополийная шотландская поэзия, но «пропустила» поэзия шотландцев-эмигрантов, – не менее

велик. Среди наиболее заметных пробелов можно назвать раннешотландских святых (Св. Ниньяна (IV в.), Св. Колумбу (V в.), Св. Мунго (V-VI вв.), Св. Маргариту (XI-XII вв.) и др.) и первых правителей (в частности, родоначальника первой шотландской династии, Альпинов, Кеннета I (810-858). Этот список пробелов можно продолжить другими видными деятелями в истории Шотландии: королями-меценатами Яковом IV (1473-1513) и Яковом V (1512-1542) Стюартами. О последнем сложена даже шотландская фольклорная песня, которую обработал полушотландец Дж. Гордон Байрон «Отгулялось, отбродилось» [324, с. 220-221] (в оригинале: «So, we'll go no more a-roving» [423, p. 690]). Таков и король-реформатор Малькольм III из второй шотландской династии, Канморов (1031-1093) [105].

Лишь бегло упоминается у поэтов-эмигрантов излюбленный персонаж шотландского фольклора, последний из претендентов на шотландский трон (из-за которого уехали в изгнание многие соотечественники наших поэтов) – Принц Чарльз Стюарт (1720-1788) и его легендарная возлюбленная, Флора МакДональд (эмигрировавшая в конце концов в Америку) [243].

Не встретим мы в их стихах и знаменитых учёных Шотландии, таких, как, например, Джеймс Уатт (Ватт) (1736-1819), чья фамилия стала единицей измерения электроэнергии. Это тем более бросается в глаза, что именно технический прогресс помог США переменить статус аграрной страны (какой она была ещё в начале XIX века) на статус одной из ведущих промышленных держав (к началу века XX-го). Столь же заметно редкое и беглое упоминание шотландцев-землепроходцев. Поэты метрополии (к примеру, Т.Скотт) не забыли в своих стихах Чарльза Мюррея (1864-1941) [419, p. 409-414].

Что касается шотландской литературы, постоянно фигурирует в стихах американских шотландцев лишь Роберт Бернс. Достаточно часто вспоминаются Роберт Льюис Стивенсон. Изредка встречаются упоминания Роберта Фергюсона, Роберта Таннахилла и Джеймса Хогга. (Подробнее см. выше, § I.3.)

Американские, шотландские и наши отечественные критики никак не объясняют этот дефицит историзма в эмиграционной поэзии шотландцев США. В нашей работе поэтому предлагается несколько предварительных мотивировок.

1. Поэзия шотландской эмиграции отставала в своём историко-литературном движении и от метрополийной шотландской, и от уже укоренившейся американской литературы XIX столетия. Собственно историческое изображение как настоящего, так и прошлого (и Шотландии, и США, и Старого Света в целом) вызывало большие трудности не только у них. Ни одна из предыдущих социокультурных эпох Западной Европы (Средневековье, Ренессанс, Барокко, Просвещение, Классицизм, Сентиментализм, Романтизм) не владела историзмом в позднейшем понимании этого термина. В частности, ни одна из перечисленных эпох не строила свою картину мира, свою идеологию и поэтику на концепции «исторического прогресса».

2. И шотландская, и американская литературы начала и середины XIX века были ещё тесно связаны с фольклором и с мифопоэтическим родовым сознанием. Если история и проникает в шотландские и американские литературные сюжеты того времени, то в значительной степени «через ворота мифа» [201]. Тем более это верно для поэзии шотландской эмиграции.

Это же справедливо и относительно исторических событий Шотландии. Её поэты отразили важнейшие сражения и религиозные реформы своей Родины. Они запомнили и упомянули в своих стихах участие шотландцев в европейских и мировых процессах Нового времени: географических открытиях, колонизации Востока, основании двух Северо-Американских государств, борьбе с Наполеоном и т.д. Отражение этих процессов и событий мы находим в творчестве П. МакФерсона, Г. МакФерсона, Дж. Кеннеди, Дж.Д. Лоу и др.

Вместе с тем, в шотландской поэзии США заметны лакуны, причём в изображении даже не столько шотландской, сколько американской истории. При всём своём «американском энтузиазме» и «новом патриотизме», поэты-шотландцы не спешат погружаться в историю США (а тем более доКолумбовой

Америки). В этом смысле шотландская эмиграционная литература XIX века явно ассиметрична литературе янки того же периода.

3. Классификация патриотических мифов [124, с. 264-271] вполне приложима и к изучаемому нами поэтическому материалу. Исключение составляют лишь негативные мифопоэтические варианты. Они отсутствуют у поэтов-эмигрантов полностью. Остальные варианты патриотических мифомотивов присутствуют у «американских шотландцев» все, хотя в разной мере.

Шотландская история и патриотическая мифология. Итак, «чёрных», отрицательных мифомотивов (о Родине-разрушительнице, биче других народов) в анализируемых нами текстах не обнаружено вовсе. Во-первых, такие мотивы были бы бестактными. В «чужой» стране они могли бы восприниматься как «донос издалека» на «свою» страну – на Родину предков.

Во-вторых, текстуализация негативных мифомотивов, связанных с образом Родины, могла бы закрыть перед поэтами-эмигрантами доступ к читательской аудитории и к издательским кругам «дома» – в Шотландии.

Наконец, в-третьих, подобные мотивы могли бы поставить под сомнение моральный облик самих поэтов-эмигрантов на их «новой» Родине. США всегда нуждались в американских патриотах и проповедовали свой патриотизм. Они никогда не нуждались в «новых американцах», воспитанных на негативных символах и национально-критических стереотипах поведения.

Знаменательно, что «чёрные» мифомотивы не возникают у шотландских поэтов эмиграции даже там и тогда, где и когда исторические сюжеты их как бы сами подсказывают.

Так, в стихотворении П. МакФерсона «Чёрный день Куллоден» (Dark Culloden Day) изображаются последствия одного их самых жестоких и трагичных для шотландцев сражений. Эта битва при Куллодене 16 апреля 1746 года. Английские правительственные войска (вместе с поддержавшими их вождями Шотландии) наголову разбили ополчение – тоже шотландцев (и их вождей), но

восставших против Лондона и пытавшихся вернуть на трон «своего» правителя и «свою» династию – Принца Чарльза Стюарта.

<…> И где ни ступит кто-то, –
Там кости патриота,
И в небе непогода:
На всё бросает зло тень.

Безмерно наше горе
И не утихнет вскоре,
И Принц уплыл за море
В наш чёрный день – Куллоден. <…>

В оригинале:

<…> The heavens, o’ercast with gloom;
O’er all the wreck of doom;
Each cairn a patriot’s tomb;
Let wailing pibrochs play!

O’erwhelmed by deepest woe,
The tears of feeling flow;
Our Royal line laid low,
On «Dark Culloden Day» <…> [397, p. 36-39].

С патриотической точки зрения, Родина-Шотландия и шотландцы как таковые – не виновники этой трагедии, они лишь её жертвы: «<...> И в красной жиже кланы / Лежат среди болотин <...>» (в оригинале: «<…> In gory reeking mud, / The slaughtered clansmem lay <…>» [Ibid.]). На самом же деле ополченцы проиграли потому, что восстание обернулось гражданской войной. У П. МакФерсона иначе: виноват в массовой гибели Хайлендеров «Герцог Вильям подлый», командующий королевскими войсками. Он «<…> направил это кодло / Рубить и резать горло <...>». В оригинале: «<…> Duke William in command / Was worse – with sword and brand, / Let loose a murdering band <…>» [Ibid.].

Поэтому стихотворение содержит бесспорные негативные мифомотивы, – хотя бы, например, мотивы космической непогоды, кроваво-красного солнца, врагов как зверей и чудовищ, а их предводителя – как исчадье Ада: «<…> В шотландские края вёл / Их воплощённый дьявол <...>». В оригинале: «<…> O'er hill and dale they sped, / The fiend incarnate led <…>» [Ibid.]. Но вся эта «тень зла» и «чернота» поражения никак не пятнает «своё» пространство, «своих» людей, «свою» историю.

Т.о., из патриотических мифов поэты-эмигранты оставляют мифы исключительно позитивные.

Белый миф: Родина уподобляется храму; за неё и за шотландцев (настоящих шотландцев!) выступает сам Бог. «<...> От кровей наших пар к Небесам поднялсЯ, / Сыновей наших души ушли в Небеса! /Но мы Богу верны – Он наш Друг и Оплот, / И победу нам даст, как и славу даёт! <...> (Д.К. МакКаллум, «Солдатская песня Свободы»). В оригинале: «<…> Precious blood hath been shed, and our sons have been given – / A sacrifice sacred, recorded in Heaven! / But in God we will trust – our Protector and Friend – / Having confidence still in a glorious end! <…>» [404, p. 52-53]. .

Золотой миф: Шотландия – страна славы и свободы. «<...> Шотландцу ни к чему смущение и стыд: / Да! - здесь родился он и здесь он рос. / Его родимый край повсюду знаменит / От Севера снегов до Юга лоз. / И ежели ступить захочет лиходей / На этот малый край – свободы рай <...>», – его ожидает позорное бегство. В оригинале: «<...> The home of the Caledonian. / The Scotsman need not blush to own / The land that gave him birth / As the noblest spot en earth. / Should the foot of a foe e'er dare to tread / On that little land of the free <...>» [430, p. 142-143].

Зелёный миф: природа Шотландии – райский сад/луг/лес; она – край вечного изобилия. В ней одновременно царит «время цветов» и поющих птиц (т.е. весна) и «время плодов» и спеющих нив (т.е. позднего лета и ранней осени).

История имеет доступ только во время и пространство «белого» и «золотого» мифов. (Как будет показано в Главе III, эти варианты мифов о Шотландии повторятся у «американских шотландцев» в мифах об Америки). Мир

«зелёного» мифа историчен очень мало. У этой «зелёной» Шотландии как бы нет своей истории агрокультуры, нет усовершенствований в обработке земли и/или в технике скотоводства. В реальной Шотландии подобная история, разумеется, была [69].

К примеру, знаменитые шотландские низкорослые, неприхотливые лошади (их иногда ошибочно именуют «пони») были завезены на побережье и на острова Шотландии скандинавскими викингами (о чем напишет и Р. Киплинг в своих «Сказках старой Англии» [82]). Скандинавы же завезли к шотландцам овец. Впрочем, считается, что те и другие одомашненные животные появились на Британских островах после нашествия в Европу степняков гуннов [235]. О других нововведениях в сельском хозяйстве Шотландии уже упоминалось выше, в Главе I. нашей работы.

Резюмируя наблюдения над взаимодействием истории и мифа в «шотландском времени» у поэтов-эмигрантов, можно заключить, что мифопоэтическое восприятие времени у них доминирует. В их творчестве представлены все основные типы темпоральной организации текста, однако используются они по-разному – в зависимости от жанра текста, от лирических ситуаций и сюжетов.

Эта же разница прослеживается и в использовании тех или других типов мифа. Создавая образ Шотландии, поэты-эмигранты стараются избегать негативной мифологизации. Наиболее популярны в их произведениях те варианты патриотических мифов, которые создают позитивный (даже «райский») образ их первой Родины, Шотландии, и в то же время позволяют сблизить его с образом новой Родины, США.

§ II.3. Образ Родины: шотландские персонажи

Образ Шотландии в эмиграционной поэзии США XIX века было бы невозможно создать без образов самих шотландцев. Поэтому в параграфе § III.3. цель нашего анализа заключалась в том, чтобы выяснить типы, способы

характеристики и функции шотландских персонажей, созданных поэтами-эмигрантами.

Среди родственников, юношеских друзей и первых наставников у шотландских писателей-эмигрантов было немало незаурядных личностей. Это можно заключить из воспоминаний самих поэтов-эмигрантов, – те, что были записаны критиками и вошли в краткие очерки их жизни и творчества [246-254, 261, 264].

Женские персонажи. Не раз в воспоминаниях с особым теплом упоминаются *матери* поэтов-эмигрантов. Часто это были женщины многодетные, иногда рано овдовевшие, в большинстве своём вынужденные справляться с долгами и нуждой. Однако почти все они предстают людьми с сильным характером, большим внутренним достоинством, терпением и упорным желанием помочь своим детям обрести себя и профессионально, и человечески. Не раз отмечается их любовь к книгам, личная одарённость. Судя по мемуарам и стихам-меморативам, таковы были матери Х. Эйнсли, В. Вильсона, В.М. Вуда, Дж.Д. Крайтона, Дж. Кеннеди и др. [264, p. 54-59, 77-83, 117-121, 194-201; 250, p. 213-222]. Рядом с образами матерей возникают образы *невест* и *жён* наших поэтов. Так, американские критики специально отмечают незаурядную роль жены Гектора МакФерсона, «утончённой и талантливой», при этом мужественно перенесшей вместе с супругом смерть их малолетнего ребёнка [253, p. 381-387].

Своеобразным лирическим резюме этих трудных судеб может служить стихотворение Г. МакФерсона «Моя родословная» (Genealogical). Оно и начинается с мини-портрета матери:

My worthy frien’, I scarce can tell
Wherein my forbears’ footsteps fell,
But haith, I doot that poortith smell
Did nip them sair
For ne’er in ae place wad they dwell
Noo here, noo there. <…> [394, p. 304-306].

В переводе:

Мой друг, я слышал только малость
Про то, как мать с отцом скиталась,
Но бедность, видимо, кусалась
(И зуб был лют!), –
Гнала их и вдогон кидалась
То там, то тут. <…>.

Зачастую поэтическим памятником этим женщинам становились строки элегий и эпитафий. Особенно трогательный эффект достигался тем, что такие строки автор иногда передоверял самой умершей героине, обращающейся к живому супругу:

When I am laid among the dead,
My darling, wilt thou weep for me?
Or when my spirit thence has fled,
Shalt thou forget who loved but thee?
Yet if from earth first thou should'st stray,
I'd fret my drooping soul away.<…>
<…> Forbear the wild impassioned tear,
Thy riven heart may bid thee shed,
For know my spirit hovers near,
Tho' I may slumber with the dead.
E'en Heaven cannot Heaven be.
Until there thou shalt dwell with me [396, p. 307].

В переводе:

Когда меня положат среди мёртвых,
Любимый, ты заплачешь ли, скорбя?
Когда мой дух найдёт нездешний отдых,
Забудешь ли любившую тебя?
Но если помнят, лишь уйдя из тела,
Я душу попрошу, чтоб потерпела. <…>
<…> Не вымогаю слезного потока –

Отчаянья безумную волну.
Мой дух – он будет реять недалёко,
Хотя я крепко с мёртвыми засну.
Но даже Рай ещё не станет Раем,
Пока друг друга в нём не повстречаем.

Ещё один портрет матери находим в стихах Томаса К. Латто «Когда мы были школярами» (When we were at the schule). Отчаянные озорники, герои этого текста нечаянно наносят урон небогатой матери своего товарища, тётке Дженни. От этого они испытывают неподдельные угрызения совести:

<…> But mind ye lad, yon afternoon,
How fleet ye skipp'd awa'.
For ye had crack't auld Jenny's pane.
When playin' at the ba'.
Nae pennies had we; Jenny grat;
It cut us to the core;
Ye took ye're mither's hen at nicht
An' left it at her door <…> [374, p. 13-14].

В переводе:

<…> А не забыл? – от тётки Дженни
Как Боб устроил драпака,
Когда попал мячом в курятник
И задавил ей цыплака?
Отдать деньгами? – денег нету.
Нас щиплет совесть, как мороз.
А Боб стащил из дома курку
И тётке зАтемно принёс. <…>

Впрочем, это могли быть и благодарные прижизненные портреты тех, кто не побоялся разделить заокеанские испытания своих мужей.

Таковы «шотландочки» Питера Росса – невесты «Двух шотландцев» (Twa Scots), уехавших на работу в Америку:

<…> Their lassies syne frae Scotland cam’.

And settled doun in comfort wi’ them,

And weel-stocked houses crown ‘d the farm

And couthy bairns were born to them. <…> [418, p. 89-91].

В переводе:

<…> Шотландочки в город приехали тот

И прямо им в сердце заехали.

И выросли крыши усадьбы их выше,

И дети в усадьбе забегали <…>

Одновременно отметим: с точки зрения европейского (хотя бы английского) гендерного дискурса не только XIX века, но даже веков XVII-го и XVIII-го, образ шотландской женщины, предлагаемый поэтами-эмигрантами, старомоден и патриархален. Он создан мужчинами и для мужчин. С подобным имиджем идеальной жены, но жены – исключительно домохозяйки будет спорить уже английская поэтесса XVII века Анна Брэдстрит (Anne Bradstreet, ок. 1612-1672; она, кстати, тоже уехала с мужем в США):

<…> I am obnoxious to each carping tongue

Who says my hand a needle better fits,

A poet’s pen all scorn I should thus wrong

For such despite they cast on female wits,

If what I do prove well, it won’t advance,

They’ll say it’s stol’n, or else it was by chance <…> (The Prologue, [279, p. 1740]).

Мужские персонажи. Авторский «я»-герой. Среди мужских персонажей поэтических текстов ведущую роль играет «авторский» герой («я»-герой). Специфика ситуации для шотландских поэтов-эмигрантов XIX века заключалась в том, что их социальный статус «в жизни» (в т.ч. в литературном обиходе США) часто не совпадал с их собственным имиджем, какой они создавали в своей лирике.

Рассмотрим сначала их литературный статус «в жизни». Некоторые произведения наших авторов появлялись в шотландских газетах того времени, преимущественно региональных (*Perthshire Advertiser, Dundee Weekly News, Aberdeen Journal, Orkney Herald, Stirling Observer* etc.). Иногда, наоборот, очерки эмигрантов о поездках «домой», в Шотландию, публиковали американские издания, – также в основном региональные, выходившие в местах компактного проживания шотландской диаспоры (*North American Review, New York Herald, New York Home Journal, Brooklyn Daily Eagle, British American, The Caledonian Magazine* etc.) [261, 264]. Основную читательскую аудиторию «шотландцев-американцев», напомним, составляли в основном представители среднего класса, непрофессионалы, в т.ч. домохозяйки.

При этом сами поэты-эмигранты очень сильно зависели от своей устной репутации: от авторского исполнения собственных стихотворений, от встреч с читающей публикой, от своей клубной и религиозной активности. В США, например, действовала сеть «Каледонских (т.е. шотландских) Клубов». Они организовывали лекции, вечера поэзии, беседы авторов с потенциальными читателями [261, 264].

По этой причине и авторские герои («я»-герои) должны были отвечать определённым читательским ожиданиям. Притом ожидания эти шли от *двойной:* и американской, и шотландской – аудитории. Оттого лирические признания «я»-героев – это не дневники авторов, написанные только для себя, а дневники для прочтения прилюдно и вслух.

Ситуация эта влияла на поэтические способы презентации «я»-героев.

1) Вводились *ролевые «я»-герои*. Чаще всего это были тоже шотландцы, тоже эмигранты в США, но в стихах трансформировались их биографии (профессии, хобби, статус, образование и т.д.).

П. Росс, например, не владел «в жизни» камнедробилкой и не вкладывал деньги в железную дорогу. Зато это делали его «два шотландца» (Twa Scots). Дж. Кеннеди не был членом шотландского футбольного клуба. Зато членами такого клуба были его герои (Auld Scotia in the Field). Д.М. Хендерсон не состоял

лично в приятельских отношениях с американским финансистом и филантропом, шотландцем по происхождению, Эндрю Карнеги (1835-1919). Но с ними приятельствовал его ролевой «я»-герой (Epistle to Andrew Carnagie).

2) Реальная и виртуальная (поэтическая) биография «я»-героя разводилась *по разным временам.* В настоящем времени могла изображаться либо только американская, либо только шотландская часть этой единой биографии. Вторая часть переводилась автором в виртуал: в воспоминания, «сны», «мечты» и т.п. Так поступал, к примеру, Дж. Кеннеди (Noran Water, в переводе «Норан-река») или Д. Рамсей (Auld Ruglin Brig, в переводе «Рэглинский мост»).

3) Эта единая биография автора и авторского героя разводилась *по разным текстам*. В одних текстах представала только её шотландская часть; в других текстах актуализировалась только часть американская. Иллюстрируют этот вариант Д.К. МакКаллум (Bessie dear, в переводе «Бесси дорогая»; Soldier's Song of Freedom, в переводе «Солдатская песня Свободы») или В. Эндерсон (Scotland Forever, в переводе «Шотландия вечная»; Old Glory, в переводе «Старинная Слава»). То же делают Х. МакКаллох (Dinna forget, в переводе «Не забывайте»; Thanksgiving Day, в переводе «День Благодарения»), или Д. Рамсей (The Daisy, в переводе «Маргаритка»), или Д.М. Хендерсон (Our Scottish Fern, в переводе «Шотландский папоротник»; Columbia – Hail to Thee!, в переводе «Да здравствует Колумбия!»), или Дж.Д. Лоу (The Woods o' Clova, в переводе «Кловские леса», Hurrah for Pensylvania!, в переводе «Ура, о, Пенсильвания!»).

Третий способ презентации лирического «я», адаптирующий его к читательской аудитории, был, как видим, наиболее популярен.

Другие персонажи. «Они»-герои. Самыми подробно описанными стали, однако, другие персонажи: те, что были наиболее освоены ещё «дома», в поэзии Шотландии XVII-XVIII вв. Это были портреты соотечественников преимущественно *коллективные, бытовые*, притом *юмористические*. В поэзии эмиграции либо остались комичные соотечественники «дома» (When we were at the schule Т.К. Латто, в переводе «Когда мы были школярами»; Saint Andrew and the Haggis Дж. Кеннеди, в переводе «Святой Андрей и Хаггис», и др.), либо

появились не менее комичные соотечественники в Америке (Jamie’s wee back room В. Эндерсона, в переводе «Джимова комната»; Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen Дж. Кеннеди, в переводе «Шотландец-американец, или Джим Вильсон и Британская Королева», и др.).

Символико-предметные «персонажи». Подхвачена была и сентименталистская традиция Шотландии. В поэзии американской диаспоры она получила неожиданное продолжение и развитие. В духе сентиментализма поэты-эмигранты стали изображать лирических героев/героинь, придавая им облик персонифицированных растений.

Можно выделить, например, целые циклы стихотворений поэтов-эмигрантов, где в центре лирического сюжета (а потому нередко даже в заголовке или в первой строке) стоят одушевленные растения-символы Родины.

1. Цикл, посвященный *вереску* (The Land of the Heather В. Лайла, в переводе «Родина вереска», «Bonnie wee sprig o’ the dear purple heather…», в переводе «Вереска ветка» того же автора, и др.).

2. Цикл, посвященный *маргариткам*: Daisies in Baltimore Д.М. Хендерсона, в переводе «Маргаритки в Балтиморе», The Daisy Д. Рамсея, в переводе «Маргаритка», и др.

3. Цикл, посвященный *репею*: The Thistle Х. МакКаллоха, в переводе «Репей»; Scotland Forever В.Эндерсона, в переводе «Шотландия вечная»; The Caledonian А.Вингфилда, в переводе «Каледония», и др.

4. Цикл, посвящённый *колокольчикам:* Caledonia’s bluebells Д.М. Крерара, в переводе «Колокольчики Каледонии», и др.

5. Цикл, посвящённый *папоротнику*: Our Scottish Fern Д.М. Хендерсона, в переводе «Шотландский папоротник», и др.

6. Цикл, посвящённый *рябине*: Flow’rs frae hame Д.М. Хендерсона, в переводе «Посылка из дома», Among the Grampian Hills Дж. Кеннеди, в переводе «В Грампиановых горах», и др.

Разумеется, подобная персонификация носит следы мифопоэтической традиции фольклора, где растения могут быть не только «спутниками», но и

иновоплощением персонажей-людей. Однако восходят такие стихи и к шотландской литературной традиции. В истории шотландской литературы к XIX веку уже существовали стихи Р. Бёрнса о маргаритке (To a Mountain Daisy [419, p. 429-430]), Аллана Каннингама (Canningam, 1784-1842) о репее (The wee, wee German Lairdie [419, p. 383-384]). Уже давно пелась знаменитая песня леди Джины Эллиот (Elliot, 1724-1805) «Цветы лесовые» (The Flowers of the Forest). В этой песне цветы шотландских лесов становятся символом молодых шотландцев, павших «на самой границе», в боях за Родину [419, p. 272-273]. В эмиграционной лирике эти «старые», патриотические растительные символы дополнительно очеловечились, поскольку приняли на себя ещё и новые, ностальгические чувства «я»-героя.

Военно-политический персонажный цикл. Вся история Шотландии была историей войн и сражений, с одной стороны, смены правящих династий, с другой. Периоды междуцарствия (interregnum), когда на политической арене возникали очередные претенденты на трон, сопровождались, как правило, клановыми войнами. С кем же воевали шотландцы на разных этапах формирования шотландской нации и шотландского государства?

До создания собственного государства (III-IX вв. н.э.). Кельты-скотты, переселившись на Британские острова из Ирландии, сразу же начинают воевать с аборигенами-пиктами. (Об этом будет повествовать баллада Р.Л. Стивенсона «Вересковый мёд», в оригинале Heather Ale [324, с. 227-231]). Они же будут вести войны с кельтами-бриттами. (Об этом упомянет Т. Скотт в «маленькой поэме» «Фергюс, Вечный Шотландец», в оригинале Fergus.) С IV-V веков н.э. на те же острова переселяются германцы с континента: англы, саксы, юты, кимры. Больше всего стычек происходит у скоттов с саксами и англами. К IX веку на побережье, а потом и вглубь островов высаживаются викинги-норманы (главным образом, будущие норвежцы и датчане). Эти войны продлятся до XIII-XIV веков [105].

После создания собственного государства (IX-XVI вв. н.э.). Названные столетия также нельзя назвать мирными. В это время Шотландское Королевство будет почти беспрерывно воевать с Королевством Английским. Положение

осложнят династические распри, при которых претенденты на престол будут сплошь и рядом опираться на иноземные (английские) войска, а те будут оккупировать (по крайней мере, частично) земли Шотландии.

С IX по XIV века в Шотландии будет убито шестеро и свергнуто семеро королей, сменится четыре правящие династии (Альпины, Канморы, Брюсы, Стюарты). В XVI веке придёт черёд религиозных войн и репрессий. На плахе погибнут два монархов из династии Стюартов, Мария I и Карл I. Далее Стюартов сменят Гановеры; Шотландия потеряет государственность; два вооружённых восстания против Англии и Англиканской Церкви (1715, 1745) закончатся казнями и массовой эмиграцией [69].

Вполне логично, что на таком историческом фоне именно политики и военные станут главными персонажами шотландской патриотической поэзии. В их число войдут первый король Шотландии Кеннет I Альпин (ок. 810-858); Малькольм III, первый король из династии Канморов (1031-1093), и его жена Маргарита, первая канонизированная шотландская святая (1673) (оба они стали действующими лицами «Жития Св. Маргариты, Королевы Шотландской», написанного аббатом Турготом [163, с. 66-73]).

Поэт-провидец и храбрый воин, граф Томас Лермонт (между 1220-1297) предсказал гибель последнему из Канморов, королю Алекзандеру III. Он же предрёк правление Марии I Шотландской (1542-1567) и иные события будущей шотландской истории.

Королева Мария сделается героиней многих шотландских поэтов, от Роберта Бёрнса до Мэрионны Ангус (1866-1946). Она и сама писала стихи. Её предок, король Яков I Стюарт (1406-1437) тоже был поэтом. Лирическими персонажами шотландской поэзии становились также король Яков V Стюарт (1513-1542) и «Младший Претендент», принц Чарльз Стюарт (1720-1788); объектом сатир – Георг I Гановер (см. стихи А. Каннингема (1784-1842) «Дворянчик-иностранчик» [324, с. 200-201], в оригинале – «The Wee, Wee German Lairdie») [419, p. 383-384]).

Шотландские поэты-эмигранты XIX века имели, т.о., в своём распоряжении целую галерею героев и «антигероев» шотландской политической и военной жизни. Помимо уже названных авторов и персонажей, поэтами-воинами были в XV веке сэр Ричард Голланд (?1420-1485), в XVI веке – сэр Ричард Мэйтленд (1495-1586), в XVII веке – Джеймс Грэхем, маркиз Монтроуз (1612-1650); жёнами воинов – шотландские поэтессы леди Гризела Бейли (1665-1746), леди Джина Эллиот (1724-1805), леди Каролина Олифант (1766-1825) [419, p. 80-82, 176-180, 239, 247-249, 272-273, 361-366]. К мужскому образу воина-шотландца они добавили женский образ его верной подруги.

Какими поэтикальными средствами создавался этот образ правителя-патриота и/или воина-патриота?

Как упоминалось выше, поэзия Шотландии (и её разновидность, поэзия шотландской эмиграции) всегда были тесно связаны с фольклором. Поэтому и в военно-патриотическом дискурсе они продолжали развивать многие фольклорные характерологические средства.

Гиперболизация. Шотландцы и в военной истории Америки не знают страха, они готовы сражаться «ради правды, ради прав» в любом уголке Земли. Соответствующие строки находим в стихотворении «Да здравствует Колумбия!» (Columbia – Hail to Thee!) Д.М. Хендерсона:

<…> Идя в бой и смерть поправ

Ради правды, ради прав,

И свободно кровь свою отдали вы! <…>

В оригинале:

<…> In Freedom’s fight

For truth and right

Their blood was freely given! <…> [345, p. 93-94].

Генерализация. В военно-патриотических стихах поэтов-эмигрантов часто встречаются собирательные «мы»-герои. Это «шотландская тысяча» добровольцев или участники боевой переправы в стихах о Гражданской войне;

это «серая рать», шотландские драгуны в войне с Наполеоном. В. Эндерсон в «Шотландии вечной» (Scotland Forever) описывает их так:

<…> Тогда Ватерлоо в нас дохнуло огнём из жерлА,
Тогда мы, драгуны, – мы, в серых мундирах картечь ловя,
Помчали вперёд, в наступленье, – и Землю спасла
Та серая рать, та Шотландия вечная. <…>

В оригинале:

<…> There, at dread Waterloo, in the heat of the fray,
Rode the famous «Scots Greys», in a charge equaled never,
And the valor of Scotia helped win that great day,
Inspired by the slogan of «Scotland Forever» <…> [334, p. 360-361].

Или у Дж. Кеннеди в «Переправе» (The Refugees):

<…> Это горцы пришли – соль шотландской земли.
На восставших надвинулся враг,
И для тех, кто был верен, поднялся теперь он –
Свободы и Севера стяг <…>

В оригинале:

<…> There the Highlanders were gathered,
Who to battle had come forth,
Rank’d beneath the flag of Freedom,
Muster’d with the loyal North <…> [368, p. 71-76].

Идеализация. Даже когда от портрета героев Шотландии (или героев-шотландцев Америки) в стихах остаются лишь характеристические эпитеты, они устойчиво и подчёркнуто позитивны.

Особенно часты подобные эмблематичные эпитеты (brave, valiant, proud, famed, etc.) в лаудативных (восхваляющих) патриотических текстах: национальных и региональных гимнах, песнопениях-молитвах, стихах к торжественным случаям, праздникам и юбилеям.

«Мы»-шотландцы в подобных типах текстов приближаются к сказочным великанам или волшебным эпическим героям: защитникам всех слабых и/или

угнетённых, победителям всяческого зла. Таковы они, например, в стихах В.М. Вуда «Слава государству!» (Hail, O Fatherland, to thee!):

Государству моему,
Слава великану!
От морей и до морей
Вставшему титану!
Сотню лет слуге добра
Божеским посланьем!
Песней, криками «ура!»
Мы тебя прославим. <…>

В оригинале:

Hail, O Fatherland, to thee!
Hail, thou restless giant!
Marching on from sea to sea,
Strong and self-reliant.
Laurelled with a hundred years
Whence no shames assail thee.
Proudly still with songs and cheers
We, thy children, hail thee. <…> [431, p. 123].

Или у Дж.Д. Лоу в «Шотландии – шотландцам» (Scotland for the Scots), где шотландцы предстают в облике геральдических зверей (лев, единорог) или растений (репей):

<…> Как грянет Каледонский рог
На ваши все нелепости,
Как встанет наш Единорог
И Лев у нашей крепости, –
Святой Георгий двинет в пляс
От музыки Андреевой.
И не пугает Роза нас
На родине Репеевой <…>

В оригинале:

<…> When Caledonia blaws her horn,

Whate’er the tricks ye try on,

Ye’ll bully nae the Unicorn,

Nor yet the Rampant Lion.

St. George will dance when by his nose

St. Andrew’s Cross will whistle.

And whatna Scot would fear a rose,

As lang’s there wags a Thistle! <…> [379, p. 221-224].

Есть ли разница между метрополийным и эмиграционным изображением героев-патриотов? Разница есть, причём и количественная, и качественная.

Выше перечислялись персонажи-политики и военные Шотландии, одновременно ставшие неотъемлемой частью её поэзии. В поэтическом репертуаре шотландской эмиграции *число* их намного меньше.

Исторических лиц по существу осталось четверо. Это руководители восстания за государственную независимость Шотландии (конец XIII-начало XIV века) Роберт Брюс и сэр Вильям Уоллес. Это Мария I Стюарт, первая правящая Королева Шотландии (XVI век). И это последний Претендент на трон Шотландии, Принц Чарли Стюарт, пра-пра-правнук Королевы Марии I.

Оценка этих (и подобных им) исторических лиц у поэтов-эмигрантов намного *однозначней,* чем намного сложнее у поэтов-метрополийцев. У них все они – патриоты, а, следовательно, все – положительные персонажи.

Более многозначна лишь характеристика Марии I Стюарт у В. Лайла («Убийство в замке Холируд», в оригинале – The murder at Holyrood). Мария показана здесь и как весёлая девушка-подросток французских эпизодов:

<…> Напоминавшие о радостной поре,

О солнце Франции, где лето круглый год – и

Предаться можно увлеченьям и игре <…>

В оригинале:

<…> Remembered her of happy days

In sunny France, the summer land.

Ere sorrow fell upon her ways <…> [385, p. 74-76].

Затем она предстаёт как юная, испуганная женщина среди враждебного окружения:

<…> И ужас полз, а губы пели и всё печальней,

Как будто следовали року своему;

И чей-то сладостный припев и погребальный

Готовил плаху и предсказывал тюрьму <…>

В оригинале:

<…> A presence seemed to fill that room

No one could name and none could see,

A creeping terror, and a gloom

Lip feared to mention. Minstrelsy,

However sweet, had sound of doom,

And nameless sorrow soon to be. <…> [Ibid.].

Ещё позже она же становится гордой, гневной королевой:

<…> Вскочила с кресел молодая королева:

«– Что это значит? Как посмели вы, милорды,

Придти с оружьем, не боясь монаршья гнева?

Неужто все вы – из преступников когорты?

Ко мне, мой Дуглас! Бей направо и налево!

Смерть и предательство – отличные консорты!». <…>

В оригинале:

<…> Then flashed the Stuart’s pallid face.

She bounded dogs and prey between.

So meekest hearts to grandeur brace

When danger shows and wrong is seen.

Stamping her foot with royal grace,

She stood there every inch a queen. <…> [Ibid.].

Наконец, Мария завершает сюжет как трагическая фигура, после гибели возлюбленного смутно предчувствующая собственную гибель:

<…> Восходит Солнце над горою Трон Артура;
Одело в бронзу Эдинбург и в золотцу.
Мария в комнате одна; взирает хмуро
Убитый; пот не льётся по лицу…
Она не думает, что в эту ночь шагнула,
Великомученица, к своему венцу <…>

В оригинале:

<…> The sun arose o’er Arthur’s throne
In liquid floods of golden brown.
Poor hunted Mary sat alone,
And viewed the dead with mournful frown.
She knew it not, but she had gone
One step nearer the martyr’s crown <…> [Ibid.].

«Маленькая поэма» В. Лайла – редкий пример текста, где исторические персонажи не только психологичны, не только проходят внутреннюю эволюцию, но охарактеризованы также и через других персонажей. Марию Стюарт оттеняют по контрасту и будничные горожане-бюргеры Эдинбурга, и жестокие заговорщики-лорды, и коварный муж, лорд Дарнли. Соответственно, меняется речь самой Марии, когда та обращается к разным действующим лицам.

Однако для военно-политического персонажного цикла подобный случай почти уникален. Более типичны такие усложненные характеристики для персонажей *религиозного* и *творческого* циклов.

Оба этих цикла могут, на наш взгляд, рассматриваться совместно, поскольку их персонажи – интеллектуалы, а их культурный фон намного более разнопланов. То же можно сказать об их стиле: он значительно более широк по своему диапазону.

Именно в рамках этих двух циклов (и ещё одного цикла – юмористического и сатирического) патриотические мотивы и персонажи наших авторов проходят

серьёзные испытания. В этом можно видеть не только различие, но и сходство между патриотизмом «по-шотландски» и «по-американски», «по-метрополийному» и «по-эмиграционному».

В количественном отношении образы шотландцев-литераторов (прежде всего, поэтов) в творчестве шотландской метрополии тоже представлены богаче, нежели в творчестве шотландской эмиграции. Это же справедливо и относительно жанров. Поэзия самой Шотландии к XIX веку уже накопила такие жанровые формы, как плач (lament) по умершим бардам (В. Дунбар); как стихотворная переписка между поэтами (Р. Бёрнс – В. Симсон; Дж. Беатти – А. Росс; Р. Фергюссон – С. Джонсон, и др.); как эпиграммы «поэтов на поэтов» (Р. Бёрнса и др.) как стихотворные кредо автора (Дж. Скиннер, Р. Фергюссон, сэр В.Скотт, А.Смит, Дж. Дэвидсон, В. Сутар, К.Дж. Рейн и др.) [324].

Отдельно стоят образцы глубоко архаических, полумагичных жанров – прорицаний (эрл (граф) Томас Лермонт) или заклинаний (Дж. Хогг), чаще всего передоверенные другим, не-авторским персонажам [424; 419, p. 372-373].

Религиозных жанров, используемых поэтами метрополии для персонажных характеристик, также накопилось к XIX веку немало. Это и славословия-гимны (Г. Дуглас), и проповеди-наставления (Р. Генрисон) или проповеди-обличения (сэр Р. Линдсей, сэр Р. Мэйтленд), даже молитвы перед смертью/казнью (Дж. Грэхем маркиз Монтроуз) [419, p. 83-84; 159-160; 171-175; 177-180; 239].

Если же говорить о персонажах-духовных лицах, – в стихах метрополийцев мы встретим аббатов и епископов, монахов и священников, проповедников и канонизированных святых (в т.ч. святых-покровителей Шотландии), вплоть до Богоматери и Христа [419].

В эмиграционной лирике круг персонажей из числа шотландской, общеевропейской и американской интеллигенции расширился. Он охватил не только творцов и издателей поэзии, не только учёных (особенно философов), но и религиозных и общественных деятелей. Примерами могут служить произведения Дж. Кеннеди (The Royal Scot, в переводе «Истый шотландец»), Д. Рамсея (To Duncan MacGregor Crerar, poet, в переводе «Дункану МакГрегору Крireру,

поэту»), Д.М. Хендерсона (Thomas Carlyle, в переводе «Томас Карлейль», Epistle to Andrew Carnegie, в переводе «Послание Эндрю Карнеги»), В.М. Вуда (Thomas Guthrie, в переводе «Памяти Томаса Гатри, проповедника»), Дж.Д. Крайтона (Longfellow, в переводе «Лонгфелло»; The Garden of the Muses, в переводе «Сад Муз»), Дж.Д. Лоу (To Walt Whitman, в переводе «Эпиграмма на Уолта Уитмена»; In Memoriam Marriott Brosins, в переводе «Памяти нашего брата Мэрриота») и др.

Подобно коллективному портрету британских поэтов в маленькой поэме Дж.Д. Крайтона «Сад Муз», коллективный портрет европейских философов даёт Арчибальд Росс (Archibald Ross, 1835-1914), в поэме Life (в переводе «Возмездие»). У него налицо и Рене Декарт (1596-1680), и Барух (Бенедикт) Спиноза (1632-1677), и Джон Локк (1632-1704), и Готфрид Вильгельм фон Лейбниц (1646-1716), и Джордж Беркли (1685-1753), и Дэвид Юм (1711-1776), и Иммануил Кант (1724-1804), и Готлиб Фихте (1762-1814), и Георг Вильгельм Гегель (1770-1854). Вместе с Томасом Карлейлем (1795-1881), историком, филологом и публицистом, персонажем стихотворения Thomas Carlyle («Томас Карлейль») Д.М. Хендерсона, эта портретная галерея покрывает историческую дистанцию в 300 лет: от конца XVI-го до конца XIX века.

Каковы были функции этого персонажного цикла «людей творчества»? Поэтам-эмигрантам было важно, во-первых, познакомить новую аудиторию со своими выдающимися соотечественниками в Старом Свете. Во-вторых, важно было подчеркнуть, что «новые американцы»-шотландцы (многим из которых удалось после школы лишь самообразование) не уступают по своему интеллектуализму литераторам ни Старого, ни Нового Света.

Для решения этих новых задач литераторы-эмигранты используют особые стилистические средства. С шотландского языка (скотса) они переходят в текстах «творческого цикла» на английский как язык людей «книжных» и «учёных». Тексты насыщаются архаизмами и поэтизмами, лексическими (thou, thee, thy; oft – ср. often; rehearse –ср. repeat, etc.) или грамматическими (thou lovest, biddest, etc.). Они наполняются библейскими и церковными реалиями, символами и аллюзиями (the abbey, the kirkyard; the mould – ср. the earth (soil), etc.)

Однако был ли оригинален «творческий» цикл внутри шотландской эмиграционной поэзии? С нашей точки зрения, был. Но эта оригинальность определяется не столько набором громких имён, сколько сочетанием новейшего документализма с очень традиционной, даже древней мифопоэтикой.

Так, философ Томас Карлейль, шотландец по происхождению, представлен Д.М. Хендерсоном в жанре эпитафии-меморатива. Однако этот жанр (как и сам герой) поэтически трансформированы автором в ритуальный текст, описывающий «похороны вождя».

Похороны совершаются, как издавна положено, всем родом. В них принимают участие не одни лишь родственники и соплеменники героя, а и силы родной природы. Сама Мать-Земля укрывает своего сына шотландским пледом-тартаном:

<...> His mother-mould takes tenderly her own,

And o’er him spreads her green, all-sheltering plaid. <…> [355, p. 95-96].

В переводе:

<...> Мать-Земля, взяв сына на постой,

Зелёный плед постлала в головах. <…>

Подключаются стихи-мемориативы и к христианской жанровой традиции жития и проповеди. Эта традиция, развивавшаяся и на Востоке, и на Западе Европы уже более чем полтора тысячелетия [58], также придала поэтическим биографиям знаменитостей непривычное религиозно-этическое звучание.

Такая метаморфоза имеет место у Дж. Крайтона, в сонете «Лонгфелло»:

<…> The charm of truth is in thy verse.

Of purpose strong and firm and high –

Like finger pointing to the sky –

And oft thou lovest to rehearse

That man lives not for self alone,

And that life is not lived again,

And biddest us forget the pain

Nor for the past make idle moan;

So shall we rise on wings of love
Giving our best to God and man,
So shall we pass thro’ life’s brief span.
And servants here, be sons above [338, p. 194-195].

В переводе эти строки звучат так:

<…> В твоих стихах – неотразимость правды.
Высокая и мощная краса,
Как палец, устремлённый в небеса…
И любишь громко свой твердить устав ты:
Что человек богат не сам собою,
Что дважды жизнь прожить нам не дано,
И боль пора простить давным-давно
И не лелеять горькое былое.

Тогда любовь крылами станет людям,
Тем, кто для Бога жил и для людей,
И мы взлетим кратчайшим из путей
Туда, где – слуги – мы сынами будем.

На поэтов-эмигрантов несомненно воздействовала не только европейская, а и американская коммуникативная традиция. Именно в протестантских кругах США процветали религиозно-общинные собрания, с их проповедями, духовными песнопениями и речами-импровизациями. Все эти жанры также вплелись в «старый», классицистический и сентименталистский жанр лирического меморатива.

Коллективный «мы»-герой. Есть ещё одно заметное отличие поэтов-шотландцев от поэтов-янки. В качестве главной лирической фигуры шотландская поэзия США выдвигает не столько индивидуального «я»-героя, сколько коллективного «мы»-героя.

Репрезентативность этого «мы» может быть различной. В ближнем круге это товарищи автора по школе, земляки, личные приятели. Если этот круг

расширяется, в него входят авторские соратники, современники и/или соотечественники. Но бывает, круг этот охватывает максимально широкое «мы»: всех шотландцев и даже всех жителей Земли.

Земляки-приятели встретятся нам в стихотворении Х. Эйнсли Morning sang (в переводе «Утренняя песня деревенского путника»). Соученики войдут в текст Т. Латто When we were at the schule (в переводе «Когда мы были школярами»). Предшественники и/или товарищи по литературному творчеству появятся у П. Макферсона (Scotia's Bard, в переводе «Шотландский бард», или Scotland, в переводе «Шотландия») или у Д.М. Хендерсона (Robert Louis Stevenson, в переводе «Роберт Льюис Стивенсон», An epistle to David Kennedy, в переводе «Посвящено Дэвиду Кеннеди, шотландскому певцу»).

«Мы»-герои исторического дискурса – боевые соратники самого автора или его предков, начиная от эпохи шотландских Войн за Независимость XIII-XIV веков до Гражданской войны XVIII века. Они действуют в текстах Х. Эйнсли «Сэр Вильям Уоллес» (The Knight O' Ellerslie); П. МакФерсона «Шотландия» (Scotland); В. Эндерсона «Шотландия вечная» (Scotland Forever), «Где Родина краше?..» («There's nae land like old Scotland…») и др. Аналогичными «мы»-героями, причём героями актуальными и «дома», и за границей, являются участники решающих в истории Шотландии: битв на Стёрлингском мосту (1297), при Бэннокбёрне (1314), на Флодэнском поле (1513) и при Куллодене (1746). Им специально отданы строки стихов П. МакФерсона «Чёрный день Куллоден» (Dark Culloden Day) или В. Эндерсона «Шотландия вечная» (Scotland Forever) и др. В эту же группу входят и товарищи авторов по Гражданской войне в США. (Детальнее см. ниже, Главу III.)

В составе персонажей шотландских поэтов-эмигрантов США XIX века наблюдается, вместе с тем, парадокс. Он нуждается в объяснении.

Существует несколько документальных списков, имеющих отношение к этому персонажному составу. Первый такой список включает шотландцев, получивших известность в Соединённых Штатах за XVIII-XIX века [211]. Список охватывает свыше 140 имён. Из них политики и государственные деятели

насчитывают 13 имён, военные 35 имён, экономисты 12 имён, юристы 15 имён, философы 5 имён, журналисты, книгоиздатели 16 имён, инженеры, изобретатели 12 имён, религиозные деятели 9 имён, собственно литераторы 27 имён.

Второй документальный список включает всех выдающихся шотландцев с начала освоения Америки и литераторов в том числе [263]. Это представители литературы не только художественной, но и общественно-политической (9), религиозной (12), философской (11), научно-критической (6).

Ещё два списка уже вплотную близки к нашим поэтам. Они содержат имена и фамилии подписчиков на шотландские поэтические издания в Америке [427, 428]. Среди них обнаруживаются 7 военных (1 генерал, 6 офицеров), 6 религиозных деятелей, 5 профессоров колледжей (т.е., по западной терминологии, преподавателей с учёными степенями). Приведённые цифры приходятся на число подписчиков в целом: свыше 200 (III список) и свыше 120 (IV список) человек.

Итак, читательская аудитория наших поэтов вырисовывается достаточно ясно. Её составляли в основном люди семейные, представители среднего класса, горожане, образованные – конечно, в тогдашнем понимании. Среди них встречаются не только (или даже не столько) мужчины, сколько женщины. Это хозяйки дома и/или их дочери. Они составляют от трети до половины всех подписчиков.

Однако персонажи сборников, на которые объявлялась подписка, принадлежат (опять-таки, в основном) к другим социальным группам. Прежде всего, это селяне – земледельцы или пастухи. Девушки и женщины в анализируемых стихах – лишь домохозяйки. Про поголовную грамотность шотландцев и шотландок не упоминается в стихах вообще. Между тем, в протестантских странах и регионах (в т.ч. в Шотландии) подростки, все без исключения должны были сдавать экзамен по катехизису, а на службах молитвы пелись по книгам.

Чем же можно объяснить столь явное расхождение между героями и героинями тогдашней шотландской жизни (и метрополийной, и эмиграционной) –

и шотландской эмиграционной поэзии? Мы полагаем, что оно может быть объяснено только одним обстоятельством. Состав типичных персонажей отражал не столько шотландскую или американскую реальность 1820-х –1900-х годов, сколько сформировавшуюся к началу XIX века *шотландскую поэтическую традицию*.

Эмигранты-шотландцы сплошь и рядом вводят в свои стихи персонажей, асинхронных авторскому лирическому настоящему времени. Часто эти персонажи «отстают» биографически и психологически от времени автора на годы, а то и на десятилетия. Однако лишь таким образом поэты получают возможность транспонировать свои собственные житейские и лирические ситуации в «старую добрую» Шотландию – в «Страну Давным-Давно» (Auld Lang Syne). Она, в свою очередь, постепенно превращается в некое особое «время и место» (что фиксируется слитным его написанием – «Langsyne»). Над этим «лэнгсайном», по сути, уже не властно никакое конкретное историческое время; оно не расположено ни в каком точном географическом месте; его не населяют никакие абсолютно аутентичные социальные группы, реальное окружение автора. Поэтому, с одной стороны, можно утверждать, что герои и героини поэтов-эмигрантов XIX века продолжают обитать в едином времени и пространстве с героями и героинями Гризелы Бейли (1665-1746), Алекзандера Росса (1690-1784), Джона Скиннера (1721-1807), Роберта Фергюссона (1750-1774), Анны Линдсей (1750-1825) или Роберта Бёрнса (1759-1796) [419]. А можно увидеть ту же картину с другой стороны. Это персонажи Бёрнса или Фергюссона, даже герои Бейли или Росса переносятся в поэтический мир шотландской эмиграции XIX века и делаются соседями своих заокеанских «современников из будущего».

Вполне понятен при этом читательский успех у таких персонажей – в США, в самой Шотландии. Видимо, слушая подобные стихи, аудитория совершала как бы фантастическое путешествие. Она возвращалась в то ностальгическое, «доброе старое» время и пространство, к тем «добрым старым» землякам, которых ей уже не хватало в её собственной жизни. Особенно не

хватало их после подавления национально-освободительных восстаний (1715, 1745) и насильственных «зачисток» и аналогичных им экономических реформ.

Лишь в стихах поэтов-эмигрантов шотландцы Шотландии могли носить (запрещённые в реальной повседневности) национальные костюмы, могли исполнять национальную музыку на национальных инструментах, могли танцевать национальные танцы – обобщённо говоря, могли «жить по-шотландски».

Например, у П. МакФерсона в Scotland (в переводе – «Шотландия») находим целый перечень таких танцев:

<…> The pibroch, the quickstep, the reel, the strathspey,

Can weep with the mourner, can laugh with the gay –

Make the young and the old to feel gladsome and hale.

As they flow like a stream, from the pipes of the Gael. <…> [400, p. 33-35].

В переводе:

<…> А танцы: квикстэпы, пиброхи и риллы –

И к свадьбе вели, и влекли из могилы.

И кто б отлежался, и кто б усидел,

Когда на волынке играет твой гэл? <…>

Или описание национального костюма у Дж. Кеннеди (Auld Scotia in the field, в переводе «Шотландская команда на соревновании под открытым небом»):

<…> Again we joyed to sally forth

In tartan’s plumed array <…> [360, p. 42-43].

В переводе:

<…> Опять надет наш старый плед,

Тартаны и перо <…>

Эту утопическую, ностальгическую Родину сумели сохранить в XIX веке по обе стороны Атлантики лишь шотландский фольклор и шотландская литература.

При анализе религиозного цикла следует учитывать следующее. Поэзия эмиграции представлена в США главным образом авторами-протестантами

различных деноминаций. Естественно, диапазон их духовных жанров и действующих лиц духовного звания гораздо более узок. Исчезли или отошли на задний план типы текстов и персонажи, связанные как с язычеством, так и с католицизмом или англиканством. Зато сама религиозная традиция, заметно ослабевшая в шотландской поэзии XIX века «дома», на «старой» Родине, – с большой силой реанимировалась в текстах поэтов-эмигрантов. Многие из таких религиозно ориентированных текстов остались за пределами нашего внимания: работа наша ограничена патриотической темой. Но всё же в творчестве поэтов-эмигрантов нами были отмечены жанры гимнов-песнопений (Х. МакКаллах, Дж.Д. Лоу и др.), проповедей и молитв (Д.М. Хендерсон и др.), а также духовно-философских элегий и эпитафий (Дж.Д. Лоу) или од (А. МакЛаклан).

Поэт как голос Неба – мотив, который вполне серьёзно звучит в «бёрнсовском цикле» авторов-эмигрантов США. Например, у Дж. Мэсси в стихотворении [Роберт Бёрнс] («Praise to the Bard, whose mighty hand…») находим строки:

Хвала Поэту, чья десница
Поставила туда, где птица
ПарИт, – наш край родной,
Чтобы сквозь даль и дымку века
Светил душе он человека,
Как наш маяк земной <…>

В оригинале:

Praise to the Bard, whose mighty hand
Has placed our loved, our native land,
On fame’s celestial height,
To be through time’s most distant page
For every dim succeeding age
A blazing beacon light <…> [401, p. 214-215].

Или у Х. МакКалоха, в стихотворении «Не забывайте» (Dinna forget):

Забудьте век, который сдвинул мир;

Шесть поколений, как ушёл кумир
Шотландии, чьим голосом она
Пела тогда и ныне пленена;
Забудьте Человека чудеса,
Какие ему дали небеса!.. <…>

В оригинале:

Forget that time has moved the world away,
Six generations from Auld Scotia’s day,
Whereon she sang by mouth of Minstrel Burns
Sweet songs and true, to which the heart still turns;
Forget the miracles that man has wrought,
The incarnations of immortal thought! <…> [389, p. 176-178].

Из картины мира, вырисовавшейся на основе системы «шотландских персонажей», можно сделать несколько выводов.

«Свои» (шотландские) персонажи: а) имеют *собственные* (исторические или художественные) *имена*; б) имеют «свои» биографии и характеры; в) окружены приметами *определённого времени/места/рода, племени, народа* (шотландского).

По идее, чем выше статус персонажа (от авторского земляка до Господа Бога всех христиан), тем более универсальным этот персонаж должен быть. Однако эмоциональней, объёмней изображаются персонажи «свои». Противоречие разрешается тем, что даже статусные, «высшие» персонажи внутри авторской картины мира должны стать не просто почитаемыми, а и должны быть показаны как «свои».

Так, Апостол Андрей в начале текста Дж. Кеннеди «Святой Андрей и шотландский Хаггис» (Saint Andrew and the Haggis) проповедует христианство, ходя-бродя «по белу свету» («<…> on his travels through the warl’ <…>» [363, p. 55-56]). Однако тут же выясняется, что окружает его чисто шотландский зимний пейзаж: «<…> снег слепит, сечёт наотмашь, / А ветер выдул всё нутро, / И

одеяние мокрО <…>». В оригинале: «<…> The cauld sleet soaked him to the skin; / An’ buffeted wi’ winds unruly, / He lookit like a tattie-dooly <…>» [Ibid.].

Затем Св. Андрей попадает в дом к скупому и грубому деревенскому помещику, тоже шотландцу. Тот заставляет голодного и замёрзшего «бродягу» самому готовить из отбросов национальное блюдо шотландских крестьян, хаггис: «<…> Святой завидел вдруг усадьбу. / Заходит, кланяясь к земле, / Моля о пище и тепле. / Помещик еле шевельнулся, / Едва спиною повернулся / И молвит: «– Ишь, босяк и плут! / Тебе и корки много тут. / Но так и быть: бери огрызки, / Да потроха овечьи в миске, / Добавь к ним луку, да хрящи / В ведре помойном поищи, / Заправь бараньим старым салом – / Небось, мужик, всё съешь навалом? <…>». В оригинале: «<…> He halted at the halfway house. / An’ spreading out his open palms / Fu’ meekly beggit for an alms. / The landlord steer’d na frae the bit, / But e’ed the Saunt frae head to fit, / An’ said: “You idle, gangrel crew. / Coarse crumbs should sair the like o’ you; / I set ye doun this bill o’ fare – / The shakin’s o’ the meal-pock there, – / Some harigalds, an’ sic-like trash, / That puir fowk use for makin’ hash; – / Tak’ them, an’ mixed wi’ creeshie dreep, / Boil in the stammack o’ a sheep” <…>» [Ibid.].

Св. Андрей безропотно готовит и съедает хаггис – и тем самым подаёт пример истинно христианского поведения всем будущим шотландцам: «<…> И с той поры в канун Андреев, / Себя по всей Земле рассеяв, / Садится наш честнОй народ / И в пОлон рот свой Хаггис жрёт <…>». В оригинале: «<…> An’ aye sin’ syne on Andrew’s nicht / We see this extraordinar’ sicht, – / How social Scots owre a’ the warl’ / Will leave the fu’ cog an’ the barrel <…>» [Ibid.].

На аналогичных принципах строится картина мира в *юмористическом* и *сатирическом* цикле. Разница лишь в том, что юмористические тексты «учат» аудиторию на примере персонажей смешных, небезгрешных, но по сути добрых. А тексты сатирические делают то же самое на примере персонажей недобрых, таящих зло глубоко в душе.

Персонажи первого типа – ученики деревенской школы у Т.К. Латто («Когда мы были школярами», в оригинале – When we were at the schule). Они

случайно сбивают мячом цыплёнка у тётки Дженни; по жалобе соседа, «изводят» у него кота.

Однако дальше автор сам опровергает первоначальную характеристику своих «школяров». Взамен цыплёнка, озорник Боб приносит ночью небогатой соседке курицу из собственного дома, а кота «извести» якобы виноватый Тэмми не мог, поскольку он «хромуша». И озоруют эти ребята, ибо хотят поскорее «стать мужиками», т.е. взрослыми мужчинами.

Там же, где в авторской картине мира появляются по-настоящему негативные персонажи, авторы вынуждены прибегать либо к языческим, либо к католическим средствам их образного изображения. Примером может послужить уже цитированный «Чёрный день Куллоден» П. МакФерсона (Dark Culloden Day). Войска, разгромившие шотландских повстанцев, именуются и изображаются не «англичанами», не шотландцами-«лоялистами». Они – стая зверей, скопище чудовищ, проникающие на мирный пир шотландцев-якобитов подобно тому, как монстр Грендель ночью вползал в Оленью палату короля Хротгара в англосаксонской языческой поэме «Беовульф»: «<…> The vale of fair Glencoe / Saw scenes of deepest woe; / Treacherous were the foe – / They struck midst feasting gay;<…> / <…> The old, the young, the fair. / To wrongs beyond repair. / To death and violence were / Consigned by lordings gay <…>» [397, p. 36-39]. В переводе: «<…> В долине, полной мира, / Товарищество пИло – / Коварный враг средь пира / Просунул свору мордин. / <…> / <…> Ни стар, ни млад, ни дева – / Никто из вражья зева, / Их похоти и гнева / Не вырвался, свободен <…>».

С другой стороны, МакФерсоновы пейзажи побеждённой Шотландии, где солнце стало багровым, а вода в болотах – красной от крови погибших, явно используют поэтику адских видений у католиков Дунбара или Данте.

Выводы к Главе II.

1. Образ Родины-Шотландии в шотландской эмиграционной поэзии США XIX века создаётся ядерными средствами: через шотландский хронос, топос и

систему «своих» персонажей. Сами по себе, эти средства не являются этноспецифичными. С помощью таких же средств будет создаваться образ второй, новой Родины-США. Этноспецифичными являются: 1) текстовые конкретизаторы, 2) жанровые модели и 3) коммуникативные установки авторов(ориентация на определённую аудиторию). В них как раз и реализуются этноспецифичный и индивидуально-авторский образ Родины.

2. Специфика шотландского пространства, шотландского времени и шотландских персонажей у изучаемых нами поэтов сложна и даже парадоксальна.

С одной стороны, острое чувство ностальгии заставляет авторов подробно и точно воспроизводить приметы «старой доброй» Шотландии: реалии локальные, темпоральные, характерологические. Отсюда идёт изобилие шотландских онимов, живописных и эмоциональных эпитетов, региональной (диалектной) лексики и автобиографических деталей. Отсюда же проистекают частые инклюзивные и коллективные местоименные формы: «моя», «мой» (земля, дом, родные люди и т.п.) или «наши» (горы, леса, битвы, песни, герои и т.д.). С другой стороны, образ Родины и патриотические настроения авторов воплощаются символическими и мифопоэтическими способами. Шотландия возникает как прекрасное видение, сон наяву, сказка далёкого детства или ранней юности. Её время останавливается, становясь Вечным Мгновением золотого прошлого, а пространство расширяется и возвышается до Земного Рая.

3. Реальная история Шотландии делается мифопоэтическими временами героев-победителей и проповедников-мучеников. Лирический (авторский) «я»-герой тяготеет к образу Вечного Шотландца, а «мы»-герои – к образу всего шотландского народа.

4. Таким авторским интенциям соответствуют жанровые модели сентименталистской идиллии, классицистической или романтической оды, религиозного гимна, жития или проповеди. В эти жанры зачастую и переливаются песни, элегии или баллады: доминантные метрополийные жанры для шотландской поэзии XIX века.

ГЛАВА III. ОБРАЗ «НОВОЙ» РОДИНЫ (США)

В предыдущей Главе II предложен анализ образа «старой» Родины (Шотландии) в эмиграционной шотландской поэзии XIX века. Выявлены патриотические мотивы, сюжеты, ситуации, символы и реалии, из которых этот образ выстраивается. Общая проблематика главы конкретизирована в трёх параграфах. Они посвящены, соответственно, шотландскому пространству (§II.1.), шотландскому времени (§II.2.) и шотландским персонажам (§II.3.) исследуемых нами произведений.

По той же модели строится настоящая глава. Предметом анализа здесь будет образ «новой» Родины (США) в той же поэзии. Детализация этого анализа будет опять осуществляться в трёх аспектах: 1) американском пространстве (§III.1.), 2) американском времени (§III.2.), и 3) американских персонажах, прежде всего, «американских шотландцах» (§III.3.).

§ III.1. Образ США: американское пространство

Шотландская эмиграционная поэзия не могла не создавать образа своей новой Родины. Эта страна должна была стать для «новых американцев» не просто местом их обитания, но и местом их самоутверждения. Эмигранты-шотландцы XIX века ехали в США, уже не спасаясь от политических преследований (как это было в XVIII веке). Они ехали теперь ради нового статуса, нового трудоустройства, новых социальных и/или литературных возможностей.

Как же выстраивался этот образ «страны новых возможностей» в их поэзии? Отметим для начала наиболее существенные, с нашей точки зрения, интегральные и дифференциальные признаки этих двух Родин.

США и Шотландия: сопоставительный анализ. «Новая» Родина, США, вольно или невольно со- и противопоставлялась поэтами-эмигрантами «старой»

Родине, Шотландии. При этом реализовывались разные результаты такого со- и противопоставления.

1. Обе страны прекрасны; *оценочность* их характеристик одинаково *позитивна*.

Тогда доминантной становилась лаудативная («восхваляющая») функция. В жанровом отношении стихи поэтов-эмигрантов, – тем более, что предназначались они не только для печати, но и для чтения вслух (рецитации), – склонялись тогда к жанру *оды*. Среди наиболее красноречивых примеров можно привести текст Х. МакКаллоха Centennial, 1876 (в переводе «Столетие провозглашения Союза Североамериканских Штатов»).

Что касается стихов, предназначавшихся ещё и для пения, они в таком варианте тяготели к жанру *гимна* (в церковном смысле термина). Таких стихов было создано множество. Это тексты В.М. Вуда (Hail, O Fatherland, to thee!, в переводе «Слава государству!»), Д.М. Хендерсона (Columbia – Hail to Thee!, в переводе «Да здравствует Колумбия!»), Дж.Д. Лоу (Hurrah for Pensylvania!, в переводе «Ура, о, Пенсильвания!») и др.

2. Обе страны прекрасны; их оценочность одинаково позитивна; однако *мотивировка* этой позитивности отличается. Шотландии отдаётся стихийное, эмоционально-ассоциативное предпочтение. Соединенные Штаты поэты-шотландцы хвалят в рациональных (прежде всего, в правовых и социальных) аспектах.

Так, в лирике и в малом эпосе («маленькие поэмы», баллады) у авторов-шотландцев нигде и никогда не воспеваются *юридические права* или *социальные гарантии* героя-шотландца в метрополии – Шотландии.

Для Шотландии (судя по текстам наших поэтов) характерен термин right. Этот социокультурный термин (или иначе – концепт) повсюду имеет у них древний, наполовину ещё мифопоэтический смысл. Он означает социальный и мировой порядок, «лад», «правильное» мироустройство [285, с. 187-248].

Часто рифмующий с концептом «right» концепт «might» также означает не просто физическую мощь, а жизненную силу, витальность, – так сказать,

природное право. Причём воспринимается оно прежде всего как «естественное» право на победу.

Именно о таком праве пишут Х. Эйнсли (The Knight O' Ellerslie, в переводе «Сэр Вильям Уоллес»), П. МакФерсон (Dark Culloden Day (April 16, 1746), в переводе «Чёрный день Куллоден (16 апреля 1746 года)»), Дж. Кеннеди (Auld Scotia in the field, в переводе «Шотландская команда на соревновании под открытым небом»).

Наоборот, применительно к США преобладают чисто юридические понятия «independence» и «justice». Эти понятия делаются лейтмотивом стихотворений Д.К. МакКаллума (Soldier's Song of Freedom, в переводе «Солдатская песня Свободы»), Дж.Д. Лоу (Columbia – Caledonia, в переводе «Колумбия – Каледония») и др.

3. В описаниях Шотландии XIX века появляется больше *урбанизма,* а урбанизм этот делается более конкретным. Выше, в параграфах I.1. и II.1., отмечалось: на собственных судьбах и на судьбах своих родителей, предков поэты-эмигранты испытали все перипетии новейшей шотландской истории, в т.ч. истории экономической. Однако не всегда эта история была только депрессивной. Джон Дэвидсон (Davidson, 1857-1909), родом из Гринока, провинциального шотландского городка, ставшего центром речного судостроения, с большим энтузиазмом описывает новый, – урбанистический и индустриальный, – пейзаж своей малой Родины:

<…> Зорянки раньше он (город. – Авт.) встаёт и дымом
Шипучим утро застит; сотней труб
Шлёт сажу в небо. Здесь гремят по докам
Стальные молоты; здесь у причалов
Кивают краны-вьюченные шеи,
Голгочут журавлино и скрипят <…> [324, с. 232].

В оригинале: «<…> That pipes the morning up before the lark / With shrieking steam, and from a hundred stalks / Lacquers the sooty sky; where hammers clang / On

iron hulls, and cranes in harbours creak / Rattle and swing, whole cargoes on their necks <…>» (J. Davidson, From a ballad in blank verse: Greenock, [419, p. 407-408]).

Вместе с тем, наблюдается очередной парадокс. Подобных детализированных индустриальных пейзажей как раз в «американском пространстве» эмиграционной поэзии, где их можно было бы ожидать, мы не встретим. Даже более подробно представленное трудовое пространство сельской Америки или ремёсла и «малый бизнес» провинциальных американских городков (пространство, которое позже, в 1920-е годы, назовут «одноэтажной Америкой») уступает в детализации пейзажам Гринока у Дж. Дэвидсона или Глазго у Алекзандера Смита (1830-1867).

Вот шотландский пейзаж А. Смита:

<…> Хлещи же свой чугун, ударь же
По наковальням, вскрикни баржей,
Как тяжко груз волочь;
Копти, закат, сверкай ли влажно,
Пока дождливо и протяжно
Проулки смотрят в ночь. <…> [324, с. 223].

В оригинале: «<…> Draw thy fierce streams of blinding ore, / Smite on a thousand anvils, roar / Down to the harbor-bars; / Smoulder in smoky sunsets, flare / On rainy night, with street and square / Lie empty to the stars <…>» (A. Smith, Glasgow, [419, p. 399]).

А вот пейзаж американский, П. Росса из «Двух шотландцев»:

<…>А мИлею ниже лежал городок –
Округи всей центр и толковище.
Пошли друзья пробовать, там приторговывать:
Просо, и много чего ещё. <…>

В оригинале:

<…> And twa miles south there lay a toun
Where centred a’ the country’s treasure;
And soon in it they had some trade,

Their craps to sell, their corn to measure. <…> [418, p. 89-91].

Отрывки не разделяет никакая временнАя дистанция. Но стилистически (и оптически) они словно принадлежат двум разным социокультурным эпохам, с разрывом в несколько десятилетий. (Попытку объяснения такого парадокса см. ниже).

4. Детализация зато появляется в описаниях «американского пространства», если оно наделено *негативной оценочностью*.

Это могут быть пейзажи рабовладельческого Юга в текстах исторической тематики, о Гражданской войне, например, у Дж. Кеннеди (The Refugees, в переводе «Переправа»). Этой «негативной пейзажистикой» пользуются при изображении мира богачей Х. МакКаллох (Thanksgiving Day, в переводе «День Благодарения»).

Но это могут быть и произведения, где урбанистические американские пейзажи противопоставлены природным пейзажам шотландским. Подобные противопоставления встречаются в стихах того же Дж. Кеннеди (Auld Scotia in the field, в переводе «Шотландская команда на соревновании под открытым небом») или Д.М. Хендерсона (Daisies in Baltimore, в переводе «Маргаритки в Балтиморе»).

В целом, однако, шотландские поэты-эмигранты избегали слишком явной негативности в обрисовке «американского пространства». Многие из них начинали свою «американскую карьеру» разнорабочими (а бывали и более тяжёлые варианты: расчистка джунглей, как, например, у П.Росса, в его «Двух шотландцах» (Twa Scots)) или укрощение диких коней-мустангов, как у Дж.К. Моффата («Укротитель Земли», в оригинале Tamers of the ground). Они не желали ставить под сомнение ни собственную «американскую мечту», ни тяжко давшиеся успехи – свои и своих товарищей-эмигрантов.

Патриотические мотивы и проблема демифологизации. Тем более осторожны поэты-эмигранты, сравнительно с поэтами метрополии, в шотландских эпизодах. Эта осторожность касалась, опять-таки, прежде всего эмотивности и оценочности.

Поэты метрополии, как мы уже писали выше, бывали подчас и драматичны, и даже полемически резки в оценках Родины. Такая резкость была связана со стремлением преодолеть эмоциональную и стилевую идилличность, слащавость, «хуторянство» (cailyardism). Уже в XIX веке писателей метрополии начали раздражать патриотические стихи примитивных «рифмачей» (poetasters), которые считали себя продолжателями традиций Р. Бёрнса.

От этой полемической установки в метрополийных стихотворениях появлялись высказывания, типа:

Старинное жилище-родовище,
Не щедро ты размерами, амбарами,
А щедро ты сегодня, родовище,
Всё сэрами да барами. <…> [324, с. 258].

В оригинале: «There's puckle lairds in the auld house / wha haud the was thegither: / there's no muckle graith in the auld house / nor smeddum aither <…>» (W. Soutar, The Auld house, [419, p. 461]).

Поэты шотландской эмиграции такого критицизма позволить себе не могли, ни создавая образ США, ни творя образ Шотландии. Помимо причин, которые уже объяснялись нами, назовём и другие.

Одна ситуация для патриотов и патриотического дискурса – критика Родины в кругу «своих» и от имени «своих». Здесь читателям и/или слушателям автор мог пояснить: эта демифологизация предпринята во благо «своей» земли, ради её не только политических, но прежде всего социокультурных перспектив. Недаром текст В. Сутара заканчивается оптимистическим прогнозом:

<…> Мы старое разрушим родовище –
И новым возведём его. <…> [324, с. 259].

В оригинале: «<…> but the folk maun funder the auld house / and bigg up anither» [419, p. 461].

Иным было положение у авторов-патриотов в эмиграции. Демифологизация Шотландии лишила бы эмигрантов значительной части их *внутреннего* (а не внешнего) времени и пространства. Она отняла бы у них Шотландию как

прекрасную страну с великой историей. Тем самым сократилась бы их собственная значительность. Из сыновей «Северного Рая», из воспитанников «страны героев» они превратились бы в беженцев из маленькой, нищей, бесправной и бесперспективной окраины Европы и «цивилизованного мира» вообще.

Демифологизация США была для поэтов-эмигрантов столь же невозможной, и не только из соображений политики. Образ США сначала моделировался американцами всего лишь как «Союз Штатов». Но как раз ко II половине XIX века для самочувствия граждан США актуальной стала задача сформировать образ «великой страны».

Ещё более существенным было у шотландцев стремление сохранить смысл и пафос своей эмиграции как дороги из «старого», малого Рая в Рай «новый», большой. Для религиозно ориентированных поэтов переезд из Шотландии в США проецировался на переход из «локального» пространства и времени Ветхого Завета во «всемирное» пространство и время Завета Нового. Шотландия делалась эскизом, предвестием этих новых ожиданий, а США – их воплощением.

Биографически – финансовые, статусные, образовательные достижения (хотя и достаточно скромные) у шотландских авторов, исследуемых нами, безусловно, в Америке появились. Заработаны они были усердным трудом, готовностью осваивать любую профессию и любое место жительства. Но показательно: как мало сказано об этом в стихах «американских шотландцев». Тем паче скупы упоминания (только упоминания!) о личных разочарованиях или обидах, какие неизбежно ожидали на «новой Родине» всякого иностранца, инородца, инокультурника.

Вот редкий случай – монолог разочарованного эмигранта:

Верните мне мой старый дом,
Низовий тень и плеск их речек –
Там на холме и под холмом
Я целый день стерёг овечек.
И тёрся пёс мой об колени,

И всех царей я был блаженней:
Мой скипетр – ветка от ольшины,
А царство – Лоуленда лощины. <…>
<…> Судьба за море увела.
Иное племя мне знакомо:
Их сердце прочно, речь тепла, –
Но нет ни Мэри здесь, ни дома!

(Джеймс Д. Крайтон, «Причитанье пастуха-шотландца, уехавшего в Америку»).

Те же строки в оригинале:

O gie me back my lowland cot,
My shepherd’s plaid and lowly lot,
When ower the hills I used to stray
And herd the sheep the lee-lang day.

Wi’ Hector rinnin’ at my heel
Nae king on earth could happier feel.
My sceptre but a hazel wand,
My kingdom but a strip o’ land. <…>

<…> Wae’s me that fate us twa has twined,
And I sair’ strangers ower the sea;
Their hearts are leal, their words are kind.
But lass, it is’na hame to me! [339, p. 198].

Пастух Крайтона хочет вернуть «лощины Лоуленда», «косы Мэри» – всю свою прежнюю жизнь. Однако хочет он этого потому, что на новом месте, в эмиграции для него «нет родного дома». И это – несмотря на «верные сердца» и «добрые слова» его американского окружения. Родина, оказывается, – это образ жизни. Понятно, что демифологизировать его на чужбине нельзя.

Мотив освоения целины. Этноспецифичным для «американского пространства» (и хроноспецифичным для «американского времени») стал в стихах шотландской эмиграции мотив освоения целины.

В самой Шотландии уже к XVII-XVIII векам сельскохозяйственной «целины» нигде не существовало. Наоборот, хозяева небольших участков земли (crofters), – а именно они составляли большинство сельского населения страны, – уже тогда страдали от дробности и малоземельности своих владений. «Огораживание» (enclosure) и «зачистка» (clearance) крупных поместий (где малоземельные и безземельные крестьяне обычно арендовали землю), проводившиеся для освобождения этой земли под пастбища, окончательно люмпенизировали огромную часть сельских обитателей Шотландии. Ведь даже суровые Северные, Северо-Восточные и Северо-Западные острова Шотландии (Гебриды, Фареры, Оркнеи, Шетландские острова) были уже поделены и освоены давным-давно, начиная с эпохи бронзы и железа (3.000-1.500 лет до н.э.) [69, 105].

Северная Америка потому и привлекала, и поражала эмигрантов-шотландцев, что обладала гигантскими запасами «свободной», «бесплатной» (на самом деле, отобранной у коренного населения и юридически национализированной) земли. До 1880-х годов т.н. «Дикий Запад» был всё ещё открыт для «освоения». Конечно, все эти земли были когда-то коллективными родовыми владениями индейских племён. Но официально, в соответствии с законами США это никогда оформлено не было [257, p. 9-19].

Оттого «американское пространство» казалось «диким раем» для шотландцев-эмигрантов. Оттого же американские пейзажи в их лирике полны такой жизненной силы и так ждут «приручения» и «укрощения»:

Кто день ото дня укрощает коня,
Пока конь не замер в пыли, –
Тот горд и хорош, но менее всё ж,
Чем укротитель Земли,
Чью дикую мощь он и в зной, и в дождь
Приучает трудиться, как он.

Гнет дикарку, – пока, полюбив седока,
Наш она не признает закон.

Характерно, что в этом «укрощении» шотландскому поэту видится Божественная миссия его народа:

Он работник Божий, на Него похожий,
Формует и грязь, и пески.
И строг, и мил, – и Земля Божий мир
Понимает уже по-людски.
Это он, человек, из дремучих рек,
Из джунглей или болот,
Из бесплодья – её творит бытиё,
Пожиная богатый плод <…>

В оригинале процитированные строки выглядят так:

There is conquest of force in taming the horse
Till he brooks to be driven and bound,
But prouder by far the victories are
Of the men who tame the ground –
Who tame the ground and its wilful powers,
And determine the work it must do,
Till it leaves its own, and executes ours,
With obedience docile and true.

For they are true workers together with God,
In maturing the earth to his plan,
And in teaching her dull and unmeaning sod
To glow with the thinking of man –
Who compel her rude life to surrender the wold,
The marsh and the jungle to yield
To him who can out of her deserts unfold
The wealth of the fruit-bearing field. <…> [408, p. 51].

Т.о. оба варианта патриотического дискурса, оба образа Родины американской и шотландской, выстраиваются в эмиграционной поэзии XIX века как две стороны единого – подчёркнуто позитивного патриотического мифа.

§ III.2. Образ США: американское время

Отношение шотландских поэтов-эмигрантов XIX века к американскому времени и проще, и сложнее их отношения к американскому пространству. Оно проще по отношению ко времени историческому, но сложнее относительно времени биографического.

Американское время и биография героев. Почти все поэты-эмигранты, ставшие предметом нашего анализа, переехали в США уже взрослыми, хотя большинство из них оставались ещё достаточно молодыми. Но и те, кто эмигрировал детьми, т.е. не самостоятельно, а вместе с родителями, сколько-то лет своей начальной жизни провели в Шотландии. Следовательно, детские, подростковые (а у многих и юношеские) биографические впечатления у наших авторов остались связанными со «старой» Родиной.

Такая ситуация отразилась на самом отборе деталей: пейзажных, интерьерных, портретных, – через которые изображается шотландская «Мать-Родина» («Mither Land»), но редко или никогда не изображается «Отечество» (Fatherland) – Соединённые Штаты.

1) Среди шотландских деталей преобладают подробности «природные» и/или «сельские» (рустикальные); среди американских – подробности «искусственные» и/или «городские» (урбанистисческие).

2) Образы-тропы, связанные с Шотландией, более конкретны; образы-тропы, рисующие Америку, – более обобщены.

3) В стихах о шотландском мире царит динамичная ассоциативность, опирающаяся на сенсорику всех типов: краски, звуки, запахи, тепло и холод, объёмы и расстояния и т.п. В стихах о мире американском ассоциативность более статична и эмблематична.

Аналогичные оппозиции регулируют описания «шотландского» и «американского» времени. «Шотландское время» – детство или юность (метафорические варианты – утро или весна). Им контрастны вторые члены оппозиций, которые определяют «американское время». У него как бы нет природного изменения возраста. Нет ни возраста как негативного состояния: нет старости, дряхлости, потери вкуса к жизни. Однако нет и возраста как позитивного состояния: нет юности, молодости и её эмоциональности, влюблённости в жизнь душевных признаков. Внутри «американского времени» у шотландских поэтов и их героев почти нет ни порывов в будущее, ни следов прошлого, ни очарований, ни разочарований. Если же они есть, чаще всего они изображаются комически.

Так мечтает стать знаменитым актёром «романтик и толстяк» Дональд Фрэзэр (Дж. Кеннеди, The Play-Actor, в переводе «Актер-любитель»). Но в реальности спектакль проваливается, а персонажу автор советует соизмерять «желанья и возможности»: «<…> Ye youths wha court the public e'e / Keep back in canny clearance, / Or some disaster ye may dree / Like Peter's first appearance» [366, p. 99-101], в переводе: «Не суйтесь, парни, кто куда: / Мол, слава там, мол, выгода, – / Не то настигнет вас беда, / Как Пита первый выход, да!»). То же происходит с несостоявшимся «лектором»: «<…> Now lat ilk honest man tak' tent,/ An' heedna vain ambition; / But try an' dwall at hame content, / An' mind his ain condition. / Should love o' glory lure ye on, / Like Hannibal or Caesar, / O! for a moment think upon / The doom o' Donald Fraser» [365, p. 96-98], в переводе: «<…> Мечтайте, как мечтала мать. / Но ради осторожности / Не забывайте сочетать / Желанья и возможности. / А если вы – Наполеон / Или подобье Цезаря, / Припоминайте страшный сон / Про Дональда, про Фрэзера» (The Lecturer, в переводе «Лектор»). Или с командой «койтеров», игроков в популярную шотландскую игр: «<…> May quoiters' joys be mair an' mair, / Unvex'd by sorrow's harrows: / Sic hearty social chaps, I swear, / I've never met their marrows» [367, p. 109-114], в переводе: «<…> Пусть долго койтеры живут, / Без травм играть научатся, / Пусть это будет славный люд… / С мозгами? – как получится!» (The Quoit Players, в переводе

«Койтеры»). Автор не издевается над их «американскими мечтами», но каждый раз противопоставляет их грубоватой и трезвой (хотя не лишенной дружелюбия) американской действительности.

Уже в XIX веке Нью-Йорк, например, стал оживлённым деловым центром США: крупной транспортной развязкой, средоточием биржевой и торговой жизни, морским и речным транспортом. Но вот как возникает Нью-Йорк у того же Дж. Кеннеди: всего в 8 строфах, на периферии шотландского национального события – открытия в парке этого города памятника Роберту Бёрнсу:

Bright spirit, whose transcendant song
Hath charmed earth's utmost bound,
Till from her solitudes among
Comes ringing back the sound.

Come where the wild Atlantic waves
Have hush'd their ceaseless roar,
And, softly as a zephyr, laves
Manhattan's busy shore. <…> [372, p. 66-67].

В переводе:

Великий дух, чья тень прошла
Земной предел насквозь,
И человечество прожгла,
И к ней оно сошлось,

Где Атлантический в ушах
Стихает шум и вой,
И молча ускоряет шаг
Манхэттен деловой. <…>

Родственным образом мелькает Нью-Йорк ещё в одном стихотворении Дж. Кеннеди. И Манхэттен, и река Гудзон попадают в поле зрения автора наравне со мхом и травой. А главное – попадая в пейзаж биографический (из числа

немногих в стихах «американских шотландцев»), и река, и город выпадают из американской истории:

<…> And I have sailed upon the flood
That laves Manhattan’s busy shore,
By tangled brake and dark-green wood, –
By beetling crags moss-grown and hoar, <…> [362, p. 44-47].

В переводе:

<…> Вот по Гудзону я плыву;
Манхэттен вижу деловой,
Прибрежье, скалы, и траву,
И мох с косматой головой. <…>

Иначе вписывается в биографию авторского героя («я»-героя) и в шотландскую историю река Норан из далёкой Родины автора:

<…> That, bright as in its native North,
Oft sparkles in my fancy’s dream. <…> [Ibid.].

В переводе:

<…> В далёкой северной стране
Её истоки – и мои. <…>

<…> Then on by pleasant farms that breathe
Of calm contentment’s happy clime;
Or laughing where the ivy’s wreath
Clings round the ruins of olden time.
And on where stately mansions rise,
Or lowly gleams the cottage hearth;
Unchanged thy smile still meets the skies,
Unchanged still rings thy song of mirth. <…> [Ibid.].

В переводе:

<…> Вдоль ферм, где стойло и овин
Природы славят благодать, –

Иль мимо рыцарских руин,
Где плющ так любит обитать;
Простые ль хатки, сельский храм,
Усадьбы ль важные вельмож –
Ты, улыбаясь небесам,
Везде о радости поёшь. <…>

Для США глазами шотландских эмигрантов характерна «сила» (might). Это определение Штатов в поэзии шотландцев лейтмотивное. Но и сила – признак не столько «молодой» страны и/или державы, сколько её большого (и нередко воинственного) потенциала.

США для шотландцев – страна не «молодая», а «новая». В этой оценке они не уникальны. Среди реальных американских топонимов, которые давались первопоселенцами – британцами, голландцами, скандинавами и др., большое количество наименований содержит именно этот эпитет – «новый» (New Albany, New Amsterdam, Newark, New Britain, New Brunswick, Newburgh, New Caledonia, New England, New France, New Hampshire, New Haven, New Jersey, New Kensington, New London, New Netherland, New Orlean, Newport, New York, etc. [322, p. 912-914]). Однако лишь один топоним содержит компонент «молодой» (Youngstown). Причем, возможно, это отсылка не к возрасту города, а к антропониму «Young» – фамилии нескольких известных американцев: главы мормонов (B. Young, 1801-1877) или финансиста и государственного деятеля (Owen D. Young, 1874-1962) [Ibid., p. 1551].

С самого начала своей истории США представляли себя миру как страну «новую» (в противоположность «Старому Свету»), но не «молодую» (в противоположность государствам Европы, странам с древней культурой). Этого же принципа придерживались шотландские поэты США. Свою новую Родину они осмысляли в соответствии с уже сложившимся американским стереотипом.

«Американское время» и история. В историческом «американском времени» к середине XIX века существовали три периода, уже отмеченные общественным сознанием и активно символизированные. Это были периоды:

1) первых поселенцев Америки, прибывших из Старого Света: от средневековых викингов и ренессансных конкистадоров до «отцов-основателей» будущих Штатов (the Pilgrims; the Founders; 1607-1620-е гг.);

2) Войны за Независимость (The Independence War; 1774/75-1778) и последовавшей за нею Англо-Американской войны (1812-1814);

3) Гражданской войны и Аболиционистского движения (the Civil War; 1861-1865); the Abolition Movement) [257, p. 24-33, 52-86].

Широкого (а тем более детального) обращения к эпохе первопоселенцев в поэзии шотландских эмигрантов XIX века не наблюдается. Эта особенность заметна тем более, что персонажи и сюжеты той эпохи должны были быть близкими позднейшим новопоселенцам шотландским. Отчего же они не были отражены в их текстах?

По-видимому, поэты-эмигранты не хотели подчеркивать, сколь недавно и недолго они обитают в США. Оттого у них есть отдельные упоминания Христофора Колумба, отдельные реминисценции на времена «отцов-пилигримов» (Х. МакКаллох, Thanksgiving Day, в переводе «День Благодарения», Дж.Д. Лоу, At the laying of the Corner-Stone, New Caledonian Club Hall, of Philadelphia, U.S.A., в переводе «При закладке краеугольного камня нового Клуба Каледонцев (Шотландцев) в городе Филадельфии, США»). Но системных параллелей между ранними иммигрантами и позднейшими шотландцами не проводится.

Иначе обстоит дело с двумя последующими эпохами: Войны за Независимость и Гражданской войны между Севером США (аболиционистами) и Югом (рабовладельцами). Здесь шотландские поэты находят немало «своих» параллелей.

Прежде всего, это их собственные войны за независимость (XIII-XIV вв.). Параллель усилена ещё и тем, что в обоих случаях врагом свободолюбивого народа (шотландского или американского) выступает Англия.

Кроме того, объединяет шотландцев с американцами-аболиционистами историческая «вольность», «свобода» (freedom), существовавшая внутри самой

Шотландии. Ни в эпоху Античности, ни в эпоху Средневековья Шотландия не знала ни рабовладения, ни крепостного права.

Далее, это Гражданские войны. Их Шотландия как раз знала и даже испытала несколько раз. В основном Гражданские войны в Шотландии приходились на годы т.н. «междуцарствий»: когда за шотландский трон боролись разные претенденты:

1. Роберт Брюс (1274-1329) и Иоанн Баллиоль (1249-1314);

2. Уильям Уоллес (1270-1305) и Эдуард I (1237-1307);

3. Эдуард Баллиоль (1283-1367) и Давид II (1324-1371)).

Еще в большей степени гражданские распри раздирали Шотландию в Новое время – в XVI-XVII вв. На сей раз эти войны и распри шли прежде всего по религиозным мотивам [69].

Как же воплотили поэты-шотландцы США XIX в. схожие американские сюжеты переломных времён – периодов борьбы за государственную независимость и за гражданские свободы?

Цикл гимнов. Чтобы определить, какую роль сыграло в аккультурации шотландских переселенцев «американское» историческое время, мы выделили в их поэтическом наследии отдельный «цикл гимнов».

Поводом для создания текстов этого цикла послужили традиционные для США бесчисленные юбилеи и конкурсы. На них участникам предлагалось написать новые стихотворные тексты (или новые варианты для уже существовавших текстов). Тексты/варианты конкурсных текстов предназначались для того, чтобы стать «неофициальными гимнами» отдельных американских штатов или городов (как правило, столиц этих штатов или крупных центров).

Несколько раз поэты-эмигранты принимали участие в конкурсах на новые варианты общенационального «неофициального гимна» всей страны – песни-марша «Янки Дудль» (Yankee Doodle) (Например, В.М. Вуд, Hail, O Fatherland, to thee!, в переводе «Слава государству!»). Yank – сленговое прозвище американских солдат в двух Мировых войнах, Первой и Второй. Произошло оно от насмешливого прозвища жителей штата Новая Англия. В просторечии yank

буквально означает «дергунчик», в переносном смысле «эксцентричный дурак» [322, p. 1546-1547].

Вторая предполагаемая этимология – «джончики-сыроеды» (Jan Kees, от датского варианта имени Джон (Ян) и kees – диалектной формы слова kaas, сыр [Ibid., p. 1546]).

Нью-Йорк и его округа были первоначально голландской (точнее, датской) колонией и носили имя Новой Голландии». «Янки»-голландцы дразнили соседей-англичан. Затем прозвище перешло на всех обитателей Северных Штатов. Во время Гражданской войны Севера с Югом оно закрепилось за северянами и в конце концов сделалось фамильярной кличкой для любых американцев.

Долгую эволюцию прошло и второе слово в названии песни – Doodle. Изначально общегерманский глагол имел значение «играть на волынке» [Ibid., p. 406]. Волынка же была ритуальным инструментом. Поэтому (вместе с барабанами) она легко перешла от участия в ритуалах к участию в военных походах и в показательных выступлениях военных.

Американский «дудль», однако, возник уже на другом, пародийно-диалектном основании. Диалектный «дудль» стал прозвищем дурачка, выполняющего бессмысленные, «дёрганные» движения. Песенку-марш на мелодию «Дудля» и на юмористические, импровизационные слова сочинили во время Войны за Независимость [Ibid., p. 1547].

Обратимся к другим «гимническим» текстам. Все они, отметим, имеют отчётливо выраженную историческую тематику. Один из подобных текстов – лирический гимн городу Колумбии, столице штата Южная Каролина. Принадлежит этот текст Д.М. Хендерсону и носит название «Да здравствует Колумбия!» (Columbia – Hail to Thee!).

По существу, текст Д.М. Хендерсона ориентирован в историческом времени двояко. Он – свидетельство *настоящего*, голос нынешних эмигрантов. Одновременно он же содержит обращение к *будущему*, к детям: за что им (как и «нам») следует любить их (как и «нашу») новую Родину?

Аргументы поэт приводит в этом конкурсном тексте следующие.

1. Аргументы этногенные. Колумбия стала для переселенцев родной потому, что «выносила» их: «Sing of her, the land that bore us! <…>» [345, p. 93-94]. В переводе: «Наша мать-родильница <…>».

2. Аргументы этатогенные: «<…> Sing her banner floating o'er us! <…>» [Ibid.]. В переводе: «<…> И знамя, и кормилица <…>».

3. Аргументы религиозные. Колумбия – «Земля Обетованная» (в оригинале – без меры полнящая своё лоно»: «<…> Земля обетованная, / Обильем осиЯнная <…>». В оригинале: «<…> Favored land, the earth's best treasure / Fills her lap in endless measure <…>» [Ibid.].

Завершают список аргументы экономические.

4. Колумбия – край всяческого изобилия: «<…> И корм, и радость нам даЯ / И все благодеяния <…>». В оригинале: «<…> Gifts for use, and gifts for pleasure, / Lavished large and free <…>» [Ibid.].

Однако венчают этот список, превращая его в «Колумбийский неомиф», не рациональные аргументы, а мифопоэтическая панорама. Оказывается, именно вокруг Колумбии простирается весь огромный космос: и горные вершины, где разгорается заря, и поля, где спеет урожай, и моря, где плывут белые корабли (паруса):

<…> Hail her plains with harvests weighted,
Waters wide with white sails freighted,
Mountain peaks with sunlight sated <…> [Ibid.].

В переводе:

<…> Славьтесь, горы, где заря,
Славьтесь, тучные поля
И широкие моря <…>

Но главный парадокс ожидает читателя впереди. Колумбия, её штат, как и вся Америка, не только свободны – они ещё и сильны (strong). За это их и следует любить, и не одним лишь американцам, а всему миру:

<…> Strong and full and free.
Sing while all her children cheer it,

Sing and shout, the world shall hear it –

Friends shall love and foemen fear it –

Columbia, hail to thee! <…> [Ibid.].

В переводе:

<…> Свободна и сильна,

Детьми она хвалимая,

Друзьям она любимая,

Врагам – неодолимая,

Колумбия, – да здравствует она! <…>

Не следует думать, что подобный пафос – индивидуальная особенность Д.М. Хендерсона. Аналогичная геополитическая и юридическая аргументация принизывает и следующий текст Дж.Д. Лоу (Columbia – Caledonia, в переводе – «Колумбия – Каледония»). Погибшие в Войне за Независимость американцы даже погибали «свободно», т.е. по своей, а не по чужой воле. И погибали они не из корыстных побуждений, а «ради правды, ради прав». За это они сделались «славой» <всего> Запада» (glory o’ the West) – и как раз этим американская Колумбия похожа на «первую и лучшую» Каледонию (Шотландию). Фонетическая паронимия (Колумбия – Каледония) лишь подчёркивает мифопоэтическое родство их судеб, их предназначения.

<…> Auld Caledonia’s first and best

O’ lands across the sea;

And here’s the glory o’ the West,

The country o’ the free! <…> [376, p. 1].

В переводе:

<…> Нет Каледонии роднее

За синевой морской,

И нет Колумбии вольнее

Под нашей под рукой! <…>

Итак, шотландские эмигранты должны любить Америку за то, что она, во-первых, к ним благосклонна, во-вторых, щедра и, в-третьих, что она способна

дать им свободу и права, поскольку сама их завоевала. Нетрудно увидеть: в такой трактовке Америка (вариант: тот или иной штат; вариант: тот или иной американский город) превращаются в некую мифопоэтическую фигуру: Покровителя (или даже Божество) счастливого пространства. Тем самым государство уравнивается по влиятельности (и обгоняет по частотности) даже христианского Бога. А ревностные протестанты-шотландцы США как бы возвращаются к своим языческим истокам.

Вместе с тем, и Америке, её штатам и городам (в тех же мифопоэтических координатах) есть за что любить шотландцев.

Священное воинство. Среди этногенных мифов разных народов и эпох почти всегда можно встретить миф об особом воинстве. Обычно это героическая дружина «своих»: сородичей, побратимов, земляков. Она приравнивается по своей значительности (несмотря, как правило, на свою немногочисленность) к волшебным (варианты: магическим) силам. У язычников это воинство может выступать как «свои» мёртвые или «свои» духи. У христиан (в народной мифологии) – как «свои», местные святые.

В шотландской эмиграционной поэзии была создана новая вариация этого древнего мифа. Её репрезентируют стихи о «шотландской тысяче».

«Шотландская тысяча»: историческая реалия. В истории США действительно была большая группа шотландских бойцов-добровольцев, участвовавших в Войне за Независимость на стороне демократического Севера. (Кстати: поэты-шотландцы США часто употребляют привычные для них и также древние социальные термины (концепты) «Свобода» (Freedom) и «Право» (Right). Гораздо реже они используют термин (концепт) «Независимость» (Independence) и крайне редко – термин (концепт) «Демократия» (Democracy)). Наиболее красочно этот неомиф о священном воинстве – «шотландской тысяче» изложил Дж. Кеннеди в маленькой поэме «Шотландские горцы, сражавшиеся в штате Теннесси» (Highlanders in Tennessee).

В этом тексте «тысяча шотландцев» не только храбро сражается сама. Совершая легендарный рейд на Юг, она, своим неукротимым духом и своими

песнями свободы поднимает на битву штат за штатом, деморализованные войной. («war-worn», букв. «измученные войной»). Показательно, как древняя германская аллитерация используется поэтом-шотландцем как ключ к поведению его современников-американцев. Композиционно текст построен как «слово о походе» шотландцев по южным штатам, одному за другим (Вирджиния, Южная Каролина, Мэриленд, Теннесси). Как положено в народном эпосе, есть здесь символический центр всего сюжетного топоса – река Миссисипи. Она исполняет здесь роль главной реки – «священной оси» данного пространства: ту же символическую роль, что и Рейн в древнегерманских сказаниях или Днепр в киевских былинах [56, 88].

<…> Then, mustered with the loyal North,
A thousand Scots went bravely forth;
The flash of Freedom in their eyes,
And, fierce and wild as battle cries,
The war songs of their native land
Were echoed by the gallant band <…> [364, p. 9-34].

В переводе:

<…> Тогда на помощь против зла
Шотландцев тысяча пришла.
Горела в их глазах Свобода,
И песня вольного народа
Гремела кличем боевым
И зажигала дух своим <…>

<…> Or rose serene in triumph grand
Among the hills of Maryland;
And oft inspired the martial ranks
By Mississippi’s reedy banks;
And swelled the anthems of the free
Among the vales of Tennessee <…> [Ibid.].

В переводе:

<…> Вставали скотты, как легенда,
Холмы штурмуя Мэриленда, –
И попирали смерть во прах
На Миссисипи берегах, –
Средь песен вольности старинных
В полях Теннесси и долинах. <…>

Так возникает новый государственный миф – о рождении США, при содействии и решающем участии «американских шотландцев».

Англо-Американская война (1812-1814), насколько свидетельствуют изученные нами поэтические тексты, отражения среди поэтов-эмигрантов из Шотландии не нашла. Объяснений этому американские литературоведы не дают, но их можно предложить, причём несколько.

Многие из указанных поэтов ездили в Шотландию – не только для того, чтобы повидаться с родными, но и для того, чтобы выступать с лекциями о шотландских эмигрантах в Америке, а также читать собственные стихи и тем самым популяризировать будущие издания своих поэтических сборников или распространять среди метрополийных читателей уже вышедшие книги. Антианглийские мотивы в этих книгах могли бы серьезно усложнить процедуру выезда в Великобританию и пребывание в ней.

Была ещё более важная причина. На новой Родине поэты-эмигранты постоянно подчёркивали, что они остались шотландцами по духу. Но подчёркивать, что они сравнительно недавно переехали в США, а потому английские политические сюжеты остаются для них «по-домашнему» актуальными, «новые американцы» едва ли хотели.

Американская история и британский миф. Вместе с тем, британский компонент внутри шотландского патриотического дискурса в эмиграции реально существовал. Он отразился в их поэзии – причём, более сложно, чем может казаться на первый взгляд.

Доказывает это один из наиболее оригинальных и ярких патриотических текстов Дж. Кеннеди, также одного из самых ярких представителей эмиграционной поэзии шотландцев. Имеется в виду его маленькая поэма «Шотландец-американец, или Джим Вильсон и Британская Королева» (Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen).

И композиционно, и строфически текст построен как большая баллада. По своему сюжету она проста. Место ее действия – где-то на Среднем (все ещё «Диком») Западе. Главный герой, Джим, – скорее всего, ковбой. Коллективный рассказчик сюжета – «мы», рядовые жители провинциального городка, хорошо знающие Джима и его странности.

Странности же заключаются в том, что Джим давным-давно живёт на «Диком Западе» США, но не расстаётся с британским гражданством и считает себя подданным «Королевы» (the Queen) По контексту ясно: речь идёт о Королеве Виктории (в переводе она именуется общепринятым тогда прозвищем «Вдова») [74, с. 207-238].

<…> Though he dwelt mony years in the wilds o’ the West,
Where the prairie spreads bonnie and green,
He ne’er shook the auld yird frae his feet like the rest,
For Jem couldna gae back on the Queen! <…> [357, p. 147-150].

В переводе:

<…> Хоть на Диком давно жил на Западе, но
Средь коней и зелёной травы
Верным был, как и ранее, гражданином Британии
И слугой Королевы-Вдовы <…>
Далее следует реплика самого Джима:

<…> But there’s heads that’s ordained to be wearers o’ crowns,
And I canna gae back on the Queen! <…> [Ibid.].

В переводе:

<…> Кто король испокон, тот и стОит корон.

Не оставлю я нашей Вдовы! <…>

В конце сюжета Джим должен получить наследство. Ради наследства он отрекается от своей британской присяги (поскольку иностранные граждане по законам некоторых штатов получить американского наследства не могли). Оказывается, однако, что отказавшись не только от юридической присяги, а и от собственной клятвы, которую он годами повторял в ответ на все шутки насчёт его верности «Вдове» и «Королеве», – Джим теряет уважение окружающих и, таким образом, собственную идентичность. Эпилог поэмы – моральный урок: резюме рассказчиков-горожан, для которых «слабость» Джима (frailty) служит предостережением против их собственных возможных слабостей.

<…> But the warst o’ ‘t was this, when Jem reached the spot,

Wi’ mony lang mile o’ a tramp,

Twa sandy bit hillocks stood guard owre a lot

That measured ten acres o’ swamp!

The crap o’ mosquitoes an’ puddocks was grand,

But never a leaf that was green,

A neuk o’ a desert poor Jem had in hand,

In exchange for the loss o’ the Queen! <…> [Ibid.].

В переводе:

<…> Не спешите, друзья, – заучите урок,

Не шутите: мол, Джим – не колОсс...

И Вдова, мол, не прочь прихватить островок,

Если это бы ей удалось.

Мы твердим: не сдадим никого, кто любим!..

А какие бы сдали права,

Не чужие – свои, право верной любви?

Знает Джим, но не знает Вдова.

В оригинале:

<…> Now friends tak’ a thocht and keep mind in your mirth,

Though we lauch at the frailty o’ Jem,

When the Queen gets a chance o’ some neuk o’ the earth
She winna be speerin’ at him.
When we vow that we’ll stick by the things that we like,
Juist think what the vanish’d has been,
Fond fancies aft fade like the snaw aff a dyke,
As fickle as Jem w’ the Queen! [Ibid.].

В переводе:

<…> Ибо Верность и Страсть растеряют всю власть,
Как в ручье растопившийся снег:
Когда есть что терять, нелегко повторять
То, что нищий твердит человек.
Джим и правда был хил, неустойчивый был,
Но и мы не такие уж львы,
И себя не храним точно так же, как Джим,
Потерявший себя без Вдовы!

Жители городка («мы»-рассказчики) демонстрируют все ожидаемые от «шотландца-американца» (an American Scott) правила «нового патриотизма». К новой Родине надо быть лояльным. «Старая» Шотландия должна оставаться детским (или патриархальным) «сном» (dream; ситуативное значение – воспоминанием-мечтой):

<…> Some said that the day when he left his auld hame
Was the day he gaed back on them a’;
How the auld country fowk and their ways like a dream,
Were worth naebody’s notice ava <…> [Ibid.].

В переводе:

<…> Кое-кто повторял: «– Да, покинул ты край,
Отчий дом и старинный уклад.
Так скажи: это сон, – так скажи им: прощай! –
Никому здесь не нужен твой клад. <…>

«Новые» граждане США должны выступать за новую политическую систему: «<…> Some chields turn out bauld Republican loons <…>» [Ibid.]. В переводе: «<…> За Конгресс вы опять рады голову дать <…>». Быть «роялистом» в США, в XIX веке, попросту смешно. Это всего лишь причуда и упрямство: «<…> Some lauch'd at his notions, some pitied his plicht <…>» [Ibid.]. В переводе: «Те смеются: мудак! – те дивятся: чудак! <…>».

Земляки – отнюдь не враги Джиму. Они ценят его твёрдый характер и даже предлагают ему (скорее в шутку, чем всерьёз) городские должности: «<…> When billies fu' pawkily hinted that Jem, / Would mak' a grand Shirra or Mayor <…>» [Ibid.]. В переводе: «<…> Дразнят парни его: – Ты ж готовый шериф, / А прикинуть, может, и мэр <…>».

Помимо политических и социальных мотивировок того, насколько необходима «американизация» (на что Джим оставался «as lifeless as meat on a plate» [Ibid.], в переводе «молчал, как баранина в супе»), «шотландцы-американцы» выдвигают также мотивировку от имени простой житейской мудрости: «<…> The present is more than the past, and a man / Is more than the laddie he's been <…>» [Ibid.]. В переводе: «<…> Вырастают «сегодня» из бывших «вчера», / И мужчины из бывшей детвы <…>».

Иначе говоря, прощание с прошлым не означает уничижения прошлого. Не только в коллективной истории, но и в личной биографии настоящее неизбежно перерастает своё прошлое и прощается с ним, чтобы получить будущее.

Какие же контрдоводы приводит персонаж Дж. Кеннеди (а через него сам автор)? Логических доводов – никаких. Но глубокий (можно сказать, древний) смысл его упорства расшифровывается через несколько ключевых слов и фраз.

Главное слово здесь – «leal» (современное английское «legal»). Заимствовано оно из латыни, однако через перевод Библии и христианскую литературу приобрело новое значение: «верный», притом во всех смыслах. «Верный»-leal верен «своему» Богу, «своему» закону (для Джима – закону правды и правильности мирового порядка, патриархальному «right»); верен «своей» Родине, «своему» роду и «своему» народу.

Именно так поведение Джима не только объясняет он сам, но и понимают его собеседники-земляки. Они разговаривают с ним (пускай уже не все, а лишь некоторые) на языке общих, актуальных для них понятий – не просто сентиментальных воспоминаний.

Ни этому Богу, ни этой Королеве (выступающим в сознании героя как вариант родового вождя), ни этой Родине, с её старинными неписанными нормами, изменить нельзя. Им Джим и даёт клятву верности. Показательно: ссылается он не на юридическую присягу, которую дают, принимая гражданство. Джим повторяет (и тем самым снова и снова подтверждает) формулу-клятву – не юридическую, а ритуальную; не современную, а архаическую.

О древности этой клятвенной формулы говорит сама её фоника. Как многие магические формулы, эта клятва построена на аллитерациях («for weal or woe», букв. «к благоденствию или к несчастью», «к добру или к худу»). Подтверждают её многовековый возраст и ритуальную функцию примеры-прецеденты из метрополийной шотландской поэзии, от Средневековья до XVIII века [324].

Ту же формулу повторяет герой народной шотландской баллады «Правдивый Томас» (чьим прототипом был Томас Лермонт, шотландский граф (эрл), поэт и провидец конца XIII века): «<…> «Пускай и к худу, и к добру, / А только быть бы тебе любым» <…>» [324,с. 32]. (В оригинале: «<…> Betide me weal, betide me woe, / That weird shall never daunt on me; <…>» [424]).

Её же произносит король-поэт Яков I Стюарт (1394-1437): «<…> Се – я присягу верности даю / К добру ли, к худу – на любовь свою! <…>» [324, с. 79]. В оригинале: «<…> And evermore for to be one of tho / Him trewly for to serve in wele and wo <…>» [419, p. 64].

Этой же формулой заканчивает своё поэтическое послание другу Роберт Бёрнс: «<…> Пока вращается вкруг солнца / Земная ось, / К добру ли, к худу, – остаётся / Ваш – Роберт Бёрнс. <…>» («Вильяму Симсону, школьному учителю из Охилтри, прислявшему мне хвалебные стихи») [324, с. 190]. В оригинале: «<…> While Terra firma, on her axis, / Diurnal turns, / Count on a friend, in faith an’ practice, / In Robert Burns.» [419, p. 339].

Именно в тексте Дж. Кеннеди максимально глубоко и отчётливо показано, что были вынуждены совмещать «шотландцы-американцы» в собственном сознании и поведении. А совмещать им пришлось не просто два патриотизма, даже не просто две гражданских принадлежности, а две картины мира: «старую», патриархально-родовую, мифопоэтическую, – и «новую», юридическую, прагматико-урбанистическую.

Следует подчеркнуть: «старая» Шотландия XIX века уже не вписывалась полностью в мифы о ней («сны» памяти, dreams, по выражению персонажей Дж. Кеннеди). США XIX века, наоборот, ещё не растеряли изначального религиозного и социального мифологизма первопоселенцев, «отцов-основателей».

Поэтому и «новый патриотизм» поэтов из числа «шотландцев-американцев» был основан далеко не только на их материальном благополучии или на их успешной аккультурации в Америке. С Америкой «шотландцы-американцы» примирились и подружились прежде всего на мифе. Точнее, на нескольких мифах:

1) о «Земле Обетованной», которую получил от «своего» Бога «свой», «избранный» народ (только уже не народ-этноним, а народ-политоним);

2) о «земле правды и свободы», т.е. о материализовавшемся Земном Рае;

3) о «земле героев» (героев войны, но и героев труда).

К анализу шотландской характеристики этих героев мы и переходим в следующем параграфе §III.3.

§ III.3. Образ США: американские персонажи

Наименее разработана в эмиграционной поэзии изучаемого периода система персонажей-американцев.

Персонажи-шотландцы (метрополийные или эмигранты) присутствуют в этой поэзии намного регулярней. Они попадают даже в заглавия стихотворений. Так, Х. Эйнсли воскрешает историческую фигуру «Рыцаря из Эллерсли», The

Knight O’ Ellerslie (в переводе «Сэр Вильям Уоллес»). Дж. Кеннеди в стихотворении Saint Andrew and the Haggis (в переводе «Святой Андрей и Хаггис») воссоздаёт легендарно-мифологический образ Апостола Андрея, который якобы «ходит-учит» по современной поэту Шотландии и попадает в гости к жадному и неотёсанному помещику (Land Laird). Своеобразным «святым бардом» становится у этого автора и Роберт Бёрнс (To the Shade of Burns, в переводе «К тени Бёрнса»).

Иногда зарисовкам-портретам шотландских соотечественников, живущих теперь в Штатах, посвящены целые разделы поэтических сборников. Например, у того же Дж. Кеннеди есть отдельный раздел, озаглавленный «Lyrical Character Sketches». Он отдан шотландцам-«новым американцам», причём не только (или не столько) их профессиональной работе, сколько их хобби. Здесь и «актёры-любители» (в оригинале – The Play-Actor), и такие же самодеятельные ораторы-«лекторы» (в оригинале – The Lector), и даже команды игроков в койт (quoit) – гибрид городков и дискбола (в оригинале – The Quoit Players) [359].

При этом (повторим ещё раз) лишь часть поэтов-эмигрантов переехали из Шотландии в США во взрослом возрасте. Аналогично, лишь часть из них могла после эмиграции постоянно и подолгу гостить на «старой» Родине. Т.о. их «шотландские портреты» являются зачастую скорее набросками по памяти, чем этюдами с натуры.

Тем не менее «character sketches» беглы, но точны и психологичны. В этих набросках нет ни гиперболизации, ни идеализации. Это касается практически всех портретов героинь: шотландок, оставшихся в «Стране Далёко-Далёко» (или иначе, «Стране Давным-Давно» (the Far Away Land, The Auld Lang Syne Land)). Таковы подруга пастуха-эмигранта Мэри у Дж.Д. Крайтона («Причитанье пастуха-шотландца, уехавшего в Америку», в оригинале – The Emigrant Shepherd’s Lament). Таковы же шотландские женщины у Дж. Кеннеди («Шотландские песни», в оригинале – The Songs of Scotland), чей «взгляд невинный и осанка королев» (он же, «Родине», в оригинале – To my native land). Или шотландские девочка-подросток и девушка-невеста у него же («Норан-река»,

в оригинале – Noran Water). Такова монументальная трагическая фигура Королевы Марии I Стюарт у В. Лайла (The murder at Holyrood, в переводе – «Убийство в замке Холируд»). Или трогательная, небогатая «тётка Дженни», для которой гибель «цыплака» – не меньшая трагедия, чем гибель красавца-любовника для Шотландской Королевы (Т. Латто, «Когда мы были школярами», в оригинале – When we were at the schule).

Мужские персонажи. Обратимся к стихотворным портретам мужчин-американцев. Таковых у поэтов-эмигрантов также немного. Портреты эти сильно различаются в зависимости от типа и жанра текстов.

Более подробно персонажи-американцы обрисованы в произведениях *лиро-эпических* (баллады, маленькие поэмы), менее подробно – в произведениях собственно лирических (песни, гимны, элегии).

Детализация в этих портретах больше характерна для жанров *юмористических* (эпиграммы, шуточные послания, комические баллады), нежели жанров *драматичных* (элегии, эпитафии, серьёзные баллады) или жанров *лаудативных* (гимны, песни к юбилеям и другим торжественным случаям).

Эти особенности продиктованы в значительной мере общими законами поэтических жанров и видов. Есть, вместе с тем, другие особенности «американских портретов». Они более тесно связаны со специфическими условиями бытования шотландских эмигрантов в США XIX века.

Для того чтобы суммировать и классифицировать эти условия, из исторических хроник США, из американских биографических справочников, а также из работ ученых-американистов [211, 261, 264, 267] нами была выделена группа известных американских деятелей XIX века. Сами они принадлежали к разным социальным и профессиональным слоям: к политикам, военным, публицистам, юристам, философам, к людям художественных профессий.

Каковы же были критерии их отбора? Основных критериев было два.

1) Все эти деятели считаются в США знаковыми фигурами для названных выше эпох.

2) Хронологически – все они могли попасть в круг интересов изучаемых нами поэтов, т.е. жили не позже, чем те. В итоге были получены следующие данные.

I период – открытие и колонизация будущих Соединённых Штатов (начало XVII – II половина XVIII вв.). Здесь чаще других названы Христофор Колумб (1451-1506) и первопоселенцы Америки, обобщенно – «отцы-основатели» (the Pilgrims, the Fathers, начало XVII в.).

II период – борьба за независимость от колониальных метрополий, для США – от Англии (начало-II половина XVIII века). В этот период список знаковых фигур расширился, но не слишком. Главное отличие – список этот стал более разнообразным.

В частности, среди прочих видных фигур появились литераторы-шотландцы по происхождению (хотя, как правило, американоязычные по языку). Это писатели и публицисты Хью Генри Брэкенбридж (Brackenbridge, 1718- 1816), Алекзандер Гарден (Garden, 1757-1829) – деятели начала и I половины XIX века. Продолжают этот список Эдгар Аллан По (Poe, 1809-1849), первый европейски известный поэт США, Майн Рид (Reid, 1818-1883), Герман Мельвиль (Melville, 1819-1891), первый прославившийся «морской» романист США, поэты Вильям Лайл*, Хью Эйнсли*, Дональд Грант Митчелл (Mitchell, 1822-1908), Дэвид Грей (Gray, 1836-1888), Джон Хэй (Hay, 1838-1905), Фрэнсис Мэрион Крофорд (Crawford, 1845-1874) и др. – деятели середины и II половины XIX века [211].

Список достаточно длинный, но он необходим, чтобы показать: в XX веке у шотландской поэтической диаспоры уже хватало коллег-американцев, притом американцев с родовыми шотландскими корнями.

При всём том у поэтов-эмигрантов мы редко встречаем стихотворную переписку с ними или посвященные им стихи. И это несмотря на то, что жанр

---

[5] Фамилии, отмеченные звёздочкой *, принадлежат поэтам-шотландцам, исследуемым в нашей работе.

посланий и/или стихов-посвящений (очень популярный в XVIII веке в Шотландии) продолжал практиковаться шотландцами-эмигрантами и в следующем столетии. В виде иллюстрации можно сослаться на прецеденты – стихи-посвящения и стихи-послания у В.М. Вуда («Памяти Томаса Гатри, проповедника», в оригинале – Thomas Guthrie), у Дж. Крайтона («Логфелло», в оригинале – Longfellow), у Дж. Кеннеди («К тени Бёрнса», в оригинале – To the Shade of Burns), у Дж.Д. Лоу («Памяти Мэрриота Брозинза», в оригинале – In Memoriam Marriott Brosins), у Д. Рамсея («Дункану МакГрегору Крирeру, поэту», в оригинале – To Duncan MacGregor Crerar, poet), у Д.М.И. Хендерсона («Клинтон Браун Фикс», в оригинале – Clinton Bowen Fisk) и др.

Коллективным посвящением снабжён гимн-марш Дж.Д. Лоу «Ура, о Пенсильвания!» (в оригинале – Hurrah for Pensylvania!). Он посвящён «памяти трёх шотландцев, Хью Мёрсера (Merser), Поля Джоунза (Jones) и Джеймса Вильсона (Wilson)», которые «многое сделали для Пенсильвании, когда Америка была молода», а также Президенту Вашингтону и его соратникам, т.е. героям Войны за Независимость [377].

III период – Гражданская война и образование Соединенных Штатов. Он также оставил в текстах поэтов-шотландцев имена исторических американских деятелей: Президентов Джорджа Вашингтона (1732-1799), Авраама Линкольна (1809-1865) ещё нескольких героев этой войны-шотландцев (см. выше стихи Дж.Д. Лоу).

Прокомментируем эти данные.

Колонизация Америки осталась для шотландской диаспоры процессом чересчур отдалённым. Англо-Американская война также располагалась за пределами их сознательной американской биографии поэтов XIX века. Притом (напомним снова) в текстах она могла лишний раз напомнить аудитории США, что авторы этих стихов совсем недавно были подданными Английской Короны. Неизжитое самоощущение «британца», которое дало импульс сюжету Дж. Кеннеди «Шотландец-Американец» (Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen), было нечастым именно как *самоощущение*. Однако оно не было

редкостью как *отношение* к шотландцам в США *со стороны*. Сколько бы ни клялись шотландцы в поэзии и в жизни, что они «настоящие американцы», – другие американцы долго ещё не считали их таковыми.

Гражданская война в США, напротив, была эпохой, до конца XIX века ещё не закончившейся. Ни демократичные северяне, ни аристократичные южане ещё не завершили своей борьбы, если уже и не военной, то всё ещё политико-экономической. Союз с шотландцами США был для них по-прежнему необходим.

«Галерея героев» Войны за Независимость. В списке фигур, наиболее частотных для репрезентации этого периода, в американских – и/или американистических – источниках значатся (в хронологическом порядке): публицист и философ Бенджамин Франклин (1706-1790), юрист и политик Сэмьюэль Адамс (1722-1803), генерал Горацио Гейтс (1728?-1806), Президент США Джордж Вашингтон (1732-1799), генерал Натаниэль Грин (1742-1786), публицист Томас Джефферсон (1743-1826), политик и публицист Алекзандер Гамильтон (1757-1804), главный одописец этой войны, юрист и военный Джон Трамбулль (1750-1831) и другие [257].

Изо всего этого разнообразия имён, профессий, общественных позиций – в поэзию шотландских эмигрантов попадают как отдельные персонажи лишь несколько деятелей. Но и они выступают при этом не столько как документальные фигуры, не столько даже как обобщённые исторические символы, сколько как предельно «сокращённые» исторические эмблемы (Д.М. Хендерсон, Daisies in Baltimore, в переводе «Маргаритки в Балтиморе» и др.).

Сказанное, однако, не означает, что Гражданская война совсем не отразилась в шотландской поэзии США XIX века. Она отразилась, но своеобразно.

Для «новых американцев-шотландцев» было естественно солидаризоваться с вольнолюбивым Севером. Ещё более естественно и лестно было напомнить о собственных, шотландских традициях вольнолюбия. Так и поступали, к примеру, П. МакФерсон (Dark Culloden Day (April 16, 1746), в переводе – «Чёрный день

Куллоден (16 апреля 1746 года)») или Х. МакКаллох (The Thistle, в переводе – «Репей») и др. Но дать свой, индивидуальный поэтический портрет участников этой войны для поэтов-эмигрантов оказалось сложно и творчески, и социально-психологически. Они могли воссоздать те или иные батальные эпизоды и «коллективные портреты» их участников. Наиболее выразительная иллюстрация такого «коллективного портрета» – шотландский отряд добровольцев в маленькой поэме того же Дж. Кеннеди «Переправа» (в оригинале – The Refugees):

<…> Это горцы пришли – соль шотландской земли.
На восставших надвинулся враг,
И для тех, кто был верен, поднялся теперь он –
Свободы и Севера стяг.

Полыхала в них честь, пламенела в них месть,
Как в народе родном повелось.
И лицом, да к лицу бой задать подлецу –
Так желала их доблесть и злость! <…>

В оригинале:

<…> There the Highlanders were gathered,
Who to battle had come forth,
Rank’d beneath the flag of Freedom,
Muster’d with the loyal North.

Scottish fires of valor stirred them
With the spirit of their race;
And they long’d to meet the foemen
In a battle, face to face. <…> [368, p. 71-76].

И все-таки даже таких «коллективных портретов» восставших в поэзии эмигрантов мы найдём мало. Новую Родину шотландская эмиграция предпочитала изображать не расколотой, а живущей как единое целое.

Военный цикл. История Шотландии (особенно история её горцев) слагалась из почти непрерывных войн. С III века н.э. дружины воинственных ирландских кельтов-скоттов начинают проникать на территорию Британских островов: на земле мейнленда будущей Шотландии, в Эйршире, Галловэй и т.д. До IX века идёт также вооружённая борьба с германскими пришельцами, англами и саксами, и с аборигенами-пиктами. С IX века и до XIV-го уже образовавшемуся Шотландскому Королевству приходится отражать набеги датчан и скандинавов-норманов. Параллельно идут постоянные стычки с англосаксами, затем нормандцами, затем англичанами на Границе (the Borders) – прежде всего, в Нортумбрии. Дружины шотландцев участвуют и в крестовых походах, и в Англо-Французской войне, и в военных кампаниях доживающей последние столетия Византийской империи [69, 105].

Без шотландцев не обходится колонизация Америки (и не только Америки). Лишь за столетие (с середины XVIII века до середины века XIX-го) «американские шотландцы» успевают принять участие в Войне за Независимость (в терминах США – «Революционной войне», the Revolutionary War, 1775-1783), Мексиканской войне (1846-1848), Гражданской войне между Севером и Югом (1861-1865) [211, 267].

Шотландцы метрополии воевали в XIX веке в составе британских войск с Наполеоном в частности, помогая испанскому сопротивлению и в Индии.

Неслучайно патриотические мотивы в поэзии шотландской эмиграции постоянно переплетаются с мотивами военными. Это могут быть целые тексты, посвящённые истории Шотландии или истории США, например, у Дж. Кеннеди («Шотландские горцы, сражавшиеся в штате Теннеси», в оригинале – The Highlanders in Tennessee; он же, «Переправа», в оригинале – The Refugees) или у Д. Крейга МакКаллума («Солдатская песня Свободы», в оригинале – Soldier’s Song of Freedom). Но это могут быть и отдельные, лейтмотивные определения шотландцев как нации героев. Или, по лапидарной формуле Д.М. Хендерсона, которую он даёт Клинтону Брауну Фиксу:

<…> Солдат он, гражданин и патриот <…>

В оригинале:

<…> Soldier and citizen and patriot he! <…> [344, 95].

Пропорциональна ли количественно эта поэтическая галерея «солдат и патриотов» реальному числу шотландцев-героев разнообразных американских войн?

Статистические и биографические данные (касающиеся, подчеркнём ещё раз, только прославленных деятелей США, имеющих шотландские корни) таковы. Среди «американских шотландцев»-военных XVIII-XIX веков насчитывалось 32 генерала, 7 адмиралов, 4 полковника, 3 майора, пятеро военных инженеров высокого ранга, один знаменитый партизанский командир. В их честь были названы два региона штатов США, один форт, несколько американских колледжей.

Участниками боевых действий были члены видных шотландских кланов и семейств: лорд Стёрлинг, Гамильтоны, Стюарты, Монтгомери, Дугласы; род, давший известного деятеля Реформации, Нокса; роды, давшие поэтов: Гордоны (материнский род Байрона), Скотты (род сэра Вальтера Скотта), МакФерсоны (в нашей работе исследуются стихи двух МакФерсонов, Гектора и Патрика), МакКаллумы (см. стихи Д. Крейга МакКаллума); род, давший видных путешественников, – Ливингстоуны, и даже древний род королевских родичей Шотландии, МакКензи. Среди этих военных-героев можно найти и потомка легендарного Роб Роя (МакГрегора) [211, 267].

Очевидно, что военные персонажи поэтов-эмигрантов и по численности, и по яркости их родовой геналогии уступают своим прототипам.

Политический цикл. Политиков в собственном смысле этого термина в эмиграционной лирике и в «малом эпосе» шотландцев США XIX века очень мало. Есть косвенное упоминание Президента Авраама Линкольна (Abraham Linkoln, 1809-1865) – в большой балладе (или малой поэме) Дж. Кеннеди «Переправа» («<…> И как бьются с соседом на мосту Антиэтам, / Где мешаются ливень и кровь <…>», в оригинале: «<…> Or of charging through the tempest / At Antietam’s bloody bridge <…>» [368, p. 71-76]). Есть юмористическое описание у

Д. М. Хендерсона двух памятников в г. Балтиморе, президенту Джорджу Вашингтону (Washington, 1732-1799) и генеральному Судье Верховного Суда США Роджеру Тэни (Taney, 1777-1864) («Маргаритки в Балтиморе», в оригинале – Daisies in Baltimore). (Об этом случае см. подробнее ниже.)

Этим, строго говоря, исчерпывается список собственно политических персонажей у наших поэтов. Возникает вопрос: а «в жизни» – насколько высокие должности могли занимать «шотландцы-американцы» XVIII-XIX веков?

Для ответа воспользуемся данными Дж. Фрэзера Блэка [211]. По его суммарным сведениям, среди 29 Президентов США (до 1920-х годов) были 5 этнических шотландцев: Монро (Monroe, 1758-1831), Грант (Grant, 1822-1885), Хейз (Hayes, 1822-1893), Рузвельт (Roosevelt, 1882-1945) и Вудро Вильсон (Wilson, 1856-1924). Из шотландских родов происходили также 7 Вице-президентов США. 23 шотландца были членами министерских комитетов или госсекретарями. Свыше 30 человек избирались в Сенат, 13 человек – в Палату представителей.

Наконец, свыше 80 шотландцев были губернаторами различных штатов США: Мейна, Вермонта, *Нью Гемпшира*, Массачусеттса, РодАйленда, Коннектикута, Делавера, *Пенсильвании, Мэриленда, Вирджинии* и Западной Вирджинии, Северной и *Южной Каролины*, *Джорджии*, Флориды, *Алабамы, Теннесси, Кентуки, Огайо*, Индианы, Мичигана, Висконсина, *Иллинойса,* Миссисипи, Луизианы, Миссури и т.д. – практически всех штатов. Курсивом выделены лишь те штаты, где губернаторов-шотландцев было больше. Помимо штатов, уже выделенных выше, это ещё и штаты *Иова, Техас и Колорадо*.

На международной арене шотландцы служили послами или поверенными в делах США в Бразилии, Австрии, Дании, *Китае*, Мексике, Франции, Аргентине, *Швеции, Норвегии*, Турции, Италии, Гватемале, Гондурасе, Перу, Корее, Великобритании. В 1907-1909 годах послом США в России был шотландец Джон Уоллес Риддал (Riddle).

В странах, отмеченных выше курсивом, дипломаты-шотландцы работали неоднократно. И опять наблюдается тоже несовпадение численности и роли шотландцев-политиков «в жизни» и в эмиграционной поэзии.

Религиозный цикл. Нельзя зато сказать, что шотландские поэты-эмигранты «не заметили» в своём творчестве деятелей церкви и/или религиозных реформаторов.

Отдельные стихотворения или фрагменты посвящены у поэтов-эмигрантов проповедникам Томасу Гатри (В.МакДональд Вуд), Мэрриоту Брозинзу (Дж.Д. Лоу), Алекзандеру Кэмпбеллу (П. МакФерсон). Как духовные и нравственные учителя, близкие к религиозным наставникам, трактуются в текстах изучаемых нами авторов и некоторые американские поэты (например, Г. Лонгфелло у Дж. Крайтона), или европейские философы (например, Б. Спиноза у А. Росса), или даже меценаты-бизнесмены США (например, Э. Карнеги у Д.М. Хендерсона).

Например, у В.М. Вуда находим:

<…> He was a prophet of the Lord,

His lips aglow with coal from God’s own altar,

And all the gold of fashion’s horde,

Was vain to tempt his steps to swerve or falter

From the steep path alone by duty lighted,

Bravely he went to seek the souls benighted,

Till even his tempters followed him delighted <…> [432, p. 122-123].

В переводе:

<…>Так кто ж он был? Он Божий голос был.

Уста его сожгло Господним углем,

И золотая лесть бесовских сил

Тот путь прямой не сделала бы круглым.

При свете долга, сквозь моря и суши,

Он шёл в ночи, зовя заблудших души,

И даже враг звучал вдогонку глуше <…>

Дж. Крайтон описывает своего героя так:

<…> But like the old Miltonic psalm
Still echoing down the aisles of time
Thy teachings, simple yet sublime,
Hush the heart’s murmur into calm.

The charm of truth is in thy verse.
Of purpose strong and firm and high –
Like finger pointing to the sky <…> [338, p. 194-195].

В переводе:

<…> Но, словно Мильтона псалом старинный,
Пересекая времени мосты,
Твои уроки, строги, но просты,
Обиды наши лечат и кручины.

В твоих стихах – неотразимость правды,
Высокая и мощная краса,
Как палец, устремлённый в небеса… <…>

Д.М. Хендерсон даёт своему персонажу такую характеристику:

<…> I vow, should the fates or the fairies decree,
That anither, and no my ain sel’ I maun be,
Gin mine were the choice, takin’ a’ things thegither,
I’d be Andrew Carnegie, withoot ony swither!
Lang life to you, Andrew Carnegie! [347, p. 35-37].

В переводе:

<…>Когда бы судьба бы, планида моя бы
Мне так присудила, чтоб я стал не я бы,
В ином жил обличье, бежал бы в разбеге, –
Не медля, конечно, я стал бы КарнЕги!
Так здравствуйте, Эндрю КарнЕги!

Сопоставим, однако, снова число и удельный вес «американских шотландцев» в религиозной жизни США и в приведённых нами стихах.

«В жизни» 9 шотландцев организовали первые общины среди американских колонистов. Трое шотландцев стали ректорами, т.е. главами приходов. 9 шотландцев выдвинулись на пасторском поприще, 2 шотландца служили в армии капелланами. Девять шотландцев получили сан епископов, один – архиепископа, одна шотландка стала старшей монахиней (т.е. заместительницей аббатиссы). Трое шотландцев получили известность как миссионеры.

При участии (или под руководством) шотландцев в США открывались семинарии, специальные колледжи, субботние школы, благотворительные общества. Шотландцы преподавали Библию и древние языки (например, поэты и филологи Дж. Лайон, Дж.К. Моффат), издавали труды по библейской истории и патристике (например, Джон Мак Клинток (Clintock, 1814-1870)) [211, 261, 264].

Опять мы наблюдаем уже описанную нами выше закономерность. Конечно, поэты – не хроникёры. Однако даже в религиозном цикле налицо знакомое «отставание» эмиграционной поэзии (особенно, по числу её американских персонажей) от разнообразия и колоритности «живой натуры» – шотландских соплеменников.

Литературный цикл. Предшественниками и современниками шотландских поэтов в США XIX века было немало литераторов – их соотечественников по «старой доброй» Шотландии.

Историки американской литературы [212, 275] обычно начинают свои обзоры ранних американских произведений с первого американского травелога «Новое путешествие в Каролину» (1709) (New Voyage to Caroline). Принадлежит этот путевой очерк Джону Лоусону (Lawson, ок. 1658-1711), Генеральному Инспектору (Surveyor-General) штата Северная Каролина, т.е. британскому таможенному чиновнику, следившему за количеством и ценой ввозимых в штат товаров. Литературоведы, со своей стороны, отмечают документальную точность описаний и одновременно живость слога Дж. Лоусона, этого прямого выходца из Шотландии, из города Абердина [211, p. 81].

Аналогично, первым известным американским поэтом стал Хью Брэкенбридж (Brakenbridge, 1748-1816), родившийся на Севере Шотландии, в графстве Аргилл. В США он дослужился до судьи Верховного Суда штата Пенсильвания. В поэзии США Х. Брэкенбридж основал сатирическую традицию [211, p. 82].

В целом же шотландцы-эмигранты дали американской литературе XVIII-IX веков 4 прозаиков-историков (прежде всего, авторов произведений из истории отдельных американских штатов и/или достопримечательных семейств); троих прозаиков-травелогистов; двоих очеркистов-филологов; троих авторов трудов по истории религии и по библейским древностям; двоих драматургов; 13 поэтов, в т.ч. 3 поэтесс. Поэтессами были Лидия Сижурнэ (Sigourney, 1791-1865), в девичестве Хантли (Huntley), Мария Дж. МакИнтош (MacIntosh, 1803-1878), Катерина Маргарита Браунли (Brownlee, 1841-1914). Женщиной-прозаиком была Мэри Джонстон (Johnston, 1870-1936), романистка, автор книг «Узники надежды» (Prosoners of Hope, 1898) и «Иметь и удержать» (To Have and to Hold, 1899) – бестселлеров конца XIX века [211, p. 81-82].

«Творческий» персонажный цикл: значимое отсутствие. Поэты-эмигранты не создали цикла портретов своих американских собратьев по искусству и/или учёных – такого цикла, какой был ими создан о поэтах и других интеллектуалах Шотландии (или шире, Британии). Они не посвятили отдельных текстов видным американским прозаикам XVIII-XIX веков: Вашингтону Ирвингу, Джеймсу Фенимору Куперу или более позднему Марку Твену. (Хотя «дома», в метрополии Дж.Ф. Купера любил перечитывать сэр Вальтер Скотт).

Впрочем, не только прозаикам – у «американских шотландцев» нет и стихов, адресованных их прямым американским коллегам-поэтам: ни Филиппу Френо (1752-1832), ни Вильяму Куллему Брайяну (1794-1878), прозванному «отцом американской поэзии», ни даже Эдгару Аллану По (1809-1849) [212]. Это тем паче заметно, что те же поэты-шотландцы США упоминают целую серию поэтов-англичан, в т.ч. поэтов XIX века Уильяма Вордсворта (1770-1850), Перси Биш Шелли (1792-1822), Джона Китса (1795-1821), Альфреда Теннисона (1809-

1892), Чарльза Алджерона Суинберна Суинберна (1837-1909) и др.). Подобные «коллективные упоминания» вошли в стихи П. МакФерсона, Scotia's Bard, в переводе «Шотландский бард»; Дж. Крайтона, The Garden of the Muses, в переводе «Сад Муз»; Д.М. Хендерсона, Tennyson, в переводе «Tennyson»; Г. МакФерсона, P.B.S., в переводе «П. <Перси> Б. <Биш> Ш. <Шелли».

Что касается метрополийных поэтов-шотландцев, диаспора создаёт целый цикл стихов в честь всемирно знаменитого Роберта Бёрнса (о чём уже говорилось в Главе I). Таких персональных стихотворных циклов она удостоила не одного лишь Бёрнса, а и менее знаменитого (в качестве поэта) Роберта Льюиса Стивенсона (1850-1894), и совсем мало известных за пределами Шотландии Джеймса Хогга (1770-1835) и Роберта Таннахилла (1774-1810). Один только Д.М. Хендерсон посвящает Р.Л. Стивенсону и Р. Таннахиллу несколько своих текстов (Robert Louis Stevenson, в переводе «Роберт Льюис Стивенсон»; или: «We want to hear the guid auld sangs…», в переводе «Ты песни старые нам спой…»). (См. подробнее § I.3.)

Вопрос заключается не только в отсутствии (или в малом количестве) стихотворений «поэтов» (шотландских) «о поэтах» (американских). В стихах о британских поэтах поэты-шотландцы выдвигают насущные для их национальной поэзии проблемы: можно ли современному поэту опираться на традиции – и, если да, то на какие? Предпочтительнее ли традиции недавние (скажем, Романтизм) – или прошедшие испытание историей (Просвещение, Барокко)? Следует ли ориентироваться на поэзию «учёную» и «для учёных» – или на фольклор и близких к нему авторов?

Проблемы не только ставились – на них предлагали собственные (пускай дискуссионные) ответы. Эти ответы давали и Дж. Крайтон («Сад Муз», в оригинале – The Garden of the Muses), и Дж. Мэсси ([Роберт Бёрнс], в оригинале – «Praise to the Bard, whose mighty hand…»), и Х. МакКаллох («Не забывайте», в оригинале – Dinna forget), и П. МакФерсон («Шотландский бард», в оригинале – Scotia's Bard), и многие другие.

Был использован даже оригинальный способ портретирования поэтов Британии – через растительные метафоры. (Дж.Д. Крайтон, «Сад Муз»):

<…>Шекспир возвышался там – сочный алОй,
Единожды в жизни стоЯщий в цвету, <…>

<…> Там Чосер обломки седой старины
Плющом обнимал, вечно зелен и юн <…>

<…> Колючий кустарник – топорщился Поп <…>

<…> А Мильтон ослепший – как гелиотроп,
За солнцем вращался весь день. <…>

А Китс, как нарцисс, чуть расцвёл, чтоб опасть, <…>

Там Шелли чистейший раскрыл белоцвет
Подобие лилии в тихой реке,<…>

А Вордсворт – он жимолость, вьющийся весь <…>

А Хогг – он нагорный цветок эдельвейс,
А Суинбёрн – огонь орхидей. <…>

В оригинале:

<…> There Shakespeare towers, an aloe sweet.
That bloom’d but once on stately stem; <…>

<…> Dan Chaucer, as the ivy, twines
Around the pedestal of time; <…>

<…>A tuft of wormwood stands for Pope <…>

<…>And Milton as a heliotrope

Turns blue eyes open’d to the sun! <…>

<…> Keats morning-glory lasts one hour, <…>

<…> There Shelley blooms without a stain,

A lily by a crystal brook, <…>

<…> And Wordsworth as the woodbine creeps. <…>

<…> Hogg as a mountain-daisy peeps,

Swinburne a tiger-lily flames! <…> [340, p. 197].

Возглавляет «сад Муз» Бёрнс. Автор не даёт рациональной мотивировки, почему это так. Вместо неё, он заканчивает поэму раскавыченной цитатой (аллюзией) из популярнейшего стихотворения-песни Р. Бёрнса «Моя любовь, как красная, красная роза…» («My love’s like a red, red rose…» [419 p. 329]). Бёрнс, по Крайтону,

<…> Он – песни шотландской густой аромат,

Он – красная, красная роза её.

В оригинале:

<…> And scatter fragrance on the air.

The red red rose of Scottish song [340, p. 127].

Этот ответ (в контексте других «стихов о стихах», – вернее, о поэтах) можно развернуть в подробное кредо шотландских эмигрантов.

1. Несомненное преимущество среди других национальных поэтов имеют те, кто стоит ближе к национальному менталитету своего народа.

2. Поскольку менталитет этот полнее всего выражает фольклор (а в фольклоре – песня), поэты, наиболее близкие к народной песне по тому, как они

воздействуют на аудиторию, и будут больше всех других ценимы и сберегаемы своим народом.

Среди американских поэтов XVIII-XIX шотландская эмиграционная литература не находит авторов бёрнсовского типа. Поэтому, при всём изобилии «стихов о стихах» и «стихов о поэтах», стихи эти не могут составить персонажного американского цикла, подобного циклу шотландскому (или британскому). Как и деятели истории, поэты-американцы остаются для поэтов-эмигрантов разрозненными фигурами, а не «школой» или «галереей».

Юмористический цикл. Сколь ни парадоксально, однако гораздо более живыми действующими лицами (даже если они действуют только в эпизодах) американцы становились в шотландских юмористических текстах.

Прежде всего следует отметить *количественную* разницу. Из свыше 100 текстов, проанализированных в нашей работе, 16 текстов могут быть включены в юмористический персонажный цикл полностью и ещё около десяти текстов содержат отдельные юмористические фрагменты. Т.о. примерно четверть всех текстов из нашей выборки можно отнести к чисто юмористическим произведениям или произведениям, содержащим отдельные юмористические элементы. Подчеркнём: в этот список мы не включали тексты в жанре инвективы – как на шотландском материале, так и на материале американском. Их мы относим в группе текстов сатирических. В поэтической эмиграционной поэзии они очень малочисленны.

Далее, интересно численное соотношение американских юмористических персонажей с персонажами шотландскими. Соотношение это составляет пропорцию ≈ 15:10. Т.е. американский образ жизни, американские характеры выглядят в глазах эмигрантов-шотландцев более комичными, чем образ жизни и характеры их «старой» Родины.

В то же время комические мотивы чаще соединяются с лаудативными («восхваляющими») мотивами именно в стихах об Америке. Получается, что «новая» Родина больше восхищает поэтов-эмигрантов, но больше и смешит их.

Это и неудивительно, поскольку смех, как и восторг, – реакция массового человека на всё необычное.

Синтез патетики и юмора вообще является отличительной чертой шотландской эмиграционной поэзии США. Не без усмешки повествует П. Росс о причинах, побудивших «двух шотландцев» (маленькая поэма «Twa Scots») эмигрировать в Штаты:

<…> жить без наследства – не лучшее средство

Свою обрести независимость <…>

<…> lack o’ gear gaed little hope

That bindin’, they’d be independent <…> [418, p. 89-91].

Столь же юмористично описан приезд в Штаты двух «шотландочек», ставших их жёнами, – или первые попытки «новых американцев» заняться бизнесом в маленьком, провинциальном американском городке: «<…> Пошли друзья пробовать там приторговывать: / Просо, и много чего ещё <…>» («<…> And soon in it they had some trade, / Their craps to sell, their corn to measure <…>» [Ibid.]).

Однако параллельно идут патетические строки о начале освоения ими целины: «<…> У озера Эри пахали они, / Боролись со страхом и голодом <…>» («<…> By wild Lake Erie’s rugged shore / They settled, and wi’ sturdy toil<…> » [Ibid.]).. Сентиментально трогательны строки об их «земляческой» солидарности и благотворительности. Наконец, одическим пафосом наполнен финал поэмы – надгробная надпись на «двойной» могиле друзей, сделанная от имени их новых сограждан:

<…> Они прожили просто, по правде своей,

С нами радость делили и горести.

И труды их измерены – там, где теперь они,

С миром прими их, о, Господи!

В оригинале:

<…> They did whate’er they thought was right,

And shared alike earth’s glee and sorrow;

And when life’s work was done and past,

They won the peace which comes – to-morrow [Ibid.].

Ещё одна особенность юмора «американских шотландцев» – его демократизм. Нет ни одного сословия, ни одной должности или профессионального занятия, над которым они не смели бы улыбнуться или даже расхохотаться. В объекты их юмора одинаково легко и непринуждённо попадают малограмотные фермеры (Дж. Кеннеди, «Шотландец-американец», в оригинале – Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen) и национальные классики (Дж.Д. Лоу, «Эпиграмма на Уолта Уитмена», в оригинале – To Walt Whitman); торговцы запрещённым спиртным – бутлегеры (Дж. Кеннеди, «Сухой закон», в оригинале – Whisky’s awa) и члены Верховного Суда США (как, например, Роджер Брук Тэни (Taney, 1777-1864), первый Президент США Джордж Вашингтон (Washington, 1732-1799) (Д.М. Хендерсон, «Маргаритки в Балтиморе», в оригинале – Daisies in Baltimore) или хозяин тесного, но гостеприимного сарайчика (В. Эндерсон, «Джимова комната», в оригинале – Jamie’s wee back room).

Двое высокопоставленных персонажей появляются в стихотворении Д.М. Хендерсона «Daisies in Baltimore» (в переводе «Маргаритки в Балтиморе»). При этом бывший Верховный Судья США Тэни (верней, его каменное изваяние, поставленное в городе Балтиморе) оказывается неповоротливым подагриком. Изваяние не в состоянии двигаться, поскольку у него болят ноги.

Другой исторический деятель-памятник, из бронзы (в оригинале «из железа»), в том же Балтиморе, – первый Президент США Джордж Вашингтон. Этот памятник не способен хоть один разок улыбнуться, даже если его об этом попросят. Правда, при жизни он был менее суров:

<…> And yon stane man, high on his column,

That’s George himself , the fearfu’ solemn –

Ye fain wad win him

To smile just aince – ye’ll hae to thole him –

Lod, it’s no in him! <…> [346, p. 47-52].

В переводе:

<…> А другой стоИт из камня на столпе,

Джордж он Вашингтон, насупленный, – тебе

Упросить его хоть разик не удастся

Улыбнуться: сам он бодрый по себе,

Но ваятель не позволил улыбаться <…>

Разгадка в том, что его скульптор навсегда насупил ему брови.

Можно ли, т.о., заключить, что «американских шотландцев» XIX века не интересовала американская «история в лицах»? По нашему мнению, верно скорей обратное. Это американцев той эпохи мало интересовала история (и современность) шотландская.

Американские издатели XIX века крайне редко выпускают книги поэтов-шотландцев США. Это делают (как правило, по предварительной подписке) эмигранты: энтузиасты-шотландцы, владельцы небольших частных типографий и издательств.

Исследуемые нами поэты, как уже упоминалось, выступали также устно, с личной рецитацией своих стихов. Это была и необходимая форма общения с небогатыми читателями (которые мало покупали книжные издания), и одновременно авторская реклама будущих книг. Однако организовывали такие вечера в большинстве случаев также шотландцы.

Наконец, нельзя забывать, что стихи свои поэты-эмигранты писали в основном только в свободное время. Зарабатывали на жизнь они другими профессиями, от фермерства, ремёсел и мелкого бизнеса до преподавательской работы, журналистики и редактуры (см. подробнее § I.2.).

Всё это приводило к тому, что наиболее органичными, богатыми на ситуативные и психологические подробности, наиболее тёплыми и сочувственными получались у поэтов-эмигрантов портреты тех американцев (или «американских шотландцев»), какие были ближе к соотечественникам «дома». Притом преимущественно к тем литературным типажам, которые были уже максимально разработаны, но не в американской, а в шотландской поэтической традиции XVI-XVIII веков.

Достаточно поэтам-эмигрантам выделить в «американском» хронотопе, в американских типах и сюжетах зоны знакомой, «старой доброй» коллективности, патриархальности, национально ориентированных норм поведения, чтобы персонажи (даже те, кому отведено всего лишь по две строки стихотворения) выходили характеристичными, «живыми». При этом они не обязательно являются персонажами-шотландцами. Судя по именам и фамилиям, они могут быть эмигрантами-датчанами, голландцами, ирландцами, валийцами и т.д. – авторская эмотивность распространяется на них на всех.

Таковы, к примеру, посетители «Джимовой комнаты» – крошечного сарайчика, где собираются студенты-эмигранты, фермеры-эмигранты, разбросанные по пространствам «новой» страны:

<…> И кто-то сосед, а кто-то и нет,
Но люди какие (вы помните?). <…>
<…> А сколь было критики всякой политики,
Сколько интриг обнаружено…
А Дуглас-старик пел в шёпот и в крик, –
И как же его было слушано! <…>

В оригинале:

<…> But, oh, sic men as here ye’ll meet that come frae far and
nigh! <…>
<…> What politicians here hae focht, and richtit a’ the wrangs!
And here wee Dugald Cockburn, aft has sung his sweetest
sangs. <…> [332, p. 358-359]

<…> Был Мур, из горян, Ван Клифф, из датчан,
И Росс (изучал он юристику).
А Тэмми и Вилли судили-рядили
Важное что-то про мистику.
Ни Ирвинг, ни Митчел про то не талдычил –
Знали, что знали на опыте.

И всяк был героем, и так хорошо им
Было в той Джимовой комнате. <…>

В оригинале:

<…> Haun, frae the Hielands, Printer John, Van Cleef, learned in
the law,
Carlyie, and Sinclair, liowery Tom, gle this wi’ room a ca’;
McKnight and Stevens, Mitchell, Booth, Case, Irving, Rose
and Moore.
Aft meet and spend in this wee room fu’ mony a happy o’or. <…> [Ibid.].

Итак, систематизация и анализ американских персонажей у поэтов шотландской эмиграции XIX века позволяет отметить некоторые закономерности.

В отличие от персонажей Шотландии, персонажи Америки в стихах шотландцев образуют менее яркий коллективный портрет «мы»-героя, зато более отчётливый портрет «сборища» (В. Эндерсон), или иначе – общества индивидуальностей. Если США – это союз отдельных штатов, то система американских персонажей у шотландских поэтов-эмигрантов XIX века – это союз отдельных индивидуумов.

Основная сфера, в которой действуют эти персонажи внутри стихотворений, – не семейный круг и не служба, а досуг (хобби, спорт, неофициальные встречи). Гражданские обязанности, социальные инициативы авторами охотно называются, но редко показываются.

Поэтому утопическому, мифологизированному хронотопу Америки соответствует и её мифологизированное население. Это заставляет поэтов-эмигрантов тщательно отбирать персонажей, допускаемых в этот хронотоп. В то же время сближение «шотландского мифа» с «мифом американским» помогает исследуемым поэтам выделить и показать крупным планом действительно общие – жизнелюбивые, демократичные, решительные – черты национальных характеров обоих народов.

Какова же поэтическая стратегия наших поэтов применительно ко всем перечисленным (и оставшимся за пределами перечислений) американским

знаменитостям: знаменитым политикам, знаменитым воинам, знаменитым религиозным деятелям, знаменитым литераторам?

1. Некоторые «американские шотландцы», несомненно известные нашим авторам, в их текстах просто отсутствуют.

Например, шотландские предки были у прославленного поэта и новеллиста Америки (приобретшего литературный резонанс даже в Старом Свете, в Европе) – у Эдгара Аллана По (Poe, 1809-1849). По данным словарей, эта фамилия восходит в средне-английскому прозвищу со значением «павлин» [300, с. 363, 554, 556]. Э.А. По-прозаик отдал дань любимцу шотландских эмигрантов, тоже поэту и тоже прозаику Р.Л. Стивенсону. В одну из наиболее резонансных своих новелл, «Падение дома Ашеров» (The Asher House Fall) [134], Э.А. По переносит мрачный и таинственный пейзаж самого северного из шотландских островов, Анста (Unst). Этот же остров (его карта) возникает в романе Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ» [273]. Однако Э.А. По не только не стал лирическим персонажем в шотландской поэзии США XIX века – он в ней даже не упоминается.

2. В других случаях знаменитые шотландцы США вводятся в тексты поэтов-эмигрантов, но лишь на роли исторических эмблем – не в качестве объёмных лирических персонажей.

Так, генерал Хью Мёрсер (ок. 1725-1777), уроженец Абердина, отличился во время Войны за независимость в сражениях при Брэддоке (Braddock) и Форбсе (Forbes) в штате Пенсильвания. Умер Х. Мёрсер от ран, полученных в битве возле Принстона (Princeton). Его биограф Гульрик (Goolrick) писал: генерал Мёрсер «заслужил благодарность всей свободолюбивой Америки» [Цит. по: 211, p. 60]

Ото всех этих исторических данных в поэме Дж. Кеннеди «Переправа» (The Refugees) осталось только посвящение Президенту Аврааму Линкольну и его соратникам, – в том числе, генералу Хью Мёрсеру.

3. Ещё один, на сей раз частый способ ввода в эмиграционные стихи «американо-шотландских» героев – их поэтическая реинтерпретация.

Уже упоминалось, что Генри Лонгфелло, например, – единственный из американских поэтов XIX века, получивший персональное, к тому же позитивное

отражение у шотландских поэтов-эмигрантов. Но «отразился» он в стихотворении «Лонгфелло» Дж. Крайтона не как автор «Песни о Гайавате», с её национальными индейскими образами и сюжетными мотивами. Даже не как бытописатель простой Америки (что должно было по идее быть близким его шотландским коллегам). Лонгфелло у Дж. Крайтона – мудрец и моралист, изобличитель пороков и певец добродетелей, – т.е. фигура, очень родственная шотландским протестантам:

<…> Властитель дум! Ты вызывал ответ в них,
Едва на лире древней зазвучав.
Зевсоподобен, светел, величав –
В одном лице поэт и проповедник.
Ты над толпою высишься без гнева,
Не ровня для рифмующих орав.
Царишь ты, все сердца околдовав
Красою всемогущего напева <…>

В оригинале:

True poet thou! No defter hand
Hath swept the lyre since time begun,
Poet and preacher both in one;
With Jove-like front, serene and grand
Thou towerest o’er the puny throng,
The petty singers of our day;
And not a heart but owns thy sway
That listens to thy witching song <…> [338, p. 194-195].

Такой Лонгфелло хорошо вписывается в шотландский религиозный контекст вообще, в контекст шотландской диаспоры XIX века, но не в историю американской литературы того же века.

4. Настоящий «диалог поэтов» появляется у шотландских эмигрантов тогда, когда речь заходит о шотландцах в Америке, но не просто по происхождению (близкому или отдалённому), а по сознательной самоидентификации.

Диалог этот зачастую повышено восторженный (во всяком случае, очень эмоциональный). «Свои» поэты (а также «свои» певцы, исполнители национальных шотландских песен) – повод не только вспомнить общее прошлое: встречи, застолья, совместные выступления, – но и бурно восхвалить друзей-стихотворцев, друзей-музыкантов. Похвалы нередко таковы, что восторженные характеристики Дункана МакГрегора Крерара (Crerar, 1836/37-1916) трудно, к примеру, отличить в тексте Дж. Кеннеди «Истый шотландец» (The Royal Scot) от восторженных характеристик, какие даются Роберту Бёрнсу.

И тот, и другой (и все вообще художники-«истые шотландцы») – авторы не «текстов», а *песен*. Эти песни стали (или становятся, или станут в скором будущем) *народными*. Они рождены не рассудком, а чувством и потому действуют на *всю душу* своей аудитории. Их главная функция – не столько даже *меморативная* (хотя именно эти «песни» хранят и передают шотландцам всего мира образ Родины: «Страны Давным-Давно», Шотландии как «святой земли»). И всё же их доминантная функция – *консолидирующая*: поэты подобного типа сплачивают отдельных людей в *народ*.

Понятно тогда и обратное. Все те стихотворцы, которые не соответствуют этой модели и/или не выполняют этой функции, – для наших авторов представляют собой «недостаточных поэтов»: тех, с кем истинный диалог – ни для «своих» слушателей, ни для «своих» товарищей по искусству – невозможен.

Т.о. в «персонажном поле» шотландской эмиграционной поэзии XIX века знаменитые лица американской истории занимают периферийное (и даже маргинальное) место. Поэты-шотландцы бесспорно их знают, но не делают их центральными героями своих стихов.

Вывод этот, на первый взгляд, тем более, странен, что исследуемые поэты настойчиво, постоянно насыщают свои произведения патриотическими мотивами. Практически все они позиционируют себя как «государственники», как приверженцы политических свобод, религиозной ответственности, воинской отваги в защите и своей «первой», и своей «второй» Родины.

Было бы логичным, если бы именно защитники этих свобод, служители этой ответственности в новом государстве сделались бы главными действующими лицами (или, по меньшей мере, главными лирическим адресатами) наших поэтов. Но этого как раз не наблюдается.

Чтобы разрешить названную загадку, суммируем вначале: кто же стал главными героями текстов, анализируемых в нашей работе? Какими средствами создаются их характеристики?

Если применить к системе персонажей наших поэтов контент-анализ, вырисовываются такие закономерности.

1. По своему социальному статусу очень многие из этих персонажей – люди низов *среднего класса*: фермеры, мустангеры, лоцманы и т.п.

2. Большую группу персонажей представляют также те, кого мы бы сегодня назвали «творческой интеллигенцией»: поэты, музыканты-певцы, учёные-философы и филологи.

3. Героинь-*женщин* в «американских» стихах намного меньше, чем в стихах «шотландских». Там, где они присутствуют, они повторяют свои шотландские аналоги: *невест, жён, матерей* героев-мужчин.

4. Во многих случаях персонажи показаны не через свой труд, а через свой *досуг*: спортивные соревнования, любительские спектакли, благотворительные выступления с лекциями, самодеятельные концерты и т.п.

5. Поскольку творчество шотландской диаспоры репрезентировалось зачастую не в письменном, а в устном виде, персонажи характеризуются не столько через описания, сколько через сюжетные *ситуации* и *речевую манеру*.

6. Имитация *устной*, притом ярко *индивидуализированной речи персонажей* достигает в поэзии шотландцев-эмигрантов большой виртуозности. Авторы не боятся использовать субстандартизмы, диалект, просторечие, аграмматизмы, чтобы создать впечатление живого, «реального» диалога, богатого эмоциями, гибко реагирующего на реплики собеседника, произнесённые или подразумеваемые.

Такова одна группа персонажей (и система её характеристик). Все эти Джимы и Джо, Бобы и Вилли – знакомцы и приятели «я»-героя, изображаемые не без фамильярного юмора, но с большим теплом. Они не декларируют свою «шотландскость» – они её воплощают.

Но есть в поэзии «американских шотландцев» XIX века и другая группа персонажей, потребовавшая от авторов других характеризующих средств. Если первая группа близка к шотландской фольклорной традиции, то вторая группа близка к шотландской традиции, которую (с некоторыми оговорками) можно назвать бароккальной. Имеется в виду книжно-риторическая традиция, которая формировалась в Шотландии с конца XV-го и до конца XVIII-го веков.

Казалось бы, в США XIX века у неё не могло быть никакой опоры. На самом деле опоры были, и поэты-эмигранты их использовали.

Эту вторую традицию поддерживало протестантское богослужение, с его проповедями, песнопениями и спонтанными исповедями-импровизациями. Она находила поддержку в политической и юридической риторике, которая пронизывала всю американскую повседневность. Её, эту традицию, практиковала американская пресса. Наконец, те долгие застольные беседы, какие живописуются, например, в «Джимовой комнате» В. Эндерсона (Jamie’s Wee Back Room), на бытовом уровне тоже переносили эту традицию в другую страну ритуального красноречия, восходившую к кельтским обычаям «словопрений» и «славословий».

Упомянутая традиция пригодилась шотландским поэтам-эмигрантам для характеристики «высоких» персонажей «интеллигентского» цикла.

Средства характеристики названного типа персонажей также меняются. Увеличивается доля и значимость авторских *описаний* и *рассуждений*. Усиливается роль культурного фона: и более локального, биографического, и более широкого, исторического.

Соответственно, растёт значение всех типов историко-культурных *интекстов*: открытых *цитат* (главным образом, из Библии и британской классической поэзии) и скрытых *аллюзий* и *реминисценций*. Эти интексты

начинают занимать *сильные позиции* текстов, и прежде всего позиции *инициальные*: посвящения, эпиграфы, начальные строки.

Нарастает также удельный вес книжной лексики, архаизмов и поэтизмов, латинизмов и грецизмов. Зато падает доля диалогов (прямых и несобственно-прямых). Заключительные «уроки» из рассказанного (которыми завершаются почти все тексты поэтов-эмигрантов) вырастают по своему объему и приобретают вид завершающих афоризмов.

Выводы к Главе III.

1. Поэты-шотландцы США стремились создать (и до известной степени создали) свой образ: страны, ставшей их второй Родиной. Этот образ складывался из «американского» хронотопа, «американских» сюжетов и персонажей, – как исторических, так и современных.

При создании этого образа поэты-эмигранты опирались на традиции собственной метрополийной поэзии – прежде всего, шотландской поэзии XVII-XVIII вв. Это касается в первую очередь жанров, и фольклорных, и литературных (барокальных, классицистических, сентименталистских, романтических).

2. Историко-литературное «запаздывание» шотландской поэзии США по сравнению с метрополией отчасти совпадает с аналогичным «запаздыванием» литературы американской по сравнению с литературными процессами Старого Света. Однако у шотландцев этот разрыв был ещё значительней. Метрополийная шотландская поэзия, после унии Шотландии с Англией и последующего перемещения культурного центра из Эдинбурга в Лондон, после отъезда туда многих представителей шотландской интеллигенции, к XIX веку стремительно провинциализировалась – и одновременно сопротивлялась этому процессу провинциализации.

3. Специфику образа США у поэтов-шотландцев можно суммировать по нескольким параметрам. «Американское пространство» поэтически осваивалось этими авторами быстрей и шире, чем «американское время». Схожим образом,

освоение американских сюжетов и житейских ситуаций давалось поэтам-шотландцам легче, нежели освоение американских характеров. Последнее требовало и другого литературного психологизма, и другой степени близости между шотландской диаспорой и обществом США в целом.

5. Поэтому имидж США в шотландской эмиграционной поэзии «выигрывает» у имиджа Шотландии и как огромное пространство, и как государство материальных возможностей и юридических прав. Но имидж Шотландии «выигрывает» у имиджа США как пространство домашнее, материнское, край детства и юности, предков и истоков. Соответственно, прошлое США для исследуемых поэтов – это прежде всего политическая история. Она имеет международное значение и в лучших своих проявлениях вызывает уважение. Однако прошлое Шотландии – это прежде всего родовая, но и личная биография самого автора. Она всегда имеет для него личную важность и вызывает личную остроту сопереживания.

6. «Образ США» поэтому больше эффектно декларируется, чем раскрывается изнутри. «Быть американцами» – желание и долг американо-шотландских лирических героев-эмигрантов. Но «быть шотландцами» – их неустранимое свойство, их постоянный источник вдохновения, их ракурс, в котором они видят мир, – в том числе, мир американский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Шотландская эмиграционная поэзия США представляет собою целый пласт крайне мало изученной (и полузабытой) литературы XIX века. Мы относим эту литературу к шотландской по нескольким причинам.

2. Шотландские поэты сберегли в новой среде обитания не только свой старый язык, шотландский (скотс), но и родной фольклор, и шотландскую культуру. В частности, они сохранили и активно использовали литературные традиции Шотландии, от Средневековья до современности.

3. Поэзию «американских шотландцев» XIX века мы относим поэтому к кросскультурной, а не монокультурной, к эмиграционной, а не просто иностранной, поскольку двойственной (и даже тройственной) является её читательская аудитория. Это шотландцы США и шотландцы исторической Родины, Шотландии (а частично и не-шотландские американцы).

4. Перечисленные факторы не могли не воздействовать на патриотические мотивы исследуемой поэзии. Собственный патриотизм ей пришлось текстуализировать и «по-шотландски», и «по-американски».

5. Подобная текстуализация затронула не только «верхние» контексты шотландских поэтических произведений, созданных в США: их идеологию, тематику, сюжетику, их эксплицитную мораль. Она охватила все контексты, в т.ч. хронотопный (текстовое время и пространство), характерологический (систему персонажей и средств их изображения), жанровый.

6. В силу меньших возможностей, писательских, издательских и читательских, эмиграционная шотландская поэзия США XIX века не смогла сыграть в истории литературы роль того же масштаба, что и поэзия метрополийная. Она не могла, в частности, достичь аналогичного социального критицизма, исторической объёмности, такой классичности, но и экспериментаторского азарта.

7. В то же время многое она сумела. Порой «старомодная», моралистичная, риторичная, почти всегда подчёркнуто пафосная и одновременно наивно сентиментальная, – поэзия «американских шотландцев» именно этими свойствами и завоевала симпатии своей аудитории (и метрополийной, и диаспорной).

8. Вместе с тем, её патриотические мотивы отнюдь не лишены самобытности. Их она смогла облечь не только в актуально-политические, но и в мифопоэтические образы, формы, сюжеты. Американскому государству и культуре, гордившимся преимущественно своей «новизной», эта поэзия сумела передать исконно шотландское – и фольклорное, и литературное – уважение к первоистокам национальной духовности и нравственности, к мыслям и чувствам не только «литературы внуков», но и «литературы праотцев».

9. Это дало возможность шотландской эмиграционной поэзии США XIX века, оставаясь массовой и патриотичной, не оказаться примитивной. Изучение её опыта имеет несомненные теоретические перспективы для литературоведческой шотландистики, эмиграционистики и патриологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авдюшева, Н.А. Русская художественная эмиграция «Первой волны» в Бельгии: 1918-1939: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09 / Н.А. Авдюшева – Санкт-Петербург, 2009. – 29 с.

2. Азаров, Ю.А. Литературные центры первой русской эмиграции: История, развитие и взаимодействие: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Ю.А. Азаров. – Москва, 2006. – 40 с.

3. Аникин, Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы: учеб. пособие для гуманит. фак. высш. учеб. заведений / Г.В. Аникин, Н.П. Михальская. – М.: Изд. центр «Академия», 1998. – 511 с.

4. Аникст, А.А. История английской литературы / А.А. Аникст. – М.: Учпедгиз, 1956. – 464 с.

5. Апрыщенко, В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX вв. века: дис. … докт. истор. наук: 07.00.03 / В.Ю. Апрыщенко. – Ростов-на-Дону, 2009. – 486 с.

6. Арутюнова, Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 51-61.

7. Ахундов, М.Д. Концепции пространства и времени. Истоки. Эволюция. Перспективы. – М.: Наука, 1982. – 223 с.

8. Бабулевич, С.Н. Цветообозначения как средство реализации концепта «Родина» в художественной картине мира С. Есенина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.Н. Бабулевич. – Калининград, 2004. – 181 с.

9. Бальбуров, Э.А. Мотив и канон / Э.А. Бальбуров // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск, 1998. – С. 6-20.

10. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.

11. Басинский, П., Федякин, С. Русская литература конца XIX – начала XX века и первой эмиграции. – М.: Изд. центр «Академия», 1998. – 528 с.

12. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 498 с.

13. Бежитадзе, М.Т. Особенности мотива патриотизма в творчестве Важа Пшавела: дис. … канд. филол. наук: 10.01.03 / М.Т. Бежитадзе. – Тбилиси, 1984. – 149 с.

14. Белецкий, А.И. Избранные труды по теории литературы / А. И. Белецкий. – М.: Литкон, 1964. – 433 с.

15. Беликова, Е.К. Система ценностей в шотландской культуре и ее отражение в фольклоре века: дис. … канд. культурологии: 24. 00.01 / Е. К. Беликова. – Москва, 2008. – 183 с.

16. Белова, И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925 гг.: по материалам центральных губерний Европейской России: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02 / И.Б. Белова. – Брянск, 2015. – 43 с.

17. Белов, Ф.Д. Интеллектуальная эмиграция из России: социально-экономические последствия и подходы к регулированию: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Ф.Д. Белов. – Москва, 2010. – 26 с.

18. Бем, А.Л. К уяснению историко-литературных понятий [Электронный ресурс] / А.Л. Бем. – Режим доступа: http://tvereparhia.ru/biblioteka-2/b/2517-bem-a/22390-bem-a-k-uyasneniyu-istoriko-literaturnykh-ponyatij-1919 (дата обращения: 25.05.2014)

19. Беспалова, Т.В. Патриотизм как форма социокультурной идентификации в конфликтных условиях российского переходного общества: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11 / Т.В. Беспалова. – Санкт-Петербург, 2011. – 50 с.

20. Бодрягин, А.И. Советский патриотизм периода Великой Отечественной войны: социокультурные и духовные ценности: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 23.00.01 / А.И. Бодрягин. – Казань, 2007. – 23 с.

21. Борисова, Л.М. Двуязычие и проблемы национального самосознания в литературе первой волны русской эмиграции (В. Набоков и В. Линденберг (Челищев)) / Л.М. Борисова // Наука и образование Крыма. – Симферополь, 2002. – С. 31 – 35.

22. Бугаева, Л. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика) [Электронный ресурс] / Л. Бугаева. – Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html (дата обращения: 12.04. 2014)

23. Введение в литературоведение: учебник для филол. спец. ун-тов /Сост. Г.Н. Поспелов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков и др. – М.: Высш. шк., 1998. – 528 с.

24. Вдовина, А.А. Патриотизм и общественно-политическая деятельность женщин Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А.А. Вдовина. – Москва, 2005. – 22 с.

25. Вежбицка, А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 107-125.

26. Велилаева, Л.Р. Зарубежная научная школа по эмиграционистике: основные направления исследований / Л.Р. Велилаева // Сучасні літературознавчі студії. – Київ, 2014. – Вип. 11. – 627 с. – С. 91-97.

27. Велилаева, Л.Р. Историко-культурные предпосылки возникновения шотландской эмиграционной литературы / Л.Р. Велилаева // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В.И. Вернадского, 2014. – № 270. – С. 140-143.

28. Велилаева, Л.Р. Лингвоконцепты «эмиграция», «Родина» и «чужбина»: анализ и интерпретация (на материале словарей разного типа) / Л.Р. Велилаева // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. – Вип. 16. – Т. IV (166). – 620 с. – С. 389-395.

29. Велилаева, Л.Р. Литература и эмиграция / Л.Р. Велилаева // Сборник материалов 3-й международной научно-практической конференции. – Ч. 2. – Махачкала: ООО «Апробация», 2013. – 195 с. – С. 99-100.

30. Велилаева, Л.Р. Литература британской эмиграции на североамериканском континенте: история возникновения и динамика развития //

Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В.И. Вернадского, 2014. – № 273. – С. 136-139.

31. Велилаева, Л.Р. Мотив Родины в шотландской эмиграционной поэзии США сер. XIX в.: персонажный контекст / Л.Р. Велилаева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2017. – Вып. 7 (184). – С. 160-163.

32. Велилаева, Л.Р. Образ первой родины-Шотландии: временной аспект / Л.Р. Велилаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 3(69). Часть 2. – С. 23-25.

33. Велилаева, Л.Р. Понятия «эмигрант», «творчество эмигранта» и «художественная концепция творчества эмигранта» / Л.Р. Велилаева // Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора Адиле Мемедовны Эмировой. – Симферополь, 2013. – 144 с. – С. 107-108.

34. Велилаева, Л.Р. Украинская научная школа и современные проблемы эмиграционистики / Л.Р. Велилаева // Збірник наукових праць. Вип. 7. – Ч. II. – Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2013. – 368 с. – С. 31-38.

35. Велилаева, Л.Р. Шотландские поэты США XIX в.: социокультурный статус и его поэтическая реализация / Л.Р. Велилаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 7(61). Часть 2. – С. 13-15.

36. Велилаева, Л.Р. Шотландская эмиграционная поэзия США середины XIX века: религиозный контекст / Л.Р. Велилаева // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. – Грозный, 2017. – № 3 (36). – С. 67-73.

37. Велилаева, Л.Р. Шотландская эмиграционная поэзия США середины XIX в.: сюжеты и символы // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2014. – № 278. – Т.2. – С. 180-186.

38. Велилаева, Л.Р. Эмиграция и типология понятия «писатель-эмигрант» в современном эмиграционном дискурсе / Л.Р. Велилаева // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия

«Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь, 2014. – Т. 27 (66). – № 1. – Ч. 1. – 356 с. – С. 209-213.

39. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высш. школа, 1989. – 404 с.

40. Ветловская, В.Е. Анализ эпического произведения: проблемы поэтики / Е.В. Ветловская. – СПб.: Наука, 2002. – 213 с.

41. Викторович, В.А. Понятие мотива в литературоведческих исследованиях / В.А. Викторович // Русская литература XIX в. Вопросы сюжета и композиции: Сб. научн. статей. – Горький: Изд-во Горьковск. ун-та, 1975. – Вып. 2. – С. 189-191.

42. Виноградова, Е.В. Государственное регулирование трудовой эмиграции: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 05.13.10 / Е.В. Виноградова. – Москва, 1996. – 17 с.

43. Волков, И.Ф. Теория литературы / И.Ф. Волков. – М.: Просвещение; Владос, 1995. – 256 с.

44. Воркачев, С.Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 4. – Воронеж, 2006. – С. 26–36.

45. Время в волшебной стране. Мифологическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://myfhology.info/monsters/freyri-vremya-vstrana.html (дата обращения: 15.03.2015)

46. Вятлев, Д.Н. Воспитание патриотизма у юношей в объединениях спортивной направленности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Д.Н. Вятлев. – Кострома, 2014. – 23 с.

47. Габдуллина, С.Ф. Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны: автореф. дис. ... канд. филол. наук по спец. 10.02.01 / С.Ф. Габдуллина. – Москва, 2004. – 20 с.

48. Гараджа, И.В. Ренан. Электронная библиотека Института философии РАН [Электронный ресурс] / И.В. Гараджа. – Режим доступа:

https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH6743a4d07bb13ceccfee67 (дата обращения: 25.06.2015)

49. Гасанова, З.З. Воспитание детей в духе патриотизма и дружбы народов в семье: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / З.З. Гасанова. – Махачкала, 2008. – 23 с.

50. Гаспаров, Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 304 с.

51. Гаспаров, М.Л. Очерк истории европейского стиха / М.Л. Гаспаров. – М.: Фортуна лимитед, 2003. – 272 с.

52. Гиленсон, Б.А. История литературы США: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Б.А. Гиленсон. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 704 с.

53. Головня, А.И., Фан Минуй Реализация концептов родина, чужбина в русском и китайском языках / А.И. Головня, Фан Минуй // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. – Вып. 6: в 2 ч. – Ч. 2. – Минск: «Белорусский Дом печати», 2012. – С. 57-59.

54. Гумилев, Л.Н. Этносфера и биоценоз Земли / Л.Н. Гумилев. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 526 с.

55. Гуревич, А.Л. Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции: По материалам истории Русского студенческого христианского движения: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / А.Л. Гуревич – Москва, 2005. – 27 с.

56. Гуревич А. Средневековый героический эпос германских народов [Электронный ресурс] / А. Гуревич. – Режим доступа: http://izbakurnog.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000007/st000.shtml (дата обращения: 28.01.2015)

57. Гуревич, П. С. Социальная мифология / П. С. Гуревич. – М.: Мысль, 1983. – 175 с.

58. Давыдов, И.П. Жанры религиозной литературы [Электронный ресурс] / И.П. Давыдов. – Режим доступа: http://abuss.narod.ru/Biblio/zabreligio/zab_zh.htm (дата обращения: 27.04.2014)

59. Дандес, А. Структурная типология индейских сказок Северной Америки / А. Дандес // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – М., 1985. – С.184-193.

60. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. — М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. – 550 с.

61. Декленко, Е.В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Декленко. – Челябинск, 2004. – 21 с.

62. Дубровин, В.Л. Патриотизм как ресурс социального самоопределения в российском обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / В.Л. Дубровин. – Ростов-на-Дону, 2015. – 38 с.

63. Дырышева, И.Г. Патриотизм дворянства в Отечественной войне 1812 года: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / И.Г. Дырышева. – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с.

64. Еремина, Т.В. Проблема статуса Шотландии в девяностые годы XX века: дис. … канд. истор. наук: спец. 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)» / Т.В. Еремина. – Санкт-Петербург, 2003. – 234 с.

65. Ерофеев, Н.А. Очерки по истории Англии 1817-1917 гг. / Н.А. Ерофеев. – М.: Изд-во ИМО, 1959. – 217 с.

66. Ешев, М.А. Патриотизм как ценностный ориентир студенческой молодежи: на примере Республики Адыгея: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / М.А. Ешев. – Майкоп, 2010. – 24 с.

67. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: Избр. труды / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 404 с.

68. Жолковский, А.К., Щеглов, Ю.К. Работы по поэтике выразительности / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

69. Зверева, Г.И. История Шотландии: учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Г. И. Зверева. – М.: Высш. школа, 1987. – 208 с.

70. Зиник, З. Эмиграция как литературный прием [Текст] / З. Зиник. – М.: Новое лит. обозрение, 2011. – 257 с.

71. Иванова, С.Ю. Патриотизм в культуре современной России: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.13 / С.Ю. Кузнецова. – Ставрополь, 2004. – 46 с.

72. Иванов, В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры / В. В. Иванов. – М.: Знак, 2009. – Т. 5: Мифология и фольклор. – 363 с.

73. Иванов, В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры / В. В. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 3: Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стиховедение. – 818 с.

74. Иглз, Р. История Англии / Р. Иглз; пер. с англ. Г.В. Горевцова. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 294 с.

75. Игнатова, Е.М. Концепт «Родина» в идеологическом дискурсе: на материале немецкой политической пропаганды 20-40-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.М. Игнатова. – Москва, 2008. – 21 с.

76. История английской литературы. Т. 1. Вып. 1. / Под ред. М.П. Алексеева, И.И. Анисимова, А.А. Елистратовой и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/history_of_english_litereture1_1.txt (дата обращения: 14.05.2013)

77. История английской литературы. Гл. 2. Чартистская литература. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruslit.biz/istoriya-anglijskoj-literatury-glava-2-chartistskaya-literatura-stranica-3/ (дата обращения: 12.06.2015)

78. Калмыков, В.В. Служение отечеству и патриотизм в системе ценностей допризывной молодежи современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / В.В. Калмыков. – Краснодар, 2009. – 32 с.

79. Калыгин, В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию / В.П. Калыгин, А.А. Королев. – М.: Наука, 1989. – 251 с.

80. Карманова, Д.А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Д.А. Карманова. – Иваново, 2007. – 22 с.

81. Кельтские мифы / Пер. с англ. Л. И. Володарской; сост. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 490 с.

82. Киплинг, Р. Сказки старой Англии / Р. Киплинг. – М.: Эксмо, 2015. – 576 с.

83. Киреевский, И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – 384 с.

84. Климова, О.Н. Русская эмиграция и советская интеллигенция: проблемы культурного взаимодействия в 1920-1929 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / О.Н. Климова. – Челябинск, 2008. – 24 с.

85. Кожанов, Д.А. Концепт Homeland в американской картине мира и способы его языковой репрезентации: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Д.А. Кожанов. – Барнаул, 2006. – 159 с.

86. Колабинова, Т.И. Специфика репрезентации концептов РОДИНА, PATRIA, NATIVE LAND в русской, латиноамериканской и американской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Т.И. Колабинова. – Казань, 2010. – 20 с.

87. Королев, А.А. Филологические методы в исследовании истории кельтских языков / А.А. Королев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. – М.: Наука, 1988. – 237 с.

88. Королев, Д.С. Былины как феномен русской культуры [Электронный ресурс] / Д.С. Королев. – Режим доступа: https://www.rae.ru/forum2011/130/806 (дата обращения: 25.06.2015)

89. Косован, Е.А. Украинская эмиграция в Германии: XIX - начало XXI вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Е.А. Косован Е.А. – Москва, 2015. – 29 с.

90. Краснов, Г.В. Мотив в структуре прозаического произведения. К постановке вопроса / Г.В. Краснов // Русская литература XIX в. Вопросы сюжета и композиции. Сб. научн. статей. – Горький, 1980. – С.69-81.

91. Криничная, Н.А. Указатель типов, мотивов и элементов преданий / Н.А. Криничная. – Петрозаводск: КФ АН СССР, 1990. – 28 с.

92. Кротова, М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии: 1920-е-1950-е гг.: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02 / М.В. Кротова. – Санкт-Петербург, 2015.

93. Кузнецова, А.В. Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / А.В. Кузнецова. – Москва, 2004. – 32 с.

94. Кулешова, О.В. Философско-художественные искания Д.С. Мережковского в период эмиграции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О.В. Кулешова. – Москва, 2005. – 20 с.

95. Куликов, С.П. Патриотизм в российском обществе: поколенческая специфика, стратегии регенерации и риски имитации: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / С.П. Куликов. – Ростов-на-Дону, 2016. – 37 с.

96. Ласкова, Н.В. Миграция шотландцев в страны Восточной Европы в конце XVI - XVII вв.: дис. … канд. истор. наук: спец. 07.00.03 / Н.В. Ласкова. – Ростов-на-Дону, 2000. – 261 с.

97. Лау, Н.В. Мотив «духовного странничества» в прозе русской эмиграции: И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н.В. Лау. – Воронеж, 2011. – 20 с.

98. Левинтон, Г.А. К проблеме изучения повествовательного фольклора / Г.А. Левинтон // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа. – М., 1975. – С.303-319.

99. Лисовская, Я.Н. Вербализация концепта «Эмиграция» в лингвокультуре русских переселенцев США: на материале художественных текстов начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Я.Н. Лисовская. – Елец, 2010. – 17 с.

100. Лосев, А.Ф. Миф. Число. Сущность / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994. – 920 с.

101. Лотман, Ю.М. Миф – имя – литература / Ю.М. Лотман // Лотман Ю. М. Труды по знаковым системам / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский. – Тарту: Изд. ТГУ, 1973. – Т. 6. – С. 282-303.

102. Лузик, Н.П. Патриотизм как социо-культурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Н.П. Лузик. – Санкт-Петербург, 2007. – 22 с.

103. Лукинова, И.А. Место и роль российского патриотизма в современном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / И.А. Лукинова. – Ставрополь, 2013. – 24 с.

104. Луначарский, А.В. Воспоминания и впечатления. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1968. – 376 с.

105. Мак-Кензи, А. Кельтская Шотландия / А. Мак-Кензи; пер., науч. ред., вступ. ст. С.В. Иванов. – М.: Вече, 2008. – 336 с.

106. Мелетинский, Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов / Е.М. Мелетинский // Текст и культура. Труды по знаковым системам. Вып. 16. – Тарту, 1983. – С.115-125.

107. Мелетинский, Е.М. От мифа к литературе: учеб. пособие / Е.М. Мелетинский. – М.: РГГУ. – 2000. – 169 с.

108. Мерперт, Н.Я. Очерки археологии библейских стран [Электронный ресурс] / Н.Я. Мерперт. – Режим доступа: http://pstgu.ru/download/1239018422.ocherki.pdf (дата обращения: 29.05.2014)

109. Мещерякова, С.В. Патриотизм как ценностно-смысловое образование в структуре личности российского предпринимателя: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / С.В. Мещерякова. – Тамбов, 2008. – 24 с.

110. Минаков, В.А. Место патриотизма в российской национальной идее: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / В.А. Минаков. – Барнаул, 2009. – 18 с.

111. Михайлов, О.Н. Литература русского зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – 432 с.

112. Михальская, Н.П. История английской литературы: учеб. для студ. филол. и лингв. фак. высш. пед. учеб. заведения / Н.П. Михальская. – 2-е изд. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 480 с.

113. Мозговая, Е.И. Культурные парадигмы и идеологемы русского патриотизма: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Е.И. Мозговая. – Белгород, 2007. – 21 с.

114. Мономах, Владимир. Поучение. [Электронный ресурс] / Вл. Мономах. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/archiv/monomah.htm (дата обращения: 22.04.2014)

115. Мукосеева, Е.А. Словесно-художественный комплекс Родина в русских и французских песнях первой половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.А. Мукосеева. – СПб., 2009. – 18 с.

116. Мусс, Г.Н. Воспитание патриотизма подростка во внеурочной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Г.Н. Мусс. – Оренбург, 2008. – 24 с.

117. Мышалова, Д.В. Очерки по литературе русского зарубежья / Д.В. Мышалова. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. – 223 с.

118. Наливайченко, И.В. Специфика патриотизма в условиях культурной глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / И.В. Наливайченко. – Ростов-на-Дону, 2011. – 24 с.

119. Наумов, В.Г. Мотивологическая теория и практика: пути, направления, перспективы / В.Г. Наумов // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – 270 с.

120. Неклюдов, С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 221-229.

121. Никова, М.А. Формирование патриотизма у российского студенчества: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / М.А. Никова. – Москва, 2004. – 24 с.

122. Новикова, М.А. Комментарии / М. А. Новикова // Шотландии кровавая луна: Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го). – Симферополь: СОНАТ; Крымский Архив, 2007. – 320 с.

123. Новикова, М.А. Малая родина, великая Родина / М.А. Новикова // Уч. зап. Таврическ. нац. ун-та. Серия «Фиолология». – Т. 19 (58). – Симферополь: Изд-во Таврическ. нац. ун-та, 2006. – № 2. – С. 51-54.

124. Новикова, М.А. Патриотический дискурс: мифы и контр-мифы / М. А. Новикова // Світова література на перехресті культур і цивілізацій. Зб. наук. праць. – Сімферополь: Кримський Архів, 2008. – Вип. 1. – 432 с. – С. 264-271.

125. Новикова, М.А. Прекрасен наш союз: Литература – переводчик – жизнь / М.А. Новикова. – К.: Радянск. письменник, 1986. – 224 с.

126. Новикова, М.А. Страна Наоборот / М.А. Новикова // Детская литература. – 1977. – № 10. – С. 43-45.

127. Новикова, М.А., Тулуп, Э.Р. Героические женщины-святые в истории и литературе Шотландии (эпоха Средневековья) / М.А. Новикова, Э. Р. Тулуп // В оправдание филологии: Сб. статей в честь юбилея проф. В.В. Федорова: Гл. ред. В.М. Калинкин. – Донецк: Изд-во Донецк. нац. ун-та, 2011. – 380 с.

128. Новикова, М.А., Тулуп, Э.Р. Героические мотивы: люди Церкви / М. А. Новикова, Э.Р. Тулуп // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ имени В. И. Вернадского, 2011. – Вып. 211. – С. 145-149.

129. Новикова, М.А., Шама, И.Н. Символика в художественном тексте: Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и их английских переводов) / М.А. Новикова, И.Н. Шама. – Изд. 2-е, испр. – Запорожье: ООО «Акцент», 2013. – 172 с.

130. Ноженко, Е.В. Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: «уверенность в себе», «патриотизм», «успешность» американской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Ноженко. – Кемерово, 2008. – 22 с.

131. Парашин, А.Ю. Патриотизм: историко-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 23.00.02 / А.Ю. Парашин. – Москва, 2007. – 22 с.

132. Погорелый, А.П. Патриотизм как ценность российского общества: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А.П. Погорелый. – Воен. ун-т МО РФ. – Москва, 2004. – 17 с

133. Поршнева, А.С. Пространство эмиграции в романном творчестве Э.М. Ремарка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / А.С. Поршнева. – Екатеринбург, 2010. – 23 с.

134. По, Э.А. Падение дома Ашеров / Э.А. По. – М.: Эксмо, 2011. – 64 с.

135. Пропп, В.Я. Структурно-типологическое изучение сказки / В.Я. Пропп // Пропп В.Я. Морфология сказки. – 2-е изд. – М.: Наука, 1969. – 168 с.

136. Путилов, Б.Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива / Б.Н. Путилов // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. М., 1992. – С.74-85.

137. Розинская, О.В. Русская литературная эмиграция в Польше: 1920-30-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О.В. Розинская. – Москва, 2000. – 16 с.

138. Роллестон, Т. Мифы, легенды и предания кельтов / Т. Роллестон; пер. с англ. Е.В. Глушко. – М.: Центрполиграф, 2004. – 352 с.

139. Рудзевич, И. Русские писатели-эмигранты в Польше / И. Рудзевич. – СПб.: Образование, 1994. – 36 с.

140. Ружа, В.А. Становление и развитие культуры патриотизма современного студенчества: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / В.А. Ружа. – Екатеринбург, 2013. – 24 с.

141. Самарин, Ю.Ф. Православие и народность / Ю.Ф. Самарин // Сборник статей по религиоведению, истории – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 720 с.

142. Сандомирская, И. Книга о родине: опыт анализа дискурсивных практик [Электронный ресурс] / И. Сандомирская. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/document/339095.html (дата обращения: 03.07.2016)

143. Свицова, А.А. Лингвокультурная доминанта «Дом-Родина-Чужбина» в русских и английских пословицах: автореф. дис. ... канд. филол. наук по спец. 10.02.19 / А.А. Свицова. – Ижевск, 2005. – 20 с.

144. Силантьев, И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.

145. Скафтымов, А.П. Нравственные искания русских писателей. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1972. – 544 с.

146. Слукин, С.В. Патриотизм в социокультурном развитии личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / С.В. Слукин. – Челябинск, 2005. – 24 с.

147. Соколов, А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А.Г. Соколов. – М.: МГУ, 1991. – 184 с.

148. Соловьев, В.С. Сочинения в 2-х т. / В.С. Соловьев. – Т.2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Издательство «Правда», 1989. – 735 с.

149. Старостина, С.А. Мотивное поле концепта «тоска» в лирике М.И. Цветаевой периода эмиграции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.А. Старостина. – Тамбов, 2010. – 24 с.

150. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры». 1997. – 824 с.

151. Тамарченко, Н.Д. Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему) / Н.Д. Тамарченко // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск, 1998. – С. 38-48.

152. Тарасов, Б.Ю. Проблема патриотизма в представлениях и в настроениях российских эмигрантов в 1920-1930-х гг. (по материалам эмигрантской прессы): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Б.Ю. Тарасов. – Москва, 2000. – 30 с.

153. Телия, В.Н. Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании «родина» / В.Н. Телия // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – С. 409-418.

154. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак-тов высш. учеб. заведений: в 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Академия, 2004. – 512 с.

155. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово, 2000. – 261 с.

156. Тихомиров, Г.А. Социально-философское исследование феномена патриотизма: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Г.А. Тихомиров. – Чебоксары, 2008. – 21 с.

157. Толочко, А.В. Русская военно-морская эмиграция: политические ориентации и деятельность в межвоенный период, 1920-1941 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А.В. Толочко. – Челябинск, 2011. – 23 с.

158. Толстой, Л.Н. Патриотизм или мир? Письмо к Мансону от 2 янв. 1896 г. / Л.Н. Толстой. – Берлин: А. Дейбнер, 1896. 28 с.

159. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.

160. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: избр. / В. Н. Топоров. – М.: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1995. – 624 с.

161. Топоров, В.Н. Река. Мифы народов мира [Электронный ресурс] / В.Н. Топоров. – Режим доступа: http://www.mifinarodov.com/r/reka.html

162. Тулуп, Э.Р. Вильям Дунбар и его поэзия: героические и антигероические мотивы / Э.Р. Тулуп // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ имени В.И. Вернадского, 2012. – Вып. 229. – С. 186-190.

163. Тулуп, Э.Р. Героические мотивы средневековой шотландской поэзии XIII-XV вв.: дис. канд. филол. наук: 10.01.04 / Э.Р. Тулуп. – Симферополь, 2013. – 228 с.

164. Тулуп, Э.Р. Женские персонажи в англо-шотландских балладах XIII-XVIII вв. / Э. Р. Тулуп // Problematyczne aspekty i rozwiązania we współczesnej

nauce: Материалы международной научно-практической конференции. – Польша. Краков, 2012. – Ч. 3. – 176 с.

165. Тулуп, Э.Р. Куртуазия как героика: на материале шотландской поэзии XIII-XV вв. / Э.Р. Тулуп // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ имени В. И. Вернадского, 2012. – Вып. 238. – С. 173-176.

166. Тулуп, Э.Р. «Нет, я не Байрон, я другой…» (М.Ю. Лермонтов и его шотландский предок Т. Лермонт) / Э.Р. Тулуп // Світова література на перехресті культур і цивілізацій: Зб. наук. праць. Вип. 6. Частина ІІ. – Сімферополь: Кримський Архів, 2012. – 348 с. – С. 230-236.

167. Тулуп, Э.Р. Проблемы биографии и творчества Роберта Генрисона в критическом освещении / Э.Р. Тулуп // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна: Зб. наук. праць. – Харків: Константа, 2012. – Серія: Філологія. – № 994. – Вип. 64. – 282 с. – С. 264-269.

168. Тулуп, Э.Р. Святые персонажи в шотландской литературе XIII-XV вв. / Э.Р. Тулуп // Язык как инструмент познания и зеркало эпохи: Материалы международной научно-практической конференции «V Кирилло-Мефодиевские чтения». – Симферополь: Дом Писателей имени Домбровского, 2012. – 212 с. – С. 61-64.

169. Тулуп, Э.Р. Смерть героя: эсхатологические мотивы героической поэзии шотландского Средневековья / Э.Р. Тулуп // Вестник Международных Крымских чтений Б.А. Чичибабина «Современная русская поэзия: традиции и новаторство». – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – Вып. 8. – 216 с. – С. 189-197.

170. Тулуп, Э. Р. Фольклорные тексты англоязычной литературы Средневековья: теоретический аспект / Э.Р. Тулуп // Rozwoj nauk humanistycznych: Материалы международной научно-практической конференции. – Польша. Познань, 2012. – Ч. 3. – 168 с. – С. 105-108.

171. Туманов, А.И. Феномен российского патриотизма как социодинамическая система: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А.И. Туманов. – Тверь, 2006. – 20 с.

172. Турыгина, Н.В. Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Н.В. Турыгина. – Санкт-Петербург, 2016. – 18 с.

173. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов; подг. изд. и коммент. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. – М.: Наука, 1977. – 574 с.

174. Тюпа, В.И. К вопросу о мотиве уединения в русской литературе Нового времени // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск, 1998. – С.49-55.

175. Тюрин, В.Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М. Рубцова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.Б. Тюрин. – Нижний Новгород, 2017. – 23 с.

176. Уэллек, Р. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М.: Прогресс, 1978. – 323 с.

177. Федосова, Т.В. Темпоральная организация текста как компонент идиостиля автора: На материале произведений К. Воннегута и Дж. Фаулза: автореф.. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.В. Федосова. – Горно-Алтайск, 2005. – 19 с. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://cheloveknauka.com/v/143214/a?#?page=1 (дата обращения: 04.06.2016)

178. Флоренский, В.П. [Электронный ресурс] / В.П. Флоренский. – Режим доступа: http://www.vehi.net/florensky/index.html (дата обращения: 27.04.2014)

179. Фомина, З.Е. Концепт «чужбина» как лингвокультурологический феномен / З.Е. Фомина // Язык и коммуникация в контексте культуры. – Language and Communication through Culture: Материалы 2-й международной научно-практической конференции, 26–27 марта 2007 года. – Рязань, 2007. – 376 с. – С. 101-107.

180. Фрейденберг, О.М. Система литературного сюжета / О.М. Фрейденберг // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. – М., 1988. – С. 216-237.

181. Хализев, В.Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.

182. Харкевич, О. Патриотические мотивы в советской лирической поэзии 60-70-х годов и их художественное воплощение: дис. … канд. филол. наук: 10.01.02 / О. Харкевич. – Киев, 1987. – 187 с.

183. Чартистская литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Ist_Ang_2_2/02.php

184. Черемисина, А.И. Мифопоэтика романов Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит» в философско-эстетическом контексте европейской литературы XIX века: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.03 / А.И. Черемисина. – Нижний Новгород, 2016. – 25 с.

185. Чистов, К.В. Фольклор. Текст. Традиция: [сборник статей] / К.В. Чистов. – Москва: ОГИ, 2005. – 271 с.

186. Шалыгина, Н.В. Изменение семейных ценностей в эмиграции: США. Пуэрториканская модель: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07 / Н.В. Шалыгина. – М., 2005. – 44 с.

187. Шатин, Ю.В. Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе / Ю.В. Шатин // «Вечные» сюжеты русской литературы: «Блудный сын» и другие. – Новосибирск, 1996. – С. 29-40

188. Шейко, В.Н. Российский патриотизм: государственные и этнорегиональные социокультурные аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / В.Н. Шейко. – Краснодар, 2005. – 26 с.

189. Широкова, Н. С. Мифы кельтских народов / Н. С. Широкова. – М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2005. – 162с.

190. Шкловский, В.Б. О теории прозы [Электронный ресурс] / В.Б. Шкловский. – Режим доступа: http://librebook.me/o_teorii_prozy (дата обращения: 27.05.2014)

191. Шкунаев, С.В. Община и общество западных кельтов / С. В. Шкунаев. – М.: Наука, 1989. – 191 с.

192. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде; пер. с фр. В. П. Большакова. – 4-е изд. – М.: Академический Проект, 2010. – 251с.

193. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении: Избр. соч.: пер. с фр. / М. Элиаде. – М.: Ладомир, 2000. – 420 с.

194. Якобсон, Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1987. – 461 с.

195. Ярхо, Б.И. Методология точного литературоведения (набросок плана) / Б.И. Ярхо // Контекст. – М., 1984. – С.197-237.

196. Яцук, Н.А. Французская эмиграция в Российской империи. 1789-1801 гг.: социально-политический аспект: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Н.А. Яцук. – Владимир, 2015. – 29 с.

197. Беспалова, О.К. Кримський макроміф у житті та творчості В.В.Набокова: автореф. дис... канд. філол. наук: 10.01.02 / О.К. Беспалова. – Сімферополь, 2006. – 20 с.

198. Вєлілаєва, Л.Р. Основні напрямки досліджень з еміграціоністики російської наукової школи / Л.Р. Вєлілаєва // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – Житомир, 2014. – № 4(76). – С.265-269.

199. Матеріали й методичні рекомендації для спецкурсів, спецсемінарів і самостійної роботи магістрантів та аспірантів з лінгвістічних спеціальностей / Автор та упорядник М. О. Новикова. – Сімферополь-Луганськ: Альма-матер, 2007. – Вип. 1. – 91 с.

200. Новікова, О.В. Літературна критика російської еміграції 20 - 30-х рр. XX ст. Етико-естетичні і жанрово-стильові параметри: автореф. дис... канд. філол. наук: 10.01.02 / О.В. Новікова; Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка. – К., 2003. – 16 с.

201. Новикова, М. Міфи та місія / М. Новикова // К.: Дух і літера, 2005. – 432 с.

202. Новикова, М.А. Коментар / М.А. Новикова // Українські замовляння: Упорядн. Михайло Москаленко. – К.: Дніпро, 1993. – 307 с.

203. Нямцу, А.Є. Міф. Легенда. Література / А.Є. Нямцу. – Чернівці: «Рута», 2007. – 520 с.

204. Тулуп, Э.Р. Маловивчені питання біографії та творчості Роберта Генрісона (шотландське Середньовіччя) / Э.Р. Тулуп // Науково-дослідна робота молодих учених: стан, проблеми, перспективи: Мат-ли І Всеукр. наук.-практ. інтернет-конф. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2012. – 327 с.

205. Хінкіладзе, К.В. Розвиток ліричних жанрів у поезії російського зарубіжжя 1920-х - 1930-х років: автореф. дис... канд. філол. наук: 10.01.02 / К.В. Хінкіладзе. – Сімферополь., 2007. – 20 с.

206. A Companion to Scottish Culture / ed. by D. Daiches. – London: Edward Arnold, 1981. – 441 p.

207. Adams, I. Cargoes of despair and hope: Scottish emigration to North America, 1603-1803 / I. Adams, M. Somerville. – Edinburgh: J. Donald Publishers, 1993. – 258 p.

208. Anderson, A.O. Early Sources of Scottish History / A.O. Anderson. – 2 vols. – Vol. 1. – Edinburgh: Oliver & Boyd, 1922. – 604 p.

209. Beard, Ch.A. The history of the United States / Ch.A. Beard. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013. – 440 p.

210. Biber, D., Conrad, S. Register, genre, and style / D. Biber, S. Conrad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 344 p.

211. Black, G.F. Scotland's mark on America / G.F. Black. – New York: Scottish section of "America's making", 1921. – 126 p.

212. Boynton, P.H. A History of American Literature / P.H. Boynton. – Boston: Ginn and Company, 1919. – 513 p.

213. Brewer's Book of Myth and Legend. – London: Cassel Publishers Ltd., 1992. – 309 p.

214. Brown, L.J. Literature of Immigration and Racial Formation / L.J. Brown. – London: Taylor & Francis, 2004. – 160 p.

215. Bumsted, J.M. America, 1770-1815 / J.M. Bumsted. – Edinburgh: Edinburgh University Press; Winnipeg: University of Manitoba Press, 1982. – 305 p.

216. Bumsted, J. M. The people's clearance: Highland emigration to British North America 1770-1815 / J. M. Bumsted. – Edinburg: Edinburgh University Press, 1981. – 200 p.

217. Burton, J. H. The Scot Abroad / J. H. Burton. – Edinburgh, London: William Blackwood, 1883. – 488 p.

218. Butler, L.J. Britain and Empire. Adjusting to a Post-Imperial World / L.J. Butler. – London, New York: I. B.Tauris & Company, Limited, 2002. – 256 p.

219. Camden, W. Remains concerning Britain / W. Camden. – Toronto, Buffalo, London, 1984. – 464 p.

220. Cameron, V.R. Emigrants from Scotland to America, 1774-1775 / V.R. Cameron. – Baltimore: Southern Book Co., 1959. – 117 p.

221. Carruthers, G. Scottish literature / G. Carruthers. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 228 p.

222. Coldham, P.W. The Complete Book of Emigrants, 1607-1660 / P. W. Coldham. – Baltimore: Genealogical Publishing, 2009. – 178 p.

223. Contemporary Poetry and Contemporary Science / ed. by R. Crawford. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 251 p.

224. Craig, D. Scottish literature and the Scottish people. 1680-1830 / D. Craig. – London: Chatto & Windus, 1961. – 340 p.

225. Crawford, R. Scotland's Books: the Penguin History of Scottish Literature / R. Crawford. – London: Penguin, 2007. – 830 p.

226. Cultures of Empire. Colonizers in Britain and the Empire in the Nineteenth and Twentieth Century. A Reader / ed. by C. Hall. – New York: Taylor & Francis, 2000. – 400 p.

227. Daniels, R. Coming to America: A History of Immigration and Ethnicity in American Life / R. Daniels. – New York: Harper Collins, 2002. – 576 p.

228. Dixon, J.M. A survey of Scottish literature in the nineteenth century (with some reference to the eighteenth) / J.M. Dixon. – Berkeley, California, 1906. – 53 p.

229. Dobson, D. The original Scots colonists of early America, 1612-1783 / D. Dobson. – Baltimore: Genealogical Pub. Co., 1989. – 370 p.

230. Donaldson, G. The Scots overseas / G. Donaldson. – London: Hale, 1966. – 232 p.

231. Fender, S. Sea Changes: British Emigration and American Literature / S. Fender. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 416 p.

232. Fowler, A. A History of English Literature / A. Fowler. – Harvard: Harvard University Press, 1987. – 395 p.

233. Gardiner, L. The Love of Scotland / L. Gardiner. – London, 1992. – 96 p.

234. Gerber, D.A. American Immigration: A Very Short Introduction / D.A. Gerber. – Oxford, USA: Oxford University Press, 2011. – 160 p.

235. Haswell-Smith, H. The Scottish Isles / H. Haswell-Smith. – Edinburgh; New York; Melbourne, 2004. – 518 p.

236. Highlights of American Literature / ed. by Cure D. – Washington: Office of English Language Programs, 2005. – 288 p.

237. James, L. The Rise and Fall of the British Empire / L. James. – London: St. Martin's Press, 1997. – 720 p.

238. Kay, B. Scots: The Mither Tongue / B. Kay. – Edinburgh: Mainstream Publishing, 2006. – 192 p.

239. Keynes, S. Anglo-Saxon History: A Select Bibliography / S. Keynes. – Kalamazoo, Mich.: The Medieval Institute, Western Michigan University, 1998. – 138 p.

240. Lamont-Brown, R. Scottish Folklore / R. Lamont-Brown. – Edinburgh: Birlinn Publishers, 1996. – 154 p.

241. Law, J.D. Here and there in two hemispheres / J.D. Law. – Lancaster, the USA: The Home Publishing Company, 1903. – 467 p.

242. Lindsay, M. History of Scottish literature / M. Lindsay. – London: Robert Hale, 1977. – 512 p.

243. MacGregor, A. Life of Flora MacDonald and her Adventures with Prince Charles / A. MacGregor. – Inverness: A&W. Mackenzie, 1882. – 152 p.

244. MacMillan, D.S. Scotland and Australia 1788-1850: Emigration, Commerce and Investment / D.S. MacMillan. – Oxford: Clarendon Press, 1967.

245. Manning, S. Fragments of Union: Making Connections in Scottish and American Writing / S. Manning. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. – 339 p.

246. Millar, J.H. A Literary History of Scotland / J.H. Millar. – London: T. Fisher Unwin, 1903. – 703 p.

247. Modern Scottish Poets with biographical and critical notices / ed. by D.H. Edwards . – Brechin: D.H. Edwards, 1881. – In 16 vol. – V.2. – 384 p.

248. Modern Scottish Poets with biographical and critical notices / ed. by D.H. Edwards . – Brechin: D.H. Edwards, 1882. – In 16 vol. – Vol. 4. – 390 p.

249. Modern Scottish Poets with biographical and critical notices / ed. by D.H. Edwards. – Brechin: D.H. Edwards, 1883. – In 16 vol. – V.5. – 400 p.

250. Modern Scottish Poets with biographical and critical notices / ed. by D.H. Edwards. – Brechin: D.H. Edwards, 1883. – In 16 vol. –V. 6. – 403 p.

251. Modern Scottish Poets with biographical and critical notices / ed. by D.H. Edwards. – Brechin: D.H. Edwards, 1884. – In 16 vol. – V.7. – 383 p.

252. Modern Scottish Poets with biographical and critical notices / ed. by D.H. Edwards. – Brechin: D.H. Edwards, 1890. – In 16 vol. – V.13. – 407 p.

253. Modern Scottish Poets with biographical and critical notices / ed. by D.H. Edwards. – Brechin: D.H. Edwards, 1891. – In 16 vol. – V. 14. – 400 p.

254. Modern Scottish Poets with biographical and critical notices / ed. by D.H. Edwards. – Brechin: D.H. Edwards, 1893. – In 16 vol. – V.15. – 414 p.

255. New Immigrant Literatures in the United States / ed. by A. Knippling. – Santa Barbara: ABC-Clio, 1996. – 409 p.

256. O'Callaghan, B. An Illustrated history of the USA / B. O'Callaghan. – Edinburgh: Pearson Education Ltd., 2004. – 144 p.

257. Outline of U.S. History. – Bureau of International Information Programs, 2005. – 368 p.

258. Payant, K.B. Immigrant Experience In North American Literature / K.B. Payant, T. Rose (ed.). – Santa Barbara: ABC-Clio, 1999. – 220 p.

259. Porter, B. The Lions Share. A Short History of British Imperialism 1850–1995 / B. Porter. – Harlow, Essex: Pearson, 1996. – 432 p.

260. Reality Check: Is Brexit inevitable? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/news/av/uk-politics-uk-leaves-the-eu-40676514/reality-check-is-brexit-inevitable (дата обращения: 04.05.2017)

261. Ross, J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices / J.D. Ross. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p.

262. Ross, J.D. Random Sketches on Scottish Subjects / J.D. Ross. – London: Alexander Gardner, 1896. – 146 p.

263. Ross, P. Scot in America / P. Ross. – New York: The Raeburn book company, 1896. – 446 p.

264. Ross, J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices / J.D. Ross. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p.

265. Scotland: A History / ed. by J. Wormald. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 310 p.

266. Scotland and Europe, 1200-1850 / ed. by T. C. Smout. – BRILL, 1986. – 250 p.

267. Scots and Scots' descendants in America / ed. by D. MacDougall. – New York: Caledonian Publishing Company, 1917. – 390 p.

268. Scottish Emigration and Scottish Society / ed. by T.M. Devine. – Edinburgh, 1994. – 200 p.

269. Scott, T.A Possible Solution to the Scotch Problem / T. Scott. – Edinburgh: M. Macdonald, 1963. – 452 p.

270. Selected essays of Hugh MacDiarmid / ed. by D. Glen. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1970. – 252 p.

271. Smith, G.G. Scottish literature character & influence / G.G. Smith. – London: Macmillan and Co., 1919. – 296 p.

272. Smith, J.C. Some Characteristics of Scots Literature / J.C. Smith. – Oxford: Horace Hart, 1912. – 12 p.

273. Stevenson, R.L. Treasure Island / R.L. Stivenson. – Wisconsin: Whitman Publishing Company, 1955. – 237 p.

274. Swales, J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J. Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 274 p.

275. The American Tradition in Literature / ed. by Perkins B., Perkins G. – New York: McGraw-Hill, Inc., 1994. – 2115 p.

276. The Edinburgh History of the Scots Language / ed. C. Jones. – Edinburgh: University of Edinburgh Press, 1997. – 675 p.

277. The Edinburg History of Scottish Literature. Enlightenment, Britain and Empire / ed. by Brown I., Clancy O., Manning S. – Edinburg University Press, 2007. – In 3 vol. – Vol. 2. – 390 p.

278. The History of Scottish Literature / ed. by R. D. S. Jack; general ed. Cairns Craig. – Aberdeen: Aberdeen University Press, 1989. – Vol. 1: Origins to 1660. – 322 p.

279. The Norton Anthology of English Literature / ed. by Abrams M.H. – New York: W.W. Norton&Company, 1993. – 2586 p.

280. The poets and poetry of Scotland: from the earliest to the present time, comprising characteristic selections from the works of the more noteworthy Scottish poets; with biographical and critical notices / ed. by J.G. Wilson. – New York: Harper & brothers, 1876. – In 2 vol. – Vol. 2. – 560 p.

281. The Wallace: Introduction [Электронный ресурс] / ed. by A. McKim. – Режим доступа: http://www.lib.rochester.edu/camelot/teams/ wallint.htm/ (дата обращения: 29.05.2014)

282. Withers, Ch.W.J. Gaelic Scotland: The Transformation of a Culture Region / C.W.J. Withers. – London: Routledge, 1988. – 464 p.

Словари и энциклопедии:

283. Аверинцев, С.С. София-Логос: Словарь / Сергей Аверинцев; [сост., послесл.: Константин Сигов]. – 3-е вид. – К.: Дух і літера, 2007. — 650 с.

284. Адамчик, М.В. Мифы народов мира: энцикл. словарь / М.В. Адамчик. – М.: АСТ; Харвест, 2006. – 768 с.

285. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. Н. Н. Казанского и др. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. Степанова / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 453 с.

286. Блинова, О.И. Словарь терминов мотивологии / О.И. Блинова // Русская мотивология. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 13-47.

287. Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1969-1978.

288. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

289. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.

290. Кельтская мифология: энцикл. / Пер. с англ. С. Головой, А. Голова. – М.: Эксмо, 2002. – 639 с.: ил.

291. Кондрашов, А.П. Кто есть кто в Библии: популярный энцикл. словарь / А.П. Кондрашов. – М.: РИПОЛ классик, 2004. – 768 с.

292. Котерелл, А. Мифология: Античная. Кельтская. Северная: Энцикл. словарь: пер. с англ. / А. Котерелл. – Минск: Белфакс, 1999. – 256 с.

293. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. Николюкина А.Н. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 594.

294. Любкер, Ф. Реальный словарь классических древностей: В 3 т. / Ф. Любкер. – М.: Олма-Пресс, 2001. – Т. 1. – 576 с.

295. Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Наука, 1991. – 736 с.

296. Мифы народов мира: энцикл.: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энцикл., 1980. – Т. 1: А – К. – 672 с.: ил.; 1982. – Т. 2: К – Я. – 720 с.: ил.

297. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов: под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз, 1988. – 816 с.

298. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Изд-во Кулагиной, 2008. – 360 с.

299. Рыбакин, А.И. Словарь английских личных имен: 4000 имен. – 3-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2000. – 224 с.

300. Рыбакин, А.И. Словарь английских фамилий: Ок. 22 700 фамилий. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2000. – 576 с.

301. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст.: Свыше 35.000 значений: Более 70 000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 1582 с.

302. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под. ред. Г.Н. Скляревской. – Российская Академия наук, Институт лингвистических исследований, СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. – 701 с.

303. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Аделант», 2013. – 800с.

304. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964-1973. – Т. 1-4. – Т.1. – 562 с.; Т.2. – 671 с.; Т. 3. – 827 с.; Т.4. – 855 с.

305. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

306. Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.

307. Энциклопедия. Кельтская мифологи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.lib.ru/MIFS/kelty.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 04.08.2015)

308. American Folklore. An Encyclopedia / ed. by Brunvand J.H. – New York&London: Garland Publishing, Inc., 1996. – 794 p.

309. American Literature. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.britannica.com/art/American-literature/The-new-nation (дата обращения: 25.06.2015)

310. Cambridge advanced learner's dictionary. – 3rd edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1814 p.

311. Cuddon, J.A. A Dictionary of Literary Theory / J. A. Cuddon. – 3rd ed. – London: Penguin Books, 1991. – 633 p.

312. Dictionary of leisure, travel and tourism. – The 3rd edition. – London: A& C Black, 2006. – 378 p.

313. Encarta® World English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dictionary.msn.com/ (дата обращения: 01.06. 2014)

314. Johnson, S.A Dictionary of the English language: In 2 Vol. / S. Johnson. – 6th edition. – London: Samuel Johnson, LLD, 1776. – Vol. 1. – 1104 p., Vol. 2. – 1104 p.

315. Hornby, A.S. Oxford advanced learner's dictionary of current English / A. S. Hornby. – 7th edition. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 1715 p.

316. McGraw-Hill Dictionary of Scientific and Technical Terms / ed. by McGraw-Hill, S. P. Parker. – The 6th edition. – New York: McGraw-Hill Professional, 2002. – 2380 p.

317. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – 11th edition. – Merriam-Webster, Inc., 2003. – 1664 p.

318. Merriam-Webster Online / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.m-w.com/ (дата обращения: 27.12.2010)

319. Online Etymology Dictionary / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etymonline.com/ (дата обращения: 17.01.2012).

320. The American heritage dictionary of the English language / ed. by A.H. Soukhanov, D.A. Jost and others. – 3rd edition. – Houghton Mifflin Harcourt, 1992. – 2140 p.

321. The World Book Encyclopedia. In 22 vol. Vol. 10. – Chicago, London, Sydney, Toronto: World Book, Inc., 1994. – 526 p.

322. Webster's New World Dictionary of American English. – Cleveland&New York: Webster's New World, 1988. – 1574 p.

323. Weekly, E.M. A. An etymological dictionary of Modern English / E. M. A. Weekly. – London: Cambridge University Press, 1661 p.

Источники иллюстративного материала:

324. Шотландии кровавая луна: Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го) / М.А. Новикова (сост., пер., комм.). – Симферополь: СОНАТ; Крымский Архив, 2007. – 320 с.

325. Ainslie, H. A Hameward Hymn / Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. – New York: Redfield, 1855. – 216 p. – P. 137-138.

326. Ainslie, H. The Goud upon Charlie / Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. – New York: Redfield, 1855. – 216 p. – P. 132-133.

327. Ainslie, H. Morning sang / Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. – New York: Redfield, 1855. – 216 p. – P. 130-131.

328. Ainslie, H. The Knight O' Ellerslie / Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. – New York: Redfield, 1855. – 216 p. – P. 134-135.

329. Ainslie, H. The lads far awa / Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. – New York: Redfield, 1855. – 216 p. – P. 46.

330. Ainslie, H. The Last Look o' Hame / Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. – New York: Redfield, 1855. – 216 p. – P. 72-73.

331. Ainslie, H. The merry maids o' Scotland / Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. – New York: Redfield, 1855. – 216 p. – P. 125-126.

332. Anderson, W. Jamie's wee back room / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 358-359.

333. Anderson, W. Old Glory / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 353-354.

334. Anderson, W. Scotland Forever / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 360-361.

335. Anderson, W. There's nae land like old Scotland / / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 354-355.

336. Anderson, W. We’re a daft / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 356-358.

337. Crerar, D.M. Caledonia’s bluebells / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 30.

338. Crichton, J.D. Longfellow / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 194-195.

339. Crichton, J.D. The emigrant shepherd’s lament / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 198.

340. Crichton, J.D. The Garden of the Muses / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 197.

341. Henderson, D.M. A Charity Sermon / Henderson D.M. A bit bookie of verse in the English and Scots tongues. – Baltimore: University Book Store, 1905. – 131 p. – P. 27-28.

342. Henderson, D.M. An epistle to David Kennedy / Henderson D.M. Poems, Scottish and American. – Baltimore: Cushings and Bailey, 1888. – 139 p. – P. 83-85.

343. Henderson, D.M. Bonnie Baltimore / Henderson D.M. Poems, Scottish and American. – Baltimore: Cushings and Bailey, 1888. – 139 p. – P. 138-139.

344. Henderson, D.M. Clinton Bowen Fisk / Henderson D.M. A bit bookie of verse in the English and Scots tongues. – Baltimore: University Book Store, 1905. – 131 p. – P. 95.

345. Henderson, D.M. Columbia – Hail to Thee! / Henderson D.M. A bit bookie of verse in the English and Scots tongues. – Baltimore: University Book Store, 1905. – 131 p. – P. 93-94.

346. Henderson, D.M. Daisies in Baltimore / Henderson D.M. A bit bookie of verse in the English and Scots tongues. – Baltimore: University Book Store, 1905. – 131 p. – P. 47-52.

347. Henderson, D.M. Epistle to Andrew Carnegie / Henderson D.M. Poems, Scottish and American. – Baltimore: Cushings and Bailey, 1888. – 139 p. – P. 35-37.

348. Henderson, D.M. Flow'rs frae hame / Henderson D.M. Poems, Scottish and American. – Baltimore: Cushings and Bailey, 1888. – 139 p. – P. 14-15.

349. Henderson, D.M. Oh, lippen and be leal / Henderson D.M. Poems, Scottish and American. – Baltimore: Cushings and Bailey, 1888. – 139 p. – P. 16-17.

350. Henderson, D.M. Our Scottish Fern / Henderson D.M. Poems, Scottish and American. – Baltimore: Cushings and Bailey, 1888. – 139 p. – P. 38-41.

351. Henderson, D.M. Robert Louis Stevenson / Henderson D.M. A bit bookie of verse in the English and Scots tongues. – Baltimore: University Book Store, 1905. – 131 p. – P. 30.

352. Henderson, D.M. Sanct Andro, pity me! / Henderson D.M. A bit bookie of verse in the English and Scots tongues. – Baltimore: University Book Store, 1905. – 131 p. – P. 53-56.

353. Henderson, D.M. Scotland mine / Henderson D.M. Poems, Scottish and American. – Baltimore: Cushings and Bailey, 1888. – 139 p. – P. 65-67.

354. Henderson, D.M. Tennyson / Henderson D.M. A bit bookie of verse in the English and Scots tongues. – Baltimore: University Book Store, 1905. – 131 p. – P. 23.

355. Henderson, D.M. Thomas Carlyle / Henderson D.M. Poems, Scottish and American. – Baltimore: Cushings and Bailey, 1888. – 139 p. – P. 95-96.

356. Henderson, D.M. Wallace / Henderson D.M. A bit bookie of verse in the English and Scots tongues. – Baltimore: University Book Store, 1905. – 131 p. – P. 20-22.

357. Kennedy, J. Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 147-150.

358. Kennedy, J. Among the Catskill Mountains / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 83-84.

359. Kennedy, J. Among the Grampian Hills / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 81-82.

360. Kennedy, J. Auld Scotia in the field / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 42-43.

361. Kennedy, J. Lament on the departure of a British poet / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 59-61.

362. Kennedy, J. Noran Water / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 44-47.

363. Kennedy, J. Saint Andrew and the Haggis / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 55-56.

364. Kennedy, J. The Highlanders in Tennessee / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 9-34.

365. Kennedy, J. The Lecturer / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 96-98.

366. Kennedy, J. The Play-Actor / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 99-101.

367. Kennedy, J. The Quoit Players Actor / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 109-114.

368. Kennedy, J. The Refugees / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 71-76.

369. Kennedy, J. The Royal Scot / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 151-154.

370. Kennedy, J. The Songs of Scotland / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 68-70.

371. Kennedy, J. To my native land / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P.50-51.

372. Kennedy, J. To the Shade of Burns / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 66-67.

373. Kennedy, J. Whisky's awa / The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P. 40-41.

374. Latto, Th.C. When we were at the schule / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 13-14.

375. Law, J.D. At the laying of the Corner-Stone, New Caledonian Club Hall, of Philadelphia, U.S.A. / Law J.D. Dreams o' Hame and other Scotch poems. – London: Alexander Gardner, 306 p. – P. 114-117.

376. Law, J.D. Columbia – Caledonia / Law J.D. Lancaster – old and new. – Lancaster, 1902. – 34 p. – P. 1.

377. Law, J.D. Hurrah for Pensylvania! / Law J.D. Hurrah for Pensylvania! / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/stream/hurrahforpennsyl00lawj/hurrahforpennsyl00lawj_djvu.txt (дата обращения: 28.06.2014)

378. Law, J.D. In Memoriam Marriott Brosins / Law J.D. Lancaster – old and new. – Lancaster, 1902. – 34 p. – P. 3.

379. Law, J.D. Scotland for the Scots / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 221-224.

380. Law, J.D. The Woods o' Clova / Law J.D. Dreams o' Hame and other Scotch poems. – London: Alexander Gardner, 306 p. – P. 184-186.

381. Law, J.D. To Walt Whitman / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 213.

382. Lyle, W. A crack wi’ Bobby Ingersoll / / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 72-73.

383. Lyle, W. «Bonnie wee sprig o’ the dear purple heather…» / / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 71.

384. Lyle, W. The land of the heather / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 70.

385. Lyle, W. The murder at Holyrood / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 74-76.

386. Lyon, J. Confidence in God / Lyon J. The Harp of Zion, a collection of poems. – Liverpool, 1858. – 223 p. – P. 201.

387. MacCulloch, H. Anne Broch / MacCulloch H. From dawn to dusk. – Philadelphia: J.B. Lippincott Company, 1887. – 138 p. – P. 26-27.

388. MacCulloch, H. Centennial, 1876 / MacCulloch H. From dawn to dusk. – Philadelphia: J.B. Lippincott Company, 1887. – 138 p. – P. 73.

389. MacCulloch, H. Dinna forget / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 176-178.

390. MacCulloch, H. Thanksgiving Day / MacCulloch H. From dawn to dusk. – Philadelphia: J.B. Lippincott Company, 1887. – 138 p. – P. 65-66.

391. MacCulloch, H. The Farewell / MacCulloch H. From dawn to dusk. – Philadelphia: J.B. Lippincott Company, 1887. – 138 p. – P. 74.

392. MacCulloch, H. The Thistle / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P.181-182.

393. Machlachlan, A. God / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 154.

394. MacPherson, H. Genealogical / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 304-306.

395. MacPherson, H. P.B.S. / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 302.

396. MacPherson, H. Whilt thou forget / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 307.

397. MacPherson, P. Dark Culloden Day (April 16, 1746) / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 36-39.

398. MacPherson, P. Princess Louise of Lorne / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 46.

399. MacPherson, P. Scotia's Bard / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 39-41.

400. MacPherson, P. Scotland / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 33-35.

401. Massie, J. «Praise to the Bard, whose mighty hand…» / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 214-215.

402. McCallum, D.C. Be kind to the erring / McCallum D.C. The water-mill and other poems. – Brooklyn, 1870. – 64 p. – P. 39-40.

403. McCallum, D.C. Bessie dear / McCallum D.C. The water-mill and other poems. – Brooklyn, 1870. – 64 p. – P. 54-55.

404. McCallum, D.C. Soldier's Song of Freedom / McCallum D.C. The water-mill and other poems. – Brooklyn, 1870. – 64 p. – P. 52-53.

405. McLean, A. «Deep crimson, heather bloom…» / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 85.

406. McLean, A. The jewels of Blarney / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 86-87.

407. Modern Scottish Poets with biographical and critical notices / ed. by D.H. Edwards . – Brechin: D.H. Edwards, 1881. – In 16 vol. V.2. – 384 p., Vol. 4. – 390 p., V.5. – 400 p., V. 6. – 403 p., V.7. – 383 p., V.13. – 407 p., V. 14. – 400 p., V.15. – 414 p.

408. Moffat, J.C. Tamers of the ground / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 51.

409. Patterson, J. Dreaming / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 182.

410. Patterson, J. To a dead pet canary bird / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 180-181.

411. Patterson, J. Widow Campbell's appeal / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 183-184.

412. Ramsay, D. Auld Ruglin Brig / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 202-203.

413. Ramsay, D. The Daisy / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 206-207.

414. Ramsay, D. To Duncan MacGregor Crerar, poet / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 209.

415. Ross, A. Life / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 54-59.

416. Ross, A. The Vindication / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 59-60.

417. Ross, P. The Inch o' Perth / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 93.

418. Ross, P. Twa Scots / Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 89-91.

419. Scott, T. The Penguin book of Scottish Verse / Tom Scott // intro. and ed. T. Scott. – London: Penguin, 1976. – 519 p.

420. Taylor, M. Auld Kirk Alloway / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 150-151.

421. The Edinburgh Anthology of Scottish Literature / Ed. by R. Irvine. – Glasgow: Kennedy & Boyd, 2009. – Vol. I. – 414 p.

422. The Edinburgh Anthology of Scottish Literature / Ed. by R. Irvine. – Glasgow: Kennedy & Boyd, 2011. – Vol. II. – 312 p.

423. The Oxford Book of English Verse: 1250–1900. – Oxford, 1918. –1084 p.

424. True Thomas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kiplingsociety.co.uk/poems_thomas.htm (дата обращения: 25.07.2014)

425. Wanless, A. Our Mither Tongue / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 128-129.

426. Whittet, R. Home should be beautiful / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 116.

427. Wilson, W. Poems. – Poughkeepsie: Archibald Wilson, 1869. – 168 p.

428. Wilson, W. Poems. – Poughkeepsie: Archibald Wilson, 1875. – 212 p.

429. Wilson, W. Richard Coeur de Lion / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 81.

430. Wingfield, A. The Caledonian / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 142-143.

431. Wood, W.M. «Hail, O Fatherland, to thee!..» / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 123.

432. Wood, W.M. Thomas Guthrie / Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 122-123.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I.1.1.[1]

Табл. I.1.

Понятие «патриотизм»: исследовательские и критические подходы

№ п/п	Авторы	Подходы	Характеристики понятия	Возможность адаптации к диссертационному материалу
1.	Ешев М.А. [66], Калмыков В.В. [78], Мещерякова С.В. [109], Мусс Г.Н. [116], Толстой Л.Н. [158] и др.	Оценочный	Позитивные/ негативные/ амбивалентные.	Противоречит научному жанру диссертации. Крайне субъективен. Адаптация невозможна.
2.	Данилевский Н.Я. [60], Карманова Д.А. [80], Киреевский И.В. [83], Минаков В.А. [110], Погорелый А.П. [132], Самарин Ю.Ф. [141], Тихомиров Г.А. [156] и др.	Этно/ социофилософский	Национально ориентированные/ нейтральные.	Для шотландских ученых понятие не бывает нейтраленым никогда. Для американских ученых п. нейтрально редко. Адаптация возможна в очень малой мере.
3.	Соловьев В.С. [148], Флоренский В.П. [178] и др.	Религиозно-философский	Сакральные/ профанные.	Требует богословских аргументов. Не соответствует направлению диссертации. Адаптация возможна в очень малой мере.

[1] I цифра – номер главы, II – номер параграфа, III – номер таблицы.

4.	Дубровин В.Л. [62], Дырышева В.Л. [63], Луначарский А.В. [104] и др.	Социально-идеологический	Буржуазные/ пролетарские/ крестьянские/ дворянские и т.п. Консервативные/ прогрессивные.	Упрощает анализ. Не соответствует направлению диссертации. Адаптация возможна в очень малой мере.
5.	McDiarmid H. [270] Scott T. [269], Brexit Movement [260] и др.	Антиглобалистский	Совместимые/ несовместимые с европеизмом/ глобализмом.	Требует других методов исследования. Не соответствует направлению диссертации. Адаптация невозможна.
6.	Новикова М.А. [124, 201], Элиаде М. [192, 193] и др.	Мифологический	Типы патриотических мифов.	Адаптация возможна. Необходимы уточнения по текстам.
7.	Декленко Е.В. [61], Новикова М.А. [123, 201] и др.	Генетивный сопоставительный	Западноевропейское/ восточноевропейское (первоначальное) понимание термина.	Адаптация обязательна. Необходимы уточнения по содержанию понятия и по текстам.
8.	Словари разных типов [283, 286-289, 293-295. 301-306, 310, 311, 314-323]	Тезаурусный	Семантические/ этимологические компонента	Адаптация возможна и обязательна. Необходимы уточнения по теории (дефинитивный метод).
9.	Ноженко Е.В. [130] и др.	Семантический	Ядерные/ периферийные/	Адаптация возможна.

			маргинальные Инвариантные/ вариативные/ окказиональные.	Необходимы уточнения по текстам.
10.	Беспалова Т.В. [19], Бодрягин А.И. [20], Вдовина А.А. [24], Вятлев Д.Н. [46], Гасанова З.З. [49], Иванова С.Ю. [71], Кузнецова А.В. [93], Куликов С.П. [95], Лузик Н.П. [102], Лукинова И.А. [103], Мозговая Е.И. [113], Наливайченко И.В [118], Никова М.А. [121], Парашин А.Ю. [131], Ружа В.А. [140], Слукин С.В. [146], Тарасов Б.Ю. [152], Туманов А.И. [171], Шейко В.Н. [188] и др.	Социо/ этно/ историкокультурный	Детерминированность понятия «патриотизм» культурно-историческими условиями жизни данного общества/этническими особенностями данного народа.	Адаптация возможна и обязательна. Необходимы уточнения по фоновому/ вариативному содержанию и по текстам.

Табл. I.2.

Понятие «Родина»: исследовательские и критические подходы

№ п/п	Авторы	Подходы	Характеристики понятия	Возможность адаптации к диссертационному материалу
1.	Кожанов Д.А. [85], Свицова А.А. [143] и др.	Лингвокультурологи-ческий	Сходство/ различие концепта «Родина» в разных языках и разных культурах.	Не соответствует направлению диссертации. Адаптация возможна в очень малой мере.
2.	Головня А.И., Фан Минуй [53], Фомина З.Е. [179] и др.	Структурно-оппозиционный	Понятие (концепт) «Родина» в противопоставле-нии концепту «чужбина».	Адаптация возможна. Необходимы уточнения по содержанию понятия «чужбина» и текстам.
3.	Бартминьский Е. [10], Вежбицка А. [25], Колабинова Т.И. [86], Тер-Минасова С.Г. [155] и др.	Компаративный	Разная коннотация в разных лингвокультурных и социокультурных традициях.	Адаптация возможна. Необходимы уточнения по текстам.
4.	Воркачев С.Г. [44], Степанов Ю.С. [150], Телия В.Н. [153], Тюрин В.Б. [175] и др. и др.	Семантический	См. выше Табл. I.1., п. 10.	См. выше Табл. I.1., п. 10.
5.	Белова И.Б. [16], Игнатова Е.М. [75], Сандомирская И. [142] и др.	Идеологический	Детерминированность понятия идеологическими установками.	Малый интерес к эстетике. Адаптация возможна, однако в малой мере.

6.	Бабулевич С.Н. [8], Габдулина С.Ф. [47], Мукосеева Е.А. [115] и др.	Литературовед ческий	Специфика художественного воплощения в произведениях.	Адаптация возможна. Необходимы уточнения по текстам.
7.	Словари разных типов [283, 286-289, 293-295. 301-306, 310, 311, 314-323]	Тезаурусный	См. выше Табл. I.1., п. 9.	См. выше Табл.I.1., п. 9.

Табл. I.3.

Понятие «эмиграция»: исследовательские и критические подходы

№ п/п	Авторы	Подходы	Характеристики понятия	Возможность адаптации к диссертационному материалу
1.	Косован Е.А. [89], Кротова М.В. [92], Толочко А.В. [157], Турыгина Н.В. [172], Яцук Н.А. [196] и др.	Социально-идеологический	Политическая/ военная/ религиозная составляющие	Адаптация невозможна. Не вполне соответствует направлению диссертации.
2.	Белов Ф.Д. [17], Виноградова Е.В. [42] и др.	Социально-экономический	Экономическая составляющая (в т.ч. количественные показатели экономической ситуации).	Адаптация обязательна. Необходимы существенные уточнения по теории вопроса.
3.	Авдюшева Н.А. [1], Гуревич А.Л. [55], Климова О.Н. [84], Шалыгина Н.В. [186] и др.	Культурно-ценностный	В результате эмиграции формируется новая система культурных ценностей.	Адаптация обязательна. Необходимы существенные уточнения по теории вопроса.
4.	Лисовская Я.Н.	Лингвокультур -	Варьирование	Адаптация

	[99], Старостина С.А. [149] и др.	логический	коннотаций в условиях эмиграции.	возможна, однако лишь частичная. Необходимо учитывать литературоведчес-кое направление диссертациия.
5.	Словари разных типов [283, 286-289, 293-295. 301-306, 310, 311, 314-323]	Тезаурусный	См. выше Табл. I.1., п. 9.	См. выше Табл. I.1., п. 9.
6.	Азаров Ю.А. [2], Борисова Л.М. [21], Зиник З. [70], Кулешова О.В. [94], Лау Н.В. [97], Новикова М.А. [123, 124], Поршнева А.С. [133], Розинская О.В. [137] и др.	Литературовед-ческий	Появление эмиграционной литературы. Формы её текстуализации (хронотопные, сюжетно-персонажные, образные).	Адаптация возможна. Необходимы уточнения по текстам.

Табл. I.4.

Понятие «мотив»: исследовательские и критические подходы

№ п/п	Подходы	Авторы	Характеристики понятия	Возможность адаптации к диссертационному материалу
1.	Бем А.Л. [18], Веселовский А.Н. [39], Фрейденберг О.М. [180] и др.	Семантический	Мотив – текстовая семантическая целостная неразложимая единица,	Адаптация возможна, однако необходимы существенные уточнения по содержанию

			связанная с типами сюжетов.	каждого из компонентов понятия.
2.	Белецкий А.И. [14], Пропп В.Я. [135], Ярхо Б.И. [195] и др.	Функциональный (морфологический)	Взамен мотива вводится инвариантная форма реализации мотива – функция действующего лица.	Адаптация возможна, однако необходимы существенные уточнения по теории вопроса.
3.	Бальбуров Э.А. [9], Дандес А. [59], Путилов Б.Н. [136], Тамарченко Н.Д. [151], Тюпа В.И. [174], Шатин Ю.В. [187] и др.	Дихотомический	Дуалистичная природа мотива: 1) обобщенный инвариант всех вариантов мотива; 2) совокупность этих вариантов, выраженных в фабулах нарратива.	Адаптация возможна, однако определение рассчитано только на фабульные типы текстов. Необходимы существенные уточнения по теории вопроса.
4.	Краснов Г.В. [90], Криничная Н.А. [91], Левинтон Г.А. [98], Мелетинский Е.М. [106], Неклюдов С.Ю. [120], Путилов Б.Н. [136] и др.	Структурно-семантический	Одноактный микросюжет. В основе его лежит действие.	Адаптация возможна, но в малой мере. Необходимы уточнения по теории вопроса.
5.	Скафтымов А.П. [145], Томашевский Б.В. [159],	Тематический	Целостность, способность выражать тему всего текста	Адаптация возможна, но только к фабульным

	Шкловский В.Б. [190] и др.		(смысловой итог/резюме развития фабулы).	текстам. Необходимы уточнения по теории вопроса.
	Гаспаров Б.М. [50], Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. [68] и др.	Интертекстуальный	Любой элемент текста, содержательный или формальный. Его место в структуре текста рефренное, семантика не статична и не задана заранее. Она складывается по мере развёртывания этого текста.	Адаптация возможна. Необходимы уточнения по текстам.

Приложение I.2.1.

Шотландские поэты США (XIX в.): генерационный аспект

№ п/п	Фамилия, имя / имена	Годы рождения/смерти	Год эмиграции	Возраст эмиграции
1.	2.	3.	4.	5.
1790-е гг. рождения				
1.	Hew Ainslie (Хью Эйнсли)	1792-1878	1822	30 лет
1800-е гг. рождения				
2.	William Wilson (Вильям Вильсон)	1801-1860	1833	23 года
3.	John Lyon (Джон Лайон)	1803-1889	После 1853	≈ 50 лет
1810-е гг. рождения				
4.	James Clement Moffat (Джеймс К. Моффат)	1811-1890	1833	21 год
5.	Donald Craig McCallum (Дональд Крейг МакКаллум)	1815-1878	1832	17 лет
6.	Thomas C. Latto (Томас С. Латто)	1818-1894	1851	33 года
1820-е гг. рождения				
7.	Alexander Wingfield (Алекзандер Вингфилд)	1828-1896	1847	19 лет
8.	Alexander Maclachlan (Алекзандер МакЛаклан)	1820 (1818?)-1896	1840	20 лет
9.	William Lyle (Вильям Лайл)	1822-?[2]	После 1862	≈ 45 лет

[2] Данных не обнаружено.

1.	2.	3.	4.	5.
10.	Robert Whittet (Роберт Виттет)	1829-1908	1869	30 лет
11.	Andrew Wanless (Эндрю Ванлис)	1828-1898	1851	23 года
12.	Patrick Macpherson (Патрик Макферсон)	1829-?	1870	41 год
1830-е гг. рождения				
13.	John Patterson (Джон Паттерсон)	1831-?	1853	22 года
14.	John Massie (Джон Мэсси)	1833-?	1837	20 лет
15.	Archibald Ross (Арчибальд Росс)	1835-1914	1848	13 лет
16.	William Anderson (Вильям Андерсон)	1836-?,	1853	17 лет
17.	Duncan MacGregor Crerar (Дункан МакГрегор Крерар)	1836/1837-1916	1857	20 лет
1840-е гг. рождения				
18.	Hunter MacCulloch (Хантер МакКаллох)	1847-1905	1851	4 года
19.	William Macdonald Wood (Вильям МакДональд Вуд)	1847-?	1868	21 год
20.	Dr. Peter Ross (Питер Росс)	1847-1902	1873	26 лет
21.	James D. Crichton (Джеймс Крайтон)	1847-?	1880	33 года
22.	James Kennedy (Джеймс Кеннеди)	1848-1922	1869	21 год
23.	Andrew McLean (Эндрю МакЛин)	1848-?	1863?	14 лет
24.	Donald Ramsay (Дональд Рамсей)	1848-1892	1868	20 лет
1850-е гг. рождения				
25.	Malcolm Taylor, Jr. (Малькольм Тейлор)	1850-?	1860	10 лет

1.	2.	3.	4.	5.
26.	Daniel McIntyre Henderson (Даниель МакИнтайер Хендерсон)	1851-1906	1873	22 года
1860-е гг. рождения				
27.	Hector Macpherson (Гектор Макферсон)	1864-1935	После 1885	≈ 21 год
28.	James D. Law (James Duff) (Джеймс Д. Лоу)	1865-?	1886	21 год

Итого:

1. Всего поэтов: 28. Из них:
1.1. 1790-х гг. рождения: 1.
1.2. 1800-х гг. рождения: 2.
1.3. 1810-х гг. рождения: 3.
1.4. 1820-х гг. рождения: 6.
1.5. 1830-х гг. рождения:5.
1.6. 1840-х гг. рождения: 7.
1.7. 1850-х гг. рождения: 2.
1.8. 1860-х гг. рождения: 2[3].

Всего поэтов: 28. Из них эмигрировали в возрасте:

1.9. до 5 лет[4]: 1.
1.10. до 10 лет[4]: 1.
1.11. до 15 лет[4]: 2.
1.12. до 20 лет: 7.
1.13. до 30 лет: 11.
1.14. до 35 лет: 2.
1.15. до 40 лет: 1.
1.16. до 50 лет: 3.

---

[3] Не анализировались поэты 1870-х и более поздних гг. рождения, поскольку их творчество выходит за пределы XIX века.
[4] Эта группа поэтов стала эмигрантами не по собственному выбору, а по решению родителей.

Приложение I.2.2.

Шотландские поэты США (XIX в.): территориальный аспект

№ п/п	Фамилия, имя / имена, псевдоним	Место проживания	
		В Шотландии Графство/населенный пункт	В эмиграции Штат/населенный пункт
1.	2.	3.	4.
1.	Hew Ainslie (Хью Эйнсли)	Ayrshyre, Bargeny Mains (village)	1) Rensselaer County (farm), Hoosick; 2) Ohio, Cincinnati
2.	William Wilson (Вильям Вильсон)	Perthshyre, Crieff (town); 2) Perth; 3) Kinross	New York, Poughkeepsie
3.	John Lyon (Джон Лайон)	Glasgow	Utah, Salt Lake City
4.	James C. Moffat (Джеймс К. Моффат)	the South of Scotland, Glencree (village)	New York, Princeton
5.	Donald Craig McCallum (Дональд Крейг МакКаллум)	Renfrewhire, Johnstone (town)	New York, Rochester,
6.	Thomas C. Latto (Томас С. Латто)	Fifeshire, Kingsbarns (town)	New York, Brooklyn
7.	Robert Whittet (Роберт Виттет)	Perth	Virginia, Williamsburg
8.	Alexander Machlachlan (Алекзандер Маклаклан)[5]	Refrewshire, Johnstone (town)	Toronto

[5] В список включены отдельные поэты, подолгу жившие в США, но официально граждане Канады.

1.	2.	3.	4.
9.	William Lyle (Вильям Лайл)	Edinburg	New York, Rochester
10.	Alexander Wingfield (Алекзандер Вингфилд) [5]	Lanarkshire, Blantyre (town)	1) New York, 2) Ontario, Hamilton
11.	Andrew Wanless (Эндрю Ванлис) (Канада)[5]	Berwickshire, Longformacus (village)	Toronto (1851), Detroit (1861)
12.	Patrick Macpherson (Патрик Макферсон)	Nairnshire, Dam of Dulsie (village)	New York, New York
13.	John Patterson (Джон Паттерсон)	Inverness (town)	New York, New York
14.	John Massie (Джон Мэсси) [5]	Aberdeenshire, Frazerburgh (town)	Ontario, Colborne
15.	Archibald Ross (Арчибальд Росс) [5]	Charlottetown, Prince Edward Island (Canada)	1) Montreal, Brooklyn
16.	William Anderson (Вильям Андерсон)	Dumbarton shire, Duntocher (town)	New York, Auburn
17.	Duncan MacGregor Crerar (Дункан МакГрегор Крерар)	Perthshire, Amulree, Glenquaich (town)	1) Ontario; 2) Perth (Scotland)
18.	Hunter MacCulloch (Хантер МакКаллох)	Glasgow	Pennsylvania, Philadelphia

1.	2.	3.	4.
19.	William Macdonald Wood (Вильям Макдоналд Вуд)	Edinburgh	1) Louisiana, New Orleans; 2) New York, Brooklyn
20.	Dr. Peter Ross (Питер Росс)	Inverness	New York, New York
21.	James D. Crichton (Джеймс Крайтон)	Edinburgh	New York, Brooklyn
22.	James Kennedy (Джеймс Кеннеди)	Forfarshire, Carsegownie (town)	New York
23.	Andrew McLean (Эндрю МакЛин)	Dumbartonshire, Renton (village)	New York, Brooklyn
24.	Donald Ramsay (Дональд Рамсей)	Glasgow	1) New York; 2) Boston
25.	Malcolm Taylor, (Малькольм Тейлор)	Dundee (town)	New York
26.	Daniel McIntyre Henderson (Даниель МакИнтайер Хендерсон)	Glasgow	Maryland, Baltimore

1.	2.	3.	4.
27.	Hector Macpherson (Гектор Макферсон)	Rossshire, Tain (town)	New York
28.	James D. Law (James Duff) (Джеймс Д. Лоу)	West Aberdinshire, Lumsden (town)	New Jersey, Camden

Итого:

1. Всего поэтов: 27[6]. Из них из регионов Шотландии эмигрировали:
   - 1.1. С, С-В: 6.
   - 1.2. С-З: 3.
   - 1.3. Центр: 5.
   - 1.4. Ю, Ю-В: 8.
   - 1.5. Ю-З: 5.
   - 1.6. Острова:0.
2. В регионы США/Канады:
   - 2.1. С, С-В: 20.
   - 2.2. С-З: 0.
   - 2.3. Центр: 2.
   - 2.4. Ю, Ю-В: 5.
   - 2.5. Ю-З: 1.

[6]Арчибальд Росс был рожден в Канаде, однако также эмигрировал в США и жил там определенное время, поэтому в 1-й колонке его данные о рождении не учитывались, однако учитывались во 2-й.

Приложение I.2.3.

Генеалогический анализ имен и фамилий шотландских поэтов-эмигрантов США XIX века.

Судя по их вторым именам/фамилиям, поэты шотландской диаспоры США могли иметь:

1. *Кельтское происхождение*.

1) Крайтон (Crichton) > *гэльск.* граница + англосаксонск. крепость = крепость на границе [300, с. 134].

2) Кеннеди (Kennedy) > *ирландск.* сын/потомок безобразной головы [300, с. 260].

3) МакИнтайр (McIntyre) > *гэльск.* сын столяра, мастера по обработке дерева[300, с. 298].

4) МакКаллум (McCallum) > *гэльск.* сын голубя [300, с. 293].

5) МакКаллох (MacCulloch) > *гэльск.* сын медведя [300, с. 295].

6) МакФерсон (McPherson, вар. McFerson) > *гэльск*. сын священника [300, с. 302].

7) МакЛахлан (McLachlan) > *гэльск.* сын Лаклана [300, с. 300] > *гэльск*. Lachlan – страна фиордов или озёр, т.е. Скандинавия [299, с. 125].

8) МакЛин (McLean, вар. McLinn) > *гэльск.* Mac Giolla Eain-John, сын ученика Святого Иоанна [300, с. 300].

9) Росс (Ross) > *валлийск.* болото, пустошь [300, с. 390].

Дополнительно о кельтском происхождении свидетельствуют не фамилии, но имена некоторых поэтов (первое, или второе, или оба).

1) (Мак)Дональд (Donald) < *кельтск.* вода/река < *англосаксонск.* властелин мира, могущественный во все мире [299, с. 71].

2) Дункан (Duncan) > *гэльск.* смуглый воин [299, с. 73].

4) Малькольм (Malcolm) > *гэльск.* служитель Святого Колумбы [299, с. 137-138].

2. *Англо-саксонское и древнескандинавское происхождение.*

1) Эйнсли (Ainslie) > *англо-саксонск*. луг Ани [300, с. 42].

2) Эндерсон (Anderson) > *англо-саксонск*. сын Эндрю [300, с. 41, 58].

3) Лоу (Law) >*англо-саксонск*. курган, могильник [300, с. 273].

4) Паттерсон (Patterson) >*ср.англ*. сын священника [300, с. 349].

5) Рамси (Ramsey) > *англо-саксонск*. черемша + остров = черемшиный/луковый остров [300, с. 376].

6) Тейлор (Taylor) > *ср.-англ*. портной [300, с. 445].

7) Ванлес (Wanles) > *ср.-англ.* лишённый слабости [300, с. 574].

8) Вильсон (Wilson) > *англо-саксонск.* сын хитрости, уловки, или сын колодца, родника, ручейка [300, с. 574].

9) Вингфилд (Wingfield) > *др. скандинавск*. открытое место, поле, место боя [300, с. 575].

10) Вуд (Wood) > *др.-англ.* лес, дерево, корабль, древко копья [300, с. 575].

Этническую и/или конфессиональную характеристику поэтов по их фамилиям дополняет семантика их имён (первых и/или вторых).

1. Древнееврейские имена (позаимствованы из Библии; особенно популярны у протестантов).

1) Джеймс (James) > *др.-еврейск.* Иаков – один из 12-ти апостолов [299, с. 112].

2) Джон (John) > *др.-еврейск*. Бог даровал [299, с.118].

3) Дэниэль (Daniel) > *др.-еврейск*. Бог мой судья [299, с. 66].

2. Германские имена (когда-то языческие, затем имена первых крестившихся, «благоверных» князей и княгинь, позднее имена знати и воинов).

1) Арчибальд (Archibald) > *германск.* благородно доблестный [299, с. 39].

2) Вильям (William) > *германск.* волевой защитник [299, с.195].

3) Роберт (Robert) > *германск.* яркая слава [299, с. 168-169].

4) Хантер (Hunter) > *германск.* Охотник [299, с. 107].

5) Хью (Hugh) > *германск.* огонь, вдохновение [299, с. 107].

3. Греческие имена (как и латинские, – имена первых христианских святых).

1) Алекзандер, Александр (Alexander) > *греч.* защитник людей [299, с. 30].

2) Гектор (Hector) > *греч.* крепко держащий [299, с. 102].

3) Питер, Пётр (Peter) > *греч.* скала, камень [299, с. 161].

4) Томас, Фома (Thomas) > *греч.* Близнец [299, с. 186].

5) Эндрю, Андрей (Andrew) > *греч.* Мужественный [299, с. 36].

4. Латинские имена (первоначально имена раннехристианских святых).

1) Патрик (Patric) < *лат.* патриций [299, с. 158].

Приложение I.2.4.

Шотландские поэты США (XIX в.): эмиграционный аспект

№ п/п	Фамилия, имя / имена, псевдоним	Год эмиграции	Возраст
1.	2.	3.	4.
1820-е гг. эмиграции			
1.	Hew Ainslie (Хью Эйнсли)	1822	30 лет
		1830-е гг. эмиграции	
2.	Donald Craig McCallum (Дональд Крейг МакКаллум)	1832	17 лет
3.	William Wilson (Вильям Вильсон)	1833	23 года
4.	James C. Moffat (Джеймс К. Моффат)	1833	21 год
5.	John Massie (Джон Мэсси)	1837	4 года
1840-е гг. эмиграции			
6.	Alexander Maclachlan (Алекзандер МакЛаклан)	1840	20 лет
7.	Alexander Wingfield (Алекзандер Вингфилд)	1847	19 лет
8.	Archibald Ross (Арчибальд Росс)	Born in Canada	
1850-е гг. эмиграции			
9.	Thomas C. Latto (Томас С. Латто)	1851	33 года
10.	Andrew Wanless (Эндрю Ванлис)	1851	23 года

1.	2.	3.	4.
11.	Hunter MacCulloch (Хантер МакКаллох)	1851	4 года
12.	John Patterson (Джон Паттерсон)	1853	22 года
13.	William Anderson (Вильям Андерсон)	1853	17 лет
14.	Duncan MacGregor Crerar (Дункан МакГрегор Крерар)	1857	20 лет
15.	John Lyon (Джон Лайон)	После 1853	≈ 50 лет
1860-е гг. эмиграции			
16.	Malcolm Taylor, Jr. (Малькольм Тейлор)	1860	10 лет
17.	Andrew McLean (Эндрю МакЛин)	1863-1864	15-16 лет
18.	William Macdonald Wood (Вильям Макдоналд Вуд)	1868	21 год
19.	Donald Ramsay (Дональд Рамсей)	1868	20 лет
20.	R. Whittet (Роберт Виттет)	1869	49 лет
21.	James Kennedy (Джеймс Кеннеди)	1869	21 год
22.	William Lyle (Вильям Лайл)	После 1862	≈ 45 лет
1870-е гг. эмиграции			
23.	Patrick Macpherson (Патрик Макферсон)	1870	41 год
24.	Dr. Peter Ross (Питер Росс)	1873	26 лет
25.	Daniel McIntyre Henderson (Даниель МакИнтайер Хендерсон)	1873	22 года

1.	2.	3.	4.
1880-е гг. эмиграции			
26.	James D. Crichton (Джеймс Крайтон)	1880	33 года
27.	James D. Law (James Duff) (Джеймс Д. Лоу)	1886	21 год
28.	Hector Macpherson (Гектор Макферсон)	После 1885	≈ 21 год

Итого:

1. Всего поэтов: 28. Из них эмигрировали в годы:

1.1. 1820- е – 1.

1.2. 1830-е – 3.

1.3. 1840-е – 3.

1.4. 1850-е – 8.

1.5. 1860-е – 7.

1.6. 1870-е – 3.

1.7. 1880-е – 3[7].

---

[7] Учитывая примечание [3] (см. выше), данные таблицы исчерпываются 1880-е гг. эмиграции.

Приложение I.2.5.

Шотландские поэты США (XIX в.): социальный аспект

№ п/п	Фамилия, имя / имена, псевдоним	Социальный статус родителей (отца)	Профессия родителей (отца)	Социальный статус автора		Профессия автора (кроме литературной)	
				до эмиграции	после эмиграции	до эмиграции	после эмиграции
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
1.	Hew Ainslie (Хью Эйнсли)	Средний класс	Управляющий в поместье	1) Нижний; 2) Средний класс	1) Нижний; 2) Средний класс	1) Декоративное садоводство; 2) работа в государственном архиве	1) Фермерство; пивоваренная компания (менеджер)
2.	William Wilson (Вильям Вильсон)	Средний класс	Торговец (умер, когда автор был маленьким)	Средний класс	Верхний класс (издательское дело и продажа книг процветали)	Редактор газеты 2) Агентство по продаже	Данных не обнаружено.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
3.	John Lyon (Джон Лайон)	Нижний класс	Ткач	Средний класс	Средний класс	Религиозно-просветительская деятельность	Глава общины мормонов
4.	James C. Moffat (Джеймс К. Моффат)	Нижний класс	Данных не обнаружено	Нижний класс	Средний класс	Подмастерье в типографии	Профессор истории религии в теологической семинарии в Принстоне
5.	Donald Craig McCallum (Дональд Крейг МакКаллум)	Нижний класс	Портной	Нижний класс	Верхний класс (генерал-майор)	Портной	1) Плотник. 2) Управляющий железных дорог воинского назначения (во время Гражданской войны)

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
6.	Thomas C. Latto (Томас С. Латто)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Средний класс	Средний класс	Коммерсант.	Данных не обнаружено.
7.	Robert Whittet (Роберт Виттет)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Верхний средний класс	Младший партнер в книгоиздательстве	Данных не обнаружено.
8.	Alexander Machlachlan (Алекзандер Маклаклан)	Нижний класс	Ремесленник	Нижний класс	Нижний класс	Помощник портного	Подсобный рабочий на ферме
9.	William Lyle (Вильям Лайл)	Средний класс	Данных не обнаружено.	Средний класс	Средний класс	Наёмный рабочий	Данных не обнаружено.
10.	Alexander Wingfield (Алекзандер Вингфилд)	Средний класс	Данных не обнаружено.	Средний класс	Верхний средний класс	Рабочий на хлопчатобумажной фабрике	Руководитель таможенного управления
11.	Andrew Wanless (Эндрю Ванлис)	Нижний средний класс	Приходской учитель	Нижний класс	Нижний средний класс	Переплётчик	Продавец книг

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
12.	Patrick Macpherson (Патрик Макферсон)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Нижний класс	Нижний средний класс	Помощник продавца в книжном магазине	Менеджер по сбыту швейных машин и музыкальных инструментов
13.	John Patterson (Джон Паттерсон)	Нижний класс	Моряк	Нижний класс	Нижний класс	Продавец	Наборщик в типографии
14.	John Massie (Джон Мэсси)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Средний класс	1) Нижний средний класс; 2) Средний класс	Данных не обнаружено.	Учитель в приходской школе, врач
15.	Archibald Ross (Арчибальд Росс)	Нижний класс	Фермер	Данных не обнаружено.	Нижний средний класс	Данных не обнаружено.	Проповедник
16.	William Anderson (Вильям Андерсон)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Нижний класс	1) Средний класс 2) Верхний средний класс	Механик	1) Предприниматель; 2) Ольдермен

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
17.	Duncan MacGregor Crerar (Дункан МакГрегор Крерар)	Нижний средний класс	Проповедник	Данных не обнаружено.	1) Верхний нижний класс; 2) средний класс	Данных не обнаружено.	Журналист, зам. зав. отделом журнала
18.	Hunter MacCulloch (Хантер МакКаллох)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Средний класс	Средний класс	Данных не обнаружено.	Оптовый торговец галантерейных товаров.
19.	William Macdonald Wood (Вильям Макдоналд Вуд)	Нижний класс	Типограф	Нижний класс	Верхний класс	Помощник типографа в издательской фирме	См. Прил. I.2.6.
20.	Dr. Peter Ross (Питер Росс)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Нижний класс	Средний класс	Подмастерье в церковном издательстве	См. Прил. I.2.6.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
21.	James D. Crichton (Джеймс Крайтон)	Верхний класс	Крупный землевладелец	Верхний класс; 2) После разорения отца – нижний класс	1) Нижний класс; 2) Средний класс: 3) Нижний класс	1) Преподаватель 2) журналист; 3) редактор журналов	Помощ-ник библиоте-каря
22.	James Kennedy (Джеймс Кеннеди)	Средний класс	Подрядчик в каменоломне	Средний класс	1) Нижний класс; 2) Средний класс	Слесарь	Проектировщик железных дорог
23.	Andrew McLean (Эндрю МакЛин)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Нижний класс	Средний класс	Подмастерье плотника	См. Прил. I.2.6.
24.	Donald Ramsay (Дональд Рамсей)	Нижний класс	Отец – рабочий	Нижний класс	Средний класс	Типограф	См. Прил. I.2.6.
25.	Malcolm Taylor, Jr. (Малькольм Тейлор)	Нижний средний класс	1) Регент церковного хора; 2) Руководитель городского хора	Средний класс	Средний класс	Коммерсант	См. Прил. I.2.6.
26.	Daniel McIntyre Henderson (Даниель МакИнтайер	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Нижний класс	Нижний класс	Счетовод	Счетовод

	Хендерсон)						
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
27.	Hector Macpherson (Гектор Макферсон)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Средний класс	Средний класс	См. Прил. I.2.6.	См. Прил. I.2.6.
28.	James D. Law (James Duff) (Джеймс Д. Лоу)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Нижний класс	Средний класс	Конторщик по работе с имуществом	Ключевая должность в компании обрабатывающей промышленности, Филадельфия

Итого:

1. Всего поэтов: 28. Их родители (отец) относились к:
1.1. Верхнему нижнему классу: 0.
1.2. Нижнему классу: 8.
1.3. Верхнему среднему классу: 0.
1.4. Среднему классу: 5.
1.5. Нижнему среднему классу: 3.
1.6. Верхнему классу: 1.
1.7. Данных не обнаружено: 11.

2. Сами авторы до эмиграции относились к:
2.1. Верхнему нижнему классу: 0.
2.2. Нижнему классу: 14.
2.3. Верхнему среднему классу: 0.
2.4. Среднему классу: 11
2.5. Нижнему среднему классу: 0.
2.6. Верхнему классу: 0.
2.7. Данных не обнаружено: 3.

3. После эмиграции они относились к:
3.1. Верхнему нижнему классу:
3.2. Нижнему классу: 5.
3.3. Верхнему среднему классу: 3.
3.4. Среднему классу: 15.
3.5. Нижнему среднему классу: 3.
3.6. Верхнему классу: 2.
3.7. Данных не обнаружено: 0.

Приложение I.2.6.

Шотландские поэты США (XIX в.): литературный аспект

№ п/п	Фамилия, имя / имена, псевдоним	Литературная деятельность в Шотландии / в эмиграции[8]				
		Книгоиздательство, библиотечное дело	Книготорговля	Журналистика	Литературн. критика	Художественная литература
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
1.	Hew Ainslie (Хью Эйнсли)					+ / +
2.	William Wilson (Вильям Вильсон)	/ +	/ +	+ /		+/ +
3.	John Lyon (Джон Лайон)					+ / +
4.	James C. Moffat (Джеймс Моффат)					+ / +
5.	Donald Craig McCallum (Дональд Крейг МакКаллум)					+ / +
6.	Thomas C. Latto (Томас С. Латто)				+ / +	+ / +
7.	R. Whittet (Роберт Виттет)	/ +	/ +			+ / +
8.	Alexander Maclachlan (Алекзандер Маклаклан)					+ / +
9.	William Lyle (Вильям Лайл)					+ / +
10.	Alexander Wingfield (Алекзандер Вингфилд)					+ / +

[8] В Таблице для обозначения литературной деятельности в Шотландии используется +/ , для обозначения литературной деятельности в эмиграции – /+. Если автор занимался одним из видов литературной деятельности и в Шотландии, и в эмиграции, это обозначено +/+.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
11.	Andrew Wanless (Эндрю Ванлис)	+ / +				+ / +
12.	Patrick Macpherson (Патрик Макферсон)		+ /			+ / +
13.	John Patterson (Джон Паттерсон)	/ +				+ /
14.	John Massie (Джон Мэсси)					/ +
15.	Archibald Ross (Арчибальд Росс) (born in Canada)					+
16.	William Anderson (Вильям Андерсон)					+ / +
17.	Duncan MacGregor Crerar (Дункан МакГрегор Крерар)				+ / +	+ / +
18.	Hunter MacCulloch (Хантер МакКаллох)	/ +		/ +		/ +
19.	William Macdonald Wood (Вильям МакДональд Вуд)	+ /		/ +		+ / +
20.	Dr. Peter Ross (Питер Росс)	+/		+/ +	/ +	+ / +
21.	James D. Crichton (Джеймс Крайтон)	+ / +	/ +	+ /		+ / +
22.	James Kennedy (Джеймс Кеннеди)					+ / +
23.	Andrew McLean (Эндрю МакЛин)			+ / +		+ / +
24.	Donald Ramsay (Дональд Рамсей)	/ +				+ / +
25.	Malcolm Taylor, Jr. (Малькольм Тейлор)					/ +

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
26.	Daniel McIntyre Henderson (Даниель МакИнтайер Хендерсон)					+ / +
27.	Hector Macpherson (Гектор Макферсон)				+ / +	+ / +
28.	James D. Law (James Duff) (Джеймс Д. Лоу)				/+	+ / +

Итого:

1. В Шотландии занимались:

1.1. Книгоиздательством – 4.

1.2. Книготорговлей – 1.

1.3. Журналистикой – 4.

1.4. Литературной критикой – 3.

1.5. Собственно литературной деятельностью – 25.

2. 1. В эмиграции занимались:

1.1. Книгоиздательством – 7.

1.2. Книготорговлей – 3.

1.3. Журналистикой – 4.

1.4. Литературной критикой – 5.

1.5. Собственно литературной деятельностью – 28.

Приложение I.3.1.

Шотландские поэты США (XIX в.): образовательный аспект

№ п/п	Фамилия, имя / имена, псевдоним	Образование					
		В Шотландии			В эмиграции		
		низшее	среднее	высшее	низшее	среднее	высшее
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
1.	Hew Ainslie (Хью Эйнсли)	Нет.	Нет.	Высшее (1) Ayr Academy; 2) юриспруденция, Glasgow);	Нет.	Нет.	Нет.
2.	William Wilson (Вильям Вильсон)	Не оконченное в связи с потерей отца.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
3.	John Lyon (Джон Лайон)	Сам научился читать в возрасте 25 лет	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
4.	James C. Moffat (James Clement) (Джеймс К. Моффат)	Низшее (самообразование)	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Высшее (Профессор истории религии, преподаватель греческого и латинского языков в университете)

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
5.	Donald Craig McCallum (Дональд Крейг МакКаллум)	Портной	Нет.	Нет.	Нет.	Среднее, вечерняя школа	Изобрел особый вид жестких арочных мостов
6.	Thomas C. Latto (Томас С. Латто)	Нет.	Нет.	Высшее, Университет Св. Эндрю	Нет.	Нет.	Нет.
7.	Robert Whittet (Роберт Виттет)	Нет.	Специальное; самообразование	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
8.	Alexander Machlachlan (Алекзандер Маклаклан)	Занимался самообразованием, т.к. рано лишился отца и стал подмастерьем портного	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
9.	William Lyle (Вильям Лайл)	Рабочая профессия	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
10.	Alexander Wingfield (Алекзандер Вингфилд) Канада	Неполное общее среднее образование. С 10-ти лет уже работал на фабрике	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
11.	Andrew Wanless (Эндрю Ванлис)	Нет.	1) Среднее общее; 2) Школа Искусств	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
12.	Patrick Macpherson (Патрик Макферсон)	Подсобник	Нет.	Высшее Лондонский политехнический институт	Нет.	Нет.	Нет.
13.	John Patterson (Джон Паттерсон)	Школа подмастерьев	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
14.	John Massie (Джон Мэсси)	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Университет Квин в Кингстоне.
15.	(Арчибальд Росс)	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Колледж Квин в Кингстоне.	Нет.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
16.	William Anderson (Вильям Андерсон)	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.	Данных не обнаружено.
17.	Duncan MacGregor Crerar (Дункан МакГрегор Крерар)	Нет.	Получил хорошее среднее; готовился стать священником	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
18.	Hunter MacCulloch (Хантер МакКаллох)	Нет.	Нет.	Нет.	Слесарь	Нет.	Нет.
19.	William Macdonald Wood (Вильям Макдоналд Вуд)	Типограф.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
20.	Dr. Peter Ross (Питер Росс)	Наборщик в типографии.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
21.	James D. Crichton (Джеймс Крайтон)	Нет.	Нет.	Высшее 1) Queen's Street Institute (Edinburg), 2) Edinburg University	Нет.	Нет.	Нет.
22.	James Kennedy (Джеймс Кеннеди)	Слесарь.	Нет.	Нет.	Литературные курсы.	Нет.	Нет.
23.	Andrew McLean (Эндрю МакЛин)	Школа подмастерьев	Нет.	Нет.	Торговый колледж.	Нет.	Нет.
24.	Donald Ramsay (Дональд Рамсей)	Школа подмастерьев	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
25.	Malcolm Taylor, Jr. (Малькольм Тейлор)	Водопроводн. дело.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
26.	Daniel McIntyre Henderson (Даниель МакИнтайер Хендерсон)	Нет.	Среднее; обучение оптовой продаже	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
27.	Hector Macpherson (Гектор Макферсон)	Рабочий в текстильной промышленности	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.
28.	James D. Law (James Duff) (Джеймс Д. Лоу)		Ученик-практикант старших классов, готовящийся к поступлению в педагогический институт.				

Итого:

1. Всего поэтов: 28. В Шотландии образование получили:

1.1 Высшее: 4

1.2. Среднее: 5

1.3. Низшее: 15

1.4. Данных нет: 4

2. В эмиграции образование получили:

2.2. Высшее: 3

2.3. Среднее: 2

2.4. Низшее: 3

2.5. Данных нет: 0

Приложение II.

Биографии шотландских поэтов-эмигрантов в США XIX в.

Хью Эйнсли

Родился Хью Энсли (Hew Ainslie, 1792-1878) в д. Баргени Мейнз (Bargeny Mains), графство Эйршир. Отец будущего поэта служил управляющим. В детстве и юности Х.Э. пришлось получить разные виды тогдашнего образования в Шотландии. Сначала у него был домашний учитель. Потом его сменила церковно-приходская школа в Баллантре (Ballantrae) и, наконец, Академия в Эйре (общеобразовательная школа для детей с 11 до 18 лет, существует с 1233 г.). Х.Э. начал работать флористом, затем клерком. После переезда в США (1822 г.) работал на фирме. Параллельно стал заниматься журналистской и литературной деятельностью. Умер в г. Луисвилле, штат Кентукки, в 1878 г.

Автор поэтических сборников «A Pilgrimage to the Land of Burns» («Паломничество в страну Бёрнса») (London, 1822), «Scottish songs, ballads, and poems» («Шотландские песни, баллады и стихотворения») (New York, 1855), а также многих стихотворений, опубликованных в сборниках («Whistle Binkie», (Glasgow, 1848); «Gems of Scottish Poetry» (Boston, 1894)).

Вильям Вильсон

Родился Вильям Вильсон (William Wilson, 1801-1860) в г. Криф (Crieff). С десяти лет начал писать стихи. На его творчество и убеждения большое влияние оказала мать, патриотка Шотландии, знавшая множество якобитских песен и баллад и любившая их петь. В 22 года В.В. уже стал редактором газеты «Literary Olio» в большом городе Данди. Через несколько лет переехал в Эдинбург, где открыл собственное коммерческое агентство, продолжая печатать свои стихотворения, теперь уже в эдинбургском журнале «Literary Journal». В 1833 году переехал в США, в небольшой городок Покипси штата Нью-Йорк. Там он занимался книготорговлей и книгоиздательством. Умер в Покипси в 1860 г.

Автор поэтического сборника «Poems» («Стихотворения») (Poughkeepsie, 1869), вышедшего посмертно

Джон Лайон

Родился Джон Лайон (John Lyon, 1803-1889) в бедной и малограмотной семье, во втором по величине городе Шотландии, промышленном Глазго. С 9 лет мальчик уже работал подмастерьем ткача. Позже семья переезжает в достаточно крупный город Килмарнок (Kilmarnock). Читать научился Д.Л. только в 25 лет. До 1840-х гг. успел проработать в нескольких издательствах и заняться составлением антологий. В 1844 г. стал служителем Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (наиболее крупная ветвь в мормонстве, иногда их называют «мормонами»). Первое стихотворение было опубликовано в 1845 г. в мормонской газете «Millennial Star». После 1853 года переезжает в США, в штат Юта. В 1872 г. становится патриархом (главой прихода) мормонов.

Автор поэтического сборника «The Harp of Zion, a collection of poems» («Арфа Сиона») (Liverpool, 1858) и стихов, печатавшихся в «The Ayr Advertiser», «The Kilmarnock Chronicle», «The Witness» (Scotland), а также в «Deseret News», «The Mountaineer», «The Mormon», «The Contributor», «Tullidge's Quarterly Magazine» (the USA).

Джеймс К. Моффат

Родился Джеймс К. Моффат (James Clement Moffat, 1811-1890) в д. Гленкри (Glencree) в трудолюбивой сельской семье. Очень рано начал зарабатывать на жизнь подпаском. В 16 лет поступил на работу в типографию, чтобы иметь бесплатный доступ к книгам. В свободное время самостоятельно изучил латынь, древнегреческий, иврит, отчасти персидский и несколько новоевропейских языков. После переезда в Нью-Йорк в 1833 г. Дж.К.М. поступил в младший класс колледжа Нью-Джерси и закончил его через 2 года. Работал преподавателем древнегреческого в том же Принстоне (самом престижном, после Гарварда, учебном заведении США) до 1839 г. В 1839 г. стал штатным преподавателем колледжа Лаффайет, а через 2 года – университета Майями. Преподавал древнегреческий и латынь. Вернулся в Принстонский колледж в 1853 г. и возглавил кафедру древнегреческого языка. С 1861 г. избран зав. кафедрой

истории Церкви в принстонской Духовной семинарии. Умер в Принстоне в 1890 г.

Автор поэтических сборников «A Rhyme of the North Countrie» («Поэзия Северной страны») (Cincinnati, 1847); «Song and Scenery, or a Summer Ramble in Scotland» («Песня и природа, или Летняя прогулка по Шотландии») (New York, 1874) и стихотворений, опубликованный в «Princeton Review» (the USA). Также имеет труды по истории Церкви («Outlines of Church History» (Princeton, 1877); «The Church in Scotland» (Philadelphia, 1882); «A comparative history of religions» (New York, 1889)).

Дональд Крейг МакКаллум

Дональд К. МакКаллум (Donald Craig McCallum, 1815-1878) родился в г. Джонстоне, графство Ренфрушир (Johnstone, Renfrewshire), в семье портного. В 1832 г., когда Д.К.МК. было 19 лет, вся семья эмигрировала в США в г. Рочестер, штат Нью-Йорк. Не захотев продолжать ремесло отца, Д.К.МК. изучил в Канаде столярное дело, а по вечерам занимался математикой и инженерным проектированием. После возвращения в Рочестер открыл собственную фирму. В 1851 г. изобрел новый тип мостов (жесткий сквозной арочный). Во время Гражданской войны в США (1861-1865) был назначен начальником железных дорог для перевозок военных в чине полковника. Умер в 1878 г.

Автор поэтического сборника «The Water-mill and Other Poems» («Водяная мельница и другие стихотворения») (Brooklyn, 1870).

Томас К. Латто

Родился Томас К. Латто (Thomas C. Latto, 1818-1894) в городке Кингстобарнсе, графство Файф (Kingstonbarns, Fifeshire). Учился в старинном Свято-Андреевском Университете. Занимался торговлей. Ещё в Шотландии сблизился с литературными кругами Эдинбурга (Дж. Хогг, Дж. Балланти, Г.С. Риддл и др.). В 1851 г. переехал в Нью-Йорк. Печатал свои стихотворения в популярных периодических изданиях и сборниках как Шотландии («Whistle

Binkie», «The Ladies' Own Journal», «Blackie's Book of Scottish Song», «The Glasgow Citizen»), так и США («New York Weekly Dispatch»). Умер в 1894 г.

Автор поэтических сборников «The Minister's Kail-Yard and other poems» («Огород (точный перевод: капустные грядки) священника и другие стихотворения») (Edingburg, London, Glasgow, 1865).

Роберт Виттет

Родился Роберт Виттет (Robert Whittet, 1829-1908) в Перте (Perth), одной из самых старинных столиц Шотландии. Занимался книгопечатаньем в Абердине и Эдинбурге. В 1869 г. приобрел в штате Вирджиния (США) неподалеку от городке Вильямсбурга плантацию в 400 акров (160 га) земли. Однако позже переехал в более крупный город Ричмонд, где продолжил свою книгоиздательскую деятельность, стал компаньоном в издательской фирме. Умер в 1908 г.

Автор поэтических сборников «The Brighter side of suffering and other poems» («Светлая сторона страданий, и другие стихотворения») (Richmond, 1882), «Sonnets, mostly on Scripture themes, with a few other poems» («Сонеты, преимущественно на Библейские темы, и несколько других стихотворений») (Richmond, 1900).

Алекзандер МакЛаклан

Александер МакЛаклан (Alexander Machlachlan, 1820-1896) родился в городе Джонстоне, графство Ренфрушир (Johnstone, Renfrewshire) в семье ремесленника. Рано остался без отца, работал учеником портного. С детства увлекался поэзией лирикой, занимался самообразованием. Особенно интересовался творчеством поэтов-чартистов. В 1840 г. эмигрировал в Канаду, стал фермером. Наезжал в США. Умер в 1896 г.

Автор поэтических сборников «Lyrics» («Лирика») (Toronto, 1858), «Emigrant and other poems» («Эмигрант и другие стихотворения») (Toronto, 1861), «Poems and songs» («Стихотворения и песни») (Toronto, 1874).

Вильям Лайл

Вильям Лайл (William Lyle, 1822-?) – уроженец Эдинбурга. Рано осиротел и в 12 лет вместе с матерью переехал в г. Глазго. Там становится подмастерьем гончара. Постоянно занимается самообразованием. В 1862 г. уезжает на заработки, сначала в Англию, а в середине 1860-х годов в США: в г. Рочестер, штат Нью-Йорк. Долгое время был поэтом-лауреатом (поэт, который откликается от имени Общества на памятные события) Шотландского общества в Рочестере.

Автор поэтического сборника «The Martyr Queen and other poems» («Королева-мученица и другие стихотворения»).

Алекзандер Вингфилд

Алекзандер Вингфилд (Alexander Wingfield, 1828-1896) родился в г. Блэнтри, графство Ланаркшир (Blantyre, Lanarkshire). Вскоре семья переехала в г. Глазго. Там с 10-летнего Алекзандер работает на хлопчатобумажной фабрике. В 1847 г. он эмигрирует в г. Оберн (Auburn, штат Нью-Йорк). Однако через три года А.В. переезжает в г. Гамильтон (Канада), где устраивается работать механиком на железной дороге. Позже он становится руководителем местного таможенного управления. Умер в г. Гамильтон в 1896 г.

Автор поэтического сборника «Poems and songs in Scotch and English» («Стихотворения и песни на шотландском и английском языках») (Hamilton, 1873).

Эндрю Ванлис

Эндрю Ванлис (Andrew Wanless, 1824-1898) родился в деревне Лонгформакусе, Бервикшир (Longformacus, Berwickshire). Отец будущего поэта закончил Эдинбургский университет, работал учителем в церковно-приходской школе. Сын окончил эту школу и был отправлен отцом в г. Данди для обучения переплётному делу. Однако сам Э.В. переезжает позже в Эдинбург. Там он заводит дружбу с представителями литературной и научной интеллигенции (профессором Вильсон (литературный критик, писатель), Хью Миллер (писатель,

фольклорист), Роберт Чемберс (издатель), Лорд Генри Кокберн (публицист) и др.). В 1851 г. Э.В. эмигрировал в Канаду. В г. Торонто он открыл собственное переплетное дело. Активно печатался в прессе («New York Scotsman», «Edinburg Scotsman», «Detroit Free Press»). В 1861 г. переехал в США, в г. Детройт, где занялся книгоиздательством.

Автор поэтических сборников «Scotch and Canadian rhymes and songs» («Шотландские и канадские стихи и песни») (Toronto, 1857), «Poems&songs, mostly Scotch» («Стихотворения и песни, преимущественно на шотландском языке») (Detroit, 1873), «Scetches and anecdotes» («Картины с натуры и анекдоты») (Detroit, 1891),

Патрик МакФерсон

Патрик МакФерсон (Patrick MacPherson, 1829-1890) – уроженец деревни Дэма, графство Нэншир (Dam of Duslie, Nairnshire). Оставшись без отца, семья в 1836 г. переезжает в другой город Форрес, графство Морешир (Forres, Morayshire). С 1841 г. работает продавцом в книжном магазине. Хозяин магазина был бывшим директором школы; он разрешал П.МФ. читать книги, выставленные на продажу, и обучал Патрика латыни и некоторым другим предметам. Когда хозяин магазина умер, Патрик перешел работать в обувной магазин. С 18 лет юноша публикует свои стихотворения и статьи. В 1851 г. он переезжает в Эдинбург, затем в Лондон. В столице П.МФ. посещает курсы математики, химии и практической механики в Королевском политехническом институте. Патрик эмигрирует в Нью-Йорк в 1870 году. Там он работает продавцом швейных машин и музыкальных инструментов. Становится членом Нью-Йоркского Каледонского (Шотландского) клуба. Умер в г. Нью-Йорк в 1890 г.

Печатался в Нью-Йоркских газетах.

Джон Паттерсон

Джон Паттерсон (John Patterson, 1831-?) родился в г. Инвернессе (Inverness)в в семье моряка. Закончив школу, начал работать подмастерьем в типографии. В

22 года переехал в г. Глазго. Позже уехал в США, где поселился в Нью-Йорке (1853). Там он продолжал работать в типографии. Регулярно публиковал свои стихотворения в «New York Scotsman». Более 20 лет Дж. Паттерсон являлся членом Нью-Йоркского Каледонского клуба.

Печатал свои стихотворения в периодике («New York Scotsman»).

Джон Мэсси

Джон Мэсси (Dr. John Massie, 1833-?) – уроженец г. Фрэйзбурга, графство Абердиншир (Frazeburgh, Aberdeenshire). В 1837 г. семья переезжает в Канаду в г. Кингстоун. Через несколько лет они переселяются на ферму, неподалеку от г. Сеймур. В 26 лет Дж.М. начал преподавать в общеобразовательной школе в деревне Каслтон (Castleton). Затем вынужден был по состоянию здоровья оставить работу учителя и вернулся на ферму к родителям. Дома Дж.М. начинает всерьез заниматься поэтической деятельностью. Кроме того, он изучает медицину, и в 1865 г. заканчивает Университет Квин (Queen's University) в г. Кингстоне.

Печатает свои стихотворения в газете «Montreal Witness».

Арчибальд Росс

Арчибальд Росс (Archibald Ross, 1835-1914) родился в г. Шарлоттауне на острове Принца Эдуарда в Канаде (Charlottetown, Prince Edward Island). В 13 лет стал подмастерьем в типографии г. Монреаля. Позже А.Р. взялся за изучение теологии в колледже Квин в г. Кингстоне. Затем переезжает в Бруклин, г. Нью-Йорк, в США (1876). У А.Р. сложилась репутация хорошего поэта и проповедника.

Автор поэтического сборника: «Duty and Other Poems» («Обязанность и другие стихотворения») (New York, 1901).

Вильям Эндерсон

Вильям Эндерсон (William Anderson, 1836-?) – уроженец г. Данточера, графство Дамбартоншир (Duntocher, Dumbartonshire). В 1853 г. семья переехала в г. Оберн, штат Нью-Йорк. В.А. работал механиком, промышленным рабочим, участвовал в Гражданской войне 1861-1865 гг. на стороне северян. Избирался членом городского совета г. Оберн. Несколько лет возглавлял благотворительную организацию. Являлся главой и основателем (1870) отделения Каледонского (Шотландского) клуба в г. Оберн. Был также Президентом и секретарем Североамериканской Ассоциации Каледонцев.

Дункан Мак Грегор Крерар

Родился Дункан МакГрегор Крерар (Duncan MacGregor Crerar , 1836/37-1916) в г. Эмелри, графство Пёртшир (Amulree, Perthshire) в семье священника Пресвитерианской Церкви. Получил хорошее образование, готовился сам стать священником. Однако после смерти отца он переезжает в Канаду (1857). Занимался коммерческой деятельностью, проходил военную службу на границе во время Гражданской войны. Получил звание лейтенанта. Позже переехал в Нью-Йорк. В 1869 г. стал младшим сотрудником в редакции Scottish American Journal. Прожил в Нью-Йорке до 1905 г., затем вернулся в Шотландию. Умер в 1916 г. в Шотландии (в Крифе, Пёртшир).

Публиковал свои стихотворения в периодических изданиях «Celtic Magazine» (Scotland), «The Stratford Beacon» (Canada), «The Scottish American Journal» (the USA) и альманахе «Whistle Blinkie» (Glasgow).

Хантер МакКаллох

Хантер МакКаллох (Hunter MacCulloch, 1847-1905) родился в г. Глазго. В 1851 г. семья переезжает в г. Х.МК. Филадельфию, США. Закончив школу, решил стать машинистом. Однако позже он занялся оптовой продажей галантерейных товаров. В 1871 г. Х. МакКаллох основывает в Филадельфии Философскую

Ассоциацию. Она получает известность; письма одобрения и поддержки посылают в её адрес Г. Спенсер, Ч. Дарвин, Дж. С.Милль. Сам Х.МК. работает библиографом в библиотеке Института Спринг Гарден (Spring Garden Institute, 1891). Позднее, в Бруклине, становится редактором новостей в Нью-Йоркской газете «Witness», потом сотрудником редакции газеты «Times». Умер в г. Филадельфия в 1905 г.

Автор поэтических сборников «From dawn to dusk» («От заката до рассвета») (Philadelphia, 1878), «Robert Burns: an ode on the centenary of his death» («Роберт бёрнс: ода к 100-летию со дня его смерти») (New York, 1896).

Вильям МакДональд Вуд

Вильям МакДональд Вуд (William Macdonald Wood, 1847-?) родился в г. Эдинбург в семье работника типографии. Мать его была из старинного горского рода МакДональдов. Получив очень хорошее образование, В.МВ.В. устраивается подмастерьем в издательской фирме в г. Эдинбурге. В 1868 г. семья переезжает в г. Новый Орлеан, США, а через несколько лет в Нью-Йорк. Вильям активно публикует в шотландских и американских изданиях свои статьи. Дослужился до должности заведующего редакцией в крупной американской газете «Times».

Публикует свои стихотворения в газетах «Daily Times» (the USA), «Edinburg Review» (Scotland).

Питер Росс

Питер Росс (Dr. Peter Ross, 1847-1902) – уроженец г. Инвернесса (Inverness). С 14 лет работал подмастерьем в церковном издательстве «Miles Macphail» в г. Эдинбурге. Здесь он познакомился с литературной интеллигенцией Шотландии (Russell, редактор «The Sotsmen»; Manson, редактор «The Daily Review»; историк J.Hill Burton, поэт A. Maclagan и др.). В 1873 г. П.Р. переезжает в Нью-Йорк. Там он занимается литературой и журналистикой. Постоянно публикует свои стихотворения в шотландской и американской прессе. Имел степень доктора права в Американском колледже.

Автор целой серии книг, посвященных жизни шотландцев в Америке («The Scot in America» (New York, 1896), «Scotland and the Scots: essays illustrative of Scottish life, history and character» (New York. 1899), «A history of Long Island: from the earliest days to the present time» (New York, 1903)).

Джеймс Крайтон

Джеймс Крайтон (James D. Crichton, 1847-?) родился в г. Эдинбурге. Отец его был журналистом и автором нескольких книг на исторические темы. Учился Дж.К. в Эдинбургском Университете, однако не закончил его из-за финансовых трудностей, возникших в семье из-за банкротства отца. Джеймс начал работать учителем в разных районах Шотландии и даже в Ирландии. В 1873 г. он переезжает в Лондон. Там он сначала работает репетитором. Затем Дж.К. делается сотрудником сэром Чарльза Роджерса. При Основании Королевского Исторического Общества Джеймс становится его секретарем. Он помогает составлять указатели изданий этого общества, а также каталог создал каталог книг его библиотеки. За эти труды его принимают в действительные члены Общества в 1879 г. Далее он занимается продажей книг. В 1868 г. Дж.К. переезжает в Нью-Йорк. Там он работает в Бруклинской библиотеке составителем каталога немецкоязычных изданий. Позже Дж.К. получает должность заведующего этой библиотекой.

Печатал свои стихотворения в периодике («New York Scotsman»).

Джеймс Кеннеди

Джеймс Кеннеди (James Kennedy, 1848-1922) – уроженец г. Карсговник, графство Форфаршир (Carsegownic, Forfarshire). Учился в сельской школе. С 12 лет работал подсобником рабочим на ферме. Когда вырос, переехал в г. Данди. Там трудился помощником механика. Занимался самообразованием. Печатался в шотландских периодических изданиях и к 20-ти годам уже заработал репутацию одаренного поэта. В 1869 году эмигрирует в США. Три последующих года живёт

и работает в разных уголках страны, продавая в магазинах детали для ремонта локомотивов. Посещает вечернюю школу, заканчивает литературные курсы.

Автор поэтического сборника «The Scottish and American poems of James Kennedy» («Шотландские и американские стихотворения Дж. Кеннеди») (New York, 1920), а также публикует стихотворения в «North American review», «New York World», «New York Citizen», «Brooklyn Sun», «The Caledonian Magazine» (the USA); «Perthshire Advertiser», «Dundee Advertiser», «Aberdeen Journal», «Fifeshire Journal» (Scotland).

Эндрю МакЛин

Эндрю МакЛин (Andrew McLean, 1848-?) родился в деревушке Рентоне, графство Дамбартошир (Renton, Dumbartonshire). Учился в сельской школе. До 14 лет работал подмастерьем в столярной мастерской. 15-ти лет переезжает в Глазго, а оттуда – в Нью-Йорк. После службы в армии поселяется в Бруклине, некоторое время учится в торговом колледже, потом решает стать журналистом. Начал с младшего редактора в газете «The Brooklyn Daily Eagle», а дослужился до главного редактора этой газеты. В 1886 г. основал собственную газету «Brooklyn Citizen». Регулярно печатал в ней свои стихотворения.

Дональд Рамсей

Дональд Рамсей (Donald Ramsay, 1848-1892) – уроженец г. Глазго. Закончил лишь начальную школу. Уже подростком стал разнорабочим, а затем устроился в типографии. Благодаря этому у него появилась возможность много читать и заняться самообразованием. Д.Р. сделался завсегдатаем букинистических магазинов г. Глазго, где продолжил читать книги бесплатно. Вскоре он начинает писать стихи и печататься в газете «Penny Post». В 1866 году Дональд эмигрирует – сперва в Ирландию, в Дублин, затем в Англию, в Ливерпуль, и наконец в 1868 году в США, в Нью-Йорк. Позже он поселяется в г. Бостоне. Занимается журналистикой и литературной критикой.

Печатал свои стихотворения в периодике («New York Scotsman»).

Малькольм Тейлор

Малькольм Тейлор (Malcolm Taylor, 1850-?) родился в г. Данди (Dundee). Когда мальчику было 10 лет, вся семья переехала в США. Получил хорошее среднее образование, готовился служить в коммунальном хозяйстве, но занялся мелким бизнесом. Поэтический дар М.Т. обнаружил достаточно рано. С 14 лет он публикуется в еженедельной Нью-Йоркской газете. В 1874 году М.Т. впервые снова едет домой, в Шотландию. После этой поездки его стихи появляются в шотландской и английской периодике («New York Scotsmen», «Human Nature»). Написал также несколько пьес («Auld Robin Gray» («Старый Робин Грей»), «The Afflicted Family» («Больная семья»), «Rags and Bottles» («Лохмотья и бутылки»), «Aar-u-a-goos» («Аар-уу-гуус»)).

Дэниэль МакИнтайр Хендерсон

Дэниэль МакИнтайр Хендерсон (Daniel McIntyre Henderson, 1851-1906) родился в г. Глазго. Однако из-за финансовых нехваток в 1861 г семья переезжает в местечко Блекхил Локс (Blackhill Locks),в окрестностях от г. Глазго. Мальчику приходится каждые день ходить пешком сначала в школу, затем на работу. После школы Дэниэль изучал торговое дело. Однако трудиться, опять-таки, пришлось счетоводом в страховой компании. В 1873 году Д.МИ.Х. эмигрирует в США, в г. Балтимор (США). Работает он снова счетоводом, но теперь в фирме по производству мебели. Одновременно стихи Дэниэля начинают регулярно печатать периодические издания Шотландии и США («The Critic»). Умер Д.МИ. Хендерсон в г. Балтимор в 1906 г.

Автор поэтических сборников «Poems, Scottish and American» («Стихотворения на шотландском и американском языках») (Baltimore, 1888), «A bit bookie of verse in the English and Scots tongues» («Книжечка стихов по-английски и по-шотландски») (Baltimore, 1905).

Гектор МакФерсон

Гектор МакФерсон (Hector MacPherson, 1864-1935) – уроженец г. Тейна, графство Россшир (Tain, Rossshire). В детстве он плохо видел. Позже его вылечили. С 15 лет он переезжает в г. Инвирнесс и с тех пор регулярно публикует свои произведения в шотландских изданиях. После 1885 года Гектор переезжает в США, в Нью-Йорк. Там он переходит исключительно на журналистику литературное творчество.

Автор поэтических сборников: «Heather Blossoms» («Вересков цвет»), «Here's to the Heather» («Пьём за вереск») (1896).

Джеймс Д. Лоу

Джеймс Дафф Лоу (James Duff Law, 1865-?) родился в г. Ламсдене, графство Западный Абердиншир (Lumsden, West Aberdinshire). Окончил хорошую школу, стал учителем. Однако с 18 лет перешёл на работу клерком в фирме по работе с имуществом в г. Даррис (Durris, Deeside). В 1886 году эмигрировал в США, в Камдес, Нью-Джерси. В конце карьеры занял ключевую руководящую должность в сфере обрабатывающей промышленности в г. Филадельфия. Удостоен приза за лучшее стихотворение от Североамериканской Каледонской Ассоциации.

Автор поэтических сборников «Dreams o' Hame and other Scotch poems» («Мечты о дома и другие шотландские стихотворения») (London, 1892), «Lancaster – old and new» («Ланкастер – старый и новый») (Lancaster, 1902), «The Sea-Shore of Bohemia» («Богемия у моря») (Lancaster, 1900).

Приложение III.

Художественные переводы проф. М.А Новиковой.
Публикуются впервые.

1. Хью Эйнсли (Hew Ainslie, 1792-1878)

1. «Мы ещё пригодимся» (The Goud upon Charlie)
2. «Парни из далёкой страны» (The lads far awa)
3. «Песня возвращения» (A Hameward Hymn)
4. «Прощальный взгляд» (The Last Look o’ Hame)
5. «Сэр Вильям Уоллес» (The Knight O’ Ellerslie) 40 строк)
6. «Утренняя песня путника, дошедшего до деревни» (Morning sang)
7. «Шотландочки-смеяночки» (The merry maids o’ Scotland)

2. Вильям Вильсон (William Wilson, 1801-1860)

1. «Ричард Львиное Сердце» (Richard Coeur de Lion)

3. Джон Лайон (John Lyon, 1803-1889)

1. «Вера в Бога» (Confidence in God)

4. Джеймс К. Моффат (James C. Moffat, 1811-1890)

1. «Укротитель Земли» (Tamers of the ground)

5. Дональд Крейг МакКаллум (Donald Craig McCallum, 1815-1878)

1. «Бесси дорогая» (Bessie dear)
2. «Будь добрым» (Be kind to the erring)
3. «Солдатская песня Свободы» (Soldier’s Song of Freedom)

6. Томас К. Латто (Thomas C. Latto, 1818-1894)

1. «Когда мы были школярами» (When we were at the schule)

7. Роберт Виттет **(Robert Whittet, 1829-1908)**

1. «Дом, он прекрасным должен быть» (Home should be beautiful)

8. Алекзандер Маклаклан (Alexander Machlachlan, 1820-1896)

1. «Бог» (God)

9. Вильям Лайл (William Lyle, 1822-?)

1. «Вереска ветка» («Bonnie wee sprig o’ the dear purple heather…»)
2. «Перетирушка с Бобби Ингерсоллом» (A crack wi’ Bobby Ingersoll)
3. «Родина вереска» (The land of the heather)
4. «Убийство в замке Холируд» (The murder at Holyrood)

10. Алекзандер Вингфилд (Alexander Wingfield, 1828-1896)

1. «Каледония» (The Caledonian)

11. Ванлис Эндрю (Andrew Wanless, 1828-1898)

1. «Родимый наш язык» (Our Mither Tongue)

12. Патрик МакФерсон (Patrick MacPherson, 1829-1890)

1. «Принцесса Луиза ДеЛон» (Princess Louise of Lorne)
2. «Чёрный день Куллоден (16 апреля 1746 года)» (Dark Culloden Day (April 16, 1746))
3. «Шотландия» (Scotland)
4. «Шотландский бард» (Scotia’s Bard)

13. Джон Паттерсон (John Patterson, 1831-?)

1. «Вдова Кэмпбелл» (Widow Campbell’s appeal)
2. «Мечты о Родине» (Dreaming)
3. «На смерть канарейки» (To a dead pet canary bird)

14. Джон Мэсси (Dr. John Massie, 1833-?)

1. [Роберт Бёрнс] («Praise to the Bard, whose mighty hand…»).

15. Арчибальд Росс (Archibald Ross, 1835-1914)

1. «Возмездие» (отрывок) (Life)
2. «Оправдание» (отрывки) (The Vindication)

16. Вильям Эндерсон (William Anderson, 1836-?)

1. «Джимова комната» (Jamie’s wee back room)
2. «Мы дураки» (We’re a daft)
3. «Старинная Слава» (Old Glory)
4. «Чья родина краше?..» (There’s nae land like old Scotland)
5. «Шотландия вечная» (Scotland Forever)

17. Дункан Мак Грегор Крерар (Duncan MacGregor Crerar, 1836/37-1916)

1. «Колокольчики Каледонии» (Caledonia’s bluebells)

18. Хантер МакКаллох (Hunter MacCulloch, 1847-1905)

1. «Анне Брох» (Anne Brock)
2. «День Благодарения» (Thanksgiving Day)
3. «Не забывайте» (Dinna forget)
4. «Расставание после праздника» (The Farewell)
5. «Репей» (The Thistle)
6. «Столетие провозглашения Союза Североамериканских Штатов» (Centennial, 1876)

19. Вильям МакДональд Вуд (William Macdonald Wood, 1847-?)

1. «Памяти Томаса Гатри, проповедника» (Thomas Guthrie)
2. «Слава государству!» («Hail, O Fatherland, to thee!»)

20. Питер Росс (Dr. Peter Ross, 1847-1902)

1. «Два шотландца» (Twa Scots)
2. «Пёртский Холм» (The Inch o’ Perth)

21. Джеймс Крайтон (James D. Crichton, 1847-?)

1. «Лонгфелло» (Longfellow)
2. «Причитанье пастуха-шотландца, уехавшего в Америку» (The Emigrant Shepherd’s Lament)
3. «Сад Муз» (The Garden of the Muses)

22. Джеймс Кеннеди (James Kennedy, 1848-1922)

1. «Актёр-любитель» (The Play-Actor)
2. «В Грампиановых горах» (Among the Grampian Hills)
3. «Жалоба по поводу отъезда из Америки Роберта Букенана, поэта-британца» (Lament on the departure of a British poet)
4. «Истый шотландец» (The Royal Scot)
5. Койтеры (The Quoit Players)
6. «К тени Бёрнса» (To the Shade of Burns)
7. «Лектор» (The Lecturer)
8. «На Кэтскилльских горах» (Among the Catskill Mountains)
9. «Норан-река» (Noran Water)
10. «Переправа» (The Refugees)

11. «Родине» (To my native land)

12. «Святой Андрей и Хаггис» (Saint Andrew and the Haggis)

13. «Сухой закон» (Whisky's awa)

14. «Шотландские горцы, сражавшиеся в штате Теннесси» (The Highlanders in Tennessee)

15. «Шотландская команда на соревновании под открытым небом» (Auld Scotia in the field)

16. «Шотландские песни» (The Songs of Scotland)

17. «Шотландец-американец, или Джим Вильсон и Британская Королева» (Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen)

23. Эндрю Маклин (Andrew McLean, 1848-?)

1. «Прощай! Прости! До встречи!» (Deep crimson, heather bloom…)
2. «Сокровища Блерни» (The jewels of Blarney)

24. Дональд Рамсей (Donald Ramsay, 1848-1892)

1. «Дункану МакГрегору Криреру, поэту» (To Duncan MacGregor Crerar, poet)
2. «Маргаритка» (The Daisy)
3. «Рэглинский мост» (Auld Ruglin Brig.)

25. Малькольм Тейлор (Malcolm Taylor, 1850-?)

1. «Алловэйский храм» (Auld Kirk Alloway)

26. Дэниэль МакИнтайр Хендерсон (Daniel McIntyre Henderson, 1851-1906)

1. «Будь верен и люби» (Oh, lippen and be leal)
2. «Будь милостив ко мне, Святой Андрей!» (Sanct Andro, pity me!)
3. «Да здравствует Колумбия!» (Columbia – Hail to Thee!)
4. «Клинтон Бауэн Фиск» (Clinton Bowen Fisk)
5. «Маргаритки в Балтиморе» (Daisies in Baltimore)
6. «Наш прекрасный Балтимор» (Bonnie Baltimore)
7. «Послание Эндрю Карнеги» (Epistle to Andrew Carnegie)
8. «Посылка из дома» (Flow'rs frae hame)
9. «Посвящено Дэвиду Кеннеди, шотландскому певцу» (отрывок) (An epistle to David Kennedy)
10. «Проповедь о пяти хлебах» (A Charity Sermon)
11. «Роберт Льюис Стивенсон» (Robert Louis Stevenson)
12. «Теннисон» (Tennyson)

13. «Томас Карлейль» (Thomas Carlyle)
14. «Уоллес» (Wallace)
15. «Шотландия-Мать» (Scotland mine)
16. «Шотландия моя» (отрывок) (Scotland mine)
17. «Шотландский папоротник» (Our Scottish Fern)

27. Гектор МакФерсон (Hector MacPherson, 1864-1935)

1. «Забудешь ли меня?» (Whilt thou forget?)
2. «Моя родословная» (Genealogical)
3. «П. <Перси> Б. <Биш> Ш. <Шелли» (P.B.S.)

28. Джеймс Д. Лоу (James D. Law (James Duff), 1865-?)

1. «Кловские леса» (The Woods o’ Clova)
2. «Колумбия – Каледония» (Columbia - Caledonia)
3. «Памяти Мэрриота Брозинза» (In Memoriam Marriott Brosins)
4. «При закладке краеугольного камня нового Клуба Каледонцев (Шотландцев) в городе Филадельфии, США» (At the laying of the Corner-Stone, New Caledonian Club Hall, of Philadelphia, U.S.A.)
5. «Ура, о, Пенсильвания!» (Hurrah for Pensylvania!)
6. «Шотландия – шотландцам» (Scotland for the Scots)
7. «Эпиграмма на Уолта Уитмена» (To Walt Whitman)

Хью ЭЙНСЛИ
(1792-1898)

Мы ещё пригодимся

(на мотив застольной песни
«Через море <мы выпьем> за Чарли» (XVIII в.))

Если пьёте вы эль, а не вАлит вас хмель,
Если в килтах вы (брюки вам тЕсны),
И в беретах бочком с белых перьев пучком,
И поёте запретные песни, –
Припев
Значит, выпьем, сосед, – мы, носящие плед, –
И пускай нас побили когда-то,
Жив народ наш в краю, жив и дух наш в бою, –
Мы ещё пригодимся, ребята!

Хоть германец-стервец исклевал нас вконец,
Хоть без горлиц, без любушек мы грустим, –
Не сдавайтесь, сокольники, гансам в невольники –
Нашего сокола выпустим!
Припев
Значит, выпьем, сосед, – мы, носящие плед, –
И пускай нас побили когда-то,
Жив народ наш в краю, жив и дух наш в бою, –
Мы ещё пригодимся, ребята!

Берегите прадЕдовы голубые береты вы,
Тряпкой не делайте знамени,
Чтоб на зорьке, да рано ли наши горны вам грянули:
«– Братцы, спасибо, что с нами вы!»
Припев
Значит, выпьем, сосед, – мы, носящие плед, –
И пускай нас побили когда-то,
Жив народ наш в краю, жив и дух наш в бою, –
Мы ещё пригодимся, ребята!

Да! – слова вероломные и солдаты наёмные
Наш репей искорёжили корчем.

Но душа в нас не гиблая, и при нас наша Библия
И мы гансов ещё пощекочем!
Припев
Значит, выпьем, сосед, – мы, носящие плед, –
И пускай нас побили когда-то,
Жив народ наш в краю, жив и дух наш в бою, –
Мы ещё пригодимся, ребята!
1822, Шотландия
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Хью ЭЙНСЛИ
(1792-1898)

Парни из далёкой страны[1]
Как вспомню парней из далёкой страны,
С которою я разлучён:
Как славно мы жили, как крепко дружили! –
Срывается с губ моих стон.

Как радости вспомню далёкой страны, –
Весь дух мой их светом зажжён!
Где в жизни найду я радость такую? –
Срывается с губ моих стон.

Как вспомнятся ночи – с рукою рука –
В нашей далёкой стране!..
Так мир всё темней, но свои всё тесней,
А дом всё родней, а рассвет всё видней, –
И радостно издали мне!
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] Несмотря на видимую простоту, стихотворение далеко не так просто – ни по форме, ни по содержанию. По форме оно состоит из простейших строф – катренов только на первый взгляд. Внутренние рифмы, разбивая каждую I и III строку в строфе на полустрочия, превращают катрены в октавы и существенно усложняют систему рифм. Кроме того, повторы ключевых строк и фраз (прежде всего, рефрена the land far awa', «далёкая страна/земля»), при смене контекста от строфы к строфе наполняют этот рефрен всё новым и новым содержанием.

Вначале «далёкая страна» – символ чисто пространственный: это Родина, Шотландия, которую вспоминают в эмиграции. Потом она становится символом временнЫм: это счастливые детство и юность там, дома. Далее эта страна делается хронотопом общего застолья (или прогулки) рука об руку с друзьями, или любимыми. Наконец, «далёкая страна», наоборот, расширяется и универсализируется. Теперь это страна вечного света, тепла, добра, любви и радости. Так она приобретает имплицитные, но бесспорные черты рая. Его невозможно достичь здесь и пока – при жизни. Однако само сознание того, что эта страна есть и что тебя там ждут, – вносит в жизнь радость.

Хью ЭЙНСЛИ
(1792-1898)

Песня возвращения

Колеса вращаются,
Даль сокращается.
В страну моей юности
Всё возвращается:
Деревья и травы,
Пригорки и хатки
В лицо тебе смотрят:
Всё ли в порядке?

Зверьё, словно люди,
Глядит с восхищеньем,
И каждая птаха
Поёт: «– С возвращеньем!».
Как нам дорога ты,
Рука, нас кормившая!
Ещё нам дороже
Земля, нас растившая.

Товарищи наши,
С кем вместе играли,
И девушки наши,
Кого мы теряли.
Забудется радость,
Сотрётся беда.
Но юности повесть
С тобой навсегда.

С шотландского (скотса) перевела

Марина Новикова

Хью ЭЙНСЛИ
(1792-1898)

Прощальный взгляд[1]

Раскрылись паруса,
И море за кормой,
И шире, шире полоса
Меж Родиной и мной.

Шотландия, прощай!..
Ты в сердце сможешь лечь.
Но это горе через край
Не перельётся в речь.

Мы сердце, унеся,
Закроем на пароль
И не допустим, чтоб друзья
Терпели ту же боль.

Простились насовсем,
Будь, память, коротка.
Радость – надгробье? но зачем
Нам целый склеп – Тоска?

Цепь дальних гор, прощай!..
Морской крепчает бриз.
Я верю: там нас встретит рай,
Куда мы собрались.

Заплакали ветра
На погребеньи дня…
Судьба была ко мне добра, –
Зачем она отобрала
Отчизну у меня?

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

1 Стихотворение прямо перекликается с «Прощальной песней» главного героя перед его отъездом из Англии (см. поэму Дж. Гордона Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда». Это не удивительно, поскольку оба текста, и Байрона, и Эйнсли восходят к одному источнику: фольклорной песне шотландских эмигрантов, уплывавших в Америку.

Хью ЭЙНСЛИ
(1792-1898)

Сэр Вильям Уоллес

Доставили англы нам кучу вреда –
Напрасно мы, шоты, боролись.
Разгневался – да! – на англов тогда
Герой наш, сэр Вильям Уоллес.

Его добрый меч супостата косил –
Глашатай шотландского гнева.
На львиной груди он три шрама носил:
Спереди, справа и слева.

Его крепкий рот зря клятв не даёт;
Он помнит отцовы заветы.
И выучит англа не пыжиться нагло
И наши не рушить запреты.

А стать величава, а лоно курчаво,
А ямка на подбородке!
Друзья неспроста с ним рядом всегда,
А дамы всегда посерёдке.

Надел Вильям латы, убором богаты,
И меч – богатырскую славу.
«– Шотландцы, вы стойте, границу закройте –
И выстоим нашу державу!

«Боритесь, друзья, наш дом бороня! –
Мы с вами повсюду едины.
Пускай не по росту кому-то броня,
Кому-то мешают седины.

«Трубите, друзья! – ждать больше нельзя.
Есть в Киле бойцы и на Клайде.

Трубите, кто в силе! – вы копья носили –
Теперь их опять доставайте!

«Немало, немало есть стрел у народа,
Побольше, чем есть их у сброда.
Пора нам в поход! Уоллес зовёт! –
Нам кони нужны и пехота.

Кто плуги готовит? Кто косы куёт?
К нам враг уже скачет навстречь!
Кто ждёт-переждёт? – Шотландский народ
И Уоллес берутся за меч!

Кто сделает дело, великое дело,
Получит великую силу.
Кто бьётся за волю, за общую долю,
Получит и рай, и могилу –
Героя получит могилу».

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Хью ЭЙНСЛИ
(1792-1898)

Утренняя песня
путника, дошедшего до деревни[1]

Привет, друзья! Привет, друзья
В деревне Охилтри!
Светлей не видывал я дня,
А мне уж двадцать три.
Клянусь, ребята, я не вру
В июне поутру,
И петь, ребята, мне не лень
В такой прекрасный день.

Ура ему! Ура ему!
Ура от всех парней!
Да здравствует наш лучший день
Из всех июньских дней!

Какая в небе красота!
Как солнце греет луг!
Какая в роще пестрота
От певчих птиц вокруг!
Поют пичуги на реке,
Свистят на берегу.
И так, ребята, славно мне –
Сказать я не могу.

Ура ему! Ура ему!
Ура от всех парней!
Да здравствует наш лучший день
Из всех июньских дней!

А мы пойдем на бережок –
Зайчонка раструсить;
Найдём укромный уголок –
Присесть и закусить.
Наш сыр и кусень пирога
Сойдут за княжий пир.
А малость доброго пивка
Украсит даже сыр.

Ура ему! Ура ему!
Ура от всех парней!
Да здравствует наш лучший день
Из всех июньских дней!
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова.

---

[1] Вовремя поездки домой, в Шотландию, Х. Эйнсли придумал цикл стихов, навеянных бёрнсовскими местами и написанных от имени трёх персонажей Р. Бёрнса. От Бёрнса идёт название деревни Охилтри. (Ср. послание Р. Бёрнса своему другу, школьному учителю Вильяму Симсону из деревни Охилтри [324, с. 190].

Хью ЭЙНСЛИ
(1792-1898)

Шотландочки-смеяночки

Шотландочки-смеяночки,
Резвушки давних дней,
Заслышу песню старины –
И явитесь вы с ней.
Забавницы, проказницы,
Что в сутемь, что впотьмах! –
Когда в полях поспел овёс
И травы на холмах.

От Покрова до Духова[1]
На гульках и на рынках
Бродили вы, шутили вы
В нарядненьких ботинках.
Румянцы, ох! – белянцы, ах! –
А в глазках огонёк.
Знать, скоро вас закрутит пляс,
И стукнет каблучок.

Придёт зима, мороз и тьма,
И проберёт до пят, –
А вы опять шутить, играть
На тёплый летний лад!
Румянчики-розанчики
Растопят парням лёд,
А песнь всю ночь спешит помочь –
Спать прялке не даёт.

Давным-давно ушло оно,
Уплыло в синеве:
Ночной сарай, веретено
И мяло на траве.
Но только лишь напев услышь –
И сердцем ты согрет.
Шотландочки-смеяночки,
Резвушки давних лет!

С шотландского (скотса) перевела

[1] Покров Пресвятой Богородицы – осенний праздник, по крестьянскому календарю – начало свадеб. Духов (День), второй день Троицы – праздник летний. После Троицы наступал разгар полевых работ, и свадеб по всей Европе в селах уже не справляли до осени. Зато по ночам влюбленные устраивали свиданья. Зимой, в свою очередь, полевых работ уже не было, и молодёжь могла по вечерам встречаться на посиделках (вечернИцах). При этом девушки часто приносили с собой шитьё, пряжу или вязанье. В перерывах устраивались игры и танцы, а девушки дразнили своих поклонников.

Вильям ВИЛЬСОН
(1801-1860)

Ричард Львиное Сердце[1]

Ярко, ярко светят луны лучи,
Они зАмок весь осияли.
Мрачно, мрачно ходит пленник в ночи
Глубоко, глубоко в подвале.
И слышит, как сыч кугочет в ответ
На сонный оклик охраны.
И видит в мыслях свой прежний свет,
И снег, и свои курганы.

Нежно, нежно алели в лугах цветы,
Когда взяли его весною.
Скорбно, скорбно кружат в лесах листы,
А он дышит и дышит тюрьмою.
В пыли его знамя давно лежит,
А летало соколом скорым.
Потускнел его меч и ржой покрыт,
А сверкал в бою метеором.

Но поставьте его средь родных степей,
Разверните заново знамя
И оружье дайте, взамен цепей:
Рассчитаться кровью с врагами, –
И тогда задрожат вороньи сердца,
Завизжат чужие людишки,
Не победы ждя – своего конца
От меча смертоносной вспышки.

С английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Ричард I Львиное Сердце (1154-1189) – король из английской династии Плантагенетов (1154-1399). Участвовал в крестовых походах. Был взят в плен и возвращён за огромный выкуп.

Джон ЛАЙОН
(1803-1889)

Вера в Бога

Господь! Внимаем мы Твой зов:
На жизнь и смерть любой готов!
Ты шлешь нам счастье с высоты.
Нам вечный друг – один лишь Ты.

Жизнь коротка, и много бед
Мрачат ее минутный свет.
Друзья слабы, враги круты,
Извечный друг наш – только Ты.

Смерть нашу радость отберёт,
Надежду в клочья издерёт.
Но есть грядущего листы,
Где вписан друг наш, – это Ты.

С Тобой живём, с Тобой умрём,
И скажем мы в миру ином,
Что победили, что чисты
И с нами Друг наш – вечный Ты.

С американского английского перевела
Марина Новикова

Профессор Джеймс К. МОФФАТ
(1811-1890)

Укротитель Земли

Кто день ото дня укрощает коня,
Пока конь не замер в пыли, –
Тот горд и хорош, но менее всё ж,
Чем укротитель Земли:
Её дикую мощь он и в зной, и в дождь
Приучает трудиться, как он.
Гнет дикарку, – пока, полюбив седока,
Наш она не признает закон.

Он работник Божий, на Него похожий,
Он месит и грязь, и пески.
Он строг, и мил, – и Земля Божий мир
Понимает уже по-людски.
Это он, человек, из дремучих рек,
Из джунглей или болот,
Из бесплодья – её творит бытиё,
Пожиная богатый плод,

Есть чары морей, парусов, якорей,
Хоть добычу морЯ не вернут,
Но всегда Земля тем отплатит, кто для
Неё – совершает труд.
Так мужай и живи, укротитель Земли,
Усмиритель её вражды.
Не нужны ей войны: лишь вы достойны
Друг друга – она и ты.

С американского английского перевела
Марина Новикова

Дональд Крейг МакКАЛЛУМ
(1815-1878)

Бесси дорогая

Песня

О, Бесси дорогая! Тоскую без тебя я,
Весь мир уныл и пуст!
Назначь мне, моя фея, свиданье поскорее,
Где жимолости куст.
Где жимолости куст, мой друг,
Где пробегает лань.
Откинь же страх, приди впотьмах, –
Кто храбр, того и дань!
Кто храбр, того и дань, мой друг,
Кто храбр, того и дань.

И кудри золотые, и розовые губки –
Охотничий силок.
Меня ты повергаешь в безумные поступки
Улыбкой, ангелок.
Улыбкой, милый ангел мой,
Улыбкой, мой алмаз.
Во мгле ночной побудь со мной,
В ночи побудь со мной, мой друг,
В ночи побудь хоть раз.

Бледнею я, страдаю, о, Бесси дорогая,
От красоты твоей.
Есть многое на свете, что ловит сердце в сети,
Но ты всего сильней.
В земле твоей есть луг лилей
Но ты его белей;
Косыночка на шейке есть,
Но ты её милей, мой друг,
Но ты её милей.

Как полюс тянет компас, так я тобою полнюсь,
Хоть днём, а хоть во мгле,
Влекусь по воле рока хоть близко, хоть далёко,
В морях и на земле.

Приди же, дорогая, – уходит время рая.
Пусть мир умолкнет, пусть! –
И мы войдём в зелёный дом,
Где жимолости куст, мой друг,
Где жимолости куст.
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Дональд Крейг МакКАЛЛУМ
(1815-1878)

Будь добрым

Будь добрым к ошибкам и к слабости кроткой –
Лишь трУс их затопчет надменной походкой.
Тебе не узнать, как себя они мучат.
Прости им грехи – не тебя ль они учат?

Будь добрым к тому, что нам горько и жутко.
Бывает, случайность лишает рассудка.
Не хвастай собою – раскрой свою душу,
Признания – гордость выводят наружу.

Признайся, какая та гордость большая,
Как множил успех ты, свой дух иссушая.
Из тьмы повторяют тебе бесконечно:
«– Запомни: душа твоя жить будет вечно».

Добро людям делай во имя добра лишь,
Иначе себя же в себе убиваешь.
Плыви, сея свет вопреки чернословью,
По морю скорбей, управляем любовью.

Ничто – благочестье, напрасны каноны.
Нет помощи делом? – спасут ли поклоны?
Как шлюп, на безводную выбросит сушу,
Как парус, порвёт ураган твою душу.

Твой век скоротечен, он – блеск метеора:
Засветится ярко – закатится скоро.
Но выйдя из мрака, но встав из укрома,

Греметь будет прошлое грохотом грома.

Тебя, как цветок, жизнь недолго лелеет,
Как запах цветочный, бесследно развеет.
Люби – и угрюмую жизнь не осудишь.
В сияньи любви ты бессмертье добудешь.

С американского английского перевела
Марина Новикова

Дональд Крейг МакКАЛЛУМ
(1815-1878)

Солдатская песня Свободы

Враг Бесправья и Уз, – ты наш Дом, наш Союз,
И куда б мы ни шли, за тебя я сражусь.
А Предательство – ах! – видит Вольных в рабах
И всех славных людей – во бесславных гробах.
Но за Волю я бьюсь и за Волю молюсь.
Помогай Бог руке! – я за Правду дерусь.
В Америке рабским цепям не бряцать!
Мы за Право сражались – и будем опять!

Наша Родина ты – защищать мы гордЫ
Тебя в счастья часы и в минуты беды!
Твой успех Небом дан! Берегись же, Тиран!
Мы друзья всех людей угнетённых и стран!
Твоё Знамя из Звёзд развернём на ветру
И поднимем его, помогая добру!
В Америке рабским цепям не бряцать!
Мы за Право сражались – и будем опять!

Пусть предательство прячет себя ото дня –
Мы разыщем его, и круша, и гоня!
От кровей наших пар к Небесам поднялсЯ,
Сыновей наших души ушли в Небеса!
Но мы Богу верны – Он наш Друг и Оплот,
И победу нам даст, как и славу даёт!
В Америке рабским цепям не бряцать!
Мы за Право сражались – и будем опять!

С американского английского перевела
Марина Новикова

Томас К.ЛАТТО
(1818-1894)

Когда мы были школярами

Чего вы, парни, мне нудИте:
«–Молчи-де, старый, не дури!»
Споём-ка вместе про деньки те,
Когда мы были школяры.
Уже вискИ заиндевели,
А были золотом вискИ.
И многие уже в могиле,
А были – ох! – озорники.

Когда мы были школярами,
Когда мы были школяры,
Как только ни озоровали,
Пока мы были школяры!

У нас был Джоки Заводила –
Таскал у каждого еду,
И Роб Чума, и Пуф Сластёна,
И хитрый Дэв, – а на виду
Была учителева шляпа,
Потерта! – впору старику.
Её мы спрятали в сарае
И прицепили на крюку.

Когда мы были школярами,
Когда мы были школяры,
Ух! – здорово же воровали,
Пока мы были школяры.

И так всё дельно рассчитали!
А тот сказал нам (вот был стыд!),
Приподымаясь над забором:
«– За шляпу, дети, Бог простит».
Как все тогда мы задрожали! –
(А он был стар, а он был сед.)
Как быстро-быстро убежали,

И долго он смотрел нам вслед!

Когда мы были школярами,
Когда мы были школяры,
Как тяжело порой играли,
Пока мы были школяры.

А математики уроки –
Как не давал он нам скатать,
А мы старались у соседа
Всё срисовать в свою тетрадь.
А сочинения писали –
Как с горки попою нагой.
А он сказал, что сочиненья
Мы пишем левою ногой.

Когда мы были школярами,
Когда мы были школяры, –
Как лихо всё передирали,
Пока мы были школяры.

И никогда не позабуду,
Как Рон встал в классе, не дыша,
И прИнял и позор, и розги,
Спасая Джонни Малыша.
Тут сам учитель не поверил:
«– Дай погляжу тебе в глаза!» –
А глянул – и в его глазницах
Блеснула тайная слеза.

Когда мы были школярами,
Когда мы были школяры,
Стать истинными мужиками
Мы все спешили до поры.

А не забыл? – от тётки Дженни
Как Боб устроил драпака?
Когда попал мячом в курятник
И задавил ей цыплака?

Отдать деньгами? – денег нету.
Нас щиплет совесть, как мороз.
А Боб стащил из дома курку
И тётке зАтемно принёс.

Когда мы были школярами,
Когда мы были школяры, –
Мы совесть всё же не теряли,
Хоть, может, не были добры.

А бабка Джея как вопила,
Когда её балунчик Джей
Достал от нас по пятый точке
И ею плюхнулся в ручей?
А дядька Уот припёрся в школу
(Ржал сам учитель неспроста)
И заявил: Хромуша Тэмми
Загнал евойного кота.

Когда мы были школярами,
Когда мы были школяры, –
На речке дОтемну ныряли
И кувыркалися с горы.

Моргайте, парни, мне, моргайте:
«– Когда ты, старый, помолчишь?»
Небось, и нынешнюю школу
От нашенской не отличишь.
А мы уж, парни, не мечтаем
Мужчиной стать когда-нибудь.
Так почему ж у огонёчка
О старом нам не вспомянуть?

Когда мы были школярами,
Когда мы были школяры.
И запулять опять снежками,
Как те, кто были школяры.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Роберт УИТТЕТ
(1829-1908)

Дом – он прекрасным должен быть
Бог сОздал дом нам – это рай.
Ещё не пройден жизни край,
Но золотые переходы
И радужные небосводы [1]
Бог нам припас в Раю своём,
Покуда мы ещё живём[2].
И собирают нам мгновенья
Тем – славу, а иным – забвенье.
Насытя нас и укрепя,
Бог нами правит – но любя.
Украсил Землю Он садами,
А те сады покрыл плодами,
И нам явил поверх всего
Предвечный Замысел Его:
Свой дом – тот, что за небесами,
Да выстроим подобье сами,
Покуда живы и творим, –
И раем сделаем земным[3].

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] Изображение Рая у Р. Уиттета вполне традиционно. В Раю мощённые золотом улицы; на подступах к Раю располагаются другие небесные сферы («небосводы»). Каждая из этих сфер населена своей категорией святых или небесных (ангельских) сил. Каждая такая категория имеет свой особый символический цвет одеяния (Богоматерь – лиловый; мученики – синий или алый (если были воинами), и т.д.). Поэтому систему этих многоярусных небес можно назвать «радужной». За ними находится «занебо» (И.-Б. Антонич) самого Бога.

[2] Эта идея Рая, заранее «припасённого» для Человека, также целиком канонична. Ср. в Евангелии от Иоанна (Иоан. 14:2 слова Учителя: «В Доме у Отца моего обителей (т.е. помещений для жилья. – Авт.) много <…>». Другое дело, что Протестантизм склонен считать будущую судьбу людей предрешённой, независимо от их поступков в жизни. Православие такого взгляда не разделяет.

[3] Идея «Земного Рая», наоборот, не имеет в Новом Завете никаких оснований. Скорее всего, она является мифологическим реликтом язычества. Изживалась она с огромным трудом, – в особенности тогда, когда речь заходила о чём-то «чудесном», «потустороннем», «иномирном». Не зря идею Земного Рая быстро и очень активно подхватили все пост-христианские, но не-христианские социальные учения Нового времени. Им она была гораздо ближе и понятнее, чем строго христианские идеи духовного самосовершенстовавания. (Ср., например, строку из «Интернационала»: «<…> мы свой, мы новый мир построим <…>»).

Алекзандер МакЛАКЛАН
(1820-1896)

Бог

Бог, венчаемый куполом чащ,
Бог, в пустынь облекаемый плащ
И обутый морей бездорожьями, –
Бог толкучих больших городов,
Бог былых и текущих годов, –
Как познать Тебя можем мы?

Бог – над нами – густой синевы,
Бог – под нами – зелёной травы,
Бог пространства и времени, –
Бог не зримых при жизни миров,
С них же Смерть совлекает покров
Человечьему племени.

Гнев Твой зыблет земную кору
И проходит к земному ядру
Все природными стонами.
Сотрясаемы – горы зовут,
Ужасаемы – бездны ревут,
Разверзаются склонами.

Но улыбку с Тобою деля,
По лугам выпрямляет Земля
Шеи розам и лилиям,
И простых маргариток узор
Превращает в рубинов убор
С королевским обилием.

Не Тебе ль воссылаем псалмы
Голосами их детскими – мы?
Их хорАлом беззвучным? – и
Средь печальных людских повестей
Золотое величье вестей
У нарциссов не учим ли?

И Природа, а с ней Человек

Оглашаются рокотом рек,
Океанов кипением,
И вершины, и пропасти гор
Не вливаются ли в этот хор,
Породнясь с нами пением?

С американского английского перевела
Марина Новикова

Вильям ЛАЙЛ
(1822-?)

Вереска ветка[1]

Вереска ветка, кустик лиловый
КрАя, где корни твои и мои.
Снова две памяти встретились, – снова
Жарко объятье старой любви.

Ты ворвалась, будто битвы богиня,
С ярыми спутницами за спиной[2],
И оставляешь в сердце отныне
Лето из дома навечно со мной.

Лето из жизни, ушедшей давно, – той,
Где не разбит я штормАми тоски,
Где неукротимый, вдвоём со Свободой,
Вечно бегу возле вечной реки.

Вечные споры влаги и камня,
Мёртвые, вечные наши друзья…
Смолкшие песни – ты принесла мне.
Вновь они плачут – плачу и я.

Ветка сухая! – туда, где жила ты,
Не возвратит нас и сотня погонь.
Бог милосерден: ты встретила брата,
Кому даже имя твоё, как огонь.

Ляг мне на грудь, когда мир станет адом,
Когда изойду я от жизненных ран, –
И буду я думать: друг со мной рядом,
Хоть наши дома разлучил океан.

Душа, говорят, прилетает по смерти
Туда, где любила в часы жития…
Не вините меня: ведь о том же, поверьте,
Просит и песнь, и молитва моя.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

[1] Стихи написаны в ответ на подарок друга, приславшего поэту из Шотландии ветку одной из национальных шотландских эмблем – вереска.

[2] Кельтская богиня войны и смерти, которую сопровождали столь же грозные спутницы. Ср. тж. миф о трёх богатыршах иномирия (загробного царства), которые обитают на острове чудес Британии и обучают богатырскому искусству ирландских героев (Кухулина и др.). У В. Лайла образ кардинально переосмыслен: у него это символ яростной, всепобеждающей памяти о Родине, соединённой со Свободой, Юностью, Дружбой и Песней.

Вильям ЛАЙЛ
(1822-?)

Перетирушка
с Бобби Ингерсоллом

И вот хочу я, Бобби мой,
Тебе сказать, как кОреш твой,
Одно словцо.
Ты что ни день полощешь – страх! –
Попы-де пО уши в грехах, –
Прям разложил их в пух и прах,
Обздел в лицо!

Притом сидит в твоём мозгу
Понятье, – спорить не могу:
Мол, ада нет.
Ну, кой-кто этому и рад,
Тебе поставит пиво, брат.
Но где ты это взял, про ад? –
Дай мне ответ.

Пусть ада нет – свою ты хрень
Зачем тогда и ночь, и день
Вовсю трындишь?
И где докАз речам твоим:
Мол, мёртвому не стать живым?
Ты что, смотался, что ли, к ним
И нам твердишь?

Такое дело: на разгром

Мы веру, брат, не отдаём
Трепать-дурить.
Понятья есть в мозгу твоём?
Вари их в котелке своём,
А мы их даром не возьмём
Себе варить!

Обедню кончивши, попы –
Уж да! обедать не слабы,
Но не слабей
Любили братию свою,
А нечисть гнали, как в бою,
И шли в огонь за Библию –
За правду в ней.

Боб, голова есть голова:
По-своему каждая права
Желает быть.
Но куча прочих котелков,
Ведь тоже не у дураков;
И каждый знает кучу слов
И мастер пить.

Так не зуди, Боб, и заткнись, –
Твоей мы правды набралИсь!
А кой-кому
Факт, что Иона съел кита?
И пусть – от морды до хвоста!
У каждого есть правда та,
Что в рост – ему.
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Вильям ЛАЙЛ
(1822-?)

Родина вереска

Спой старой Шотландии песни –
Пусть радость войдёт в твою грудь,
По диким струнАм менестрелей

Ударь, если просится грусть.
Спой бурную песнь о героях,
Чья кровь освящает до недр,
И скорбную песнь о казнённых,
Которых оплакал наш ветр.

Да здравствует Родина вереска,
Любимого Севера брох[1]!
Здесь выучат, как быть свободными, –
Отважных и верных урок.

Простор – её помнит уроки,
А Время – её имена.
Позор не пятнал её килты[2],
Не пачкал её племена.
В долинах её нету злата,
Ни в реках её – серебра.
Но славой она пребогата,
На доблесть и верность щедра.

Пьём трижды за Родину вереска!
За вольного Севера брох!
Здесь выучат, как быть свободными, –
Отважных и верных урок.

В архивах всех стран и народов
Лежит её славы цена,
И носят ещё знак почёта –
Сражений её ордена.
Вы, дети её, не забудьте
Про первое ваше жильё.
Сквозь время и даль пронесите
Отчизну и Бога её!

Да здравствует Родина вереска,
Любимого Севера брох!
Где выучат, как быть свободными, –
Отважных и верных урок.
С английского перевела

[1] Брохи – древние башни, разбросанные по всей Шотландии. Возможно, их сооружало до-римское племя пиктов или даже до-пиктское население.

[2] Килт – часть шотландского национального костюма. Полоса клетчатой шерстяной ткани (тартана). Оборачивается вокруг бёдер и накидывается на плечо, как плащ. Каждый клан носил килты своей расцветки.

Вильям ЛАЙЛ
(1822-?)

Убийство в замке Холируд[1]

Спустилась бархата вечернего завеса
Опять на Эдин[2], эту гордость Лотиана[3].
И зданий шпили вновь глядят подобьем леса
Сквозь дымку тайны, и тревоги, и тумана,
Как будто туч мрачней, уродливее беса,
Выходят призраки, размером с великана.

На тесных улочках всё тише и печальней;
Не вспыхнет факел, язычком не замигает
Из узкой башни – королей опочивальни, –
И в поднебесной высоте не заиграет.
Лишь, отзываясь в анфиладе многозальной,
«Стой! Кто идёт?» – дозор безлюдье окликает.

Затихший город, в сновидения одетый,
Не ожидаешь ты такого фарисейства.
Но вот блеснули обнажённые стилеты! –
Их принесло багроворукое злодейство.
И проклянут ту ночь, и матери семейства
Забудут в ужасе про рынки и обеды.

Происходило дело в замке Холируда –
В старинной комнате, жилище королей.
Горели факелы неровно почему-то;
Сидела Стюарт Королева[4]; перед ней
Её друзья стояли, верные покуда.
Но сколь немногие прислуживали ей!

А под рукой искусно жаловались ноты,
Напоминавшие о радостной поре,
О солнце Франции, где лето круглый год – и
Предаться можно увлеченьям и игре,
И губы женские согласны без заботы
С его, мужскими, петь совместно «до-ми-ре»…

Бывает, в сердце (когда небо голубое
И улыбается Природа целый день)
Войдёт предчувствие, угрюмое такое,
Как от скалы ещё не видимая тень, –
И больше душам нашим нет уже покоя,
Хотя смеётся май и пенится сирень.

Марии мнилось: кто-то есть в опочивальне,
Кого не видно и не слышно никому.
И ужас полз, а губы пели всё печальней,
Как будто следовали року своему;
И чей-то сладостный припев и погребальный
Готовил плаху и предсказывал тюрьму.

Тсс! тише! слушайте! – чей шорох ловит ухо
Недоумённое, и скрип ботфортов чей?
Бледнеет свита; все сердца стучатся глухо;
И снова звук; и снова – ближе и звончей;
И наконец оно пришло, предвестье слуха:
ПолнА людей опочивальня и мечей!

Вскочила с кресел молодая королева:
«– Что это значит? Как посмели вы, милорды,
Придти с оружьем, не боясь монаршья гнева?
Неужто все вы – из преступников когорты?
Ко мне, мой Дуглас! Бей направо и налево!
Смерть и предательство – отличные консорты!».

«Клянусь, я мальчика собою заслонила!
Через меня пройдут изменников удары.
Прочь руки, Дарнли[5]! Так-то верен ты, мой милый,
Нашему браку, навлекая кровь и кары?

Я, королева, вас, убийц, предупредила.
Я призывала мир на нас, а вы – пожары».

«– Вы, лорды Ковенанта[6], ненависть ли ваша –
Примета набожности и её закон?
О милосердии вы молитесь – когда же
Его являете, как вам являет Он?
О, Матерь Божия, Спасительница наша,
Спаси, Превысшая и тронов, и корон!»

Немного слов Мария вымолвить успела,
Немного вымолвить успела бы потом.
Качнулся Риччо[7] и упал; намокло тело
В ручье багряном, в одеяньи золотом.
Так люди демонами сделалися: в дело
Вмешалась слабость их, да с верою притом.

Певца стащили не остывшего с постели,
Где он любил и королевой был любим;
Ещё хорош, но уже губы пожелтели.
Шепните, ветры, его матери: что с ним…
Скажите: «– Имя его чисто, как в купели,
Но мир расправился с красавчиком твоим».

Восходит Солнце над горою Трон Артура[8];
Одело в бронзу Эдинбург и в золотцу.
Мария в комнате одна; взирает хмуро
Певец убитый; пот не льётся по лицу…
Она не ведает, что в эту ночь шагнула,
Великомученица, к своему венцу.

А Солнце всходит, как всегда, во благостЫне.
Там песнь запели, там рыданье завели.
Все судьбы разные, и в счастье, и в кручине:
Те – королевы, а другие – короли.
И плачут люди, как и прежде, так и ныне,
И странны Солнцу слёзы Матушки Земли.
С английского перевела
Марина Новикова

[1,5,7] Холируд (Holirood, букв. «Святое Древо» (Креста)) – замок-дворец в Эдинбурге, резиденция Королевы Шотландской Марии I Стюарт (1542-1587). Комнаты королевы находились на втором этаже северо-восточной башни. В часовне этого же замка-дворца Мария венчалась со своим вторым мужем, кузеном Генри Дарнли. (Первым её мужем был Король Франции Франциск I. За него Мария вышла 16-ти лет и овдовела 18-ти лет. В тех же покоях на башне Мария отдыхала днём, играя на арфе, вышивая или сочиняя стихи. Развлекал королеву её секретарь и любовник, юный итальянец Давид Риччио (Риччо) из Турина. Закончился их роман трагически. По приказу Дарнли группа вооруженных людей напала на Риччио прямо в королевской опочивальне, где он и погиб, истекая кровью. По-видимому, Дарнли не столько ревновал, сколько опасался того, что шотландская знать может не признать его отпрыска законным наследником престола (а Мария была на 6-м месяце беременности), объявив его внебрачным ребёнком Риччио [105].

[2] Эдин (иначе ЭдИна) – поэтическое название Эдинбурга (букв. «крепость или город Эдина»).

[3] Лотиан – земля на Северо-Востоке Шотлнадии.

[4] Мария была католичкой; шотландская знать к тому времени уже начала повсеместно переходить в протестантство.

[6] Ковенант – (букв. соглашение) союз протестантов (пресвитерианцев) Шотландии (1638). Заключён для борьбы с епископами Англиканской Церкви.

[8] Трон Артура – название горы, озвашающейся над Эдинбургом. Артур – полулегендарный кельтский вождь (V в. н.э.), герой романов о рыцарях Круглого Стола.

Алекзандер ВИНГФИЛЬД
(1828-1896)

Каледония[1]

Есть край, где зыблется и вереск[3], и репей[4],
Где не ступала рабская нога,
Где колокольцы[5] над могилами синей
У мучеников, павших от врага, –
Есть край, где мужество есть свойство сыновей,
Где цепь холмов крутая, как волна,
Где берега целуют бризы всех морей, –
Зовётся Шотия[2] она.
Прославлена средь всех земных широт она –
Шотландцев Родина.

Есть край, где лиры струны пробуждает бард
Лишь те, откуда вырвется огонь,
И вызывает песнь неистовый азарт
Даже в крови у трусов и тихонь, –
Есть край, где Уоллес за свободу первым пал
И кличем имя его сделала страна:
Гремит оно доныне, как девятый вал, –
Зовётся Шотия она.
Прославлена вовек из рода в род она –
Шотландцев Родина.

Края другие – ветви пальм пускай склонят,
Так дочери Шотландии краснЫ, –
И на полях наилютейших битв лежат
Бесстрашные Шотландии сыны.
И помнят вражеские крепости тартан[6]
И шотской славы шумные крыла,
И уплывали за моря и океан
Рассказы про её дела.
Великий выкормила на груди народ она –
Шотландцев Родина.

Шотландцу нЕ к чему смущение и стыд:
Да! – здесь родился он и здесь он рос.

Его родимый край повсюду знаменит
От Севера снегов до Юга лоз.
И ежели ступить захочет лиходей
На этот малый край – свободы рай, –
Ему навстречу вскинет голову репей:
«– Попробуй-ка, меня сломай!»
Таким дозором она вечно оборОнена –
Шотландцев Родина.
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

[1 2] Каледония, Шотия – либо старинные, либо поэтические варианты названия Шотландии.

[3, 4, 5] Вереск, репей, колокольчик – растительные символы Родины у шотландцев.

[6] Тартан – особая шерстяная клетчатая ткань. Используется для килтов, следов, беретов и других элементов шотландского национального костюма.

Эндрю ВАНЛИС
(1828-1898)

Родимый наш язык

Немало дней прошло, как покидали мы
Седой Шотландии дозорные холмы,
Ручьи петлистые, и вересковые долины,
И на откосах грозди алые рябин.
Любили Родину мы в пору давнины,
Когда и мы, и наша жизнь были юнЫ.
Но и теперь, когда кто взросл, а кто старик,
Её мы любим – и родимый наш язык.

Забыть ли сердцу те погожие деньки,
Когда из школы мы неслись вперегонкИ,
Неслись и прыгали по берегу крутУ,
Чтобы наплаваться в наполненном пруду?
Или спешили пробираться средь лощин,
Где полон лес уже твердеющих лещин
И где, подхватывая наш весёлый крик,
Катился отзвуком родимый наш язык.

Забыть ли сердцу ту часовенку вдали,
Где стены зеленью витою поросли?
Забыть ли кладбище, где лёгшие подряд,
Все деды-прАдеды натруженные спят?
Нет, не забыть нам край отечественный тот,
Где пели песни Роберт Бёрнс и Вальтер Скотт.
Слова их вышли из души, не только книг,
А сохраняет их родимый наш язык.

О, Мать-Шотландия! О, славы колыбель!
Шаги Уоллесовы слЫшны здесь досель,
И те молитвы, что прямые шлют сердца,
Взлетают прямо к трону нашего Отца.
Здесь наши мученики с нами держат связь,
Дитя-свобода здесь впервые родилась,
И проповедников гремел громовый зык –
Его донёс до нас родимый наш язык.

О, Мать-Шотландия! О, наш земной Эдем!
Ужель народ твой меж народов будет нем?
И, заплетаючи венки из мят и рут,
Их наши дочери, как мы, не назовут?
Нет, не закроются над нами небеса,
Не ослабеет наша вера в чудеса.
Когда достигнет нас любви блаженный миг,
Его озвучит нам родимый наш язык.

Так дай нам Боже не забыть наш старый дом,
Свою Шотландию, холмы её кругОм,
И где бы пО миру ни езживали мы, –
Быть ей не блудными, а верными детьми.
И где ни встретили бы чью-нибудь нужду,
Терпеть которую уже невмоготу,
Ей помощь дать и свет послать, – хотя бы блик, –
Как мы, всегда готов родимый наш язык.
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Патрик МакФЕРСОН
(1829-1890)

Принцесса Луиза ДеЛон[1]

Не знали мы Кэмпбелла славного[2],
Бремара не видели склон[3],
Но любим отчизну Репея – и
Принцессу Луизу ДеЛон.

Как вечер – рассвета преддверие,
Как розы преддверье – бутон, –
Видна Королева Виктория
В Принцессе Луизе ДеЛон.

И много имён драгоценно нам,
От многих скорбим похорон.
И Принца мы Чарли жалеем[4], но
Мы любим Принцессу ДеЛон.

Вдали от земли наших прадедов
Хоть каждый из нас был расселен, –
Мы видим величие Брюсово[5]
В Принцессе Луизе ДеЛон.

По-рабски не служим Короне мы,
Но, шля Королеве поклон,
Вся преданность наша торопится
На службу к Принцессе ДеЛон.

Пусть Императрица Виктория
Сто лет занимает свой трон,
Да здравствуют Принцы с Принцессами, –
Но первой – Принцесса ДеЛон.

С английского перевела
Марина Новикова.

[1,2] Принцесса Луиза ДеЛон (De Longe), точнее, Де Лонж (искаженное Лотарингская (1848-1939) – Луиза Великобританская, четвёртая дочь королевы Виктории и её мужа Принца Альберта, Герцогиня Аргайльская и ДеЛон по мужу, Джону Кэмпбеллу (1845-1914), 9-му Герцогу Аргайл и Маркизу Лорн. С 1878 по1883 гг. он был 4-м генерал-губернатором Канады.

[3] Бремар – гора на Северо-Востоке Шотландии. Была местом родовых вече шотландцев, от которых доныне дошла традиция т.н. Горских (или иначе – Богатырских) Игр (Highland Games). В пещерах Бремара, в братских могилах по кланам, были похоронены горцы, павшие под Куллоденом.

[4] Принц Чарли Стюарт, он же Младший Претендент, он же «Красавчик Чарли». См. комм. выше, к стихотворению того же автора «Чёрный день Куллоден».

[5] Брюс – имеется в виду Роберт де Брюс (the Bruce): первый король из династии Брюсов, после восстановления независимости Шотландии (1306-1329).

Патрик МакФЕРСОН
(1829-1890)

Чёрный день Куллоден
(16 апреля 1746 года)[1]

Вы, сёстры Мельпомены,
Огонь мне влейте в вены:
Сегодня – плач бессменный,
Боль тысяч, а не сотен.
И прадедовы сказы
Всё горше раз от разу,
И слёзы льются сразу
В наш чёрный день – Куллоден.

И где ни ступит кто-то, –
Там кости патриота,
И в небе непогода:
На всё бросает зло тень.
Безмерно наше горе
И не утихнет вскоре,
И Принц уплыл за море
В наш чёрный день – Куллоден.

Народ и Вождь унижен,
Стон отовсюду слышен:
Из зАмков и из хижин
Волынка плачет в тот день.
Нечистый одолел – и
Погибли наши гэлы,
Верны, честны и смелы,
В тот чёрный день – Куллоден.

Течёт ручей багряный –
У горцев плачут раны,
И в красной жиже кланы
Лежат среди болотин.
За правду и за право,
За Принца и за славу
Попали под расправу
Они в тот день – Куллоден.

В долине, полной мира,
Товарищество пИло –
Коварный враг средь пира
Просунул свору мордин.
Сам Герцог Вильям подлый[2]
Направил это кодло
Рубить и резать горло
В тот чёрный день – Куллоден.

В шотландские края вёл
Их воплощённый дьявол –
И трупы тех, кто падал,
Он клал, как ряд колодин.
И солнце, прежде танцем
Игравшее шотландцам,
Заплыло всё багрянцем
В тот чёрный день – Куллоден.

Ни стар, ни млад, ни дева –
Никто из вражья зева,
Их похоти и гнева
Не вырвался, свободен.
Пергамент лишь печальный
Донёс разгул повальный
Той адской убивальни
В чернейший день – Куллоден.

Кто не считал потери,
В Вождя и в Бога веря, –
Кто нас спасал от зверя,

Не куплен и не продан, –
За братскими столами
Их образ вечно с нами.
Но жрёт проклятий пламя
Врага в наш день – Куллоден.

А тем, кто прятал рожи,
А нам сипит: «– Мы тоже
Сражались вас не плоше», –
Тем пир наш не пригоден.
Их солнце скрылось в мути.
Взывайте же, о, люди:
«– Вперёд!» – и не забудьте
Тот чёрный день – Куллоден.

Чтобы наш край не плакал
От нечисти и дракул,
Был сам себе оракул,
Всевластен и всеплоден.
Чтоб тень сошла с природы,
Вернули долг народы, –
Тогда под склепа своды
Уйдёт тот день – Куллоден.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова.

---

[1] Куллоден – название селения и поля, на котором произошло решающее сражение между ополчением шотландских повстанцев и правительственными войсками. Ополчение шло походом на Лондон во время последнего вооружённого восстания шотландцев за независимость (1745-1746). Они восстали в поддержку «Принца Чарли» Стюарта: «Младшего Претендента» на британский трон. Трон этот Королёва Англии Елизавета I Тюдор завещала Якову VI Стюарту, сыну Марии I Стюарт. Принц Чарльз (1720-1788) приходился сыном «Старшему Претенденту», Принцу Джеймсу (1688-1760), сыну Якова II Стюарта (1660-1685), сводному брату Анны I Стюарт (1702-1714), последней Британской Королевы из династии Стюартов. Династию эту заменили на династию Гановеров. Т.о. Принц Чарльз был внуком Якова VI и праправнуком Марии I Стюарт.

[2] Герцог Вильям – командующий правительственными войсками в битве при Куллодене.

Патрик МакФЕРСОН
(1829-1890)

Шотландия

На Северном море, с восточного края,
Страна есть диковинная и крутая.
Косуля там бродит, олень там трубит,
Растёт колокольчик, цветёт маргарит.

Покрыла там горы сосна и берёза,
И мох нависает с морского утёса,
И тень есть, и солнце, – широк её кров, –
Есть шёпоты бризов, есть грохот валов.

Восславили древле Гомер с Оссианом
Своих патриотов стихом осиЯнным,
До нас донеся из туманных времён
Фантазии бардов, их сказочный сон.

Не нужно фантазий, чтоб, лиру настроив,
Твоих, о, Шотландия, славить героев.
Сражались Монтроуз твой, Уоллес и Брюс,
Крича: «– Я свободен, за то и борюсь!».

А танцы: квикстэпы, пиброхи и риллы –
И к свадьбе вели, и влекли из могилы!
И кто б отлежался, и кто б усидел,
Когда на волынке играет твой гэл?

Чей край, как не наш, под названьем известен
«Обители Муз и источника песен»?
Иным их Парнас – совершенства порог,
А нам – Вальтер Скотт, Роберт Бёрнс и Джеймс Хогг.

Строга и свободна, да будешь ты с нами,
Да будем всегда мы твоими сынами.
Удачи и славы ища испокон,
Да будем достойны шотландских имён.

Земля наших дедов! Не все мы до встреч с ней

Вдали доживали, – тем любим верней.
Шотландии вольной венок вековечный:
Её колокольчики, вереск, репей.

Шотландия вечна! Ура! Ура!
Служи ей сердечно! Ура! Ура!
Вершина Творенья, предмет восхищенья
Всех стран и народов. Ура! Ура!

С английского перевела
Марина Новикова

Патрик МакФЕРСОН
(1829-1890)

. Шотландский бард

Былые классики, от Греции до Рима,
Живут лишь в имени, как Аппиев их Путь.[1]
На полках царствуют, не читаны, не зримы,
Одним червям их есть да слугам отряхнуть.
Ещё – Шекспир стоИт, и Поуп, и Драйден рядом,
И Мильтон, пишущий роскошно и темно.
Богат он вымыслом и многострочным Адом,[2]
Но жизни нет и в нём, он мёртв давным-давно.
У Сатаны его ни крови нет, ни тела.
Сравните: Бёрнсов бес – совсем другое дело![3]

А вон и Вальтер Скотт: испив народных песен,
Олимпа горнего достигнуть он сумел.
Широкозвучен и повсюду интересен,
Парнас он штурмом взял, неустрашимый гэл.[4]
А там и Байрон: в тех же высях обнаружась,
То воспаряючи, то падая в провал,
Он и в восторг бросал, и повергал нас в ужас,
И всю страну своим стихом зачаровал.
О всех троих пошла молва гулять по свету[5],
Но в царстве песен только Бёрнсу равных нету.

Ни Китс, ни Кольридж, и ни Вордсворт, и ни Саути
Не удивят уже – их блеск уже угас.
Слаба их лира, как романтиков ни славьте:

Натужен тенор их, и слишком грузен бас.
А братья младшие, без ритмов, без мелодий,
И вовсе гОдны лишь для дружеских утех.
Их притязания, их угожденья моде,
Их строй нестройный вызывает нынче смех.
Пустых потуг ушла бесплодная эпоха,
Когда ловчили виртуозно, пели плохо.

МакКей ли, Суинберн ли, конечно, победили
В сравненьи с прочими хористами, – но ах! –
С великим Бёрнсом потягаются они ли
В могучей силе, в переливах и тонах?
Над Теннисоном наши уши Муза нежит,
Кисейной барышне подобно, – впрочем, он
Воспел и бешенство сражений: хрип и скрежет,
Победы возгласы и погребенья звон.
Но Теннисон ли перекроет Бёрнсу голос:
«– О, вы, кого водили в бой и Брюс, и Уоллес!..»[6]

Сидим мы дома ли, плывём ли к дальним странам,
Шотландским бардом мы гордимся всей душой.
А если срок придёт, и в саване пространном
Мы на последний наш отправимся покой, –
В День Воскресения, когда мы все вернёмся,
В краю бессмертия мы песней встретим Бёрнса!7

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Аппиева дорога – самый старый из древнеримских путей, соединявших когда-то столицу (Рим) с провинциями.

[2] Здесь и далее отсылка к поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай». Главным её персонажем является богоборец Сатана.

[3] Намёк на комическое изображение нечистой силы у Бёрнса. Этим, кстати, Бёрнс похож на Гоголя.

[4] Скоттами (шотами) называли в Шотландии кельтов – выходцев из Ирландии, но более поздних; гэлами – тоже кельтов, тоже выходцев из Ирландии, но более ранних.

[5] Характерно: все трое поэтов, особо выделенных автором, – шотландцы или полушотландцы (как Байрон, шотландец по матери).

[6] Цитата в конце строфы взята из знаменитого обращения Р. Бёрнса к шотландцам: «– Scots wha hae wi’ Wallace won!..». В переводе С. Маршака: «Вы, кого водили в бой / Брюс,

Уоллес за собой, – / Вы врага ценой любой / Отразить готовы!..». Брюс, Уоллес – герои Англо-Шотландской войны за государственную независимость Шотландии (1286-1306).

[7] Ср. похожий мотив «встречи в раю» в стихотворении

Джон ПАТЕРСОН
(1831-?)

Вдова Кэмпбелл

«<...> – Оставьте меня в доме, где жили мои предки, –
Вот всё, чего прошу я в земле, где родилась.
Я сберегу копейки, я подберу объедки –
И расплачусь по иску, пришедшему от вас[1].
Судебное решенье не оставляйте в силе,
И вас благословлю я! Спасение сбылось!».
Слова её и пса бы смягчили – не смягчили
Хозяина Лекмельма в шотландском графстве Росс.

«– Постойте, погодите! Другой не будет просьбы!
Дослушайте одну лишь, – и ропот мой затих...
Ой, детки мои, дети! – неужто не нашлось бы
Домишка для сироток, и выгнать надо их?
Лицо ваше светлеет? Душа ваша смягчилась?
О, Господи, спасибо! Спасение нашлось!..»
«– Я огласил решенье. Я не иду на милость»,–
Ответил лорд Ленкельма в шотландском графстве Росс.

С английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Текст свидетельствует о том, что в Шотландии и во II половине XIX века продолжалась тактика «зачисток» (Clearances) крестьянских наделов (crofts), чтобы освободить место для более экономически выгодного выпаса овец. Разница лишь в том, что на задолжавших крестьян-арендаторов хозяева стали подавать судебные иски.

Джон ПАТЕРСОН
(1831-?)

Мечты о Родине

<...> Любовь шотландца к той земле, где он рождён, –
Не шлюп, который мечет пО морю циклон.
Она – корабль, видавший страны и моря,
Что презирает Бурегонщика-Царя[1].

Она – колодец, оживляющий пески,
И луч надежды среди приступов тоски,
И пирамида среди сыпчатых зыбей[2],

И розы куст в родимой зелени своей[3].< ...>

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] Образ Ветра-циклона, вызывающего на море бурю (Короля или Вождя, King, – в оригинале; Царя в переводе) явно навеян климатом Шотландии и пришёл из её фольклора.

[2] Образ Колодца в песках пришёл из Библии, образ Пирамиды – из Горация.

[3] Образ Дикой Розы – национальный британский символ.

Джон ПАТЕРСОН
(1831-?)

На смерть канарейки[1]

Увы, бедняжка! –
Не шлёшь ты, пташка,
Пространству с временем свой сладостный псалом
И, звучной трелью
Зовя к веселью,
Не окликаешь нас, покамест мы живём. <...>

Увы, добрА гость!
Проходит радость,
Земли блаженство нам не дарится навек,
И в свитке Смерти
Все вровень, верьте:
И пташка малая, и зверь, и человек.

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Шутливые элегии на смерть домашних питомцев были в большой моде и в Англии, и в Шотландии XVII-начала XVIII вв. По тексту Дж. Паттерсона видно и то, насколько шотландская поэзия США XIX века отстала от литературных мод Старого Света, но также и то, насколько она их серьёзней.

Джон МЭССИ
(1833-?)

[Роберт Бёрнс][1]

Хвала Поэту, чья десница
Туда, где воспаряет птица,
Поставила наш край родной,
Чтоб через даль и дымку века
Светил душе он человека,
Как яркий луч земной.

Хвала тому, кто нас пленяет,
Кто все сердца объединяет
В мелодии свои,
Давая мудрость общежитью,
Связуя нас златою нитью
Сочувственной любви.

Кто независимости пламя
Повсюду зажигал меж нами
От искр – бессмертных строк
И, как наследное богатство,
Всечеловеческое братство
Собрать стихами смог.

Кто лордов научил брюхатых,
Что честь живёт и в нищих хатах,
Что замысел Творца –
Чтоб человечность человеку
Закрыла угнетенья реку
Плотиной до конца.

Чтоб осушился ток рыданий
И вытерлась слеза страданий
С отяжелевших век,
И поклонились бы народы
Веленью Бога и Природы,
Объединясь навек.

С американского английского перевела
Марина Новикова

[1] Название дано переводчиком. – Прим. составителя.

Арчибальд РОСС
(1835-1914)

Возмездие[1]

<…> Кто с очевидным в яром споре
Смысл отвергает a priori[2], –
Не могут те (иль не хотят)
Познать Вселенной Божий лад,
Каким живёт наш ум вовеки
По Промыслу о человеке.
Давал Спиноза знаний хлеб[3] –
Народ остался глух и слеп,
Не мысля даже, что их вера –
Лишь поросль от его примера.
Дал Бёркли разум душам их –
Вдогон они вопили: «– Псих!».
А Кант от их физиономий
Сбежал в систему антиномий[4].
Но ту систему не поняв,
Они сей труд загнали в шкаф,
Шипя: «– Туда ему дорога!
В нём ни словечка нет от Бога!».
Декарт и Лейбниц, Юм и Локк
Глупцам открыли уголок,
А те расселись: вот-де щель их!
Но тут явились Фихте, Шеллинг
И заглушили весь галдёж.
А там и Гегель: не поймешь,
Одни кричат: он светоч мира!
Другие: жулик и проныра! <…>

С английского перевела
Марина Новикова

---

[1] В стихотворении изображены американские обыватели. Они стремятся не отстать от модных философских течений, но не в силах ничего в них понять.

[2] A priori – (латин.) заранее.

[3] Далее перечисляются самые известные философы своего времени: Барух (Бенедикт) Спиноза (1632-1677), Джордж Бёркли (1685-1753), Иммануил Кант (1724-1804), Рене Декарт (1596-1680), Готфрид Вильгельм фон Лейбниц (1646-1716), Дэвид Юм (Хьюм) (1711-1776), Джон Локк (1632-1704), Йоганн Готлиб Фихте (1762-1814), Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (1775-1854), Георг Вильгельм Гегель (1770-1831).

[4] Антиномии – противоречия.

Арчибальд РОСС
(1835-1914)

Оправдание

Есть голоса – они полны нездешней власти;
Они являются нам, душу затопив,
И ни моленья, ни мечтания, ни страсти
Не остановят их торжественный прилив.
Ни опыт жизненный волну их не направит,
Ни мудрость книжная их звук не заглушит,
Их не прославит малый ум наш, не ославит,
А лишь с почтеньем обогнуть их поспешит.
Они откуда? и зачем Земле потребны? –
Но зря преследуем вопросами мы их.
В них родилсЯ всемирный лад великолепный,
Существование само явилось в них.
Но мудрецы Афин, и Рима, и Сиона
Зря тщились вычислить пути их колесА,
А философия – определить законы,
Дабы незримые объять их небеса.
Их нераспознанной не знаем мы природы,
Но миллионами – им внемлем каждый миг.
Без них и часа бы не выжили народы,
И даже космоса бы не было без них.

С английского перевела
Марина Новикова

Вильям ЭНДЕРСОН
(1836-?)

Джимова комната

О многих местах слагали стихи,
И в песнях хвалили, в историях.
И как ни старались носители зла,
Добро побеждало там в споре их.
Места на горах, места на морях,
С особенным знаком отличия, –
И хочется встать и шляпу там снять
При виде такого величия.

Но есть и местечко – о нём я спою,
Без всяких красот и величия.
Ни барду их петь, ни толпе их смотреть –
Нету такого обычая.
Однако ж у тех, кто знал там утех,
Счастливая память потом одна:
Когда невзначай мы припомним сарай
Под именем «Джимова комната».

Уж так-то тепла и так-то мала –
С трудом туда втиснется дюжина.
Но сколько же в ней из лесов и полей
Бывало гостей обнаружено!
И кто-то сосед, а кто-то и нет,
Но люди какие (вы помните?)
И пели мы в ней: «Будь славен, МакКей!» –
В той дальней Джимовой комнате.

Шекспир, он же Билл, давно говорил:
«Где стены – и уши там водятся».
Правы если классики, – что за рассказики
Слыхивать стЕнам доводится!
А если у стен ещё есть и язык
(Фантазия Билла огромна, да?),
Какие, тем более, может истории
Сказывать Джимова комната!

Здесь Джоки один и Джоки другой
Пили друг с дружкой за здравие,
А Чарли у Пинки таскал, как на рынке,
Байки и шуточки бравые.
А Колларс и Стивенс – ну, так веселились,
За стопочкой сидя за джиновой,
Что прыгали кадки – так были сладки
Сборища в комнате Джимовой!

Там кёрлинг катали, там квитлинг метали, –
Такие кипели там игрища!
И те, кто разъехался в дальние дали,
Встречались у Джима в живых ещё.
А сколь было критики всякой политики,
Сколько интриг обнаружено…
А Дуглас-старик пел в шёпот и в крик, –
И как же его было слушано!

Был Мур, из горян, Ван Клифф, из датчан,
И Росс (изучал он юристику).
А Тэмми и Вилли судили-рядили
Важное что-то про мистику.
Ни Ирвинг, ни Митчел про то не талдычил –
Знали, что знали на опыте.
И всяк был героем, и так хорошо им
Было в той Джимовой комнате.

Всех Джима гостей не исчислишь, ей-ей:
Не список – пожарная лесенка.
Оно и грешно мне, но всех не упомню –
Долгой получится песенка.
Но всяк, кто был верен и дружбой проверен, –
Не просто остались знакомы те:
А жили не зря они, коль вспоминаем мы
Их в нашей Джимовой комнате.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Вильям ЭНДЕРСОН
(1836-?)

Мы дураки

Мы дураки, мы дураки
Не с той ноги, не с той руки:
Те силачи, те тюфяки,
А те без меток.
Но все мы, братцы, дураки –
Не так, так эдак.

Ты хочешь знать: кто правды сын?
Построй фанатов ряд один:
Язычник, жид, христианин, –
Вопрос задашь ты
И убедишься: всяк кретин,
На свой лад каждый.

Спросить великих? Что ж, изволь.
Вот Царь, вот Папа, вот Король.
Не сам ли Бог доверил роль
Всех выше им, да?
Спроси – соврут! – из них тот шут,
А тот дурында.

Спросить министров? Полон рот
У них общественных забот.
Зато к такому слава льнёт,
И он прильнул к ней…
А слава – бац! – и удерёт!
Обманет дУрней.

Ещё попы всех ряс и рас –
Добро без лжи, ум без прикрас!
Тут каждый Небеса потряс.
А Небо глянет, –
И лопнут все они: раз-раз,
И вот дурлА нет!

Богач – тот тащит в уголок

Кто банк, кто верфь, кто уголёк.
А поглядишь – он в дурку лёг;
Там, как из воска,
Размяк башкой – и в краткий срок
Лишился мозга.

А этот ценит только знать.
Грудь выпятил, как цифру пять,
И на весь свет готов орать,
Кому он шурин.
Век ему воли не видать –
Такой уж дурень!

Любой боец или борец,
Любой поэт или певец,
Пусть он Истории венец,
Ходячий классик, –
Но в дураки и он, мудрец,
Попал хоть разик.

Умнейший в мире человек
Был Робби Бёрнс, – и что он рек?
«Коль есть очаг, и есть ночлег,
Жена и дети, –
Каких ещё богатств и нег
Искать на свете?».

И не бывало слов добрей,
И мыслей не было мудрей.
Но их писавший, – ей же ей, –
Случалось, тоже
Себя вёл, словно дуралей,
Или похоже.

А впрочем, мир не виноват.
Ты не копи ни желчь, ни яд, –
Любовь и правда победят –
Всю дурь размечут.
Пусть из-за них мозги болят –

Они и лечат.

Мы дураки, мы дураки:
Не с той ноги, не с той руки.
Те крепыши, те слабаки,
А те без меток.
Но все мы, братцы, дураки –
Не так, так эдак.
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Вильям ЭНДЕРСОН
(1836-?)

Старинная Слава

Тебя воспевают, флаг нашей страны,
Поэзии строки, истории главы.
Ты – Вольности образ, тебе мы верны,
И пьём за тебя мы, Старинная Слава.
Не видело солнце отважней тебя,
Не веяли ветры над чем-то прекрасней.
И, где ты ни реешь, любая земля
Становится славной – ведь ты же щедра с ней.
В сраженьи мы бравы, в любви не лукавы.
Тебе присягаем, Старинная Слава.

Салют наш – он в честь твоих звёзд и полос[1],
Ты – знамя Свободы и битвы за Право.
Где бьются достойно, – оно там взвилОсь.
Бесстрашия символ – Старинная Слава.
Под небом Лукаута, в Виксбурга лучах
Ты нас поднимала, ты к морю стремилась[2]
В бою и в пути, в наших днях и ночах,
Пока само зло пред тобой не склонилось.
Твоя мы защита, твоя мы управа,
А ты – наше сердце, Старинная Слава.

Так выпьем за алость, за белость и синь,
За неповторимой истории главы.
Пусть каждый твой верный, твой истинный сын

Тебя охраняет, Старинная Слава.
Везде, где ты веешь, средь гор или вод,
И от океана и до океана[3],
Пусть будет единый народ-патриот
Свободу и Право беречь неустанно.
В сраженьи мы бравы, в любви нелукавы.
Тебе присягаем, Старинная Слава.
С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] «Звёзды и полосы» (Stars and Stripes) – узор национального флага США. Красный («алый»), белый и синий – его цвета.

[2] «Марш к морю» (March to the sea) – поход республиканских войск во время Войны за Независимость.

[3] «От океана и до океана» – слегка трансформированная формула великих держав («от моря до моря»).

Вильям ЭНДЕРСОН
(1836-?)

Чья Родина краше?..

1.

Чья Родина краше Шотландии нашей?
Высокое небо, святая земля.
Чья Родина краше Шотландии нашей?
Сражений за Волю поля.
В век рабский и чёрный сам Рим непоборный
Увидел воочью, народ наш каков.
И битва у Ларгса, бой у Бэннокбёр
Крушили Свободы врагов.

Припев:

Чья Родина краше Шотландии нашей?
Высокое небо, святая земля.
Чья Родина краше Шотландии нашей?
Сражений за Волю поля.

2.

А чьи цветы краше, чем в Шотии нашей?
Чем наш колокольчик на берегу?
Подснежник и лютик, – назвать не забудь их! –
И рой маргариток в лугу.

А есть ли храбрей, чем шотландский репей,
Врагам-наглецам укрощающий прыть?
Кто хочет Шотландию сделать своей,
Решись на репей наступить!

Припев:

Чья Родина краше Шотландии нашей?
Высокое небо, святая земля.
Чья Родина краше Шотландии нашей?
Сражений за Волю поля.

3.

А песни чьи краше, чем в Шотии нашей?
Способней зажечь нам сердца?
Признаться любимым чуть слышно в любви нам
Иль вытереть слёзы с лица.
А если пора нам ударить тараном,
Чьи песни поднимут нас в рост?
Помогут народу восстать за Свободу?
Наш «Уоллес» и «Стёрлингский мост»!

Припев:

Чья Родина краше Шотландии нашей?
Высокое небо, святая земля.
Чья Родина краше Шотландии нашей?
Сражений за волю поля.

4.

Мужчины чьи краше, чем в Шотии нашей?
И нет, и не будет во веки веков!
И что же им нужно? – лишь доблесть и дружба,
Готовность на Родины зов.
Чьи девушки краше, чем в Шотии нашей?
И кто же им нужен? – не род и не чин.
Мечтают, – не скрою, – женой стать герою
И матерью наших мужчин!

Припев:

Чья Родина краше Шотландии нашей?
Высокое небо, святая земля.
Чья Родина краше Шотландии нашей?
Сражений за волю поля.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Вильям ЭНДЕРСОН
(1836-?)

Шотландия вечная

Земля, где свободно ступает повсюду нога,
Где плачено пахаря пОтом и кровью страдателя,
Где быстро могила встречает прямого врага
И вдвое быстрее лукавого встретит предателя, –
Земля наших предков, родимая наша земля:
Долины и горы, и смена красот бесконечная,
Полив её пОтом и кровью, и плугом взрыхля,
Девиз повторяем: «– Шотландия вечная!»
Шотландия вечная! Вечная, вечная!
Девиз повторяем: Шотландия вечная!

В тот день, когда викингов высадил в Ларгсе[1] Хакон[2],
Когда их дружины несли нам погром и пожарища, –
Узнали враги, как репей наш кусается: он –
Сын нашей земли, от позора её защищающий.
Они полагали, что в полночь ворвутся врасплох? –
Не спасся никто, когда впился в их груди наш меч, рубя.
А в пятки бежавшим вцепился наш чертополох[3],
Наш возглас победы: «– Шотландия вечная!».
Шотландия вечная! Вечная, вечная!
Наш возглас победы: «– Шотландия вечная!».

Когда собрались англичане, как стая во мгле:
Король Эдуард, и бароны, и графы их бравые, – [4]
И тысячи тысяч шагали по нашей земле,
Дабы без свободы отныне жилось, без державы ей, –
Тогда к Бэннокбёрну с шотландцами вышел наш Брюс[5],
И мало их было, готовых тебя уберечь, земля,
Но крик петуха не услышал ни слабый, ни трус[6],
И спас тебя меч наш, Шотландия вечная.
Шотландия вечная! Вечная, вечная!
И спас тебя меч наш, Шотландия вечная!

Когда Бонапарт на вершине успехов своих
Границы сметал и дрожащим приказывал нациям, –
Когда само Время настало и выбрало их:

Поборников Мира и Лада, велевши собраться им[7], –
Тогда Ватерлоо в нас дохнуло огнём из жерлА,
Тогда мы, драгуны, мы, в серых мундирах картечь ловя[8],
Помчали вперёд, в наступленье, – и Землю спасла
Та серая рать, та Шотландия вечная.
Шотландия вечная! Вечная, вечная!
Та серая рать, та Шотландия вечная!

Так было от века и так остаётся навек:
В Крыму ли, в Испании, Божьей хранимые ласкою,
Мы честь отстояли, и наш Эдинбург, и Квебек[9],
И наши волынки играли нам славу шотландскую.
Вовеки Прогрессу мы будем опора и щит,
И правду, и право – мужчины – мы будем беречь, любя.
А ты – сам Господь тебя мощной рукой защитит,
Укрывши заботой, Шотландия вечная.
Шотландия вечная! Вечная, вечная!
Укрыта заботой, Шотландия вечная!
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] Ларгс (шотл. гэлик, ирландск. гэлик *An Leargaidh Ghallda – пустошь Бога Лира*) – селение в устье р. Клайд в Северном Эйршире, Шотландия.

[2] Хакон IV (Haakon IV of Norway) – норвежский конунг. С 1217 по1263 гг. Король Норвегии.

[3] По гораздо более древней легенде, враги подкрадывались к лагерю скоттов (шотов) глубокой ночью, рассчитывая напасть на спящих и взять в плен их вождя Фергюса (IV в. н.э.). Но один из лазутчиков напоролся в темноте на заросли репейника (чертополоха). Он громко закричал от боли; скотты (шоты) проснулись, взялись за оружие – враг бежал.

[4] Имеется в виду военный конфликт между Королём Английским Эдуардом II (прозван «Молотом Шотландцев») и Шотландией, восставшей и требовавшей признать её независимым государством.

[5] Возле речки Бэннокбёрн произошло сражение (1314) между войском Короля Эдуарда II и шотландским ополчением. Ополчение возглавил Роберт де Брюс (the Bruce), будущий Король Шотландии Роберт I, основатель династии Брюсов (1306-1371).

[6] Намёк на евангельский эпизод. Во время последней трапезы с учениками («Тайной Вечери») Христос предсказал Апостолу Петру, что тот трижды отречётся от Него раньше, чем пропоёт петух. Так и произошло во время допроса арестованного Христа. Услышав крик петуха, Пётр вспомнил слова Учителя и горько заплакал.

[7] Подразумевается т.н. Священный Союз: военно-политический альянс государств, воевавших против Наполеона Бонапарта. В него входила и Британия.

[8] В оригинале «the Scotы Grays», буквально «серые шотландцы». Так именовали старейший шотландский полк – драгунский (лёгкую кавалерию). Он принимал участие в битве при Ватерлоо (1815), где войска Наполеона потерпели сокрушительное поражение. «Серыми» шотландцев назвали или по цвету мундиров, или по масти коней («серые, в яблочках» – рыцарская масть. Конницу вообще формировали из рыцарей; пехоту с луками – из крестьян.

[9] В оригинале упомянуты четыре топонима: 1) Alma; 2) Lucknow; 3) Corrunna; 4) Quebec. Они обозначают четыре зоны боевых действий, в которых участвовали шотландские подразделения британской армии. «Альма» – это долина р. Альмы и окружающие её холмы, Альминские высоты, – в Крыму, под Севастополем. Там разыгралось одно из самых ожесточенных (и знаменитых) сражений Крымской (иначе: Восточной) войны 1855-1858 годов. Лукно (Lucknow) – столица штата Уттар Прадеш (Uttar Pradesh) на Севере Индии, в XIX веке – часть колоний Великобритании. Там 1857 году произошел бунт, который пришлось усмирять британским войскам, в т.ч. шотландским частям. Корунна (Corrunna) – город на Северо-Западном побережье Испании. Был одним из испанской освободительной войны против Наполеона Бонапарта (1810-1815). Испанцам помогали регулярные британские части, в т.ч. шотландские. Квебек (Quebec) – провинция на Востоке Канады и её одноименная столица. Первоначально Квебек был центром французской колонизации Северной Америки. Позже англичане с помощью военной силы вытеснили французов из Канады (в т.ч. из Квебека) и превратили эти земли в английские колонии [265].

Показательно: кроме случая с Корунной, шотландские драгуны (см. ниже) нигде не защищали ни «свой» дом, ни дом аборигенов. Но автор этого не замечает.

Дункан МакГрегор КРЕРАР
(1836/37-1916)

Колокольчики Каледонии[1]

Колокольцы, привет! Вас увидеть я рад!
Из-за дальних морей вас отправил мне брат,
Из священной травы у родного крыльца,
Из развалин, увы, от усадьбы отца.
Каледонии вы колокольцы!
Цвет родной синевы, колокольцы!

Хоть уж нету давно там ни крыши, ни стен, –
Сколько памяти вы воскресили взамен!
Нет кукушки в лесах, нет скворца на очах,
И холодный стоИт средь бурьяна очаг[2]!
Каледонии вы колокольцы!
Цвет родной синевы, колокольцы!

Дом был крыт камышом3, но исполнен любви,
Даже воздух – касание мирной струИ;
И поёт в доме мать, и читает отец,
И сидеть хорошо у трескучих дровец.
Каледонии вы колокольцы!
Цвет родной синевы, колокольцы!

Спит отец уж давно и плывёт в облака;
Только мать нас хранит и голубит – пока;
Только ждут колокольцы, мой якорь земной,
И пока они ждут, моё детство со мной.
Каледонии вы колокольцы!
Цвет родной синевы, колокольцы!
С английского и скотса (шотландского)
перевела Марина Новикова

---

[1] Bluebells – возможен двоякий перевод: 1) колокольчики; 2) гиацинты. Одно из символических растений Шотландии. Ср. у Роберта Бёрнса в послании другу, школьному учителю из Охилтри: «<…> И колокольчикова поросль …».

[2] Камень, лежавший в очаге, веками был символом дома. Остывший (а тем более поросший сорной травой) очаг – символ дома разорённого, обезлюдевшего, превратившегося в руины.

[3] Кровля, крытая не черепицей, а связками камыша, – примета небогатой крестьянской семьи.

Хантер МакКАЛЛОХ
(1847-1905)

Анне Брох

Кого на помощь звать: бойцов ли, мудрецов?
Отдаст ли Смерть нам наших мертвецов?
О, та, что навсегда пребудет нам своей!
О, вздох последний, в трепетанье
Из глаз, из губ её ушедший, всё слабей,
Тебе, о, ведьма Смерть, освободивший зданье!
Сам этот день и жизнь сама, ваш бег
Остановите, ныне и навек!

Жизнь наша коротка, о, как же коротка!
Но для тебя была ещё короче.
Ты в гости к нам, подобьем лёгким мотылька,
Слетела у дверей неисходимой ночи!
Ни наших бед, ни радостей, – светла,
Сквозь этот мрак узнать ты не смогла.

Застывшая душа! Не мысля, не скорбя,
Не видя, – для тебя ни завтра, ни вчера нет.
Иль от себя спасла саму себя?
И наш нещадный свет тебя уже не ранит?
Взгляд Смерти – он готов живое разлагать,
Но не тебя, – тиха, глуха уже, белА ты!
Ненужную оставила ты кладь
Надежды и любви, восторга и утраты.

Росток наш неокрепший! Свет себя вонзил
В тебя – и, не найдя ни ветки, ни бутона,
Чтобы схватить, – дошёл до скрытых жил
И дрожь корней твоих подрезал непреклонно.
Ни гимна нет тебе, какой бы спел арфист,
Ни статуй, как от царств, каких уже не стало.
Лишь уронила жизнь короткий лист
На гладь пустого пьедестала.
С американского английского перевела
Марина Новикова

Хантер МакКАЛЛОХ
(1847-1905)

День Благодарения[1]

Благодарствуй, Господь!
Что прекрасно здесь всё, и все с нами в ладу;
Что полнЫ наши житницы в этом году;
Что прикуплены земли (фартит так фартит!);
Что стоИт особняк – серо-бурый гранит –
И на бухту глядит;
Что провёрнут наш займ под большой интерес[2];
Что упрочен наш ранг и повышен наш вес;
Что нам жить стало легче и красть веселей,
И за множество разных удобных вещей;
Что росли в ноябре дивиденды[2],
И за всяки приятны моменты;
Что в двух банках счета – не смолоть, -
Благодарствуй, Господь!

Благодарствуй, Господь!
Что одежда ветхА: та беда не лихА,
Ведь могла бы она быть и вовсе плоха;
Что работа – за столько (не мене, не боле),
Чтобы лечь бы нам только, как кильке в рассоле;
Что мы тонем, а нос ещё кверху торчит,
А кто медленно мрёт, тот сразу не мгновенно убит;
Что тьма тьмущая злобствий и бедствий
Ещё прячутся в нашем соседстве,
Но пока в ноябре нас не тронули;
И за блага, каких мы не вспомнили;
Что мы копим на каждый ломоть, –
Благодарствуй, Господь!

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1]День Благодарения в США – ежегодный официальный праздник. Празднуется в четвёртый четверг ноября. Установлен первыми поселенцами (т.н. the Pilgrims) в знак

благодарности Богу за то, что в первый год на новой земле они выжили и собрали первый урожай.

[2] Интерес – процент. Дивиденды – доходы, получаемые владельцами акций.

Хантер МакКАЛЛОХ
(1847-1905)

Не забывайте

Забудьте век, переменивший мир.
Шесть поколений, как ушёл кумир
Шотландии, чьим голосом она
Пела тогда и ныне пленена.
Забудьте ум его и чудеса,
Какие вслед послали небеса!..

Железный путь и паровой котёл,
Радиоголос, что весь свет прошёл,
И ширь недосягаемой земли,
Где слышат рядом, говорят вдали, –
Забудьте всё, что магией звалось!
Нам магией остался только Бёрнс!

Шотландии великая душа! –
Чья песнь сердечна, тем и хороша;
Кто пел псалмы, про подать хлопотал[1],
Кто плакал с Мэри, с Тэмом хохотал[2];
Чей острый взгляд поймал бездомку Мышь
И подарил ей лучшую из крыш[3];
Чей скромный Пахарь, детской простоты;
Стал образом блаженной чистоты;
Кто не отверг Весёлых Нищих блуд[4]
(Сейчас его «природностью» зовут);
Кто в песнях слово с музыкой венчал;
Чей голос – наша гордость и печаль.

Кристальная душа! Она жива,
Холопства чуждая и шутовства.
Её строкам цены доселе нет:
Что свет ей? – Новый, как и Старый Свет?..
Кто слово правды смело произнёс;

Кто убеждений модой не марал –
Республиканцем жил и умирал.

Но не забудьте: Бёрнс оставил стих
Для злых и добрых, мёртвых и живых.
И все спешат присвоить волшебство!
Лишь чистые – наследники его!
Им он поёт, им сердце отдаёт,
Привычки их и чувства узнаёт;
Корни их душ низы сплетая и верха,
Из них он ткёт материю стиха.

И не забудьте, что при жизни Бёрнс
Беднее был, чем бесприютный пёс,
И дум поэтовых высокий строй
Монетой не оплачен золотой.
Да, был короткий, грубый маскарад:
Был Эдинбург как будто Бёрнсу рад;
Был Искус обольстительной игры
Той пошлой и посредственной поры.
Но Бёрнс прервал их обольщений ход,
До Каледонских не охоч охот.
И, – ангелы! – ощерившись, как зверь,
Они поэта вышибли за дверь[5]!

Не забывайте: будь теперь он жив,
Его долгов бы тот же смял массив,
И те же уморили доктора,
И та же продолжалась бы игра,
Но так же бил бы хлыст его сатир,
И презирал его «учёный мир»,
И хмыкал, прочитавши, богатей,
Что «человек-де создан для скорбей»[6].

Не забывайте: будь он жив теперь
(Такой же голос гОря и потерь),
Он той же дУри слышал бы упрёк,
И те же баре, севши в уголок
И чтя гордыню только да гульбу,

Ему б желали счастья – но в гробу!

И помните: Бёрнс избежать не мог
Всего, чем страшен человеку рок,
И чем, надевши тысячу личин,
Рок ловит всех – и женщин, и мужчин.
Судьба была такой, какой была:
Глухая к прописям добра и зла.
И не забудьте: всяческой судьбы,
Великой, малой, – все мы лишь рабы.
А Бёрнс собой остался до конца:
Умер, как жил, – не потеряв лица.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1]Ради содержания семьи Роберт Бёрнс вынужден был в конце жизни работать разъездным сборщиком податей. Он объезжал крестьян, арендовавших у лэндлордов свои земельные участки. Эта должность, изнурявшая Бёрнса и морально, и физически, подорвала его здоровье и привела к ранней смерти.

[2] Мэри – имя нескольких лирических героинь Бёрнса; Тэм (О'Шантер) – имя главного героя одноименной комической поэмы.

[3] Подразумевается элегия Бёрнса «Мыши, чьё гнездо я разорил своим плугом». Этими строками поэт подарил зверьку «лучшую из крыш» – поэтическое бессмертие.

[4] Имеется в виду поэма «Весёлые нищие»

[5] Бёрнс посетил Эдинбург, где сначала был обласкан, став модной игрушкой местных богачей и их салонов. Но поэт быстро показал свой независимый нрав и потерял поддержку мнимых покровителей.

[6] «Человек был создан для скорбей» – библейская цитата, давшая название одной из Бёрнсовых элегий (Man Was Made to Mourn).

Хантер МакКАЛЛОХ
(1847-1905)

Расставание после праздника[1]

Что к нам завтра придёт,
То нас завтра найдёт,
А потом в нашу память уйдёт.

Дни идут и года,
И уносит вода
Всё великое с малым туда.

Было сладко кричать:
«– Здравствуй, гость!» – в этот май.
Стало горько шептать
В ноябре им: «– Прощай!».

О, Народы, ура вам, собравшим
Голоса, чтобы пелось вольней!
О, Народы, хвала вам, приславшим
Самых лучших своих сыновей!
О, Народы, тепло нам, обнявшим
Вас любовью всеобщей своей!
Пусть ещё сотню лет
Не увянет букет –
Ваш, Народы, Союз и Совет!

Флаги снял? – сохрани!
Гость уплыл? – не забудь!
Звонит звон в эти дни
На весь свет: «– В добрый путь!».
1876, 10 ноября
С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1]Стихи написаны ровно через полгода после 10 мая 1876 (см. предыдущее стихотворение).

Хантер МакКАЛЛАХ
(1847-1905)

Репей

Почтительно посвящается клану МакДональдов
их бардом Хантером МакКаллахом
(на мотив шотландского танца «Туллохгорум»
и песни Дж.Скиннера)[1]

Пусть, кого хочет, восхитит
Роз и фиалок томный вид,
Цвет их очей или ланит, –
Не то хвали лилею.
Хоть крут и колок наш цветок,

Крут и колок, крут и колок,
Крут и колок наш цветок, –
Но я молчать не смею, –
Крут и колок наш цветок.
Но враг, коварен, босоног,
Не подкрадётся под шумок
К шотландскому репею.

Репей – цвет трона и двора
(И демократии – ура!).
Не устрашит его жара,
Мороз не скрутит шею.
И прям, и крепок наш цветок,
Прям и крепок, прям и крепок,
Прям и крепок наш цветок –
Копьём грозит злодею.
Но прям и крепок наш цветок,
И поручил, наверно, Бог
Хранить и Запад, и Восток
Шотландии – репею.

Когда ж окончит он свой день,
Где правил труд и рЕдка лень, –
Взлетит он семенем под сень
Небес, подобно змею[2].
И прост, и весел, словно песнь,
Прост и весел, прост и весел,
Прост и весел, словно песнь,
Жить будет вместе с нею!
Весь прост и весел, словно песнь:
В ней наша память, наша честь!
И жив наш край, покуда есть
Местечко в нём – репею!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] Стихотворение «Туллохгорум» было написано шотландским поэтом XVIII века Джоном Скиннером (Scinner, 1721-1807). Ритмически – оно основано на мотиве шотландского народного танца туллохгорума (tullochgorum) (Scott, Tom (Ph.D.). The Penguin book of Scottish Verse / Tom Scott // [intro. and ed. T. Scott]. – London : Penguin, 1976. – 519 p. – P. 209, 279). Ср.

начальные строки Дж. Скиннера: «А ну-ка, братцы, запоём! / Чего вам каркать» вороньём / Да препираться о былом? / Кончайте-ка с раздором! <…>» (Новикова М.А. Шотландии кровавая луна, 2007. – С. 154). Это стихотворение-песню очень любил Р.Бёрнс.

[2] У репея форма семян – крылатки с пушистыми «парашютиками». Ветер поднимает их на воздух и разносит по полям и лугам.

Хантер МакКАЛЛОХ
(1847-1905)

Столетие провозглашения Союза Североамериканских Штатов[1]

Этот год, этот день,
Этот солнечный май –
Нам он дарит сирень
И ликует: «– Встречай!».

О, Союз наш, забыть ты не смеешь
Наших зодчих, тебя созидавших!
О, Союз наш, ценить ты сумеешь
Боль усилий, тебя закалявших!
О, Союз наш, поля ты засеешь
Наших предков, их раньше вспахавших!
Мы единой судьбой
Породнились с тобой,
Миллионы тебя отыскавших!

Гость плывёт – всем привет!
Флаг стоит – поднимай!
Ждём к себе целый свет
В этот день, в этот май!
1876, 10 мая

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1]Первоначально, ещё до образования США, был образован Союз Североамериканских государств (штатов) (1781-89) (Outline of U.S. History. – Bureau of International Information Programs, 2005. – 368 p. –. 68-86).

Вильям МакДональд ВУД
(1847-?)

Памяти Томаса Гатри, проповедника

Вот тот, кто стОит ваших слёз!
Каких ему бы вы ни дали званий,
Он с честью всех бы их пронёс…
Бурлящий дух, мильон исканий:
Искала мысль его дразнящие стремнины;
Искали руки его краски или глины;
Искала действий эта выучка мужчины.

Так кто ж он был? Покрытый сединой,
Он мирно спит, но гроб его жгут слёзы
Приютские; с улыбкою живой,
Но в шрамах весь: бои прошли и грозы.
Железный воин, ветеран суровый –
Но милосердье ткало его слово,
И тьмы сирот его просили крова.

Так кто ж он был? Он Божий голос был.
Уста его сожгло Господним углем,
И золотая лесть бесовских сил
Тот путь прямой не сделала бы круглым.
При свете долга, сквозь моря и суши,
Он шёл в ночи, зовя заблудших души,
И даже враг звучал вдогонку глуше.

Он – златоуст, но книжников попрал:
Чем те умней, тем он был огнепальней.
И принимал народ его закал,
Как сталь от кузнеца на наковальне.
Он презирал как Вождь из Галилеи[1],
Хвалы толпы, подарки и елеи,
Убогим спины распрямив и шеи.

В своих скитаньях не лишал он прав
Злодеев, прокажённых и бездомных.

Упрёки фарисеевы поправ,
Так шёл он сквозь трущобы злых и тёмных, –
И в пламенном напутствии пророка
Сгорал весь сор и пьянства, и порока,
И дом их ждал у отчего порога.

Он Томас Гатри – наше торжество!
Не слышен больше голос тот горячий.
Но мы богаче славою его,
А Небо его щедростью богаче.
Так – напишите на его могиле:
«Шотландия дала, что в её силе:
Добро и доблесть, – их сынам дарили».

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Вождь из Галилеи – Иисус Христос.

Вильям МакДональд ВУД
(1847-?)

Слава государству![1]
(на мотив песни-гимна «Янки[2], Дудль[3]»)
Государству моему,
Слава, великану!
От морей и до морей
Вставшему титану!
Сотню лет слуге добра
Божеским посланьем!
Песней, криками «ура!»
Мы тебя прославим.

Грянем сотней языков,
Но единым гимном,
Заглуша раздора рёв
Пеньем, дорогим нам.
Гота мощь и гэла страсть
В нас неразделимы.

Как один, к тебе припасть –
В наш Союз хотим мы.

Славься же, Америка,
Честных государство!
Ты – Свобода, ты – Закон,
Без цепей и царства.
И народы под ярмом
Феодальных пугал
Оживают при твоём
Гимне «Янки, Дудль».
С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Этот текст (в разных редакциях) автор несколько раз посылал на конкурсы национального гимна США.

[2] Янки – прозвище американцев. Первоначально так называли только жителей Новой Англии (будущих Северо-Восточных штатов), затем – американских солдат-северян во время Войны за Независимость (1765-68). В наши дни «янки» называют любого белого аборигена (или ещё шире: любого белого обитателя) США.

Прозвище это датского происхождения. Оно восходит к датскому имени Ян (Jan) и прозвищу «Сыр(ы)» (Kaas). Сначала оно было дразнилкой для переселенцев-голландцев, позже – для датчан-торговцев контрабандой, прежде всего алкоголем (freebooters). Сами датчане Нью-Йорка переадресовали это прозвище английским поселенцам штата Коннектикут.

[3] «Янки, Дудль» – американская песня, юмористическая по содержанию, имевшая много импровизированных вариантов. Стала особенно популярной во время Войны за Независимость. «Дудль» (doodle) – слово, имитирующие звук военной флейты, fife (многие столетия – маршевого инструмента). Он звучал вместе с барабанами, помогая сохранять походный шаг или отбивать шаг парадный, а также ходить в атаку. [322, p. 1546-1547].

Питер Росс
(1847-1902)

Два шотландца

Два юных шотландца из дома ушли
Фортуны заморской на ловлю:
В Америки дали – в её города ли,
На ферму ли, или в торговлю.

Был дорог им дом, и холм их, и дол,
Где башни старинные высились.
Но жить без наследства – не лучшее средство
Свою обрести независимость.

У озера Эри пахали они[1],
Боролись со страхом и голодом,
Пока, раскорчёвана, без сорняков она
Стала – землица их – золотом.

А мИлею ниже лежал городок –
Округи всей центр и толкОвище.
Пошли друзья пробовать, там приторговывать:
Просо, и много чего ещё.

Шотландочки в город приехали тот
И прямо им в сердце заехали.
И выросли крыши усадьбы их выше,
И дети в усадьбе забегали.

Вот так они жили, привыкшие к миле,
Ведущей от фермы до города.
Богатыми стали – не перестали
Жить так же и просто, и молодо.

ЗанЯлся тот шахтой, дорОгой – другой,
Тот камнедробилкой, тот мельницей.
Росли их дела, но росла и детвА –
Трудам помогала умериться.

Тот церковь построил и клир накормил,

Тот к бедным отнёсся добрее:
Дал больнице жильё, и назвал он её
«Домом Святого Андрея».

Чем стали богаче, тем стали щедрей,
Не ханжествуя, не лукавя, – и
Несчастных немало их благословляло,
Сироток – молилось о здравии.

Так жизнь их текла, пряма и светла,
И люди обоих любили.
Хоть не раз дармокрадцы, придя побираться,
На их доброту их ловили.

И день их угас, у двоих в один час, –
Ушли они к дальнему дому.
Не разняв друг от друга, сошлась вся округа
Друзей хоронить по-родному.

Над надгробьем двойным есть навес в высоте,
От ветров охраняя и ливней,
И сплелись имена на единой плите,
И такие слова мы прочли в ней:

«Упокой их Господь! Натрудилась их плоть,
Ферма блещет порядком и глянцем.
Они жали-косили, а паче любили
Помочь землякам их, шотландцам.

«Ведь шотландец шотландцу – по Родине брат,
Помогает без помпы и вереска…
А в минуту счастливую пели песню, мотив её
Разучив на холмах среди вереска.

«Они прожили просто, по правде своей,
С нами радость делили и горести.
И труды их измерены, – там, где теперь они,
С миром прими их, о, Господи».

С шотландского (скотса) перевела

Марина Новикова

---

[1] Озеро Эри(Erie) находится в штате Пенсильвания. Принадлежит к группе Великих Озёр США, располагаясь между озёрами Гурон и Онтарио. Названо оно на языке индейцев-гуронов и означает «место дикой кошки» [322, p. 461].

Питер Росс
(1847-1902)

Пёртский Холм

Красив он летом, Пёртский[1] Холм[2]!
Цветов, цветов на склонах – тыщи те!
Нигде на свете краше форм
И слаще запахов не сыщете.
Струится к морю гордый Тэй[3],
А Киннол – в мороси и мреве он[4].
Но всех пейзажей мне святей
Один лишь взгляд на мою Мэрион.

Поэты пишут: «– Ах, краса!» –
Про зелень трав, про птичьи перышки,
Про солнце, месяц, небеса.
А мне всего милее – девушки.
Ни дама света не нужна,
Ни блеск столиц – ни в малой мере он.
А нужен домик в три окна
И поцелуй от моей Мэрион.

Всю ночь гуляли по холму,
А ночь была такая ясная.
Сам месяц серебрил нам тьму,
И Тэя радовала нас струя.
Мы поклялись тогда в любви:
Союз – на счастье и потери он.
И сколь продлятся дни мои,
Благословлю согласье Мэрион.
С шотландского (скотса) перевела

[1] Perth – Пёрт, город в центре Шотландии, одна из прежних столиц страны, ныне столица одноименного графства. Есть Пёрт и в США, там это название (с добавлением Amboy) перенесено на город в штате Нью Джерси. Есть Пёрт и в Австралии: это порт и столица Западной Австралии [322, p. 1009).

[2] The Inch – шотл., буквально «изолированное место: остров, холм и др.» (Ibid., p. 682).

[3] The Tey – река, протекающая через Пёрт.

[4] Киннол – другое, кельтское название «Пёртского Холма».

Джеймс Д. КРАЙТОН
(1847-?)

Лонгфелло

Властитель дум! Ты вызывал ответ в них,
Едва на лире древней зазвучав.
Зевсоподобен, светел, величав –
В одном лице поэт и проповедник.
Ты над толпою высишься без гнева,
Не ровня для рифмующих орав.
Царишь ты, все сердца околдовав
Красою всемогущего напева.

Не верой лицемеров и рабов
Ты веруешь – не верой эгоистов.
И жадности напор (а он неистов!)
Молчаньем обходить ты не готов.
Ты не поэт из тех, кого несло
На пошлости, банальности и сказки,
Кто красил жизнь в придуманные краски
И перепутывал добро и зло.

Тебя заставить богатей не мог
Продать протест твой за рукоплесканья,
Не замечать неправды и страданья,
Которые велел нам видеть Бог, –
За золото медяшки выдавать,
Перед позором преклонять колени,
Без содроганья, без смущенья тени
Своих голодных братьев миновать.

Ты презираешь веру без души,
Не заперся ты от людского горя,
И не сидишь у призрачного моря,
Вкушая «радость райскую» в тиши.
Но, словно Мильтона псалом старинный,
Одолевая времени мосты,
Твои уроки, строги, но просты,
Обиды наши лечат и кручины.

В твоих стихах – неотразимость правды,
Высокая и мощная краса,
Как палец, устремлённый в небеса…
И любишь громко свой твердить устав ты:
Что человек богат не сам собою,
Что дважды жизнь прожить нам не дано,
И боль прощать пора давным-давно
И не лелеять горькое былое.

Тогда любовь крылами станет людям, –
Тем, кто для Бога жил и для людей, –
И мы взлетим кратчайшим из путей
Туда, где – слуги – мы сынами будем.
1875.

С английского перевела
Марина Новикова

Джеймс Д. КРАЙТОН
(1847-?)

Причитанье пастуха-шотландца, уехавшего в Америку
(Песня)

Верните мне мой старый дом,
Тень лощин, и плеск их речек –
Там на холме и под холмом
Я целый день стерёг овечек.

И тёрся пёс мой об колени,
И всех царей я был блаженней:
Мой скипетр – ветка от ольшины,
А царство – Лоуленда лощины.

И вижу я во сне озёра
И вязы векового бора.
Холмы выходят из туманов
Толпой прадавних великанов.

А утром с гор уходит дым
Под солнцем тёплым, молодым.
А вечером ложатся росы,
И Мэри я целую косы.

Судьба за море увела.
Иное племя мне знакомо:
Их сердце прочно, речь тепла, –
Но нет ни Мэри здесь, ни дома!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Джеймс Д. КРАЙТОН
(1847-?)

Сад Муз

Я прошлой был ночью в волшебной стране,
Коль сна и мечты не обманывал зов.
Негасшее солнце пригрезилось мне
И музыка сотен ручьёв.

И видел я сад зачарованный Муз,
Где что ни поэт, то росток иль цветок.
Подробно его описать не возьмусь,
Зато наглядеться не мог.

Шекспир возвышался там – сочный алОй,
Единожды в жизни стоЯщий в цвету,
А Данте с Гомером, – титан и герой, –
Венчали, как лавр, высоту.

Там Чосер обломки седой старины
Плющом обнимал, вечно зелен и юн,
А Севера барды, как ствол у сосны,
Украшены строчками рун.

Колючий кустарник – топорщился Поп
(Прости мою шутку, сердитая тень!)
А Мильтон ослепший – как гелиотроп,

За солнцем вращался весь день.

Там Байрона жалил шиповник, как страсть,
А Спенсер – рассыпал он ландышей вязь,
А Китс, как нарцисс, чуть расцвёл, чтоб опасть,
А Герберт цветёт разветвясь.

Там Шелли чистейший раскрыл белоцвет,
Подобие лилии в тихой реке,
А Геманс и Лэндон – сомнения нет –
Как двойня в одном уголке.

А Вордсворт – он жимолость, вьющийся весь,
А Лэм – он иссОп и для дам, и для фей,
А Хогг – он нагорный цветок эдельвейс,
А Суинбёрн – огонь орхидей.

Но кто там король, кто возглавил тот сад?
Конечно же, Бёрнс, превзойдя всех и всё!
Он – песни шотландской густой аромат,
Он – красная, красная роза её.[1]

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] «Моя любовь, как красная, красная роза», – начальная строка одной из самых популярных песен Р. Бёрнса.

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Актёр-любитель

Жил Пит, романтик и толстяк,
Созданье нереальное.
Ничто не грело его так,
Как действо театральное.
С мамАн выдерживал бои:
Ведь ей какое горюшко! –
Сын из порядочной семьи
Нацелился в актёришко!

Но Пит не слушал дребедень –
Мамани наставления.
Он верил, что наступит день
Его – ах! – представления.
Пока же шпарил у окна
Шекспира декларации,
ГнобЯ всю улицу без сна
От этой декламации.

Ну, что же! случай-ростовщик
Сулит иному прелести
Всего затем, чтоб сей же миг
Покрепче стиснуть челюсти.
И вышла то ли благодать,
А то ли чертобрОдово:
Театр заезжий взял сыграть
«Роб Роя» Вальтер Скоттова.

Набрал голодный контингент –
Массовку еле живеньку:
Один готов сыграть за цент,
Другие – по пол-шиллингу.
И только Питер, возлюбя
Высокие искания,
Принёс с собою весь себя
Ради рукоплескания.

Настал спектакль; выходит Пит –
Любуйся и развей тоску! –
Вот-вот шагнёт он (пол скрипит)
С массовкою по вереску:
Шотландский плащ, шотландский меч.
А уж каков кураж его! –
Чистейший вождь в эпоху сеч
За Принца Чарли нашего.

Но Муза как изобразит
Весь Питера немалый вес?
И жуткий взор, и жалкий вид,
Когда поднялся занавес?!.
Задушен складками плаща,
Он зря мечтал о роздыхе.
По авансцене протаща,
Его воздели в воздухе.

Раздался вопль, раздался визг,
Сотрясший всё присутствие.
Девицы кто-то пОднял крик,
А кто-то впал в бесчувствие.
Пит извивается весь дугой,
Как уж, в болоте вымытый,
И дрыг ногой, и дрыг другой,
Как ёж, из норки вынутый!

Его спасти пытался зал,
Да, видно, поспешили, эх!
Разбили газовый штурвал
И лампы потушили, эх!
Тут Питер замер и обмяк –
Прервал телодвижения,
Поскольку всех окутал мрак
Ему для утешения…

Теперь он слушает маман,
В родимой прячась комнате.
А вы, любитель и профан,

Судьбу его запомните.
Не суйтесь, парни, кто куда:
Мол, слава там, мол, выгода, –
Не то настигнет вас беда,
Как Пита первый выход, да!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

В Грампиановых горах[1]
(Парень и девушка)

То виднЫ только цепи скалистых вершин,
То провалы глубоких и мшистых долин,
То петляет тропа вдоль оврага,
Где таится подземная влага.
А не то упадАет раскатистый ключ,
Прогрызая породу отвесную круч,
И ворчит полусонное эхо:
Для чего-де такая потеха?

Не то сокол присядет на горный гранит
И уронит перо – оно в бризе пАрит;
А тот сверху следит острым оком,
На сидении севши высоком.
И порой к водопою идущий олень
Остановится тоже (дивиться не лень!)
И глядит своим бархатным взглядом,
Как перо это падает рядом.

Где в глубокой глуши зеленеющий бор, –
Одиночество с песней ведут разговор.
Чёрный дрозд в их хору запевалой;
Коноплянка – солисткою малой;
Ярый жаворонок, точно в небе огонь,
Разгорелся вверху от певучих погонь;
И приветом встречает синица,
Тех, кто в горы приходит любиться.

Привечая любовь, для влюблённых вокруг
Размыкает гора свой таинственный круг;
И земной дарит мир, и небесный
Лик естественный, но и чудесный.
Вся Природа для них хороша, молода;
И аукает лес, отвечает вода;
И, росЫ отрясаючи ласки,
Открывают цветы свои глазки.

По тенистым углам примул тонкий ковёр
Раскатал ради них золотистый узор;
А немолчные пчёлы бормочут,
На лету полосатом хлопочут.
Снизу вереск растёт, розовато-лилов,
А ещё – гиацинты, десятком голов
На стеблинках качаясь-играясь,
Будто всё это видеть им в радость.

А внизу на рябине багрянец густой,
И влюблённых встречает жарОк золотой.
И раскидистый кедр, свою тень простирая,
Всё мечтает: нашлась бы сосна молодая!
Уж понравиться ей он бы смог как-нибудь,
И обнять, и прильнуть, и вдвоём отдохнуть.

С английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Грампиан – местность на Северо-Востоке Шотландии.

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Жалоба
по поводу отъезда из Америки Роберта Букенана, поэта-британца

О, Муза, крылья ты сложила
И плачешь горько и уныло,
А Скорбь утешить попросила –
Сложить секстет:
«Как перелётных птиц носило,

Так Робби нет».

Был бард наш светлый и свободный,
Сверкал как солнце в зыби водной!
Тоски не ведал безысходной
Наш непосед.
Был остроумец превосходный!
Его уж нет.

Душой дитя, черты мужские,
Глаза лазурные, морские.
Мы славно жили дни-деньские –
Наш с ним дуэт,
Любя вникать в дела мирские.
Но Робби нет!

Печалит не одну газету,
Что Робби рядом больше нету:
Он заполнял всю площадь эту
Немало лет, –
Подписку собирал по свету.
Но Робби нет.

Вокруг него толклись актёры
Послушать споры-разговоры,
Как будто бы на фоне хора
Играл кларнет…
В него влюблялись все и скоро.
Но Робби нет.

А короли литературы,
Чьи в городах проходят туры, –
Им почитались, как авгуры
Или с монет
Античных – важные фигуры…
Но Робби нет.

А встретит лиц святого сана
(Богат их ум, бедна сутана), –

Отцам поставит два стакана:
Икра, кларет! –
И целый мир поёт «осанна»!..
Ах! Робби нет.

В тот день снимался с якорей он.
Пожал мне руку поскорей он.
Дрожали губы, стал серей он, –
Сказал в ответ:
Всех унесёт в груди своей он,
Кого уж нет.

А я молил душой болезной:
«– Фортуна, будь же с ним любезной!
Его не троньте, моря бездны, –
Ведь он поэт,
Писатель он, у нас известный!..»
Теперь уж – нет.

И с той поры я – враг Фортуны,
То светозарной, то безлунной.
Спать не могу; хожу безумный
На старость лет –
На лире плАчу семиструнной,
Что Робби нет!

Но и на дружбы пепелище
Надежда разожгла кострище, –
И хоть скорблю теперь о тыще
Былых бесед –
А верю: вдруг войдешь дружище, –
Ты, кого нет!..
С английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Шотландцы США старались навещать «старую Родину», Шотландию, – и наоборот: поэты-шотландцы из метрополии приезжали выступать и просто гостить в Штаты.

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Истый шотландец

Друзей, чью верность подтвердило время,
Прикуй к душе железными крюками.
Вильям Шекспир

Когда всё ярче в дымке лет
Ушедшее, желанное, –
Тех золотых видений свет
Делить ни с кем не стану я!
И лишь одно и мне дано,
И прочим бы доверил, да! –
Признанья стОит он давно –
Мой друг Мак Грегор Крерар, да![1]
Я знаю друга Грегора,
Мне честь – порука Грегора.
Нет, не живёт на свете шот
Достойней Грега Крерара!

Я не люблю блестящий зал
С ослами и ослицами,
Где правит бал нуль и нахал,
Охотясь за девицами.
Куда хотел, туда я шёл,
А не хотел, так бегал я!
Но не свищу: всегда ищу
Везде дружище Крерара!
Талант есть в Греге Крераре,
Педанта нету в Крераре!
Полно ума и нет дерьма
В дружище Греге Крераре!

Когда садится друг мой Грег
Рассказывать истории,
В них оживает дождь и снег
Родимой территории.
Её поля, её холмы
В зелёном или в белом, да!
Всё это ярче помним мы,

Когда мы вместе с Крерааром.
Он редкий, Грег наш Крерар, да!
Он меткий, Грег наш Крерар, да!
Затеет сказ – и вновь на нас
Старинный веет ветер, да!

Как много встреч! Слёз – много как
При расставаньи нежном, ах!
Как всё сошлось: и свет, и мрак –
Во времени безбрежном, ах!
И всяк здоров и всяк богат
Избытком этой жизни, ах!
И все цветут, поют, шумят
При Кремера харизме, ах!
Вот чувство, Дункан Кремер, ах!
Искусство, Дункан Кремер, ах!
И весь народ – в твоём живёт
Мозгу, наш Дункан Кремер, ах!..

А то припомнит наш певец
Мистерии на кладбище:
Стучащий к мёртвому мертвец,
Огонь с огнём летающий.
И скрип костей, и стук гостей
Из камня ли, из праха ли…
От этих страшных повестей
Все трагики заахали.
Дрожат, Мак Грегор Крерар, ах!
Визжат, Мак Грегор Крерар, ах!
Средь трагиков нет магиков
С тобою равных, Крерар, ах!

Бывает, жнёт его перо
Плод вкуса и спокойствия.
Вокруг стоят таланты в ряд,
Светясь от удовольствия.
Какая честь, коль гений есть,
И даром своим делится!
Ум и язык от Грега книг

Ещё умнее деется.
Каков Мак Грегор Кререр, а!
Нет слов, Мак Грегор Кререр, а!
Твоих друзей обнять скорей
Хочу Мак Грегор Крерар, а!

Но все хвалы мои малы –
Воспеть твои достоинства.
Тебе побольше бы хвалы,
Чем от меня доводится.
Года бегут, к земле нас гнут,
А мы друг к другу ближе, да!
И мало в ком такой подъём,
Какой я в Греге вижу, да!
Мой клад, Мак Грегор Крерар, да!
Я рад, Мак Грегор Крерар, да! –
С тобой я пил и хлеб делил,
Как друг, Мак Грегор Крерар, да!

Ушли Шотландии сыны
За море навсегда, увы!
Теперь над ними Южный Крест,[2]
Полярная звезда, увы!
Будь Север, Юг у них вокруг, –
Шотландия – их вера, да!
И сотни тысяч их живут
И чувствуют, как Крерар, да!
Так выпьем два стаканца, да!
Без лести и без глянца, да!
Тебя повсюду держит шот
За истого шотландца, да!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] Дункан Мак Грегор Крерар (1836/37-1916) – шотландский поэт. Больше 50-ти лет прожил в США. Подружился со многими шотландскими поэтами США. Они посвящали ему свои стихи.

[2] Южный Крест – созвездие, которое видно только в Южном полушарии.

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Койтеры[1]

Бывает, прихотям порой,
Печалясь на судьбинушку,
Как мяч, закрученный игрой,
Мы подставляем спинушку.
И кто-то ноет от хлопот:
Какие в жизни сложности!
А кто-то пляшет и поёт:
Какие в ней возможности!

Июнь приходит; начались
Свидания пернатые,
И сладко в листьях полились
Мелодии крылатые.
В любом двору, в любом дворце –
Бутоны и соцветия,
И у Природы на лице
Улыбка новолетия.

А город от парней расцвёл:
Гулящие, гудящие;
Как претенденты на престол,
На белый свет глядящие.
И все – при койтах (все подряд!):
Несут, как дама родинку;
Сегодня, вишь, чемпионат
Наш, городской, по койтингу.

Пойдёт с утра мужчин игра
Под небом под открытым, эх!
И развесёлая пора
Что бившим, что побитым, эх!
А у кого по вечерам
Мозги балАми зАняты, –
Играй-ка в диски по утрам –
И прирастёшь мозгами-то.

Играли каждый, кто как мог
(В семи потАх купалися!);
Все выбыли, но – видит Бог! –
Два лучшие остались.
Один был – во! Другой был – во!
Мозги покрепче брэнди, вот!
И звали Вилли одного,
Другого звали Сэнди, вот!

У Сэнди был приёмчик свой:
Молчит и мысль массирует,
А как созреет головой –
Тут сразу агрессирует!
И все стоЯт, а он глядит
Индейским истуканом, ах!
А после – вжик! – как даст мужик,
И мы бурлим вулканом, ах!

А Вилли – нараспах душа –
Хитрить не позволял себе:
Советы слушал, не спеша,
Местечко выбирал себе.
А место, братцы, – самый риск,
Грозящий неполадкою.
А мы ревём, как только диск
Взлетает над площадкою.

Так и сражалися, лихИ:
Не городские франтики,
А боевые петухи
Или циклон с Атлантики!..
Мчат они пАрою в пыли,
К ним зрители пристроились…
Свой диск до кона донесли
И запускать настроились.

СтоИт наш Сэнди, копит мысль
В мозгу для просветления.

А тут в толпе какой-то шизь
Истаял от томления.
Как завизжит: «– Жми, Сэнди, жми!» –
Не закрывая зева, ох!
А Сэнди диск не так возьми
Да запусти налево, ох!

Диск полетел, куда хотел.
И тут случилась мистика:
Нацелился диск-самострел
В беднягу журналистика.
Тот сочинял во весь свой пыл
О спорте обозрения,
За что народ его лупил
Без всякого зазрения.

И что сказать? А то скажу,
Что вот оно, спасение!
Досталось этому ежу
Огромное везение.
Диск долетел бы – ну, и вдрызг!..
Но вдруг его накренило! –
И попадает этот диск
В разлапистое дерево.

Остолбенел и мал, и стар,
Заговорили шёпотом:
Те: надо засчитать удар!
Те: пропади он пропадом!
Судья в себя едва пришёл:
«– Чтоб в дерево ударило? –
Давайте через годик, мол,
Запишем это в правило».

А тут и Вилли поднялсЯ
При диске при тяжёлом-то.
Ему вопит толпища вся:
«– Бей, Вилли, пуще молота!
Пускай у Сэнди вышел сбой, –

Долг за тобой считается.
Не поквитаешься с судьбой –
Она с тобой скитается!»

А Вилли (диск-то был тяжёл)
Его прицелить силится.
А весь народ с ума сошёл –
Бежать вдогонку мылится.
Какой-то тип ногой лягнул
Соседово достоинство.
Десяток с криком: караул! –
Упал, как в битве воинство.

И снова с курса сбился диск!..
Один взвывает: «– Пастора!»
Другие в хрип, а третьи в визг,
Четвёртый стонет: «– Пластыря!»
Пятый кричит: сломали нос!
Шестой: хребет залез в нутро!
А тип седьмой пенсне принёс
И жалобится: треснуло!

Пошёл тут гам, пошёл тут спор,
Пошла грызуха конская.
Подобный слыхивала ор
Лишь башня Вавилонская…
Потом, средь райской тишины,
Сработала извилина…
И вот медали вручены –
И Сэндина, и Виллина.

Домой вернулись два бойца,
Награды взяв за мужество
И полной чашею пуншцА
Отметили содружество;
И отличаясь от вождей,
Дружину забывающих,
Своих проведали парней,
В больницах изнывающих.

Смогли герои вынести
Большое злоключение,
Откуда можно вывести
Такое заключение:
Пусть долго койтеры живут,
Без травм играть научатся,
Пусть это будет славный люд…
С мозгами? – как получится!
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] Игра в койт – бег наперегонки и набрасывание металлических дисков-колец на колышек в центре площадки [322, p. 1105].

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

К тени Бёрнса
(По случаю открытия ему памятника
в Центральном Парке Нью-Йорка)

Великий дух, чья тень прошла
Земной предел насквозь,
И человечество прожгла,
И к ней оно сошлось,
Где Атлантический в ушах
Стихает шум и вой,
И молча ускоряет шаг
Манхэттен деловой.

Но глянь: любовь ведёт людей
Несметную толпу,
Кто внял Поэзии твоей
И правду, и волшбу.
И бронзы дарит им литьё
Твою красу и стать,
И позволяет им твоё
Величие понять.

Они все с разных берегов.
Но, помня и любя,
Их мысли – от твоих стихов,
Их сердце – от тебя.
А мы – наш дом, он был твоим,
А песня – нам родной.
Ты больше нами был любим,
Чем человек земной.

Весь мир мечтаний молодых
И упований храм –
Всё превращалось в Бёрнсов стих
И возвращалось к нам.
Всю повесть нашу, как свою,
ВоссОздал ты, герой...
А мы – мы встретимся в раю
Лицом к лицу с тобой.
С американского английского перевела
Марина Новикова

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Лектор[1]

Чьё самомнение – тиран,
С тем вечная историца:
Едва нацелит свой таран, –
Сам на него напорется.
Скорбит: устал-де, изможден,
Взмок до седьмого пота, да?
А не забыл, как сам же он
Вломился в те ворота, да?

Жил Фрэзер, Дон (я знал его),
Отважный, словно Гектор, да, –
Решил он вдруг, что из него
Отменный выйдет лектор, да.
Нашёл вопрос: зачем луна
При полнолунье кругленька?..
Вот только лектору нужна

Ещё вдобавок публика.

А Дон – не замудряс-доцент,
Хоть с придурью в союзе, – и
Умел улавливать момент,
Когда начать дискуссии.
Кудрей – копна, глаза – кристалл,
Уроков – тьмы несметные…
Зубов – и тех не поправлял,
Как всяческие смертные.

Ну, кто дразнить, кто лупануть.
Но ту луну, как бороду,
Народ собрался трепануть
И разнести по городу.
Насобирали Дону сбор,
В газетах – объявление.
И город радостно попёр
На светопредставление.

С испугу Донни скрылся в дом –
На улицу не сунется,
Как курица с одним яйцом
Или в скорлупке устрица.
А распалившийся народ
Прилип к дверям, как к скважинам:
Вдруг Дон возьмёт, да и начнёт,
Чего-нибудь, да скажет нам?..

Когда он (шепчутся) в сердцах, –
Такое скажет, видит Бог,
Что волосы поднимет, – ах! –
И в жилах кровь застынет, – ох!
Однако, как видно, в Донов план
Втемяшились нелепости:
Собрался он принять стакан,
Но прИнял – лишней крепости.

Накрыла Доном жуть и муть,

И ничего не помнится:
Сперва перехватило грудь,
Потом напала потница,
И голос сел, и в ухе звон,
И корпус весь накренился…
И наконец-то понял Дон,
Что малость перебрэндился.

А тут его приводят в зал,
И видит Донни публику!
Его весь пафос убежал,
Зуб застучал по зубику.
Едва сумел раскрыть глаза,
Отёкшие, опухшие, –
Из зала грянула гроза:
Всё яйца, всё протухшие!

Он рот открыл едва-едва,
Чтоб как-нибудь отмазаться, –
Загнали в рот ему слова,
Пульнув полфунта маслица.
Ох, не понравилось оно!
Он отплевался, отрыгнул,
А после распахнул окно, –
Через него и сиганул!

Мечтайте, как мечтала мать.
Но ради осторожности
Не забывайте сочетать
Желанья и возможности.
А если вы – Наполеон
Или подобье Цезаря,
Припоминайте страшный сон
Про Дональда, про Фрэзера.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] Чтение публичных лекций самодеятельными ораторами – особенность типично американская и протестантская. Пришла она (ещё в Англию) из традиций протестантских проповедей, но расцвела в США.

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

На Кэтскилльских горах[1]

Медлительно горы в тумане встают.
Всё ярче и ярче лесов изумруд,
Яснее, яснее небесный опАл,
Нагорья светлее, видней перевал.
Всё ближе и ближе вершин этих кром –
Он блещет на зорьке росой-серебром.
Вершина к вершине – плечо на плече,
Долина к долине, и ключ на ключе.
Круги из узорных лианных колец –
Для сосен нагорных природный венец.

Там пущи подземье, там чащи навес,
Там царство чудес – заколдованный лес.
Там радуга цвЕта в цветах лесовых,
Пурпурных, сиреневых и голубых.
Их звёзды, их грозди, кусты их кистЕй
Белей серебра, позолот золотей.

Там клёнов отряды, там буков редут
Толпятся и шёпотом речи ведут.
СтоИт тополей величавый дозор,
И кедры всё тянутся вверх, как собор.
Там лавр на вершинах, в лощинах хвощи,
ПышнЫ даже скал и утёсов плащи:
Их золотом вышила осени листь,
Их алой рябины раскрасила кисть.
И виснет на ветках банкет из плодов, –
Он прямо мне в руки свалиться готов.
Прохладны пещеры, и гроты влажнЫ,
Высокие крыши полян зелены.
ПарИт надо мною в перлинках листва,
Горит подо мною в росинках трава.

О, жить бы здесь вечно! Молю Божество!
На свете завиднее нет ничего.
Волшебней не встретит меня красота,
Душевней ко мне не примчится мечта
Ни днём, когда мир мне себя преподнёс,
Ни ночью, всевластной ткачихою грёз.

И часто в унынье, похожем на плесень,
Бесценна, как память, как след её – песнь,
Прекрасна, как утром улыбка добра, –
Встаёт предо мною большая гора.
И с нею все краски – рассветных чудес,
И с нею все сказки – сапфирных небес,
Всю светлую повесть взросленья души,
Всю сладкую горесть молчанья в тиши,
Всё счастье, какое сулит звездопад,
Всю роскошь, которой алеет закат, –
Всё это я вижу, пока в тишине
Все речки журчат колыбельную мне.

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Кэтскилльский горный хребет – находится в Южных Аппалачах, в штате Нью-Йорк. Хребет круто обрывается к долине р. Гудзон. Горы эти не очень высоки; их средняя высота – 1000 м. Они покрыты лесом, изобилуют моренными озерами ледникового происхождения. Высшая точка хребта, гора Слайд, имеет высоту 1281 м. Через Кэтскилльский акведук водохранилища Ашокан и Шохари снабжают водой. Кэтскилльские горы – излюбленное место летнего и зимнего отдыха нью-йоркцев. На них оборудован горнолыжный курорт. По легенде, именно в этих горах знаменитый герой новеллы В. Ирвинга, первопоселенец Рип Ван Винкль проспал без просыпу двадцать лет [322, p. 222].

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Норан-река

Куда твой путь ни повернётся,
К тебе ребёнок обернётся!

Джон Гринлиф Уиттер

Стоял я там, где Эри мчит

В раскрытый Ниагары зев, –
И пропадает, и рычит,
Её глубины одолев.
Казалось: сам я богатырь
И сам вплываю в океан.
И пели воды свой псалтырь
Величественней, чем оргАн.

Вот по Гудзону я плыву;
Манхэттен вижу деловой,
Прибрежье, скалы, и траву,
И мох с косматой головой.
И нивы, где поспел маис
И приближается страда,
Где с Ниагарой мчится вниз
Могавка тёмная вода.

А я слежу, как сквозь вуаль:
Через зелёный Вайоминг
СэскуэхАнна катит вдаль,
Словно застывшая на миг.
Вся ширь безоблачно тиха;
Небес лазОревы поля…
В волшебном зеркале стиха
Волшебной кажется земля.

И счастье в думы мне плывёт,
Сверкая в глубине ума,
И блеск воображённых вод –
Живей, чем даже жизнь сама.
Но слаще сон спешит ко мне:
Сверканье НОранской струи.
В далёкой северной стране
Её истоки – и мои.

О, Норан! через холм, и дол,
И вереск пробегаешь ты, –
И только на скале орёл
Твой путь охватит с высоты.

Всегда смеясь, всегда шутя,
Небес вбирая синь и сень,
Как беззаботное дитя,
Ты веселишься целый день

В каких лесистых тайниках
Я эту прыть не узнаЮ?!.
Нагнутся ели – и в руках
Упрячут ленточку твою.
А в сумраке тенистых чащ
Подарит дрозд тебе напев,
Постелят примулы свой плащ,
Тебя в дороге приодев.

А волны блещут и бегут,
А ветры носят липов цвет,
И пчёлы шлют дуплистый гуд –
Твоим мелодиям привет.
Ракита шьёт тебе убор,
И дрок подобен янтарю,
И радует пернатый хор,
Зарю меняя на зарю.

Не то, от дробных брызг дымясь,
Ты падаешь в глубокий лог,
Где зарослей густая вязь
Листву осыпает в уголок, –
И голосами горних сфер,
Отдавшись от соборных стен,
Там эхом гротов и пещер
Звучит немолчный твой рефрен.

То, прячась в ивовый альков,
Ты ускользаешь мимо нас;
То пустишь жемчуг пузырьков
Или алмазов перепляс.
А детский глаз, и прост, и мудр,
Всё ловит, ловит их в реке
Иль собирает перламутр

Твоих ракУшек на песке.

Вдоль ферм, где стойло и овин
Природы славят благодать, –
Иль мимо рыцарских руин,
Где плющ так любит обитать, –
Простые ль хатки, сельский храм,
Усадьбы ль важные вельмож –
Ты, улыбаясь небесам,
Везде о радости поёшь.

Потом невестой поутру
Ты ждёшь во флёре и фате
Под дудок с лютнями игру:
«– Жених мой милый, где ты, где?»
И Эск идёт, тебя обняв,
С твоим смешать свой знатный род,
И влагу с солнцем – звонкий сплав –
Он морю Северному шлёт.

О, Норан! ты приносишь мне
Назад мальчишечьи года:
Там будущее в детском сне
Сверкало, как твоя вода.
Пусть жизнь теперь, как дым, как тень,
И мало счастья в жизни той,–
Ты в душу возвращаешь день
Один – но вечно золотой.

С английского и шотландского (скотса)
перевела Марина Новикова

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Переправа
(Шотландский отряд
на реке Кусе,[1]
штат Южная Каролина, апрель 1862 года)

Возле Кусы-реки не горят огоньки,
Только полог туман натянул.

И мрачнА тишина – ничья речь не слышна,
Лишь окликнет кого караул.

Лишь беззвучней пантер мимо троп и пещер
И колючих кустов – напрямки
Пробирался отряд осторожных ребят
Возле пенистой Кусы-реки.

Это горцы пришли – соль шотландской земли.
На восставших надвинулся враг,
И для тех, кто был верен, поднЯлся теперь он –
Свободы и Севера стяг.

Полыхала в них честь, пламенела в них месть,
Как в народе родном повелось.
И лицом, да к лицу бой задать подлецу –
Посылала их доблесть и злость!

Но зазря текли дни – не сражались они.
Юг дышал, весь болотный, гнилой.
Испарялося зло, и росло, и росло,
Отравляя повстанцев собой.

И казалось, с Небес глаз, ехидный, как бес,
Помутившись, мигает точь-в точь.
И весь день небосвод, как жаровня, печёт
И знобит их остылая ночь.

Кучка чахлая пальм, опустив свой наряд,
Замерла впереди-позади.
Северяне молчат, и южане молчат,
И замолкла река посреди.

А шотландцы во сне по родной стороне
Вновь идут, океан переплыв,
И лицо им с утра овевают ветра
И весенний духмяный разлив.

Вон и холм их, и дол; вон их вереск расцвёл;

Вырастает их Хайленд вдали;
И от вереска вновь окоём весь лилов
Их родимой шотландской земли.

А залив как красив, небеса отразив;
Как дух дома свежей и сырей;
И смешал их простор бризы сосен и гор
И пассаты родимых морей.

Колосятся поля, золото шевеля
И алмазы росы там и тут;
И сплелись-расплелись, – всю небесную высь
Трели жаворонка достают.

Но не видят бойцы из жары и гнильцы,
Как резнёю пропахла земля,
Как хрипит ураган и обстрелов, и ран,
И смертей колосятся поля.

Как держали Джеймс Айленд и брали его
В батарейных кромешных дымах;
Как в земле Шантильи грохотали бои,
Отзываясь в небесных громах!

И не видят бойцы, как враги-мертвецы
Книзу катятся, прыгая вновь;
И как бьются с соседом на мосту АнтиЭтам,
Где мешаются ливень и кровь.

Но упал всё же луч из-за дымов и туч,
Над восставшими лёг вдалеке,
Как пророческий свет предстоящих побед
На угрюмой на Кусе-реке.

Словно луч из-за туч, словно тень из-за пальм,
Словно меч, охраняющий клад,–
Вырос там, за рекой, необычный такой
Эмигрантский шотландский отряд.

Ещё тень на заре, а не день на дворе.
Через реку горяне глядят:
Слышат там, слышат тут: им кричат, их зовут;
Чернолицые горстки солдат.

Быстро ботик берут, быстро горцы гребут,
Быстро утренний тает туман.
Только плещет весло; уже стало светло –
Скоро берег уже – северян.

Но глядите: тропа, чуть заметна, слепа.
На ней кони, и пушка там есть,
И поклажу наверх тянут пять человек,
На ту кручу пытаясь залезть.

Не успел шотский бот совершить поворот:
И уйти, не достигнув земли,
Как камыш у реки превратился в штыки,
И они заблестели вдали!

Что ж гребущих отряд, видя ворогов ряд?
Богу молится? Замер со зла?
Ни за что, никогда! – только слышит вода
Равномерные шлёпы весла.

И ни шёпот, ни зык – онемел наш язык,
Зубы сжали: смерть ищет улов!
Загребаешь и ждёшь: хлынет пуль острый дождь,
И услышим дыханье стволов!

Но глядите! – глаза не слепит ли слеза?
Звуки новые слышит туман.
Барабаны гремят, и горнисты трубят –
Поднимают бойцов-северян.

Вон и ружья хрипят, и орудья палят,
И хлопки от разрывов вокруг;
И южане пошли за снарядом снаряд
Забивать в горло медных подруг.

Ох, и целят они свой пристрел – все огни –
В дымноту, в северян на убой!
Только шум вдруг угас – всё исчезло из глаз,
И сгустился туман над рекой.

Ничего не видать – только серая тишь
Затянула тот берег реки,
Только съёжился лишь пересохший камыш;
Где южане скрывали полки.

Но закончил наш бот боевой переход,
И кричат добровольцы «ура!»:
На другом берегу, где на ярость врагу,
Наша Воля жива и бодра.

Потрясённые негры дышали едва,
Ещё понизу жались, как пни, –
Но Свобода жива! – средь её торжества
Распрямились уже и они.

Посылал им привет первый вольный рассвет,
Загорались зарёй небеса,
И блестели, как сливы, их лица счастливые,
Благодарили глаза.

И шептали они, и кричали они,
Что такого не видывал свет,
Что на тысячу лет больше радости нет,
Чем их первый свободный рассвет!

Что ж, за Волю – в бою жизнь поставить свою
Мы, шотландцы, готовы и впредь,
Чтобы снова и вновь отдавать свою кровь,
Побеждать, а не то умереть.

Где опасностей жди – там-то мы впереди,
Где осада – мы у переправ.
И не нужно нам, братцы, ничьих прокламаций, –

Борцам человеческих прав.

Наши мученики – мы их ученики –
Научили нас удаль беречь,
Сохранили для нас наших прадедов сказ,
Где мечей не утихшая речь.

Он весь мир изумил, и приветствует мир
Вечный голос старинных речей.
Чтоб Свободу любить и Свободу добыть,
У нас хватит шотландских мечей.

И шотландских сердец, и шотландской руки
Нам достанет всегда для добра,
И спешим мы собраться в наше общее братство,
Где строят Союз[1] наш – ура!

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Союз (the Union) – первоначальное название того государства (Союза Североамериканских Штатов), которое позже станет США [322, p. 1459].

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Родине

Каледония! – не споря
Тебя дивом нарекли.
Ты сокровищница моря,
Ты волшебница земли.

Чудесами ты богата, –
Мне о них напомнит день.
Тайна вся и вся краса ты, –
Мне шепнёт ночная тень.

И лечу я с чувством новым,
С новой свежестью мечты
По холмам твоим лиловым
Королевской широты.

Восхищает край великий,
И цветы твои пьянят:
Гиацинты и гвоздики,
Розы дикой аромат.

И склоняются рябины –
Кисти алые в тиши,
И скрываются тернины
Среди вереска в глуши.

Там и жаворонка трели,
И скворец качает лист,
И малиновок свирели,
И синичек пересвист.

Там и мучеников тени
Стерегут гряду вершин,
И неслыханных видений
ПОлны сумерки долин.

Там и Рифма спит – утеха
Менестрелей и детей.
На её лесное эхо
Отзывается ручей.

Строго там живут мужчины –
Грозных витязей посев,
А у женщин взгляд невинный
И осанка королев.

Дай мне, Родина, веселье
В жизни тягостной узде.
Я же – справлю новоселье
Красоты твоей везде.

Годы, словно излученье,
Лягут на лице твоём.
Так светлит луны свеченье

Моря тёмный окоём.

Ты живи со мною вечно
В убегающих годах
До поры, пока мне лечь … но
Когда лягу я во прах, –

Каледония, в тебе я
Счастлив был бы вечно быть
С теми, кто душе милее,
Верить может и любить.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Святой Андрей[1] и шотландский Хаггис[2].

Святой Андрей, – честнее нету, –
Ходил-учил по белу свету
И заблудился, – ночь и страх! –
В горах шотландских и борах.
Ученьем брюхо не накормишь,
А снег слепит, сечёт наотмашь,
А ветер выдул всё нутро,
И одеяние мокрО.
Путей-дорог не сыщет в темени,
Замёрз от пяток и до темени,
Он изнемог, с тоски поник –
Ну, совершенный мученик!

Как нищий вдруг завидит свадьбу,
Святой завидел вдруг усадьбу.
Заходит, кланяясь к земле,
Моля о пище и тепле.
Помещик еле шевельнулся,
Едва спиною повернулся
И молвит: «– Ишь, босяк и плут!
Тебе и корки много тут.

Но так и быть: бери огрызки,
Да потроха овечьи в миске,
Добавь к ним луку, да хрящи
В ведре помойном поищи,
Заправь их старым горклым салом –
Небось, мужик, всё съешь навалом?
Досыпь для гущи толокна:
Приправа-то везде нужна, –
Да отвари без соли – то-то
Брюху еда, рукам работа!».

Святой ни слова не изрёк,
Сложил, что сказано, в горшок,
Согнулся, на огне сварил он,
Владельца поблагодарил он
И съел с улыбкою, как князь,
Лицом не морщась, не кривясь!

И с той поры в канун Андрея,
Себя по всей Земле рассеяв,
Садится шотский наш народ
И в пОлон рот свой Хаггис жрёт,
Глотая, чавкая и прея, –
Еду Апостола Андрея.
И хвалит блюдо от души,
Хоть всю печёнку сокруши,
Хоть жги огонь ему утробу, –
Святому в память и в подобу,
Как совершенный ученик
И современный мученик!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] По преданию, обходя с проповедью сперва Скифию, потом, поднявшись по Днепру, Балтию, – Св. Апостол Андрей добрался до Шотландии. Поэтому национальное шотландское знамя – т.н. Андреевский флаг: белый, с косым синим крестом.

[2] Хаггис – шотландское блюдо из бараньих или телячьих потрохов (печёнки, сердца и лёгких). Заправляется овсяной мукой, околопочечным салом, луком и перцем. Варится в

бараньем или телячьем рубце (желудке) [Ibid., p. 606]. Помещик (laird), т.о., дал правильный рецепт хаггиса, но из испорченных продуктов плохого качества – и без дорогой соли.

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Сухой закон[1]

– Ну, как дела? – Дела не гладки.
– В законах сбои? Опечатки?
– Нет, братцы: новые порядки!
Тут утвержден
Для Пенсильвании, ребятки,
Сухой закон!

– Да! крепко дело завернули!
– Держи теперь в кармане дули
Да славь четвёртое июля –
День похорон!..
– Эх! – славно с этими нас надули! –
Сухой закон.

Гордились мы, американцы,
Как угнетатели-британцы
От нас, свободных, драли дранцы
Скорее вон!
Теперь скончались наши танцы! –
Сухой закон.

– Зато не будут наши детки
Искать оглодки да объедки.
– Из тюрем тоже, как из клетки,
Не слышен стон
Соседа или же соседки…
– Сухой закон!

Попы, приличны или плохи,
Ронять не будут ахи-охи,
Ни расточать с амвона вздохи:
Мол, спирт – дракон!
– На храм останутся хоть крохи! –

Сухой закон!

– Ликуйте, матери, – врага нет!
Печаль ваш взор не затуманит.
– А вас, невесты, не обманет
Венчальный звон.
Ведь у мужей – что надо, встанет!..
Не пьющий он!

– А станет сыро, моросливо, –
Не хлещем виски торопливо!
– Настойки хватит, или пива,
Иль без препон
ЧайкУ китайского разлива…
Сухой закон!

– Привет, привет тебе, Водица!
Тобою вправе мы гордиться:
С тобой несчастье не случится…
Спиртное – вон!
– А ты не уставай струиться.
Сухой закон!

Теперь и Мир, и Благодать
(Он нам отец, она нам мать)
Подарков много смогут дать,
И в унисон
Споём: «– Умри, спиртная кадь!
Живи, закон!»

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] В 1917 году в Штатах был принят т.н. «сухой закон», воспрещавший производство и продажу алкогольных напитков. В 1933 году он был отменён.

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Шотландские горцы, сражавшиеся в штате Теннесси

<…> Когда Гражданская война,
Неудержима и страшна,
Ползла, подобно привиденью,
Над Штатами безумной тенью
И, Севера противник, Юг
Уже трубил, будя вокруг
Вражду и ярость, вместо братства,
И звал мужчин за ружья браться, –
Тогда на помощь против зла
Шотландцев тысяча пришла.
Горела в их глазах Свобода,
И песня вольного народа
Гремела кличем боевым
И зажигала дух своим, – [1]
И вдоль Виргинии, войною
Измученной, вела их к бою, –
И вдоль болот и пустырей
Из Каролинских лагерей
Вставали шоты, как легенда,
Холмы штурмуя Мэриленда, –
И попирали смерть во прах
На Миссисипи берегах, –
Средь песен вольности старинных
В полях ТеннЕсси и долинах. <…>

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Далее перечисляются штаты, воевавшие против Юга на стороне Севера.

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Шотландская команда на соревнованиях под открытым небом (Колумбия)[1]

Настало лето; вся земля
Зелёная в цвету,
Растеньям запах уделя
Любым – и красоту.

Певцы – на солнце и в тени,
В деревьях и в кустах:
Вовсю стараются они
Для милых своих птах.

Тогда-то, городскую клеть
Сменивши на простор,
Приехал старых песен спеть
Наш развесёлый хор.

И Радости послал салют
Зелёных рощ эскорт;
И поглядеть собрался люд
На наш шотландский спорт.

Опять надет наш старый плед,
Тартаны и перо.
Волынка – Севера кларнет –
Борцам даёт добро.

И реет наше знамя, и
Не Африки полОн –
Все ждут: каких же храбрецов,
Послал им Альбион?

Наш строй с победами прошёл,
И честен, и могуч,
Вплетя в британский ореол

Шотландский яркий луч.

Зажгло воспоминания
Свободы солнце вновь.
Колумбия, Шотландия –
Единая любовь.

Да здравствуют две Родины
И вольный их народ,
Защитник человечьих прав
И Божеских свобод.

Да странствует по всей земле
Природный блеск идей –
Разносит песни на крыле
И братство всех людей.

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] По существу, текст описывает два события. Для американцев-янки это выезд за город, «на природу», членов любительского хора и его болельщиков: родичей хористов, их знакомых и т.д. Для американцев-шотландцев это попытка реконструировать в другой стране, в штате Колумбия т.н. Gatherings – родовые шотландские собрания-вече.

Когда-то в старину, на Родине, они проходили в особых местах, под руководством жрецов-друидов и родовых старейшин. Такие собрания включали множество элементов: пиры, отгадывание загадок, посвящение молодых в члены рода, состязания певцов, исполнявших, опять-таки, родовые (или дружинные) песни – непрерывно пополнявшуюся устную историю рода; соревнования трудовые-спортивные (перенос на бегу брёвен, перебрасывание в высоту тяжёлых камней, их толкание; перетягивание каната и др.), а также состязания военные: с луком, копьём, мечом. Наградой победителям, кроме славы, служил, как правило, живой скот: бык или баран.

На этих собраниях решались важнейшие родовые вопросы: войны и мира, замужеств и женитьб, выбора вождей и старейшин, примирения соседей и т.п. Т.о. стихи изображают не просто «американо-шотландский досуг», но путешествие «американских шотландцев» во времени – в собственное далёкое (но ещё живое!) прошлое.

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Шотландские песни

Как песни Родины нас жгут
До самого нутра!
Они – как в жизни духоте
Духмяные ветра;
Они – как птичья болтовня,
Наполнившая веснь;
И мысли лучшие Земли –
Те, что ложатся в песнь.

Они – как свет из края в край,
От моря и к морям;
Свободный их круговорот
Несётся тут и там;
Пускает эхо за холмы
Их вольная игра, –
И вдруг пронзает до небес
Внезапная искрА!

О, как же все они полны
Шотландии картин!
Холмы – стада лиловых туч
Иль древний исполин;
Хлеба густы и золоты,
Качаются, шумят;
С лугов прозрачные ручьи
Ныряют в водопад.

Берут у радуги цветы
Чудесные цвета,
И маргариток яркий рой –
Простая красота.
А всё, что деется в домах,
Что грустно и смешно, –
Шотландской песнею в веках
Рассказано давно.

И где ещё язык найти
Для нежностей любви?
Не надо страсть изображать –
Ты спой слова свои.
Слова просты, но звук готов
Любовь без меж нести,
И так могуч мужской напор
При женской нежности!

Да, песни эти – сказ отцов.
Они умеют спеть,
Как вольный – бился за права,
Отчаянный – за смерть.
Про дедов – деспота грозу –
Трубят они, как горн;
Про доблесть – Стёрлингов наш мост,
Про радость – Бэннокбёрн!

Шотландия! Андрея флаг
Твою овеял цель:
Ты Правды с Честью дом родной,
Свободы колыбель.
Когда и где бы на Земле
Ни реял этот стяг, –
Шотландец в битву с ним пойдёт
И с песней на устах.

Умеет громом голос твой
Прогнать людскую плеснь.
И цель твоя, и честь твоя
Бессмертны, как и песнь.
Трубит труба, идёт борьба
За волю – чтоб навек,
Был человеку человек
Повсюду Человек!

С американского английского перевела
Марина Новикова

Джеймс КЕННЕДИ
(1848-1922)

Шотландец-американец, или Джим Вильсон и Британская Королева

Джим был крепок на дух, не слабак, не лопух:
Что идёт ему в руки, то хвать!
Не рытьем, так мытьём, не веслом, так шестом, –
Ничего не желал упускать.
Хоть на Диком давно жил на Западе, но
Средь коней и зелёной травы
Оставался, как ранее, гражданином Британии
И слугой Королевы-Вдовы.[1]

«– Не по нраву мне жить, как другие живут:
Утром эдак, а к вечеру так.
Ищет выгоду рвач, перемен – баламут, –
Я с такими скакать не мастак.
За Конгресс вы опять рады голову дать? –
Вам у дедов бы взять головЫ!
Кто король испокон, тот и стОит корон.
Не оставлю я нашей Вдовы!»

Те смеются: мудак!, – те дивятся: чудак!, –
Не ведёт Джим и ухом в ответ.
А иные твердят: «– Поумнеешь ты, брат,
За ближайшую дюжину лет».
Но проходят года – Джим такой, как всегда,
И выходит: мы все неправы.
Забывал он друзей – не забыл он о Ней,
Хоть ни разу не видел Вдовы.

Кое-кто повторял: «– Да, покинул ты край,
Отчий дом и старинный уклад.
Так скажи: это сон, – так скажи им: прощай! –
Никому здесь не нужен твой клад.
Вырастают «сегодня» из бывших «вчера»
И мужчины – из бывшей детвы»…

Но стоял Джим, как вяз, там, где жизнь началась!
Словно вкопанный, возле Вдовы!

Бушевала политика – спор и угар,
С потасовкой идейною вкупе.
А наш Джимми торчал, словно пик Лох-на-Гар,[2]
И молчал, как баранина в супе.
Есть порода – при них жизнь, как мутный туман,
А при Джиме – синей синевы.
Всем другим что ни шаг, – караул! ураган!
А наш Джимми – под солнцем Вдовы.

Дразнят парни его: «– Ты ж готовый шериф,
А прикинуть, так, может, и мэр.
Будет слушать народ, только рты пораскрыв,
Как даёшь ты усердья пример».
«– Ну, шериф, так шериф, а коль мэр, так и мэр», –
Отвечал тот на голос молвы, –
«Но куда б ни несло: на добро ли, на зло, –[3]
Буду подданным верным Вдовы!».

Ан настиг его рок (а, быть может, урок),
Как мы все от беды ни бежим:
Помер друг его Мелл; он землицу имел,
И наследником сделался – Джим.
А у Штата есть средства не выдать наследства,
Коль упрётся наш Джим – и увы! –
Тот отрекся от звания гражданина Британии
И – особый позор! – от Вдовы.

Но ужасней всего поджидало его
То, чем кончил он свой перемёт:
Два замшелых горба, а на них два столба,
А меж ними полоска болот!
На моските москит – только пустошь лежит,
Ни росточка зелёной травы.
Необжит, нелюдим, – клок, который наш Джим
Получил за отказ от Вдовы!

Не спешите, друзья, – заучите урок,
Не шутите: мол, Джим – не колОсс,
И Вдова, мол, не прочь прихватить островок,
Если это бы ей удалось.
Мы твердим: не сдадим никого, кто любИм
А какие бы сдали права,
Не чужие – свои, право верной любви?
Знает Джим, но не знает Вдова.

Ибо Верность и Страсть растеряют всю власть,
Как в ручье растопившийся снег:
Когда есть что терять, нелегко повторять
То, что нищий твердил человек.
Джим и правда был хил, неустойчивый был,
Но и мы не такие уж львы,
И себя не храним точно так же, как Джим,
Потерявший себя без Вдовы!

С американского английского и шотландского (скотса)
перевела Марина Новикова

---

[1] Вдова – фамильярно-почтительное прозвище, данное Британской Королеве Виктории (1837-1901).

[2] Лох-на-Гар – горная вершина в Шотландии.

[3] Клятва верности «на добро или на зло» – многовековая шотландская формула присяги (for weal or for woe).

[4] По закону отдельных штатов США, суд может отказать в получении наследства, если наследники являются гражданами другого государства.

Эндрю МакЛИНН
(1848-?)

Прощай! Прости! До встреч!

И вереск – кисти багреца,
И дрок – густая золотца,
И колокольцев синий рай, –
Прощай, прощай!

И жаворонка звонкий крик,
И зяблика негромкий клик,
И витютеня плач в горстИ, –
Прости, прости!

И серебро, и глубь озёр,
И гОловы седые гор,
И водопадов наших речь, –
До встреч, до встреч!

Всё это знал я и любил.
Я скалы песнями будил,
Я птицу навещал в гнезде
И собирал цветы везде.

До новых встреч, прощай, прости.
Разлуку тяжко нам нести.
Но где б ни был, – скорбя, маня,
Я часть тебя, ты часть меня.

С американского английского перевела
Марина Новикова.

Эндрю МакЛИНН
(1848-?)

Сокровища Блэрни[1]

Нет, не знать, не дворянство – повествует крестьянство
(В их сердцах постоянство, хоть язык налегке),
Как те девушки Блэрни, чтоб отмыться от скверны,
Драгоценности рода утопили в реке.
Не найти у потомка ни следа, ни обломка –
От войны и разбоя доставшийся клад.

И теперь только феи наденут на шеи
Это золото рода, чем был пращур богат.

Есть иная история: про красавиц, которые
Ворожили на месяц, золотой, молодой.
Как из ночи, из речки выходили овечки –
Снежно-белое стадо по-над чёрной водой.
Шли напиться водицы – и гадали девИцы
По тому, как те овцы вышли на водопой:
Будет род ли без пятен? Год ли благоприятен? –
Для скота и для люда, для землицы родной.

Он ушёл – век видений, время предубеждений,
Но урок-то остался для всех стран и времён,
И для тех, кого сердце так и тянет согреться
Пламенем сокровенным тех ушедших племён.
Да, фанатиков слово и тиранов оковы –
Это омут поглубже, чем Блэрни Лох.
Всё же Зло побороли дочери Доброй Воли
Утопившие клад, как напутствовал Бог.

Сам Кланкарти эрл не придумал бы перл –
Тот, что братства дороже мог когда-нибудь стать.
В замке он не припас хоть один алмаз –
Тот, что ярче души мог бы проблистать.
Диаманты все в несказАнной красе
Угасают при блеске любимых глаз.
Хмурится рубин, меркнет изумруд –
Перед высшим богатством нищают враз.

И опять Отец выпустит овец:
Белоснежное стадо – не рунь, а гладь!..
А при них Пастух, горней сферы Дух,
И Его мне знаки легко читать.
Мы наследники перлов, мы тустарину,
Переплавили в нынешних дней свинец.
Но когда Свобода вернётся в страну,
На челе Пастуха снова вспыхнет венец.

Старых песен сласть – старых распрей страсть
Похоронит, и радость Он нам вернёт!
А суров и скор, наших дедов спор
Никогда не затеет их внуков род.
Не возьмут сыны нашу часть вины,
Когда выпьют за здравие предков вновь, –
Скажут: «– Эх, отцы всё же молодцы,
Ибо дружбу выбрали и любовь!»

С английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Блэрни (англ. *Blarney*; ирл. *An Bhlárna*) – селение и зАмок в Ирландии, в графстве Корк (провинция Манстер).

В замке находится знаменитый Камень Красноречия. Камень Красноречия. Он вмонтирован в стену замка. По легенде это часть еще более знаменитого Скунского камня, иначе – Камня Судьбы ((англ. *Stone of Scone, Stone of Destiny*; гэльск. *Clach Sgonn, Clach na Cinneamhainn, An Liath Fàil*). Камень Судьбы — священная реликвия Шотландии. Он представляет собой большой блок песчаника весом 152 кг. Вывезенный из Ирландии, первоначально камень хранился в аббатстве Скуна в Центральной Шотландии. Веками на камне короновались шотландские монархи. Люди верили: если кто-то сумеет поцеловать Камень Блэрни, тот получит дар красноречия.

В 1314 году Кормак, строитель замка Блэрни, отправил из Ирландии несколько сотен своих подданных в помощь Роберту Брюсу в битве при Бэннокбёрне, где тот сражался с английским королём Эдуардом II. Брюс одержал победу и в знак признательности подарил Кормаку половину Скунского камня.

Легенда о кладе (сокровище) Блэрни ни в ирландском, ни в шотландском фольклоре не зафиксировано. По-видимому, это авторский «неомиф» Э.МакЛинна. Однако использовал поэт подлинные элементы кельтского фольклора. Чёрная (зловещая) вода, белые (ритуальные) овцы; девушки, которые гадают лунной ночью; проклятый клад, приобретённый кровью и смертями; уничтожение клада как уничтожение проклятия – все эти мотивы рассыпаны по легендам и балладами Шотландии (и не только её).

Вместе с тем, автор постарался принтере ретироваться дуче кий фольклор, «переведя» его на язык христианских притч (например, о Пастухе-Иисусе) и христианской этики (мотив бесплодности насилия и ценности любви).

США постарались перехватить хотя бы часть славы легендарного объекта. С 1939 года один из камней, хранящихся в коллекции Техасского технологического университета, считается пропавшим обломком камня Красноречия (The Legend of the Blarney Stone. URL: https://www.irishindeed.com/page.htm?pg=BLARNEY%20STONE).

[2] ПрОклятый клад – фольклорный мотив, распространенный у многих народов. Как правило, чтобы этим кладом завладеть, надо отдать в обмен чью-то душу и/или жизнь. Здесь сюжетный ход противоположный. Чтобы обрести «сокровище» духовное, «дружбу и любовь», – надо уничтожить «сокровище» материальное, соблазняющее человека, толкающее его на распри.

Дональд РАМСЕЙ
(1848-1892)

Дункану МакГрегору Крирeру, поэту [1]

Шотландку-песнь я повстречал,
Чей облик грустен и устал.
Её печаль взметнула вал
Поэтова сочувствия.
Безвестный автор – кто же он?
Быть может, Лэнг[2] иль Стивенсон[3]?
Он явно Родиной пленён,
Из сердца – её грусть лия.

На томике, что я увидел,
Стояло имя: Дункан Крирер.
Светло мне стало: песни, книги ль –
Он что-то пишет, план тая!
А где в наш век увидишь, чтобы
Шотландский стих был высшей пробы?
Почёта стОите вы оба –
И Крирер, и Шотландия!

Хотелось, чтоб ДункАнов стих
Признанья общего достиг
В эпоху жадных и пустых,
Безвкусья и бесплодия.
Что может дать миллионер?
Хороший куш – дурной пример.
Но ты – ты песней прогремел,
Она теперь – народная.

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Дункан Мак Грегор Крерар (1836/37-1916) – шотландский поэт. Больше 50-ти лет прожил в США. Подружился со многими шотландскими поэтами США. Они посвящали ему свои стихи.

[2] Лэнг (Lang), Эндрю (1844-1912) – шотландский писатель.

[3] Стивенсон (Stevenson), Роберт Льюис (1850-1894) – известный шотландский писатель-неоромантик. Из-за болезни вынужден был эмигрировать и умер вдали от Родины, на тихоокеанских островах Самоа.

Дональд РАМСЕЙ
(1848-1892)

Маргаритка[1]

Вчера, когда беседовал я с другом,
Достойнейшим, умнейшим человеком,
Меня отвёл он в сторону, сказав:
«– Я покажу вам кое-что, – наверно,
Оно знакомо вам», – и улыбнулся.
Потом он вынул томик из кармана,
Потрёпанный; между его страниц
Лежал цветок пунцовый, маргаритка:
Малютка, где-то росшая вдали,
В полях Шотландии. Что это было?
Из-за чего друг подобрал его –
Тот заграничный, крошечный цветок?

Сто лет назад пахал на поле Бёрнс
И обошёл, не тронул маргаритку.
И тотчас из поэтовой души
Сочувственная вырвалась молитва,
Показывая, сколь великим быть
Способно человеческое сердце,
Когда оно жалеет – ну, хотя б
Обычную, простую маргаритку[2].

Мы, как и Бёрнс, берём её с земли
И видим малое орудье Божье,
И наши оно трогает сердца
Единым ощущеньем: все мы смертны.

С английского перевела
Марина Новикова

---

[1] См. тж. стихотворения других поэтов, – например, Дэниеля МакИнтайра Хендерсона («Маргаритки в Балтиморе» (Daisies in Baltimore), «Р.Л. Стивенсон» (Robert Louis Stevenson) и др. Маргаритка (как и репей) – растительные символы Шотландии.

[2] Имеется в виду элегия Роберта Бёрнса «Маргаритке, которую я примял своим плугом».

Дональд РАМСЕЙ
(1848-1892)

Рэглинский мост

Мой первый дом, боярышник
И тень моста в воде, –
Тот вид, когда бы ни возник,
Забыть нельзя нигде.
Весь мир объездил я кругОм,
Но позабыть нельзя
Тот старый мост, тот старый дом –
Край, где я родилсЯ.

Тот старый мост, где берега –
Сплошь сад и сплошь уют,
Где облака (ступи, нога!)
По Клайду вниз плывут.
И арки – эхом отвечал
Мне низкий их пролёт.
И голос их – он всё звучал,
Покуда не замрёт.

Тот старый мост, где среди звёзд,
Недвижнее стекла,
Спал под луной и лес, и мост,
И лишь река текла.
Тот мост, где зимнею порой
Под самый арок свод
Свирепый Клайд вставал горой,
Ревя стадами вод.

Где бесконечным летним днём
Сияли небеса,
И феи в Кэткине ночном
Творили чудеса.
Где Рэглин-мост, и Кэткин весь,
И Клайда вёрткий путь,
Войдя в мой сон, войдут и в песнь
Мою когда-нибудь.

Мой первый дом, боярышник
И тень моста в воде, –
Тот мир, когда бы ни возник,
Со мною он везде.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Малькольм ТЕЙЛОР
(1850-?)

Алловэйская церковь[1]

Укрыт шиповником ручей;
Плющ пишет на стене твоей
Воспоминанья; соловей
Выводит руны,
Как строки – Бёрнс, кружа своей
Тропой у Дуна[2].

Разрушен верх твой, но стоят
Дряхлеющие стены в ряд.
Здесь много раз гремел набат,
Тревожа дали;
Дружины строились в отряд –
И пропадали.
Покуда пахарь твой поёт
Напевы Койлы[3], а народ
Их повторяет круглый год
И рад сберечь их, –
Ты не умрёшь, ни твой приход
Из кланов певчих!

Века прошли; их голос стих.
Их жизнь, как текст, где год, как стих, –
Но не звучнЕе он твоих
Камней священных,
Где твой алтарь остался в сих
Пустынных стЕнах.

Не бойся, что засыплет снег.
Покуда мыслит человек,
Ты будешь памятен вовек
И всё живее.
В былом – грядущего разбег,
Храм Алловэя!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

[1] Алловэй – край и городок на Юго-Западе Шотландии.

[2] Дун (вариант – Дон, Doon) – река в графстве Абердин. Про неё существует народная шотландская песня «Тихий Дун», которую переработал Роберт Бёрнс [322, p. 407].

[3] Койла – ещё один шотландский край. Он также был воспет Бёрнсом: «Но Койлу до сих пор пииты / Не сотворили знаменитой. / Она – как остров не открытый / /Заморских стран <...>» [324, с. 188].

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Будь верен и люби!

(Переложение притчи о лилиях)

Будь верен и люби!
Вы дети все Отца.
Добры Его дары
И щедры без конца!

Забот не знает птах.
Отцовские труды
Обуют и в снегах,
Не бросят без еды.

Припомни лилии,
Их стройный, свежий вид;
Как пьют они дожди –
Отец их напоит!

Мы лилии полей
У Бога на груди.
От Бога мы белей,
От Духа мы люди.

И если помнит Он
О полевой красе, –
Забудет ли о том,
Что дети Ему все.

Вы дети все Отца.
Он даст дары свои.
Будь верен до конца
И до конца люби!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Будь милостив ко мне, Святой Андрей![1]

Коль ездили во Францию вы в гости,
Арраса не могли вы обойти.
А там оказывались на погосте,
Который открывался по пути.
На нём посреди множества фамилий
Есть имя всех славнЕе и старей:
«Джон Крисхольм», – и есть надпись на могиле:
«Будь милостив ко мне, Святой Андрей!»

Джон Крисхольм был неутомимый воин,
Шотландец и по нраву, и на вид,
В скитаньях смел, в деяниях достоин,
Исполнил всё – и всеми был забыт.
Но мы-то помним, как при чуждых звёздах,
В момент кончины горестной своей,
Он выдохнул в чужой французский воздух:
«– Будь милостив ко мне, Святой Андрей!».

Товарищи молитву услыхали,
Железные заплакали сердца,
Постелю на чужой земле постлали
И боль с ним разделили до конца.
Могилу ему вырыли руками,
Надгробие поставили на ней
И надписью украсили тот камень:
«Будь милостив ко мне, Святой Андрей!».

Сотворено на диво наше племя:
Никто, ничто не сдержит нас вдали –
Ни славы суета, ни власти бремя,
Ни прочие сокровища земли.
Но с Запада влечёт нас и с Востока
Упасть в колени к матери скорей,
И рвётся вопль наш, спрятанный глубОко:
«Будь милостив ко мне, Святой Андрей!».

Быть может, кто-то, свой очаг забросив,
И долго шёл, и дОсмерти устал,
И, ревностно трудившись, как Иосиф,
Ни проблеска удачи ни видал?
Сполна они свершили долг свой честный,
Однако путь их до родных дверей
Болезный был, безрадостный и тесный…
Будь милостивый к ним, Святой Андрей!

Будь милостив и к нам – прибавь нам воли
Быть щедрыми без выгоды взамен,
Болящему уменьшить его боли
И хилого поднять с его колен.
Святой Андрей, Шотландии дозорный,
Подай нам слух твой – чуять всех людей,
Молящихся средь глухоты позорной:
«Будь милосерден к нам, Святой Андрей!».

А если кто в шотландцы не годится,
Кто слышит, но на помощь не спешит
Ни к сироте, ни к старцу, ни к вдовице
На плач отчаянья, на зов обид, –
Те, кто суёт поглубже свой бумажник,
Угрюмо глядючи из-под бровей, –
О, больше, чем к убогим, – к этим важным
Будь милостив вдвойне, Святой Андрей!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1]По Преданию, Св. Апостол Андрей, проповедуя христианство в Скифии (как называли древние греки и римляне всю Восточную Европу) поднялся вверх по Днепру до Балтии, а оттуда приплыл на Британские острова. Поэтому Шотландия считала себя «уделом» Св. Андрея, и даже шотландский национальный флаг называется «Андреевским флагом». См. тж. Стихи Дж.Кеннеди «Святой Андрей и шоталндский Хаггис».

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Да здравствует Колумбия!
Наша мать-родильница,
И знамя, и кормилица,
Пусть в песню она выльется,
Свободна и сильна,
Детьми она хвалимая,
Друзьям она любимая,
Врагам неодолимая,
Колумбия[1], – да здравствует[2] она!
Генералы, пали вы,
Её нам завещали вы,
Идя в бой и смерть поправ
Ради правды, ради прав,
И свободно кровь свою отдАли вы!
Дети, песнь о ней сложите
И венки ей повяжите.
Пусть её любовь и слава
Покрывают величаво.
Да здравствует, да здравствует
Колумбия!

Земля обетованная,
Обильем осиЯнная,
И корм, и радость нам даЯ
И все благодеяния, –
Славьтесь, горы, где заря,
Славьтесь, тучные поля
И широкие моря.
Да здравствует, да здравствует
Колумбия!
Войнами-разладами
Не расколем Штаты мы.
Наш Союз – земель венец,
Образец и первенец, –
И трудом, и Господом богаты мы!
Дети, песнь о ней сложите
И венки ей повяжите.

Пусть любовь её и слава
Покрывают величаво.
Да здравствует, да здравствует
Колумбия!
С американского английского перевела
Марина Новикова.

---

[1] Колумбия – столица штата Южная Каролина [322, p. 277].
Южная Каролина – штат на Юге США (Ibid., P. 1282).

[2] Hail, Columbia («Да здравствует <штат> Колумбия!») – строка имеет несколько значений: 1) начало песни-гимна штата Колумбия (США). 2) Hail –(слэнг) жестоко избить кого-то, наказать, «вздуть»; 3) заниматься вымогательством, рэкетом (Ibid., P. 606]. Тогда «hail» – эвфемизм, заменяющий «hell», т.е. ад. Т.о. вся фраза может переводиться и как «Да здравствует!..», и как «Вот тебе!..» или «А ну, вытряхивай деньгу!..». Автор об этом, конечно, вряд ли догадывался.

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Клинтон Браун Фикс [1]
(скончался в июле 1890 года)[2]
Солдат он, гражданин и патриот!
Страну любил – «права» ли, «неправа»,
Как патриот, всей силой существа,
И умер ради прав, ради свобод!
«Ради Союза жил он и живёт!» –
Вот песни и надгробия слова.
Имущество, талант – его лихва,
Стране и Богу отданный доход[3]!

Он прОжил просто, на виду у нас.
Рассказ о нём – оставшимся устав –
Поднимет юных в будущие годы.
Там тыщи рук, готовых каждый раз,
Из рук упавших знамя подобрав,
Изгнать врагов и Правды, и Свободы!
С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Автор сонета обыгрывает фамилию своего героя. Фиск – экономический термин, он означает совокупный национальный доход, годовую «доходную корзину» государства [322, p. 506].

[2] Ещё одна обыгранная деталь – время смерти Хендерсонова героя. 30 июня в США официально заканчивается финансовый год (Ibid.). Т.о. название можно прочесть и как «Национальный доход Клинтона Брауна». Кстати, первое имя Клинтон (историческое) дано герою вряд ли случайно. В истории США (до 1890 года) было, как минимум, две видные фигуры с такой фамилией: Джордж Клинтон (1739-1812), Вице-Президент США (1808-1812), и Де-Витт Клинтон (1769-1828), его племянник, двукратный мэр Нью-Йорка (1817-1821; 1825-1828) (Ibid., P. 262). Американцы любят давать детям имена по знаменитым фамилиям. В данном случае такое знаменитое имя контрастирует с «простой» биографией и повадками Хендерсонова персонажа.

[3] Аллюзия на евангельскую притчу о талантах, данных Хозяином (Богом) взаймы и возвращённых Человеком с прибылью

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Маргаритки в Балтиморе[1]

Маргаритки! – протираю я глаза:
То ли фея сотворила чудеса –
Самоцветы возле моря обронила?
Изумрудная трава ль тебя, краса,
Из лесного королевства заманила?

Маргаритки! – невозможно, ей-же-ей!
Не растут они, тихони, у морей –
Тут щетинится лишь водорослей грива,
Но не наша маргаритка: всех скромней,
Всех румяней – наше крошечное диво.

И, однако ж, это правда: наш цветок –
Маргаритка из Шотландии – восторг! –
В Балтимор американский заглянула.
Старой памяти разверзнула поток
И житье моё сей миг перевернула!

Память старая: те юные друзья,
Те сады в цвету и с овцами поля…
Снова рядом я и счастлив, как когда-то,
И плету из маргариток снова я,
И все девушки венки, и все ребята.

Жаждут девушки узнать свою судьбу
И ведут на маргаритках ворожбу:
Обрывают лепестки и шепчут имя.
Кто обманет их? – кусаючи губу,
Всё бормочут: кто ж до гроба будет с ними?

А сквозь жимолостью выбеленный склон
Родниковый окликает нас трезвон,
И лепечет его струйка, и лопочет,
И так весело бежит навстречу он,
Словно с нашими порадоваться хочет.

В вышине играет жаворонка трель.
Он несёт свои мелодии в апрель,
К небу, – головы, и те вскруживши наши.
И поёт, поёт, поёт его свирель,
Всё затейливей звучащая, всё краше.

Он уверен (не собьет его никто)
Не молчанье – его звуки золото,
А уж песни-то – сверкающие слитки!
И он сыплет их на скромное гнездо –
То, которое увили маргаритки.

Маргаритка! – ты любимый Бёрнса цвет.
Тебя сердцем приголубил наш поэт,
И с тех давних пор, и с каждым новым веком
Его строчки подружили тебя, – нет! –
Породнили маргаритку с человеком!**

Ах, бедняжка, был ли ветер так жесток,
Что тебя за море бурное увлёк
В этот дальний, незнакомый тебе угол,
Где что люди, что деревья, что кусток
Вид имеют то ли чучел, то ли пугал?

Вон из бронзы человек – он Роджер Тэни,
Он Верховный Судия и мастер прений[3].

А скажи ему спуститься с высоты –
Ох! – колонне уподобились колени...
Ты за это уж подагрика прости!

А другой стоИт из камня на столпе,
Джордж он Вашингтон, насупленный, – тебе
Упросить его хоть разик не удастся
Улыбнуться: сам он бодрый по себе,
Но ваятель ему не дал улыбаться[4].

А бегущий мимо нас конторский люд –
Не увидят они вовсе, так бегут,
Лепестков твоих ни издали, ни рядом.
Только броские тюльпаны (тут их пруд)
Кое-как приметят бегающим взглядом.

Лишь один я, шляпу снявши, поклонюсь
И поглажу место свято – и клянусь:
В небесах меня Создатель, безусловно,
Не осудит за шотландскую за грусть,
Если даже это чувство и греховно.

И молитву мою примет, может быть:
Как и я, тебя захочет полюбить,
Не позволит ни пекучим летним зноям,
Ни морозам нашу кроху погубить,
А укроет Своей лаской и покоем.

Ещё встретимся мы вновь, моя подруга,
По-шотландски я шепну тебе на ухо –
Ты беседовала отроду на нём…
И ещё раз мы порадуем друг друга
И про старое про доброе вздохнём[5].
С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] Балтимор (Baltimore) – морской порт на севере штата Мэриленд. Мэрилэнд (Maryland) – восточный штат США [322, p. 106].

[2] См. выше Примечание 2 к стихотворению Дональда Рамсея «Маргаритка».

[3] Тэни Роджер Брук (Taney,1777-1864) – американский юрист, Верховный Судья Верховного Суда США (1836-1864).

[4] Вашингтон (Washington) Джордж (1732-99) – Первый Президент США (1789-1797). Командовал повстанческой армией во время Войны за Независимость [257, p. .60-62).

[5] «Про доброе, про старое» (Auld Lang Syne) – припев одной из самых знаменитых песен Р. Бёрнса. Песня эта стала неофициальным гимном шотландских эмигрантов во всех концах света.

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Наш прекрасный Балтимор
Люблю тебя, шотландский дом!
Твои далёкие края,
Твои долины и холмы
Мне дОроги, как жизнь моя.
Но не доплыть до бухт твоих,
Не влезть на крышу твоих гор.
Зато мне ближе места нет,
Чем наш прекрасный Балтимор!

Шотландских дев, её парней
Свежее нет, вернее нет.
Друзья и юности года,
О вас я памятью согрет.
Но мне тепло: пускай теперь,
Вокруг меня иной простор, –
Друзей плечо, родных сердца
Дал наш прекрасный Балтимор!

Так будь же счастлива, земля,
Которой ныне мы сыны!
Вы, парни, будьте же сильны,
Вы, девы, будьте же верны!
Храни вас мир, венчай прогресс,
Колумбии прославь вас хор!
Красуйся, милый Мэриленд
И наш прекрасный Балтимор!

С американского английского перевела
Марина Новикова

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Послание Эндрю Карнеги [1]

Ох, Эндрю КарнЕги! – как трудно быть вами!
Владеть и деньгами, владеть и мозгами.
И вкусом – чтоб ими распорядиться,
И сердцем – чтоб ими вполне насладиться.
Так здравствуйте, Эндрю КарнЕги!

Шотландия-Мать наша вами горда,
Как всеми детьми, и везде, и всегда.
А вы разыграли с Америкой лот,
Как сын настоящий, как истинный шот, –
Так здравствуйте, Эндрю КарнЕги!

Вы знали работу – для хлеба – до поту,
Рукам и мозгам задавали заботу.
Себя не предав среди пышных и важных,
Ваш дух не тощал, хоть толстел ваш бумажник.
Так здравствуйте, Эндрю КарнЕги!

Ваш город родимый теперь, на ваш вклад,
Запасами знаний и сыт, и богат.
И слышно по обе границы морей:
«– Где шире душа, там и руки щедрей!» –
Так здравствуйте, Эндрю КарнЕги!

Когда бы судьба бы, планида моя бы
Мне так присудила, чтоб я стал не я бы,
В ином жил обличье, в ином бежал беге, –
Не медля, конечно, я стал бы КарнЕги!
Так здравствуйте, Эндрю КарнЕги!

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] КарнЕги, Эндрю (1835-1919), – американский промышленник и филантроп, уроженец Шотландии. На его деньги построен и в его честь назван, в частности, знаменитый концертный зал Карнеги-Холл (Нью-Йорк).

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Посылка из дома

Знаешь, что прислали мне из дома?
Вереск, ветку, и рябины кисть.
Голубою ленточкой знакомой
Вместе они связаны-сплелись.

Знаешь, кто прислал их из-за моря?
Поклялись мы с девушкой одной:
Не изменим в радости и в горе, –
И теперь в душе она со мной.

Знаешь, где живёт она доселе?
Где герои гибли за народ,
Где поэты песни наши пели,
Где рябина с вереском растёт.

– Ты простой, зато ты сердцем честный, –
Говорит мне вересковый цвет.
А рябина – память о прелестной.
А та лента – верности привет.

– Крепко я люблю тебя и помню, –
Сообщает мне язык цветов.
Я прочёл – и сразу хорошо мне,
И любить, и верить я готов.

Родина! ты верескова воля!
Девушка! рябинова заря!..
А моей любви не побороли
Никакие годы и моря.

С шотландского скотса перевела
Марина Новикова

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Посвящается Дэвиду Кеннеди,
шотландскому певцу

<…> Ты песни старые нам спой,
А с ними заодно
Верни друзей из той страны –
Страны Давным-Давно,
Чтоб нам на языке родном
Всплакнуть и хохотнуть, –
Из Таннахилла что-нибудь,
Из Бёрнса что-нибудь.

И каждый сердцем рад опять:
Ты с нами – мы с тобой, –
Твою повадку повидать,
Услышать голос твой.
Мир подождёт – ты только пой
Для нас хоть целый год.
Народ придёт, а ты нам пой!
Ты пой – народ придёт!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Проповедь о пяти хлебах

«– Как быть, о, Небо?
Так много бедных,
Так мало хлеба!

«Пошлём домой их?» –
– «Нельзя!» – сказал Он, –
«Нет недостойных!

«Не вы ль сыновью
Делили долю –
Ваш хлеб с любовью?

«А ныне пять их,
Хлебов, – насытит
Всех благодать их.

«Я дал вам столь же
Чудес, – а ваших
Теперь побольше.

«Свой хлеб готовьте, –
И не шутите:
Где хлеб?» – Любовь где!

«Мой дух охватит
Ваш короб малый, –
И хлеба хватит.

«Не чудо-хлеба –
Любви ищите!
Вот пища Неба».

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Роберт Льюис Стивенсон

Восплачьте же по нему, ушедшему,
ибо не вернётся он назад и не увидит
родины своей.
Пророк Иеремия, XXII, 10.

Могила благородная есть на холме высоком,
Пред ней лишь солнце ясное, лишь небо видно оком...[1]
Но он в краю Шотландии хотел бы спать далёком,
Где есть зелёная трава и маргаритки[2]!

В стране, где свет увидел он, – он нЕ жил, слабым был он.
Морозы там, туманы там, – здоровье там губил он.
Но сердце он оставил там и, как себя, любил он

Край, где зелёная трава и маргаритки.

Народ чужой его жалел на острове на южном, –
Был ветер ласков с ним, больным, и солнышко с недужным, –
Но боль по Родине их труд оставила ненужным –
По той, где сочная трава и маргаритки.

Заснуть и нам бы в той стране: в глубокой ли долине,
В степи ли, на болотах ли, на розовой вершине[3],
Где дед лежит, весь род лежит, где мужество в мужчине,
Где есть зелёная трава и маргаритки!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1] О могиле Р.Л. Стивенсона на тихоокеанском о. Самоа см. комментарий к стихотворению самого Стивенсона «Реквием» (Новикова М.А. Шотландии кровавая луна, 2007. – С. 227].

[2] О национальной символике маргаритки см. ниже, комментарий к стихотворению Д.М. Хендерсона «Маргаритки в Балтиморе».

[3] Многие горные вершины Шотландии выглядят розовыми, поскольку состоят из розового (кораллового) песчаника (Haswell-Smith H. The Scottish Isles / H. Haswell-Smith. – Edinburgh; New York; Melbourne, 2004. – 518 p. –2004, P. 14-16).

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Теннисон
(При известии о его смерти)[1]

Когда жАй-ворОн
упадёт с небес,
Когда стихнет звук –
тот один, живой,
Золотой, – слыхать
начинаешь лес:
Птичий пересвист,
говор верховой,
Дятлов перестук,
трель со всех сторон,
Альбу и катрен,

рондо и сонет…[2]
Но когда отпел
песню жАй-ворОн,
Лучше тишины
завершенья нет.
С английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Шотландские диаспорники XIX века особенно ценили среди поэтов-не-шотландцев именно Альфреда Теннисона (Tennyson, 1809-1892), британского Поэта-Лауреата (с 1850 года), жалованного лорда и барона. Для поэтов-шотландцев Теннисон – продолжатель героической поэзии Вальтера Скотта, автор стихотворных повествований о дворе Короля-кельта Артура и о его рыцарях Круглого Стола.

[2] Перечисляются жанры и строфы, культивировавшиеся в поэзии позднего европейского Средневековья и Ренессанса, а затем подхваченные поэзией Нового времени.

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Томас Карлейль[1]
(похоронен в местечке Экклефекане)

Да, здесь он лёг – так дОлжно быть и есть.
Велик и мудр, ещё и добр, и прав…
Собрался род. Последний свой устав
Земной они свершили: «к персти персть»[2] –
И там достойно проводили прах,
Не в лавре[3] – при часовенке простой,
Где мать-земля, взяв сына на постой,
Зелёный плед постлала в головах.

Да, из шотландской персти создал Бог
Его, кому пел ветер, как свирель,
Давно ему качавший колыбель, –
Ему, чьим словом Дух Господний рёк!

И, вставши, в нём собрата признаёт
И Бёрнс, и Нокс, и Уоллес патриот[4].
С английского перевела
Марина Новикова

[1] Томас Карлейль (Carlyle, 1795-1881) – шотландский историк, философ и публицист.

[2] Цитата из церковной службы отпевания усопшего.

[3] Лавра (в оригинале «аббатство») – большой монастырь, наделённый значительной автономией.

[4] Сэр Вильям Уоллес (Wallace, 1270-1305), проповедник-реформатор Джон Нокс (Knox, 1505-1572), Роберт Бёрнс (Burns, 1759-1796) – знаменитые шотландцы, в немалой степени (как и Карлейль) сформировавшие сам шотландский национальный менталитет [324].

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Уоллес

(В городе Балтиморе (США) в 1893 году
в парке на Холме Друидов был открыт
бронзовый памятник сэру Вильяму Уоллесу)

Герой шотландский Вильям Уоллес,
Стой и десницей меч сжимай:
За Волю оба вы боролись, –
И в нас героев пробуждай!
ВысОко меч держи – не к бою,
А собирать нас и вещать.
Мы с непокрытой головою
СтоИм в одном строю с тобою –
Клянёмся Правду защищать.

О, дух отважный, благородный,
Не мог ты вольным быть на треть, –
Дышать ты должен был – свободный
Всецело, – или умереть.
Гордимся мы: тобой завещан
Нам этот дух и эта цель.
Наш край Свободе был обещан,
Мечом отцовским перекрЕщен,
Да станет светом всех земель!

В борьбе – твой путь был так неровен,
И бой непрост, и враг незрим!

Так явно неприятель злобен,
А друг коварен был и мним!
И казнь твоя была позорна,
Но пал позор на палачей.
Есть у Свободы свой побОр, – но
Герой, платил ты ей бесспорно –
Теперь бессмертен вместе с ней!

Когда бы мог, суровый воин,
Времён ты свиток развернуть!
Средь горьких снов, средь мрачных воен
В наш мир грядущий заглянуть!
Здесь тишь лелеют серафимы,
Здесь Волей веет неба сень.
Ты жил бы, болью не томимый,
Не преданный и не гонимый,
Не проклиная ночь и день.

Но Свет ты ведал только Старый,
Наш Новый Свет неведом был.
Во тьме ты наносил удары –
И цепи Родины разбил.
Блажен, кто верил, хоть не видел,
Верша свой подвиг среди тьмы.
Ты наш от рабства избавитель;
Нашей обители строитель,
В которой ныне вОльны мы.

Наш долг – любых врагов (хоть те и
Незримы) выгнать за порог!
Тирана, вора и злодея –
Измену, Алчность и Порок.
Герой наш! Помоги войною
Сразить Свободы всех врагов.
Твоё наследье дорогое,
Кровавой взятое ценою, –
Во веки пронести веков![1]

С англо-шотландского перевела
Марина Новикова

[1] Текст совмещает традиционные, архаико-родовые патриотические мотивы с мотивами церковными и евангельскими. Среди этих последних – мотивы незримого (духовного) врага, «крещения мечом», веры в невидимое («блажен,, кто не видел, но верил»), света (просвещения), мира во всём мире, а также «финансовые» образы, восходящие к притчам: «покупка» спасения от рабства, «мзда» (плата, побор), которого требует Свобода, и т.д.

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Шотландия-Мать

Шотландия-Мать дорогая моя,
Как ты величаво светла!
Как солнце играет вокруг твоих ног
И молнии – возле чела.
Как крЕпка рука и речь коротка
В грозу ли, в жестоком бою.
Как нежно ты милых, желанных детей
На грудь возлагаешь свою.

Как наг окоём твой, Шотландия-Мать,
Как сердце свирепо твоё!
Но ласков туман, и снега, и роса –
Они украшают житьё.
И вот ты в зелёном убранстве своём –
Царица ни дать и ни взять.
И нет на Земле величавей земли,
Чем ты, наша Родина-Мать.

С американского английского перевела
Марина Новикова

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Шотландия моя

<…> И дети все твои, Мать-Родина моя,
Не так ли родились, в усильях и борьбе?
Средь воен и штормов, средь казней и костров
Они права на жизнь присвоили себе.
В оправе грозных скал – как гордо всяк стоял,

Свободу лишь храня и правду лишь любя,
Огнём своей души обжёгши мир вокруг,
Прокладывая путь для Воли и Тебя.

Пади на них, роса жалеющей любви,
Пади, питатель-дождь сочувствующих слёз,
И тихий пухлый снег, посевы оживи,
Чтоб летний урожай потомство им принёс.
Пускай зелёный плащ покроет их луга,
И правда их дойдёт до вечности ядрА.
И встанут, как цари, сыны твоей Земли
В короне из труда и в мантии добра.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Дэниэль МакИнтайр ХЕНДЕРСОН
(1851-1906)

Шотландский папоротник[1]

Сказали нам: он от мороза
Погиб. Что делать? – жизни проза!..
Потом он был почти забыт.

Пришла весна, в дождях-циклонах,
В сухих стеблЯх, бутонах сонных…
Мы думали, что он убит.

Но нежная, как у ребёнка,
В апреле вылезла ручонка:
Росток; потом ещё росток.

Жить не желал он в одиночку –
Пустили сёстры по листочку…
Земля свой займ вернула в срок.

Мы еле верили сюрпризу! –
Чтоб корни поддались капризу
Сосать морщинистую грудь?!

И вместе с папороть-листвою,
Такой же памятью живою
Взошла былого глубь и суть!..

Благословен будь этой школы
Урок и мудрый, и весёлый –
Забытой памяти ремонт.

Гуляем возле водопада,
У струй журчливого каскада
По краю озера Ломонд.

Не то сидим; течёт беседа
В узорах сумрака и света
У перекатов Инвернед.

Сквозь папоротник и сквозь вереск
Нам слышны плески, птичий вереск,
Видна картина – краше нет.

Где книзу падает стремнина,
Багрец развесила рябина,
Над нами переплетшись вся…[2]

На певческой земле на этой,
Водой и птицами воспетой[3],
Наш папоротник родилсЯ.

Нож бережный и заступ крепкий
Сажали его корень цепкий
От Инвернеда вдалеке.

Потом везли; потом он умер
К исходу лета (каждый думал)…
Как мог ожить он налегке?

Но по весне воскреснет папорть,
А вместе с ним вернётся память
И переполнится душа.

Так человек, сухой и скрипкий,
От слёз (а может, от улыбки)
Раскроется вдруг не спеша.

Так, если места нет Надежде,
Копает Вера, как и прежде,
Рассаду опустя в гранит.

И даже памятник надгробный –
И тот нас радовать способный:
Не мёртв любимый наш, а спит!

С английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Хвощи, как и мхи, обитатели каменистых почв холодного Севера, издавна были окружены в фольклоре магическим ореолом. Многие из них использовались в практике друидов, и лечебной, и стимулирующей, и галлюциногенной (для шаманских обрядов). От этих языческих времён остались поверья, приметы и тайны, окружавшие, в частности, папоротник. Предполагалось, что его цветок (зацветающий только в ночь под Ивана Купала, т.е. накануне летнего солнцестояния) невидим сам и делает невидимым того, кто носит его при себе. У нашего автора папоротник становится национальным символом и уроком веры.

[2] Рябина – ещё одно символическое растение Шотландии. Когда-то она также выращивалась друидами, а красные рябиновые ягоды использовались для отгона нечистой силы и всякого зла (Brewer E.C., Jean C.C. Brewer’s Book of Myth and Legend.URL: http://books.covoc.ru/Brewer%27s+book+of+myth+%26+legend+edited+by+J.+C.+Cooper.+edited+by+J.+C.+Cooper.).

[3] Места, где бьют родники («живая вода») и поют птицы, всегда считались благоприятными, «хорошими».

Гектор МакФЕРСОН
(1864-1935)

Забудешь ли меня?

Когда меня положат среди мёртвых
Любимый, ты заплачешь ли, скорбя?
Когда мой дух найдёт нездешний отдых,
Забудешь ли любившую тебя?
Но если помнят, лишь уйдя из тела,
Я душу попрошу, чтоб потерпела.

Не надобно тщеславного искусства –
Надгробья над могилою моей.
Мне памятник – родного сердца чувства,
И чем они безмолвней, тем верней.
И пусть то сердце лишь твоим пребудет:
В Нём память и продлит нас, и рассудит.

Пускай раскрасят пёстрые уборы –
Цветы могильный холмик по весне,
И только птиц берёзовые хоры
Разбудят эхо в здешней тишине.
А если ты придёшь вослед успенью, –
Пусть не мрачится взор твой смертной тенью.

Не вымогаю слёзного потока –
Отчаянья безумную волну.
Мой дух – он будет веять недалёко,
Хотя я крепко с мёртвыми засну.
Но даже Рай ещё не станет Раем,
Пока друга друга в нём не повстречаем.

С американского английского перевела
Марина Новикова

Гектор МакФЕРСОН
(1864-1935)

П. <Перси> Б. <Биш> Ш. <Шелли)[1]
(1792-1892)[2]

Прошло сто лет с тех пор, когда без силы
Очнувшаяся от глухого сна,
Природа душу Музыки просила
Угрюмые развеять времена.
И вняло Небо зов Земли, усталой
В потёмках беспросветицы и зла,
И Менестреля свыше ей послало,
Чьей речью песнь, и только песнь была.
Он арфу взял – и, оглашая своды
Небесные и окоём земной,
Запели струны так, что все народы
Заслушались мелодией одной.
Сыграй ещё раз, вечная отрада, –
И человечество вновь будет радо.

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1]В оригинале адресат сонета обозначен лишь криптограммой П.Б.Ш. (P.B.S.). Подсказкой читателю служат даты, следующие после инициалов.

[2]В 1892 году отмечалось 100-летие со дня рождения и 70-летние со дня смерти английского поэта-романтика, друга Байрона, Перси Биш Шелли (1792-1822).

Стоит обратить внимание на то, что Шелли (как и Бёрнс, как и Вальтер Скотт) для шотландских поэтов-диаспорников США – прежде всего «певец», менестрель. Для них это не умаление его достоинств, а высшая похвала. Ср. ту же похвалу у П. Макферсона в Шотландии «Шотландском барде».

Гектор МакФЕРСОН
(1864-1935)

Моя родословная

Посвящается Джону Д. Россу

Я жизни развиваю свиток:
В нём рой надежд, мечты избыток
Среди безденежья угроз.
Так пусть меня он не осудит,
Но друг шотландским бардам будет, –

Наш Джон Ди Росс.

Мой друг, я слышал только малость
Про то, как мать с отцом скиталась.
Но бедность, видимо, кусалась
(И зуб был лют!), –
Гнала их и вдогон кидалась
И там, и тут.

Сперва услышал я в беседе
О нашем достославном деде,
Присяге верном и победе,
Смертям назло:
Драгун (а думал: «как там дети?»)
При Ватерлоо!

Вернулся, свыкся с городишком,
Здесь прОжил девяносто с лишком,
Свои заботы сдал сынишкам,
Свой нрав и вид.
А ныне с Богом, с миром-тИшком
У моря спит.

А ты, отец, как молод был ты!
Как пылко званию служил ты…
Война пятнала кровью килты,
Гасила пыл,
Уча парней: или убит ты,
Или убил.

И вот – туда их шлёт Отчизна,
Где смерть нещадна и капризна,
Где лучших ожидает тризна
В окопах тьмы,
Где кровью шотскою обрызганы
Холмы Альмы[1].

Потом ты в Индии далёко
Сражался долго и жестоко[2],
Везя (шотландец без упрёка!)

Военный воз,
И только раны – след Востока –
Домой принёс.

За пылкость юную и веру
Ни смерть не встретил, ни холеру;
Творил добро и гнал химеру –
Хвалы с хулой.
Живёшь теперь не по примеру
Войны былой.

А мать свой путь благословляла,
А был он длинный, слёз немало.
(Дай Бог, чтоб снова не страдала,
Мой маргарит! –
Святей Марии из Магдала
И Маргарит)[3].

Не надо нашему народу
Уничтожать свою породу!
Петь ярость битвы, страсть к походу
Не стану впредь.
И лишь любовь, что жжёт нутро, – ту
Готов я петь.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

---

[1]Альма – горная река в Крыму. В долине р. Альмы, неподалёку от Севастополя, во время т.н. Крымской (или иначе – Восточной) войны 1855-1858 гг., произошло одно из самых ожесточённых сражений между британским и российским кавалерийскими отрядами. Кавалеристами (драгунами) в армии Британской Империи были прежде всего шотландцы.

[2] Индия – шотландцы участвовали также в колониальных операциях Британской Империи в Индии.

[3] Автор сравнивает свою мать и со скромным цветком, маргариткой, и с драгоценным жемчугом (по-гречески «маргаритом»), и со знаменитыми христианскими женщинами-святыми: Марией Магдалиной (т.е. родом из города Магдала) и Маргаритами – великомученицей IV века Маргаритой Антиохийской и Маргаритой I Королевой Шотландской, женой Малькольма IV Канмора, первой собственно шотландской святой.

Джеймс Д. ЛОУ
(1865-?)

Кловские леса

Забыть ли Кловские леса,
  И домик наш у скал?
На свете много видел я,
  Но краше не видал.
Согретых солнцем луговин,
Укрытых тенью логовин –
Вас не забыл ваш верный сын,
  О, Кловские леса!

Я помню, Кловские леса,
  Как вы глядитесь вниз.
Там наши хатки в небеса,
  Как овцы, забрались.
Со всех сторон скалистый склон –
Средь бед любых надёжный схрон
Дарили от седых времён
  Нам Кловские леса.

Я в край чужинский заплывал,
  Подобно кораблю.
Чем дольше путь, чем выше вал,
  Тем больше вас люблю.
Там петь учил нас соловей,
Там первый стих звучай смелей,
Там стала милая моей,
  О, Кловские леса!

Вы знали, Кловские леса:
  Порой печально мне.
Я мыслил: больше не бывать
  В родимой стороне.
Но верил я, судьба моя:
Напьёмся снова из ручья
И выйдем, старые друзья,

В те Кловские леса.

Родные Кловские леса,
И воздух, и вода,
Прекраснейшие чудеса
Храните навсегда!
Одно хочу: когда-нибудь
Окончить путь, где начал путь,
И время снова повернуть
К вам, Кловские леса.

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

Джеймс Д. Лоу
(1865-?)

Колумбия – Каледония

Шотландско-американская песня

Хочу, чтоб ты, о Вольность, мне дала
И сердце Льва, и зрение Орла!
«Ода независимости»,
Тобайас Джордж Смоллет

1.

Страна, покинутая нами, –
Как нам ты дорога!
Воспели мы тебя веками
И будем петь века.
Но разве та земля, в которой
Отныне мы живём,
Не стоит песни столь же спорой? –
И мы её споём!
Шотландия – нам память вечно
И с нами не умрёт.
Колумбия – наш дом, конечно,
Теперь из рода в род.
Родимый край! Родимый край! –
Споёмте же про то,
Как там нам материнский Рай,
Тут – Вольности гнездо!

2.

Рей, флаг наш полосато-звёздный,
Расти, и наш Репей[1]!
Пусть храбрый Лев[2] – наш сторож грозный,
Орла[3] он не храбрей.
Страна, в которой мы осели,
Пуская ты велика,
А Шотия в своём пределе
Пускай не широка, –
Гордимся мы – стоять под Флагом
В далёкой стороне,
Считаем мы не злом, а благом
Вот в этой жить стране.
Но не позор – шотландских гор
Вовек не забывать,
И новый дом наш – не позор
И петь, и обживать.

` 3.

Был старый дом – и дом есть новый!
Вблизи есть и вдали.
Такой подарок, право слово,
Немногие нашли.
Нет Каледонии роднее
За синевой морской,
И нет Колумбии вольнее
Под нашей под рукой.
И пусть никто нас не осудит
За родину и род,
Но и любви нам не остудит
К отечеству свобод.
О, Бог любви, благослови
Любить наш старый дом
И край иной – второй родной,
В котором мы живём!

С шотландского (скотса) перевела
Марина Новикова

[1] Репей – растение-национальный символ Шотландии.
[2] Лев – символ Британии.
[3] Орёл – символ США.

Джеймс Д. ЛОУ
(1865-?)

Памяти нашего брата Мэрриота

Он наш – и для великого рождён.

Ещё вчера встречали мы его:
По улице он, полон жизни, шёл.
Сегодня на заре могучий ствол
Подрубленный упал. Ото всего
Идёт известье это. Ничего
Не умолкает: мерный колокол
Звонит; звучит молитвенный глагол;
И место лучшее ждёт своего

Хозяина. Солдат и депутат –
Мы будем петь о нём до той поры,
Пока с народом вместе мы не скажем:
«– Теперь всем видно, как он был богат.
Восславим же судьбу за те дары!
Он жил для нас – жил с нами – он был нашим».

16.03.1901

С американского английского перевела
Марина Новикова

Джеймс Д. Лоу
(1865-?)

При закладке краеугольного камня
нового Клуба Каледонцев (шотландцев)[1]
в городе Филадельфии[2], США

Четыре сотни лет настали и прошли
Со дня, когда Колумб наш Старый Свет покинул[3],
Широкий Новый Свет увидел он вдали
И двери нараспах для нас в него раздвинул.

Все празднуют тот день и знать его должны,

Все люди полушарья Северного помнят.
Но радоваться мы, Шотландии сыны,
И дату отмечать двойной имеем повод.

Давно нам «есть, что есть»[4], и наших благ не счесть,
И не бродяжим мы по землям незнакомым.
Но наконец и для отдохновенья есть
Нам городской приют – он станет нашим домом.

Мы движемся вперёд, не плача о былом,
Ревнители вершин и верные основам,
И новый камень мы фундамента кладём,
И Старый добрый Свет поддерживаем Новым.

И скоро (чтоб у нас глаза не заждались), –
Торжественный венец всем нашим прежним зданьям, –
Наш Каледонский Клуб подымет крышу ввысь,
И сами мы собой гордиться не устанем. <…>

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Каледония – римское (позже – поэтическое) название Шотландии.

[2] Филадельфия – город на Юго-Востоке штата Пенсильвания, на реке Делавер. Население города –1.688.000 человек, всей городской округи 4.701.000 (1984). Пенсильвания – штат на Востоке США. Площадь 45.333 миль^2, население 11.867.000 человек (данные на 1984 г.) [322, p. 1014].

[3] 19 октября 1892 года, когда это стихотворение было прочитано вслух, в США широко отмечалось 400-летие со дня открытия Америки Колумбом.

[4] Цитата из Р. Бёрнса: «У которых есть, что есть, / Те подчас не могут есть <…>» [324].

Джеймс Д. ЛОУ
(1865-?)

Ура, о, Пенсильвания!
С тех пор, как Независимость
Сплотила Штаты вместе, и
Одним народом назвалось
Краёв наших созвездие,

Велик ли, мал – никто не знал
Такого почитания,
Как старший брат – Ключ-Камень Штат[1].
Ура, о Пенсильвания!

Пускай подряд за бардом бард
Запишут, благодарные,
Былых времён, чужих племён
Сказанья легендарные.
Нужды нам нет обшарить свет:
Земля Обетования,
Наш ближний клад – Ключ-Камень Штат.
Ура, о Пенсильвания!

За мужество – Содружество,
Всеобщее сокровище,
Здоровье всех, и счастье всех,
И многое чего еще.
Нам за труды несёт плоды,
За наши упования
Венец наград – Ключ-Камень Штат.
Ура, о Пенсильвания!
Щедра, добра – ура, ура,
Ура, о Пенсильвания!

С американского перевела Марина Новикова

---

[1] Штат Пенсильвания получил прозвище «Штат Ключ-Камень» (Webster's New World Dictionary of American English. – Cleveland&New York: Webster's New World, 1988. – 1574 p. – P. 999).

Джеймс Д. Лоу
(1865-?)

Шотландия – шотландцам
Какой болван, какой чурбан
Задел тебя, Британия?
Крик «Англия – для англичан!»
Заполнил все издания.[1]

Британцы! станете вы враз
Лишь англо-голо-дранцами,
Если шотландцы бросят вас
В компании с ирландцами!

Английцы, – знаем мы, – тупы,
Глаза деньгОй замылены.
У ихней, – знаем, – похвальбы
Короткие извилины.
Пускай кто глотку просадил, –
Мы помним Конституцию!
А кто забыл – получит в тыл
Развал и Революцию.

Пройтись бы Бёрнсову перу
По мопсам с англо-баксами,
Кто размечтался: поутру
Проснуться англо-саксами![2]
Не влезет в чан из англичан
Британская вся нация. [3]
А их дурнЯ-патриотнЯ –
Сплошная профанация!

Не длите спор, прервите ор –
Не переспоришь истину:
Не на английский прИдя двор,
В державу мы сошлись одну.
И не английские полки
Объединили нацию, –
В ваш Лондон шотские стрелки
Вошли на коронацию. [4]

Плетись, Джон Буль, унылый бык, – [5]
Не изменить истории.
Запомнил каждый ученик
Шотландские виктории. [6]
Привык ты пятиться задком,
А мы – вперёд свой гнев нести.
Тронь нашу Вольность – напролом

Опять пойдём, как в древности!

И грянет Каледонский рог [7]
На ваши все нелепости,
И встанет наш Единорог [8]
И Лев у нашей крепости, – [9]
Святой Георгий двинет в пляс
От музыки Андреевой. [10]
И не страшит Шиповник нас
На родине Репеевой. [11]

А Королеве – наша честь
(Императрикс, по званию):
Она оставила, как есть,
Великую Британию.
Ей по-шотландски скажет скотт
(Добавя стиля дамского):
«– Регинам нА хрен перевод
На Англицкий с британского![13]»

«Британия, Британия» –
Пишите, все издания!
А если сакс заявит так-с:
«– Мы знать, а вы шаландия!»? –
Пусть Англия ждёт англичан
(Ирландцев ждёт Ирландия), –
Пусть ждут, пока во все века
Шотландцев ждёт Шотландия!

С американского английского перевела
Марина Новикова

---

[1] Стихи написаны в ответ на дискуссию, развернувшуюся в крупной английской газете «Дейли Миррор» на тему «Надо ли Англии себя изолировать?» («The Isolation of England») [261, 204-224).

[2] Англы, саксы (также юты) – германские племена, которых кельты-бритты позвали в V в. н.э. оборонять границы их земель от новых переселенцев из Ирландии, кельтов-скоттов. Германцы эту просьбу выполнили. Но скоро защитники сами начали захватывать земли на Британских островах. Вплоть до наших дней шотландцы считают себя народом кельтским, англичан – народом германским [69].

[3] Англичане, как котел («чан»), где смешались разные народы, – образ, разработанный ещё шотландским поэтом XVIII века Алекзандером Геддесом [324, с. 166-167].

[4] Официально Шотландия объединилась с Англией по завещанию бездетной Королевы Английской Елизаветы I Тюдор, которая оставила трон в наследство Якову VI Стюарту, сыну казненной ею Королевы Шотландской Марии I Стюарт. Коронован Яков IV был в Лондоне и править стал уже не «Англией», а Соединённым Королевством. Т.о. его двор юридически нельзя уже было считать ни «шотландским», ни «английским», – только «британским» (Там же, с. 286-294).

[5] Джон Буль (буквально – «бык») – насмешливое прозвище англичан. Дано по имени туповатого персонажа из памфлета Джона Арбетнота (Arbuthnot, 1667-1735) [322, p. 728].

[6] Шотландцы сражались с англичанами не раз, в течение более чем четырёх веков (XIII-XVIII). Выиграли они лишь одну битву – при Бэннокбёрне (1314) [69].

[7] Каледония – римское название Шотландии.

[8, 9, 10,11] – Перечисляются геральдические символы двух стран. Единорог, Лев на фоне крепостной Башни, колючий Репей – символы Шотландии. Цветок Дикой Розы (Шиповника) – символ Англии. Есть у обеих стран и свои небесные покровители. Св. Апостол Андрей – покровитель Шотландии, Св. Великомученник Георгий – покровитель Англии.

[12] Поскольку Британия во времена автора была империей, Королева юридически носила титул Императрицы. Немецкая форма этого титула («императрикс») – намёк на то, что после шотландской династии Стюартов Британией начали править немецкие династии: сначала Гановеров, потом Саксенн-Кобург-Гота (1902-1917). Только в 1917 году, в связи с I Мировой войной, правящая династия Великобритании сменит своё немецкое имя на английское «Виндзоры»).

[13] «Регина» – латинское «царица». «Англицкий» (с ударением на I слоге), как и перевод Scott, Scotia – «шот», «Шотия», «шотский» допущены преднамеренно. Все они – или старинные, или подчёркнуто торжественные, «одические» варианты современных слов «королева», «английский», «шотландский», «Шотландия». Таков стиль оригинала, где автор смешивает «низкое» просторечие с «высокими» архаизмами.

Джеймс Д. Лоу
(1865-?)

Эпиграмма
на Уолта Уитмена

Когда впервой крещёный мир
Своим ты рыком изумил, –
Себе он каждую из дыр
Заткнул, почуя боль, ей-ей! –
Какой-то дикий прёт сатир –
Не менее, не более[1].

С американского английского перевела
Марина Новикова.

[1] Помимо явного намёка на «варварство» Уитмена-поэта, эпиграмма содержит скрытый намёк на неумеренный Уитменов, «варварский» сексуализм. Отсюда идёт римский образ похотливого низшего духа – сатира.